

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, (главный редактор журнала «Herald of Europe»), Сергей Капица, Сергей Ковалев, Самуил Лурье, Лорд Брайан Маккензи, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух, Лорд Джордж Робертсон, Теодор Шанин

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Владимир Салимон (заместитель Главного редактора)

Игорь Клех (отделы литературы и культуры)

Алла Язькова (отдел международной политики)

Елена Мокеева (верстка)

Людмила Захарова (главный бухгалтер)

«Магазин искусства» Игорь Пронин

(макет и художественное оформление)

Ксения Кульд (управление сайтом vestnik-evropy.com)

Консультанты журнала

Александр Гладков, Николай Головин, Владимир Мау,

Андрей Медушевский, Александр Петров,

Сергей Синельников-Мурылев, Арсений Рогинский,

Евгения Росинская, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко,

Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Гринцман (Нью-Йорк),

Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Лион),

Александр Кобак (Санкт-Петербург), Гала Наумова (Париж),

Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при поддержке Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Фонда экономической политики, Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино

Раздел о деятельности Совета Европы публикуется по соглашению с Советом Европы и при содействии Информационного офиса Совета Европы в России

ИЗДАНИЕ № 28–29

Некоммерческое партнерство «Издательство журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика»»

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ №77-1175.

Лицензия на издательскую деятельность ИД №03226 от 10.11.2000.

Адрес редакции: 109189, Москва, Николаямская, 1.

Тел./факс: 937 4926

Интернет-версия журнала: <http://magazines.russ.ru/vestnik>,
www.vestnik-evropy.com, **e-mail:** info@vestnik-evropy.com

Использование материалов возможно только с письменного разрешения редакции, при перепечатке или использовании ссылка на журнал обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Заказ . Отпечатано в ППП «Типография «Наука»».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

© Вестник Европы™, 2010

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», составление и редакция текстов, журнал «Вестник Европы» том XXVIII–XXIX

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры

Основан в Москве в 1802 году
Первый главный редактор Н.М.Карамзин
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М.Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XXVIII–XXIX год 2010

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

- от редакции
- 5 Эта живучая Европа. *Статья*
Михаила Борщевского
и Виктора Ярошенко
- 9 **Егор Гайдар.** Россия и Кризис
(последний текст)
- 28 Российская экономика в июне:
предварительные данные
и основные тенденции
Обзорение от Института
Экономической политики
имени Е.Т. Гайдара
- 31 интернет-хроника
- 36 **Алла Язькова.** Государства Южного
Кавказа и Россия
- 44 **Алексей Громыко.** Выборы
в Великобритании: новизна
и преемственность
- 50 **Роберт Партес.** Рецепт: осознанное
вмещательство
- письма из редакции
- 56 **Виктор Ярошенко.** Летние письма
русского путешественника

ЛИТЕРАТУРА:

- 63 **Александр Шабуров.** Радости
обычных людей. *Роман в рассказах*
переходного периода
- 102 **Ашот Аршакян.** Дерево смерти.
Рассказ
- 107 **Антоний Наукин.** «Все так и было!».
Цикл рассказов
- 114 **Олег Лышега и Робинсон**
Джефферс. *Стихи*
Перевод Андрея Пустогарова
- 118 **Елена Фанайлова**
Поездка в Сараево. *Стихи*
- 120 **Игорь Померанцев**
Жестокий месяц март.
Стихотворение
- 121 **Наталья Бельченко.** *Стихи*
- 122 14 ответов Андрея Битова
Беседовал Игорь Клев

РАЗДЕЛ СОВЕТА ЕВРОПЫ

- 133 Хроника Совета Европы
- 139 Частичные соглашения Совета Европы
- 145 **Томас Хаммарберг.** *Эссе*
- 153 Европейская конвенция по правам
человека. 60 лет

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. ЭТИКА

- 175 диалоги на глубине
« Будущее не содержится
в настоящем». *Гала Наумова и
Константин фон Барлевен в беседе
с Ильей Пригожиным*
- 180 Христианская демократия — это
ответственность за ближнего.
*Архиепископ Кентерберийский
Роэн Уильямс беседует с Михаилом
Борщевским*
- 185 **Роуэн Уильямс**
Истоки. Стихи
- 189 **Священник Георгий Чистяков**
Вера и толерантность
- 192 **Григорий Померанц**
*Становление личности
сквозь террор и войну*
- 202 **Хью Кеннер**
*Картезианский Кентавр
Эссе о С. Беккете. Предисловие,
перевод и примечания
Бориса Дубина*

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

- 209 **Франтишек Яноух.** Как я
перепрыгнул через забор
и встретился с Беккетом
- 215 Вацлав Гавел и Сэмюэл Беккет.
Переписка
- 216 Из воспоминаний Н. Малышевой,
вдовы академика В.В. Виноградова.
*Публикация и вступление
Б.А. Успенского*
- 239 **Екатерина Гениева.** Принципы
шекспировской драматургии
у Пушкина
- 248 **Владимир Пимонов, Евгений
Славутин.** Числовой код Пушкина
- artes
- 254 «Библейские Холмы» Ирины
Старженецкой. *Беседовал Виктор
Ярошенко. Живопись*
- 271 **Самуил Лурье**
Юбилей Бродского
- 272 культурная хроника

В номере использованы фотографии:

Михаила Борщевского: Венеция на с. 140

Григория Ярошенко: на сс. 4, 33, 41, 62, 208 (Кипр. 2010 г.)

*Виктора Ярошенко: на сс. 1, 9, 16, 46, 56–57, 69, 102, 111, 123, 132, 154, 174, 196, 227, 240, (247 — интерьер церкви образа
Спаса Нерукотворного в Санкт-Петербурге, в которой отпевали А.С. Пушкина). 2009–2010 г.*

Фотографии архиепископа Кентерберийского любезно предоставлены его канцелярией (сс. 181–185, 186)

Фотографии Саммуэля Беккета и Вацлава Гавела (сс. 209, 213, 214) любезно предоставлены Франтишеком Яноухом

Рисунки и живопись И.А. Старженецкой на сс. 115–118, 259–266

ЭТА ЖИВУЧАЯ ЕВРОПА

*Удивляясь галопу
Кочевых табунов,
Хоронили Европу,
К ней любовь поборов.
Сколько раз хоронили,
Славя конскую стать,
Шею лошади в мыле.
И хоронят опять.*

Александр Кушнер

В последние месяцы нарастает разнбой мнений о том, какой будет следующая фаза развития финансового и экономического кризиса? Начался ли выход из него, каков «свет в конце туннеля» — или же рецессия продолжается, и следующая фаза кризиса — по крайней мере, для стран «золотого миллиарда» — дефляция и дальнейший спад производства?

Люди, сделавшие своей профессией пессимистические прогнозы (их охотно публикуют журналы и издательства) о судьбе Европы и евро — не без удовольствия предрекают если не распад, то колоссальный кризис Евросоюза. Однако накапливаются вопросы.

Может ли кризис развалить ЕС — и если да, то при каких обстоятельствах? Что, впрочем, означают слова: «развал ЕС»? Сработает ли принцип домино, если вслед за Грецией угроза дефолта надвинется на другие европейские страны, и далее поползет на север — к Ирландии, Англии?

Прежде всего будут ли достаточно действенными принимаемые финансовые меры особенно для «новых» членов ЕС? Выдержат ли заградительные редуты толщиной в триллион евро?

По нашему мнению, стабилизационные фонды ЕС должны оказаться достаточно эффективными, потому что в противном случае это означало бы, что закрывается общий рынок товаров, информации, услуг, рабочей

силы, миграции, что на европейских дорогах воссоздаются таможи, возникает множество локальных, замкнутых рынков, что сразу же сделает их беззащитными не конкурентоспособными.

Мы предвидим возражения: дешевые товары из Юго-Восточной Азии, миграция из стран Азии, Африки и Латинской Америки и так задавят всех. Однако сильную и единую экономически, организационно, политически и технологически Европу победить труднее.

Разумеется, не только в пользу Объединенной Европы работает фактор живучести больших сверхбюрократических организаций, неповоротливых и слишком медленно реагирующих на изменения среды. Но, с другой стороны, трудно принимаются решения 27-ю странами, нелегко единым европейским экономическим правительствам, но быстрее и все-таки разумнее, чем всеми порознь и назло соседям.

Веками вызревало естественное внутриввропейское разделение труда. Скандинавские рыбаки, итальянские ткачи, испанские пастухи, немецкие машиностроители, французские виноделы... В нынешних условиях все стремительно меняется под напором азиатских производителей, успешно перенимающих европейские и американские технологии. Начиная с семидесятых годов многие европейские страны, как например Великобритания, лишились своих традиционных отраслей — судо-, авиа- и автомобилестроения, металлургии, угледобычи, нефтехимии; они освоили

новые, не существовавшие прежде отрасли — информационные технологии (тоже отправленные на реализацию в Азию), технологии науки и инноваций, здравоохранения, образования, культуры, финансов, бизнеса, менеджмента, моды, кино- и шоу-индустрии, спорта, туризма. Казалось, в новом глобализованном мире это обеспечит Европе достойное место на долгий период времени. Кризис, разрушив привычное течение вещей, показывает, что это не так. Дисбалансы в экономике, финансах, социальной структуре, демографии, межкультурные и межрелигиозные столкновения — все это приводит к далеко идущим последствиям, которые, однако, единая Европа способна преодолеть, а распавшаяся — нет.

Новое развивающееся межстрановое и межрегиональное разделение труда приводит к изменению коннотаций преуспевающих и отстающих стран.

Страны, которые не могут быть лидерами технологических, информационных, культурных новаций, становятся в лучшем случае «сервисными», а не попавшие и в этот ряд — изгоями.

Во время любого кризиса, т.е. стойкого нарушения установившегося порядка обменов, с неизбежностью всплывают на поверхность общественного сознания противоречия и фобии, которые в периоды стабильности и роста лежат на дне. Кризис — как Темза во время отлива: много такого выходит на поверхность, на что мы предпочитали бы не глядеть.

Характерный пример такого развития событий мы наблюдаем сейчас.

Финансовые и политические проблемы Греции последних месяцев вызвали волну недовольства и новой, затихшей и ставшей было маргинальной критики.

Но уже в середине года из Греции начали приходить новости, вызывающие по меньшей мере осторожный оптимизм.

«Греция сократила дефицит бюджета за первые шесть месяцев 2010 года на 42 процента до 4,9 процента ВВП. Об этом сообщает [AFP](#) со ссылкой на данные Банка Греции... Пытаясь снизить дефицит, греческое правительство проводит целый ряд непопулярных у населения мер; среди них заморозка зарплат госслужащим и увеличение налогов...

Дефицит бюджета Греции в 2009 году составил 13,6 процента ВВП. На начало 2010 года дефицит опустился до 9,1 процента от ВВП, общий долг страны превысил 300 миллиардов евро. В текущем году Греция собирается погасить из него около 50 миллиардов». News.ru (5.7.2010 г.)

Похоже, гибель Европы снова откладывается.

Хотелось бы напомнить, что само возникновение, долгое и кропотливое строительство Евросоюза стало возможным только после двух начавшихся в Европе страшных мировых войн 1914–1945 годов, в которых погибли десятки миллионов европейцев. За европейское единение очень дорого заплачено.

Сегодня живых свидетелей трагедии Европы первой половины двадцатого века остается все меньше, и соответственно — еще меньше число тех, кто помнит, почему и зачем создавался ЕС, что двигало людьми, которые его создавали в трудную послевоенную пору (У. Черчиллем, Ж. Моне, Л. Эрхардом, К. Аденауэром и др.).

Значительная часть современного населения ЕС не помнит, что это сообщество было создано не только для преодоления экономических трудностей послевоенной Европы, но прежде всего — для предотвращения новых конфликтов на континенте, для того, чтобы сделать невозможным возрождение в Европе каких бы то ни было форм тоталитаризма. Следовательно, чтобы на территории Европы не возникли снова лагеря уничтожения, стены, подобные Берлинской, чтобы не возникло противостояние военных пактов подобных НАТО и Варшавскому договору. Жан ле Гоф писал:

«Десять веков потратил средневековый Запад, чтобы сделать выбор между стоявшими перед ним альтернативами: замкнутая экономика или открытая, сельский мир или городская жизнь, в одной общей цитадели или в разных самостоятельных домах» (с. 13)

Возвращаясь к основополагающим идеям строителей Европейского Союза (Моне, Черчилль и др.), мы видим, что они были вызваны не прекраснодушными устремлениями идеалистов, а насущным императивом выживания европейских народов и европейской цивилизации.

Война кончалась. Многие люди в разных странах все чаще задумывались о будущем Европы. Жан Моне — экономист, эксперт, блестящий организатор военных поставок в годы войны, создатель и комиссар послевоенного плана восстановления и модернизации французской экономики, человек с необычайно широким видением будущего, писал в 1945 году:

«Страны Европы слишком ограничены размерами своей территории, чтобы обеспечить своим народам максимально возможное и, следовательно, необходимое процветание. Им нужны более обширные рынки... Процветание и соответствующий прогресс в социальной сфере требуют объединения европейских государств в некую федерацию или «европейское целое»,

которое обеспечило бы их экономическое единство... Но этот план предполагает объединенную Европу, и не только в смысле сотрудничества, но и в смысле частичной, с согласия стран-участниц, передачи суверенитета чему-то вроде Центрального Совета, который имел бы власть снижать таможенные барьеры, создавать большой европейский рынок, препятствовать возрождению национализма». Моне знал, что «возможно, объединенная Европа возникнет не завтра, но возрождение национализма не заставит себя ждать».

А 9 сентября 1946 года в Цюрихе Черчилль произнес знаменитую речь, где призвал к созданию Соединенных Штатов Европы:

«Европейцы должны, насколько это возможно, переделать здание Европы, чтобы встроить его затем в международную структуру, способную обеспечить мир... Первым шагом станет партнерство между Францией и Германией... Время не ждет. Воспользуемся передышкой, чтобы создать Соединенные Штаты Европы; может быть, это будет называться иначе. Неважно, главное — начать сегодня же. Я вас умоляю: давайте двигаться вперед в этом направлении!».

Глобализация вызвана не столько политическими причинами, сколько экономическими и не в последнюю очередь демографическими. Рост населения усилил проблемы противостояния между «богатым» Севером и «бедным» Югом — соответственно и рост потоков перемещения населения.

Феномен глобализации есть, в том числе, результат совпадения демографических, технологических и политических последствий завершения Второй мировой войны, создания концерна великих держав и ООН (включение Китая в число великих держав было первым признанием его демографического политического влияния).

Развитие ЕС следует прежде всего рассматривать в контексте глобализации, и в том числе как ее модель.

В этих условиях идея национальной самобытности претерпевает большие изменения в результате много-сложного процесса взаимовлияния культур.

Этот процесс вызвал к жизни такие актуальные политические понятия, как толерантность и политкорректность.

Понятия эти вовсе не смешные, хотя ими часто спекулируют и потому вызывают у многих негативные

реакции. Они являются главными кодовыми словами хрупкого современного мироустройства. Важно всегда помнить, что все эти установления — стена на пути к вражде и крови.

Сегодня все, кто предрекает распад Европы, сепаратисты, которые зовут к выходу из нее, хотели бы сохранить преимущества ЕС и лишиться докучливых евробюрократов.

Но кто будет сохранять необходимые общеевропейские институты и инфраструктуру — единую транспортную систему, стандарты и совместимость технических решений, свободную широкую торговую зону, кто будет защищать малые страны? Межэтническая война возникает там, где есть локальные этнические воинские формирования. В Европе пока нет единых вооруженных сил, армии национальны; и в принципе можно себе представить некоторые проблемы.

Мы неоднократно отмечали, что главным политическим поражением ЕС за всю его историю стала Гражданская война в Югославии, которая могла бы быть предотвращена своевременными экономическими мерами и политическим вмешательством ЕС в конфликт на его ранней стадии — начала 90-х годов. И все-таки именно потому, что существует единая европейская оборонительная концепция и НАТО — малые и слабые страны в ЕС чувствуют себя защищенными.

Можно (и даже легко) разрушить то, что существует; Первая мировая война разрушила баланс, существующий в Европе, и установление нового европейского равновесия потребовало целого века.

Югославия в смысле взаимоотношений между народами, ее населяющими, отступила на уровень до Первой мировой войны. Страны, возникшие на базе бывшего СССР, тоже находятся в критической зоне взаимных обид и недоверия, с трудом ищут и далеко не всегда находят почву и даже язык взаимодействия.

Глядя на эти примеры, евробюрократам, парламентариям и всем менеджерам сложнейших общеевропейских институций следует быть менее самоуверенными и более озабоченными; нужно разработать и наладить системы обратной связи с людьми в городах и селах; гражданское общество этих стран должно адекватно представлять свои интересы в европейских структурах.

Одним из факторов противостояния центристским силам развала должны быть эффективные и современные системы обратной связи, учитывающие позиции различных групп гражданского общества во

всех регионах Европы, включая малые, периферийные и населяющие их социальные, религиозные и этнические группы.

Евросоюз, сложнейшее, хитроумно устроенное здание — главное достижение не только послевоенной Европы, но и результат ее многострадальной истории.

Слишком высокие цены заплатили все без исключения народы Европы за создание того, что сегодня называется Евросоюзом, который обеспечивает благоденствие и надежды ее составляющих.

Более того, Евросоюз — это важнейший фактор надежды для человечества, по-прежнему разделенного на нации, религии, расы, сословия и касты.

Будет ли ЕС развиваться в сторону большей централизации принятия решений (прежде всего финансовых)?

Скорее всего, да; европейские страны вынуждены будут вести более ответственную и скоординированную социальную и финансовую политику. Главная угроза сегодняшнему ЕС — это существенно различающийся

уровень экономического развития и социальных ожиданий вступивших в него стран. Можно представить, что от него отколются некоторые страны; возможно, некоторые страны будут каким-то образом ограничены в правах и даже исключены (хотя такой процедуры и не предусмотрено); можно вообразить, что возникнет двухступенчатый союз с членством разного уровня. И все-таки даже возможный обвал европейской валюты, о котором так много говорят, — важный фактор, но недостаточный для развала Союза. Он более крепко сложен, чем можно предположить. Он сложен не только из ожиданий лучшего, но из страхов перед худшим, из памяти о прежних европейских войнах. Он состоит не из слов, а из трудно созданного, но реально действующего обширного законодательства, работающих институтов и главное — из согласованных интересов европейского рынка. ■

Михаил БОРЩЕВСКИЙ
Виктор ЯРОШЕНКО

Егор Гайдар

был одним из учредителей «Вестника Европы» и опубликовал на его страницах много глубоких статей, вошедших потом, как главы, в его книги «Долгое время», «Гибель империи», «Смуты и институты».

За месяцы, прошедшие после его ухода, произошло многое. Его имя получил Институт экономики переходного периода, который он создал и возглавлял все двадцать лет; создан Фонд Егора Гайдара, призванный собирать, изучать и пропагандировать его наследие. Наш журнал будет самым тесным образом сотрудничать с Институтом Гайдара и с Фондом Гайдара. Идет работа над Собранием его сочинений, собирается архив.

«Вестник Европы» на своих страницах и на своем сайте открывает рубрику «кабинет Гайдара», в котром планирует знакомить читателей с неопубликованными и малоизвестными произведениями Е.Т. Гайдара, записями его выступлений, лекций, бесед.

Эту статью Егор Тимурович Гайдар прислал в редакцию за неделю до своей безвременной кончины. Первоначально она предназначалась для журнала «Экономическая политика», но прежде мы договорились с ним, что поскольку аудитории наших журналов различные, а редакции — дружественные, то «Вестник Европы» может, если захочет, опубликовать у себя эту статью с небольшими редакционными исправлениями. Что мы и делаем. Но автор умер, и исправления мы не успели согласовать с ним. Поэтому публикуем статью в том виде, в каком ее получили.

Редакция

КРИЗИС И РОССИЯ

Егор ГАЙДАР

Я уже писал о влиянии цикличности мирового экономического роста на российскую экономику и политику¹. Анализировать незавершившийся экономический кризис — занятие, опасное для профессиональной репутации. Тем не менее влияние кризиса на жизнь страны слишком серьезно, чтобы можно было оставить анализ происходящего экономическим историкам будущего.

Институт экономики переходного периода подготовил и опубликовал две книги о влиянии процессов замедления мирового экономического роста на Россию². Всемирный банк принял сходное решение и в ноябре 2009 года представил книгу, посвященную воздействию кризиса на экономики с развивающимися рынками. Первоначально она была задумана как книга о двадцатилетии переходного периода, но острота проблем, порожденных кризисом, заставила авторов пересмотреть приоритеты³.

Глобальный экономический кризис, особенно столь глубокий, как нынешний, — процесс динамичный. Экономическая конъюнктура меняется, прогнозировать ее непросто. Позволю себе еще раз обратиться к вопросу о том, как происходящее в мировой экономике влияет на Россию.

Для большей части экспертного сообщества экономический кризис стал полной неожиданностью, она не смогла его предсказать. Это не следствие недостаточных усилий или низкой квалификации экономистов. Скорее, это закономерный результат коренных изменений в мировой экономике, которые возникли еще на рубеже XVIII–XIX веков и которые Саймон Кузнец назвал современным экономическим ростом. Ныне экономика мира быстро (и часто непредсказуемо) меняется. За ускорением темпов роста душевого ВВП, связанными с ним изменениями социальных показателей следуют новые вызовы. Один из них — влияние цикличности экономического развития отдельных стран — лидеров экономического роста на ситуацию в мировой экономике в целом. Другой — трансформация (прежде всего — глобализация) мировой финансовой системы, определившая природу кризисов последнего времени.

Бреттон-Вудская система, сформированная в 1944 году, оказалась неустойчивой. Она предполагала высокий уровень ответственности страны, обладающей доминирующей мировой резервной валютой — США — за качество своей бюджетной политики. На фоне экспансии социальных обязательств, войны во Вьетнаме, ослабления денежной политики сохранить уровень

¹ Гайдар Е. Головокружение от успехов // Экономическая политика. Август 2008. № 3. С. 5–19; Гайдар Е. Мировой экономический кризис: последствия для российской политики // Экономическая политика. Август 2009. № 4. С. 37–46.

² Финансовый кризис в России и в мире / Под ред. Е. Гайдара. М.: Проспект, 2009; Мировой финансовый кризис: Исторические параллели и пути выхода / Под ред. Е. Гайдара, В. Мау. М.: Альпина Паблишерз, 2009.

³ Mitra P., Selowsky M., Zalduendo J. Turmoil at Twenty: Recession, Recovery, and Reform in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington: The World Bank, 2010.

доверия к доллару, сопоставимый с доверием к золоту до Первой мировой войны, не удалось.

С начала семидесятых годов, после отказа властей США от обмена долларов на золото по фиксированной цене, в мире фактически установился новый денежный режим. Хотя формально Бреттон-Вудская система не была отменена, ее основные характеристики серьезно изменились. Теперь она основана на плавающих курсах ведущих мировых валют, на открытых каналах перетока капитала. Эта организация финансового мира возникла недавно, ее устройство неясно. Число точек, позволяющих понять, как она работает, доступных для анализа, ограничено.

Природа периодов замедления экономического роста в странах — лидерах экономического роста в первые десятилетия после Второй мировой войны, в целом была понятной. Происходившее в Америке во многом определяло экономическое положение всех стран мира, поскольку роль США в мировой экономике в это время была доминирующей (см. рис. 1).

Серьезную роль в развитии экономической ситуации в мире играла экспансия государственных обязательств США, ослабление денежной политики, повышение темпов инфляции, за которыми следовали антиинфляционные

меры, повышение уровня безработицы, а затем новое ослабление бюджетной политики.

После открытия многими странами рынков капитала, глобализации мировой экономики стало еще сложнее прогнозировать изменения конъюнктуры, в том числе кризисы. Квалифицированные эксперты, работавшие в 1990-е годы в казначействе США, в Международном валютном фонде, до последнего момента не предвидели ни мексиканского кризиса 1994 года, ни кризиса 1997–1998 годов, начавшегося в Юго-Восточной Азии, а затем распространившегося на страны СНГ, Латинской Америки⁴.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов были опубликованы работы, в которых высказывалась озабоченность быстрым ростом курсов акций высокотехнологичных компаний США⁵. Но мало кто предполагал, что крушение «мыльного пузыря» (см. рис. 2) станет поводом для рецессии США, общего замедления глобального экономического роста.

Удар по американской экономике, нанесенный крахом рынка высокотехнологичных акций, был дополнен экономическими последствиями террористических актов, совершенных 11 сентября 2001 года.

⁴ DeLong, J.B., and Eichengreen, B. Between Meltdown and Moral Hazard: The International Monetary and Financial Policies of the Clinton Administration. University of California at Berkeley and NBER, July 2001; *Crafts N.* East Asian Growth Before and After the Crisis. IMF Staff Paper Vol. 46, № 2, June 1999; *Berg, A.* The Asia Crisis: Causes, Policy Responses, and Outcomes. IMF Working Paper, 1999; *Kochhar K., Loungani P., Stone M.R.* The East Asian Crisis: Macroeconomic Developments and Policy Lessons. IMF Working Paper 99/28, August 1998; *Balino T.J.T., Ubide A.* The Korean Financial Crisis of 1997 — A Strategy Financial Sector Reform. IMF Working Paper 99/28, March 1999. Понимается, это не означало, что никто из специалистов не обращал внимание на накапливающиеся в Юго-Восточной Азии проблемы. (См. например: *Krugman P.* The Myth of Asia's Miracle. // *Foreign Affairs.* Nov/Dec 1994. Vol.73, P. 62–78.) Однако и рынки, и большая часть экспертного сообщества в вероятность глубокого кризиса Юго-Восточной Азии не верили.

⁵ Warren Buffett: 'I told you so'. BBC News world edition. Tuesday, 13 March, 2001. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/1217716.stm>; IMF world economic Outlook (WEO). Recessions and recoveries. April 2002. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2002/01/index.htm>

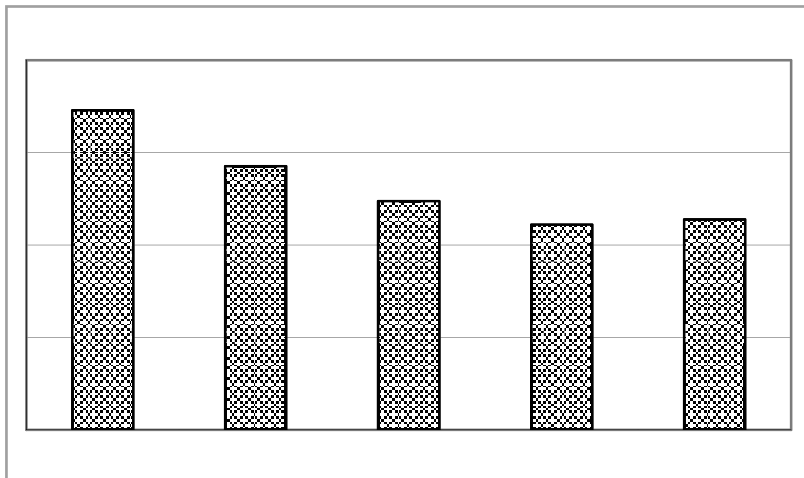

Рисунок 1
Доля экономики США
в мировом ВВП в 1950, 1960,
1970, 1980, 1990 гг., в %

Источник:
A. Maddison. Historical Statistics
of the World Economy: 1-2006 AD,
March 2009 (<http://www.ggdc.net/maddison/>).

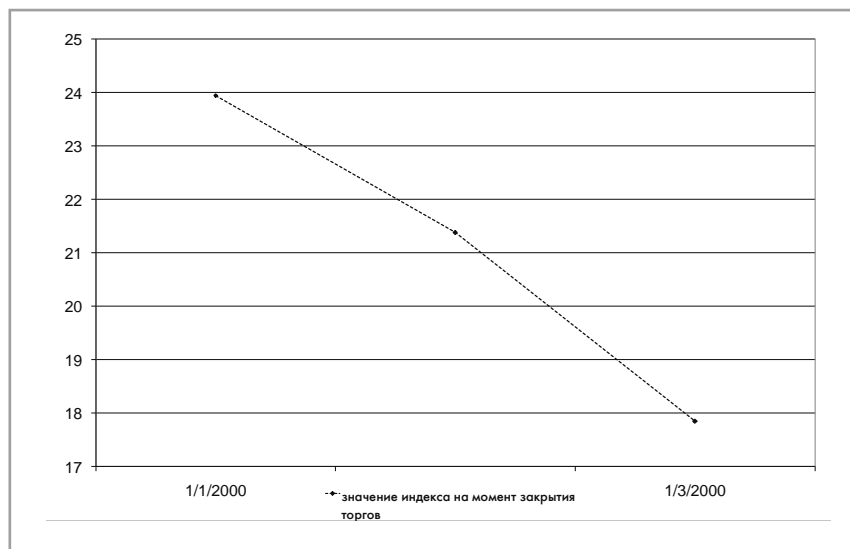

Рисунок 2
Динамика индекса NASDAQ-100, 1 января 2000 — 1 марта 2000 г.

Источник:
www.nasdaq.com.

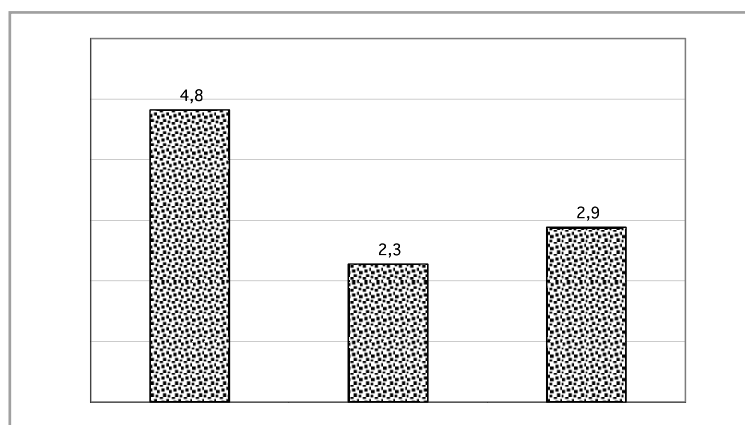

Рисунок 3
Темпы роста мирового ВВП в 2000–2002 гг., в % по отношению к предшествующему году

Источник:
IMF World Economic Outlook, October 2009 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/download.aspx>).

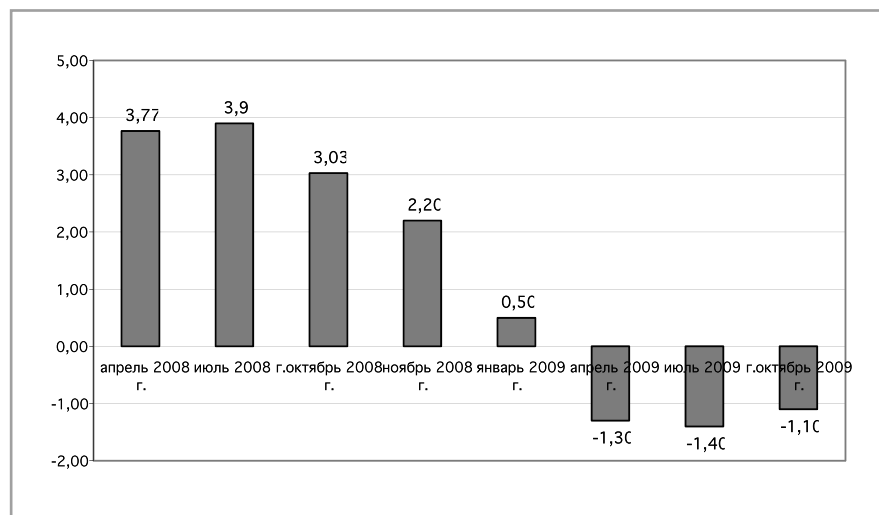

Рисунок 4
Корректировка прогнозов МВФ темпов мирового экономического роста в 2009 г., в % к предыдущему году

Примечание. По горизонтальной оси — даты, когда были сделаны прогнозы.

Источник:
IMF, World Economic Outlook за разные месяцы 2008–2009 гг. (www.imf.org).

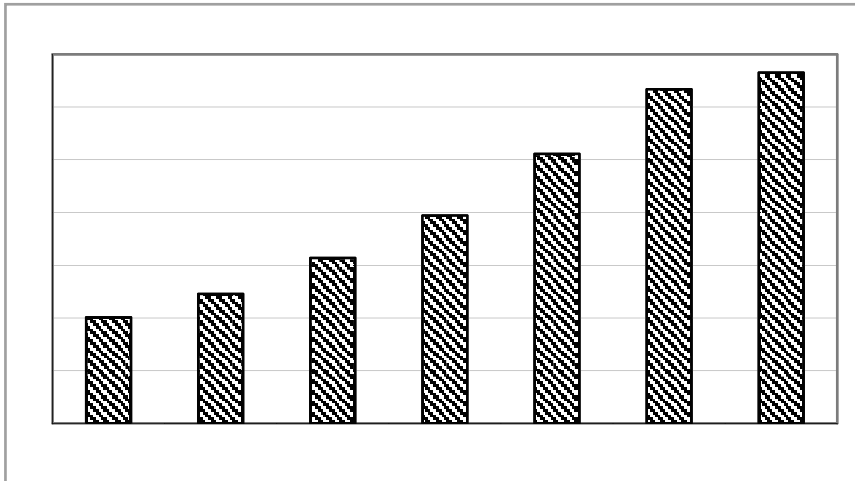

Рисунок 5
Численность безработных в США*, 1 квартал 2008 — 3 квартал 2009** (% от общей численности населения)

* Сглаженная сезонно.
** Квартальные данные рассчитаны как среднее арифметическое на основе имеющихся месячных показателей.

Источник:
Federal Reserve Bank of St-Louis (<http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNEMPLOY/downloaddata?cid=12>).

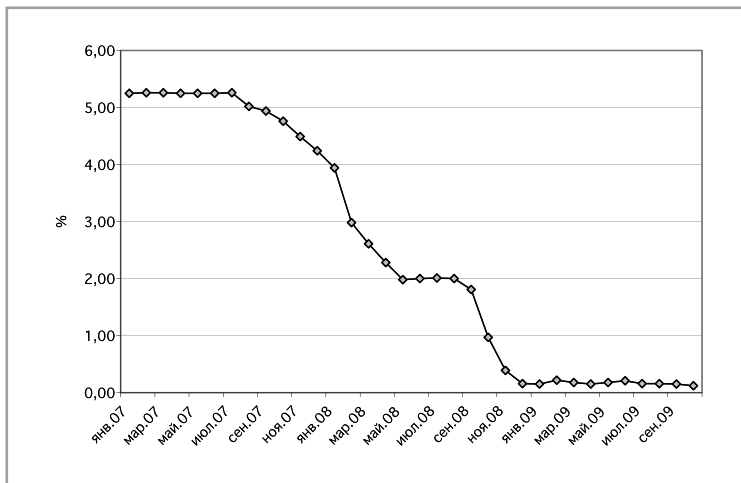

Рисунок 6
Базовая процентная ставка по федеральным фондам США, январь 2007 — октябрь 2009 г. (в %)

Источник:
Federal Reserve, Federal Reserve Statistical Release (<http://www.federalreserve.gov/releases/h15/data.htm>).

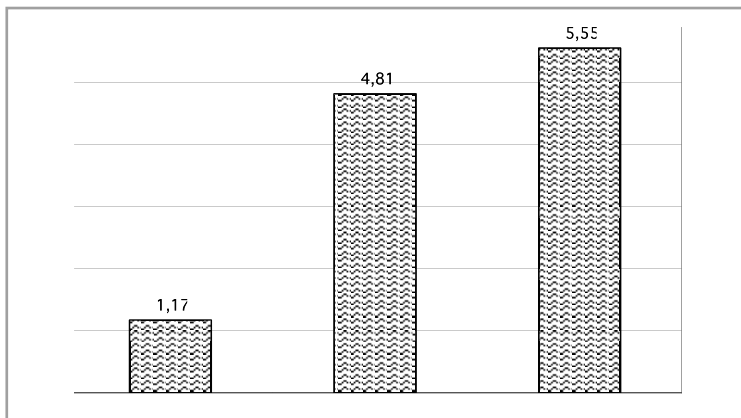

Рисунок 7
Пакет бюджетных и финансовых стимулов, предложенный администрацией Дж. Буша в 2008 г. и администрацией Б. Обамы в 2009 г. (в % ВВП*)

* Ввиду отсутствия данных об объеме ВВП в месячном выражении, февралю 2008 г. соответствует ВВП в 1 квартале 2008 г., октябрю 2008 и 2009 гг. — ВВП в третьем квартале, соответственно.

Источники:
http://www.rian.ru:80/us_news/20081124/155800218.html; <http://top.rbc.ru/economics/14/02/2009/280613.shtml>.

Примечание: пакет бюджетных и финансовых стимулов, предложенный администрацией Дж. Буша в феврале 2008 г., составил 168 млрд. долл. США, его размер в октябре был увеличен до 700 млрд. долл. США, и администрацией Б. Обамы в феврале 2009 г. — до 787 млрд. долл. США.

Прогнозировать сочетание подобных событий практически невозможно. Между тем замедление темпов роста американской экономики серьезно сказалось на происходящем в мире (см. рис. 3).

Кризис 2008–2009 годов для ведущих международных финансовых институтов также оказался неожиданностью (см. рис. 4).

В конце 2007 — начале 2008 года было широко распространено представление о том, что рецессии в Америке не будет, а если она и случится, то не окажет серьезного влияния на происходящее в мире, что мир будет продолжать динамично развиваться⁶. Еще в конце лета 2008 года многие в России были убеждены в том же⁷.

Эти надежды оказались призрачными. Осенью 2008 года, когда обанкротился банк «Лемон Бразерс», а Национальное бюро экономических исследований США объявило, что американская экономика с конца 2007 года находится в состоянии рецессии⁸, осознание того, что мы, видимо, столкнулись с самым глубоким кризисом мировой экономики со времен Великой депрессии, становится распространенным⁹ (см. рис. 5).

В январе 2009 года известный американский экономист Н. Рубини, одним из первых заговоривший о вероятности глубокого экономического кризиса, писал, что Соединенные Штаты наверняка переживают сильнейшую рецессию за последние десятилетия, что высока вероятность глубокого продолжительного снижения производства, которое продлится, по меньшей мере, до

конца 2009 года, что даже в 2010 году экономическое восстановление может быть крайне слабым — однопроцентный рост или близкий к этому¹⁰. Позже его прогнозы стали более пессимистичными. Он говорит о вероятности того, что рецессия продлится до конца 2010 года¹¹.

Реакция американских денежных властей на происходящее была быстрой и энергичной¹². Базовая процентная ставка была резко снижена. Однако возможности ослабления денежной политики в условиях кризиса не безграничны. К январю 2009 года они были исчерпаны (см. рис. 6).

Это заставило американские власти все в больших объемах использовать бюджетные стимулы увеличения совокупного спроса (см. рис. 7).

Однако и возможности маневра в бюджетной политике не безграничны. Быстрый рост отношения государственного долга США к ВВП свидетельствует об этом (см. рис. 8).

РЕАЛИИ РОССИИ

Россия столкнулась с вызовами, порожденными глобальным экономическим кризисом, находясь в своеобразных условиях. В конце 1980-х — большей части 1990-х годов наша страна переживала тяжелые последствия банкротства и краха советской экономики. Лишь к концу 1990-х годов, когда были созданы основные институты частной и рыночной экономики, когда участники

⁶ Chandra S. U.S. September Retail Sales Rise More Than Forecast. <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=ajcgcorCXqkA&refer=home>

⁷ «Прежде всего ипотечный кризис в США, похоже, подходит к концу. Его пик пришелся на февраль этого года, и в течение последних четырех месяцев ситуация постепенно улучшается. Кроме того, рецессии в США нет и, весьма вероятно, в 2008 г. уже не случится. Когда Гайдар заговорил о рецессии в январе 2008-го, ее вероятность рынком фьючерсов оценивалась в 80 процентов. Тогда я рискнул высказать свое несогласие с прогнозом Гайдара и предположил, что рецессии, скорее всего, не будет. За прошедшие 6 месяцев рецессия не наступила». См.: Как либерал нелибералу. Интервью А. Илларионова Л. Телень. 01.08.2008. <http://www.izbrannoe.ru/43508.html>

⁸ 28 ноября 2008 года Комитет по датам о деловых циклах Национального бюро экономических исследований США, наиболее авторитетный орган, занимающийся хронологией начала и завершения рецессий в США, решил, что пик экономической активности в США был достигнут в декабре 2007 года. С этого времени экономика страны находится в состоянии рецессии. См.: Determination of the December 2007 Peak in Economic Activity. Version of December 11, 2008. <http://www.nber.org/cycles.html>

⁹ Stanton E. U.S. Stocks Post Steepest Yearly Decline Since Great Depression http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=a5RkfqG30k1k; Kueffner S. Andean Region Must Integrate to Face World Crisis, Leaders Say. http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601086&sid=aV1G7GCvfew&refer=latin_america

¹⁰ Roubini Says Worst Still Is Ahead of Us: Year in Review. <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=aUy55wE BqrB8> Last Updated: January 1, 2009.

¹¹ Thomas Ch. Roubini Says Recession May Continue Until End of 2010 (Update1) http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=ayVsI_55G8.0 Last Updated: March 6, 2009.

¹² Возможно, сказалось и то, что председатель федеральной резервной системы США Бен Бернанке — специалист по Великой депрессии. В 1979 Бернанке получил степень доктора философии в Массачусетском технологическом институте. В аспирантуре Бернанке изучал денежную экономику. Тема диссертации «Долгосрочные обязательства, динамическая оптимизация и экономические циклы» (англ. «Long-term Commitments, Dynamic Optimization, and the Business Cycle»). Наиболее известная его работа посвящена Великой депрессии. *Bernanke Ben S. Essays on the great depression.* Princeton: Princeton univ. press, 2000.

экономического процесса к ним приспособились, в стране начался экономический рост. Прерванный на короткое время кризисом 1998 года, этот рост в целом продолжался 10 лет. Была обеспечена финансовая стабильность, бюджеты сводились с профицитом. Серьезной проблемой стали высокие темпы роста золотовалютных резервов. Для денежных властей это осложнило проведение антиинфляционной политики. На этом фоне легко понять формирование атмосферы агрессивного оптимизма, хорошо видимого по официальным документам начала–середины 2000-х годов¹³.

Однако некоторые уроки из краха советской экономики были извлечены. В конце 2003 года было принято решение о создании Стабилизационного фонда, позднее преобразованного в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Бюджетная политика оставалась консервативной. Бюджет был разделен на две части, одна из которых не зависит от конъюнктуры нефтегазового рынка, другую часть формировали нефтегазовые доходы. Был установлен верхний предел субсидий, предоставляемых общему бюджету от нефтегазовых доходов¹⁴.

Снижение темпов глобального экономического роста оказало влияние на российскую экономику по двум основным каналам. Это, во-первых, снижение спроса на важнейшие сырьевые товары, составляющие основу экспортного потенциала России, и связанное с этим снижение цен на них (см. рис. 9, 10).

Во-вторых, изменение направления потока капитала (см. рис. 11).

Реакция российских властей на кризис запоздала на 6–9 месяцев. Она была разумной, но асимметричной

по отношению к экономической политике стран, обладающих резервными валютами: не снижение, а повышение процентной ставки, снижение обменного курса национальной валюты по отношению к доллару (см. рис. 12, 13).

Причины асимметричной реакции процентной политики в России на кризис относительно того, что делалось в крупнейших мировых экономиках, в первую очередь в США, Евросоюзе, понять нетрудно. Рубль не является мировой резервной валютой, поэтому возможности ослабления денежной политики у России были ограниченными. В условиях оттока капитала с развивающихся рынков и сохраняющейся высокой инфляции важнейшими задачами было сохранение золотовалютных резервов и торможение инфляционных процессов.

На фоне изменившейся конъюнктуры ситуация с бюджетом радикально ухудшилась (см. рис. 14).

Сказалось и резкое падение налогов на добычу полезных ископаемых и экспортных пошлин, наиболее тесно связанных с конъюнктурой сырьевых рынков, и неготовность властей в радикально изменившихся условиях осуществить меры, направленные на ограничение бюджетных расходов пределами финансовых возможностей государства.

Однако отказ от активно обсуждавшихся на высоком уровне мер по снижению ставок или изменению структуры налогов, в наименьшей степени зависящих от цен на нефть¹⁵ (НДС, налог на доходы физических лиц), позволил избежать бюджетной катастрофы. В условиях изменения внешнеэкономической конъюнктуры именно эти налоги остались базой стабильности бюджета (см. табл. 1).

¹³ «За десятилетие мы должны как минимум удвоить валовой внутренний продукт страны. Удвоение ВВП — это системная и, конечно же, масштабная задача. Она потребует глубокого анализа и уточнения существующих подходов к экономической политике. ...Убежден, в России уже есть все условия для постановки и реализации подобных задач, есть возможности реально заняться масштабным строительством современной и сильной экономики, а в конечном итоге формированием государства, конкурентоспособного во всех смыслах этого слова». См.: Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 года <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации От 31 октября 2007 г. <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mert/welcome/legislation/documentsofministry/doc1193835322297>

¹⁴ См.: «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года». Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1663-р от 17.11.2008г.; «0 концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17.11.2008г.

¹⁵ «Первое, о чем недавно говорилось Президентом: как можно быстрее нужно принять закон, определяющий сроки перехода на единую пониженную ставку НДС. Параллельно можно было бы продолжить анализ целесообразности и другого шага. А именно — замены НДС на налог с продаж. Исходя из того, что полностью решить проблемы вычетов, да и, по сути, воровства НДС из бюджета, от которых страдают наши налогоплательщики и налоговые органы, не удалось даже наиболее передовым странам Евросоюза». Из Стенограммы выступления первого заместителя председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме. 15 февраля 2007 года. <http://krsk.kp.ru/daily/24049/103037/>; «На встрече президента с руководством Госдумы спикер Грызлов и президент Путин обменялись мнениями о предпочтительном размере НДС. Грызлов предложил снизить НДС в качестве первоочередной меры будущего кабинета: «И ставка должна быть единой, и не должна быть больше сегодняшней льготной ставки НДС, то есть 10%. Надо реально готовиться к тому, чтобы снизить ставку НДС до 10%», — сказал спикер». См.: Путин предложил

Таблица 1

**Налоговые поступления
в бюджетную систему РФ
за январь–октябрь 2008 и 2009 гг. (в % ВВП)**

	Январь–октябрь 2008 г.	Январь–октябрь 2009 г.
Налог на прибыль	6,56	3,29
НДФЛ	3,87	4,13
НДС	5,30	5,29
НДПИ	4,49	2,56
Экспортные таможенные пошлины	6,65	4,07

Источник: Росказна.

В результате принятых мер, в первую очередь повышения процентной ставки, существенного снижения курса рубля к корзине основных резервных валют, начиная с середины января 2009 года удалось остановить падение международных резервов (см. рис. 15).

Еще одним следствием изменения финансовой и денежной политики стало снижение темпов инфляции, стабилизация курса национальной валюты (см. рис. 13) и предотвращение банковской паники (см. рис. 16, 17, 18).

Плата за сохранение финансовой стабильности оказалась немалой. Развитие событий в 2008–2009 годах наглядно показало, насколько своевременным было решение о создании Стабилизационного фонда (см. рис. 19).

Удар, нанесенный кризисом по реальному сектору российской экономики, оказался тяжелым (см. рис. 20, 21, 22).

Естественно, это не могло не сказаться на доходах населения (см. рис. 23). И на ситуации на рынке труда (см. рис. 24).

На фоне падения реальных доходов населения, роста безработицы, реакция общества на вызовы, связанные с

кризисом, была, по международным стандартам, спокойной. Забастовщиков на сей раз было удивительно мало.

О причинах такой реакции на изменения экономической ситуации, о том, насколько она устойчива, говорить рано. Можно лишь сформулировать гипотезу. Общество, пережившее глубокий социально-экономический кризис, связанный с крахом Советского Союза, понимает происходящее лучше, чем граждане тех стран, которые на протяжении многих десятилетий были стабильными и процветающими. Однако не надо строить иллюзий. Подобное спокойствие в условиях кризиса не вечно. Как показывает опыт Советского Союза, при резком ухудшении экономического положения поддерживать его трудно, даже если хорошо организована пропаганда. Раньше или позже, если ничего не менять, люди могут выйти на улицы со словами, повторяющими те, что звучали в популярном двадцать лет назад фильме «Асса»: «Перемен! Мы ждем перемен!» Вопрос лишь в том, будут ли эти перемены упорядоченными, постепенными и ненасильственными, или мы столкнемся с угрозой новой революции. Второго сценария необходимо избежать. России достаточно двух революций, которые она пережила в начале XX века.

Сейчас глубина кризиса, начавшегося осенью 2007 года, сомнений не вызывает. Как это было и в 1998, и в 2001 годах, он сильнее сказался на России, чем на совокупности всех государств СНГ¹⁶.

Для выработки экономической политики нашей страны важен ответ на вопрос: насколько продолжительным будет кризис? Каково его влияние на среднесрочные перспективы экономического роста, финансовую ситуацию в мире?

Есть эксперты, считающие, что дно кризиса пройдено, принятые в США, Евросоюзе, Китае беспрецедентные по масштабам за последние десятилетия меры по стимулированию совокупного спроса позволили переломить тенденцию к снижению объемов выпуска, создали предпосылки восстановления экономического роста¹⁷.

«очень осторожный» подход к снижению НДС. 11 марта 2008 г. <http://www.newsru.com/finance/11mar2008/nds.html>; «Руководитель экспертного управления президента РФ Аркадий Дворкович считает, что ставка НДС может измениться с 18% до 12–13%». См.: Дворкович: ставка НДС может быть уменьшена до 12–13%. 8 февраля 2008 г. <http://www.newsru.com/finance/08feb2008/dvorkovitch.html>; А. Дворкович: Снижение НДС надо рассматривать как инвестпроект. <http://kp.by/daily/24124.4/345319/>

¹⁶ Гайдар Е. Т., Чубайс А. Б. Экономические записки. М.: Росспэн, 2008. С. 62.

¹⁷ «Экономическая активность начинает выравниваться как в США, так и в других странах. При этом перспективы возвращения к росту в краткосрочной перспективе выглядят вполне хорошими». *Bernanke B.* <http://globalist.org.ua/?p=22189>; «По всей видимости, рецессия в США закончилась». *Bernanke B.* *Recession likely over in US, says Bernanke.* 15.09.09. <http://www.ft.com/cms/s/0/91439968-a224-11de-9ca0-00144feabdc0.html>; *Кудинов В. А.* Улюкаев: Дно кризиса пройдено, ставка ЦБ продолжает снижаться. *Ведомости* 25.11.2009. <http://www.vedomosti.ru/tnews/news/2009/11/25/434>; *Илларионов А.* Спад закончился. Что это значит? 30 апреля 2009 г. http://www.iea.ru/econom_rost.php?id=29

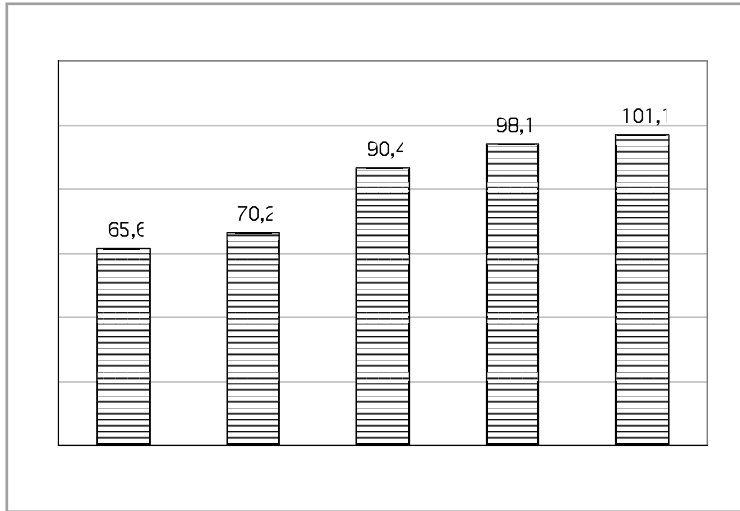

Рисунок 8
**Государственный долг* США
 в 2007–2011 гг., в % ВВП (на конец года)**

* Валовой федеральный долг.
 ** Прогноз.

Источник:
 Federal Office of Management and Budget:
 Budget of the US Government Fiscal Year
 2010, Updated Summary Tables (<http://www.whitehouse.gov/omb/budget/fy2010/assets/summary.pdf>).

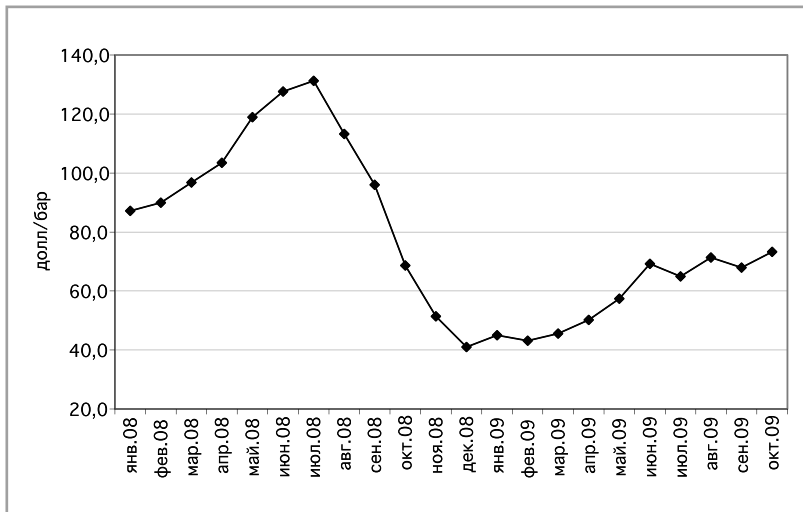

Рисунок 9
**Фактическая цена на нефть марки
 Brent, январь 2008 — октябрь
 2009 г.
 (долл. за барр.)**

Источник: МВФ.

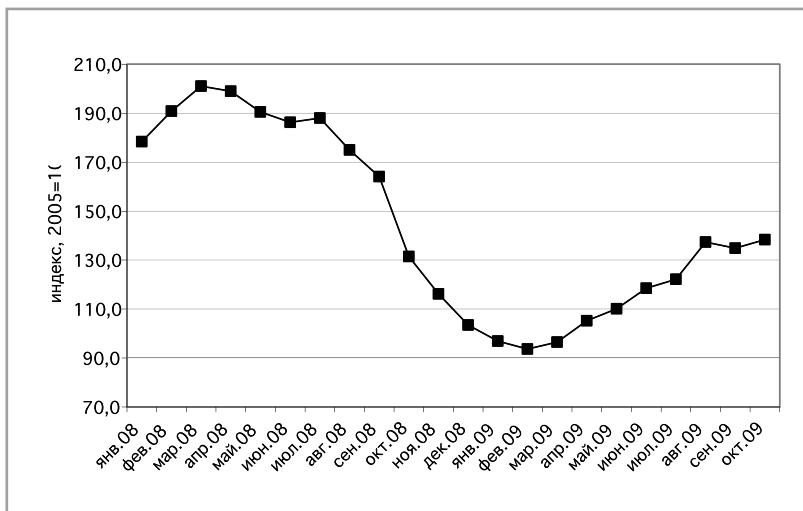

Рисунок 10
**Индекс цен мирового рынка
 металлов, январь 2008 — октябрь
 2009 г.
 (2005 г. = 100)**

Источник: МВФ.

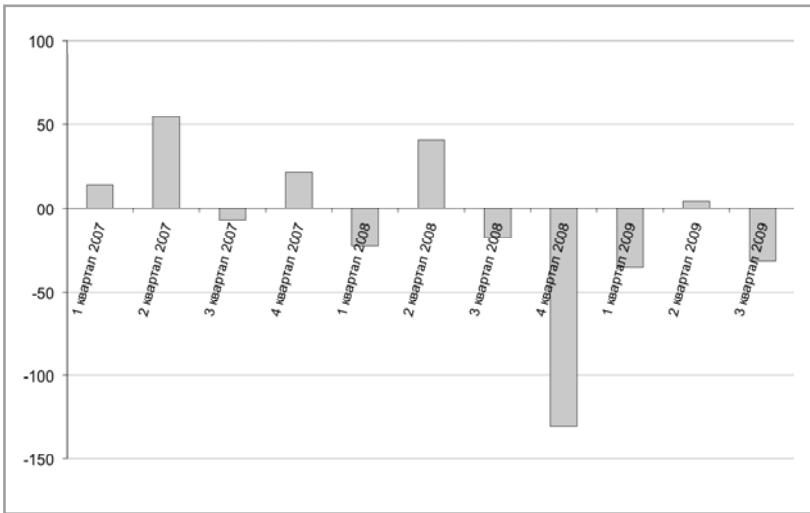

Рисунок 11
Сумма притока/оттока капитала в РФ, 1 кв. 2007 — 3 кв. 2009 г. (млрд долл.)

Источник: ЦБ РФ

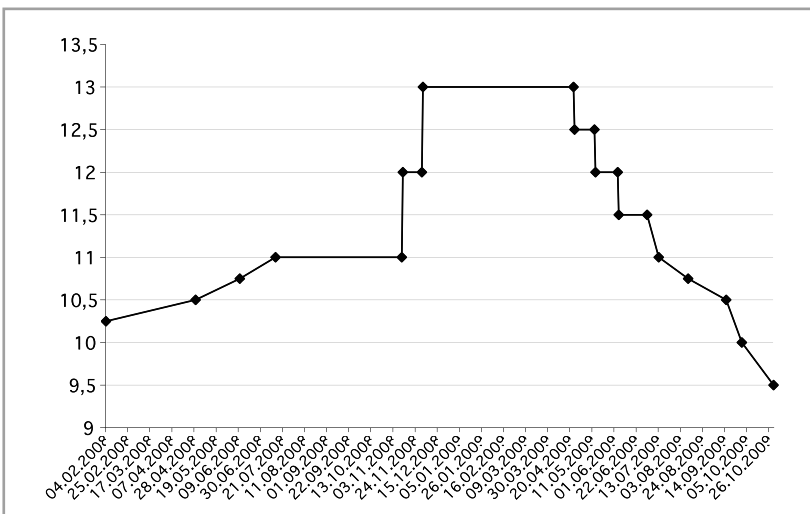

Рисунок 12
Ставка рефинансирования ЦБ РФ, январь 2008 — октябрь 2009 г., %

Источник: ЦБ РФ(www.cbr.ru).

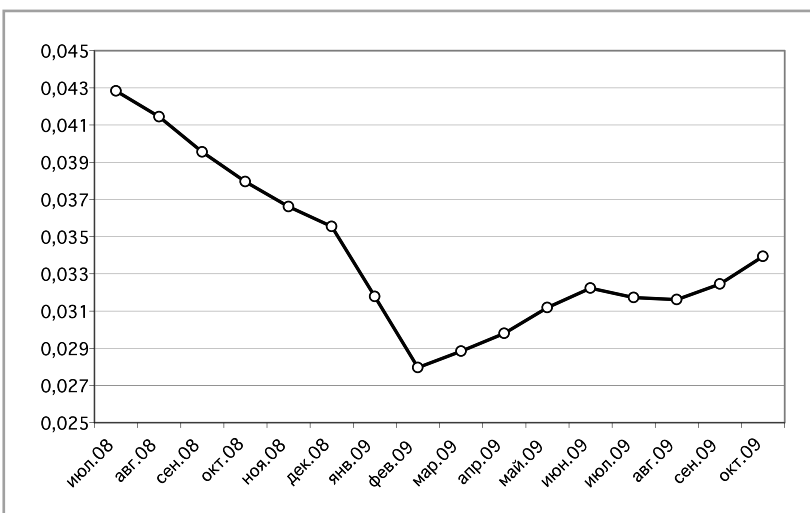

Рисунок 13
Номинальный обменный курс рубля по отношению к доллару (долл. за руб.), июль 2008 — октябрь 2009 г. (средний за период)

Источник: ЦБ РФ.

Возможно, эта гипотеза правильна. После принятия в США пакета антикризисных мер ситуация на фондовых рынках, рынках сырья начала постепенно улучшаться¹⁸ (см. рис. 25, 26).

Применительно к России речь идет о решениях, связанных с расходованием десятков и сотен миллиардов долларов. Нетрудно понять: когда речь идет о таких деньгах, за подобными предложениями стоят серьезные интересы.

Принятие этих решений на некоторое время позволило бы улучшить динамику ВВП. Однако их опасно принимать до того, как появятся признаки устойчивого улучшения ситуации в ведущих экономиках мира. Эксперты спорят о том, будет ли рецессия проходить по форме, похожей на латинские буквы U, W, L, то есть будет ли период падения краткосрочным, сменится ли он быстрым восстановлением роста, будет ли двугорбым, с двумя волнами кризиса, или кризисом, за которым не последует восстановление экономического роста? У каждой стороны в этом споре есть свои аргументы, но это недоказанные гипотезы¹⁹.

То, что у кризиса может быть вторая волна, приходящаяся на первую половину 2010 года, широко обсуж-

дают в экспертном сообществе²⁰. Неясно, насколько глубоко проблемы в банковской системе Европейского Союза²¹. Крупнейшим корпорациям в 2010 году предстоит значительные выплаты по бумагам с фиксированной доходностью²². Можно ли будет их осуществить в условиях напряженности на рынке кредитных ресурсов, покажет время.

КИТАЙ

Китай предпринял энергичные усилия по стимулированию спроса. Если в конце 2007 года китайское руководство избрало борьбу с инфляцией в качестве важнейшего приоритета, было готово пойти для решения этой задачи на замедление темпов экономического роста²³, то в 2008 году китайская экономическая политика изменилась. Приоритетом стало поддержание темпов экономического роста и борьба с безработицей²⁴ (см. рис. 27).

Китайские власти выбрали путь макроэкономической политики такой же, который использовала американская администрация для борьбы с рецессией в 2001 году. Предсказать, не обернется ли такая политика кризисом «мыльного пузыря», сложно²⁵.

¹⁸ Пакет антикризисных мер был принят 14 февраля 2009 г. См.: <http://top.rbc.ru/economics/14/02/2009/280613.shtml>

¹⁹ См. например: *Jefferson R., Woodfield P.* Edinburgh Money Managers Forecast 'Volatile' Recovery (Update3) <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=a8rCYuC10dwa>; *Authers J.* The Short View. Published: June 2 2009 The Financial Times Limited 2009. www.ft.com/shortview; *Wilson J.* 'Robust' business for Deutsche Bank. Published: May 26 2009. The Financial Times Limited 2009; *Hume N.* On London: Rally's endleaves investors at a crossroads. Published: May 15 2009. The Financial Times Limited 2009; *Giles Ch.* Darling gambles on growth. Published: April 23 2009. <http://www.ft.com/cms/s/0/f0846a1a-2fa1-11de-a8f6-00144feabdc0.html>

²⁰ *Goodman W.* Pimco Says World Economic Crisis Faces 'Second Wave' (Update4) <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=anA4PQ48RFhI>; *Logutenkova E.* Ackermann Says Bad Loans Are 'Next Wave' of Crisis (Update2) <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601206&sid=aUKAK1bKBVl8>

²¹ *Bender Y.* European banks cut access to external fund providers. Published: September 6 2009. <http://www.ft.com/cms/s/0/76abe988-9979-11de-ab8c-00144feabdc0.html?SID=google>

²² См. например: Официальный сайт Эрсте Банка <http://www.erstebank.ua>; Газета «Коммерсантъ» № 42 (4097) 11.03.2009 www.kommersant.ru.

²³ *Cao B.* Yuan to Rise Versus Major Currencies, Researcher Says (Update2) <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=aQYR09fjayFk&refer=home>

²⁴ Is the party over in China? Massive unemployment looms. http://www.worldtribune.com/worldtribune/WTARC/2008/ea_china_02_15.asp; *Lawrence D.* China Pledges Faster Labor Mediation as Employment Turns 'Grim'. <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601089&sid=afK0sP5rT6IY&refer=china>; *Hamlin K., Yanping L.* China Rate Cut Highlights Concern Over Slowdown, Jobs (Update1). <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=aQrG9UlthDH0>; *Adam S.* Yuan 'Straitjacket' Risks Inflating China Bubbles (Update2). <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601109&sid=awHX2QPENKgQ>

²⁵ *Shamim A.* Yuan 'Straitjacket' Risks Inflating China Bubbles (Update2). <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601109&sid=awHX2QPENKgQ&pos=10>; *Anderlini J., Tucker S.* CIC head warns of asset price bubble. <http://www.ft.com/cms/s/0/47ac3d54-c39a-11de-a290-00144feab49a.html>; *Tasker P.* China is heading for a Japan-style bubble. <http://www.ft.com/cms/s/0/78e2eae4-c7af-11de-8ba8-00144feab49a.html>; Chinese sovereign wealth unit planning \$11.7bn bond issue. <http://www.ftchinese.com/story/001029668/en>; *Xie A.* Insight: Is China due a reality check? <http://www.ft.com/cms/s/0/1ed429aa-b99f-11de-a747-00144feab49a.html>; *Brown K.* Asia warned over emerging asset bubbles. <http://www.ft.com/cms/s/0/236ef0c2-c9ac-11de-a071-00144feabdc0.html>; *Dyer G.* Top China banker calls for urgent shift in Beijing's monetary policy. <http://www.ft.com/cms/s/0/b4217eba-bea2-11de-b4ab-00144feab49a.html>; *Authers J.* Short View: China's bubble. <http://www.ft.com/cms/s/0/ba76495c-f05a-11dc-ba7c-0000779fd2ac.html>; *Dyer G.* Top China banker urges shift in policy. <http://www.ftchinese.com/index.php/ft/story/001029313/en>; China's role in the global recovery <http://www.ft.com/cms/s/0/2df3ea66-9716-11de-83c5-00144feabdc0,s01=1.html>; *Pesek W.* China Risks Bubbles With 'Bernie Madoff Data'. <http://www.bloomberg.com>

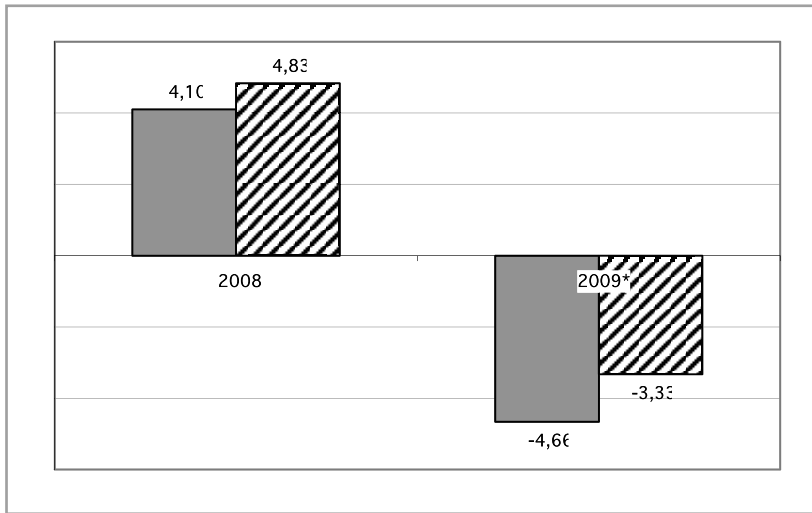

Рисунок 14
Дефицит (-)/профицит (+)
федерального бюджета и бюджета
расширенного правительства РФ,
2008–2009 гг. (в % ВВП)

* 9 месяцев 2009 г.

Источник: Росказна, Росстат.

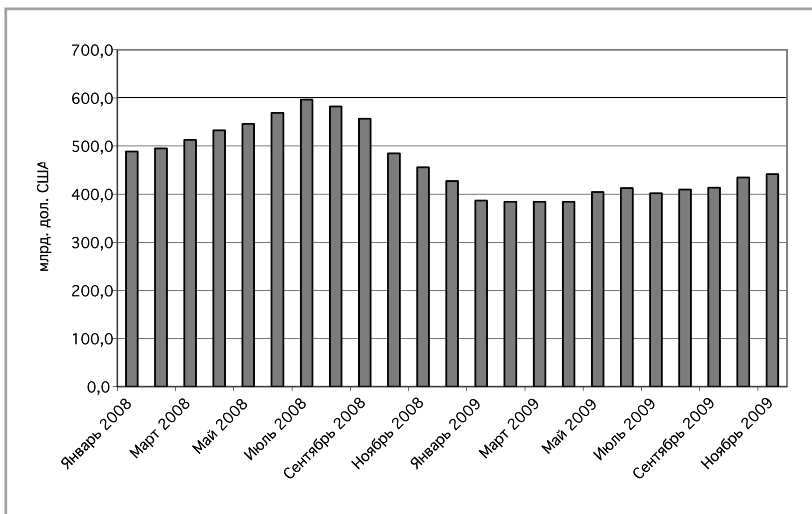

Рисунок 15
Международные резервы РФ,
январь 2008 — ноябрь* 2009 г.,
млрд долл.

* по состоянию на 13 ноября
2009 г.

Источник: ЦБ РФ.

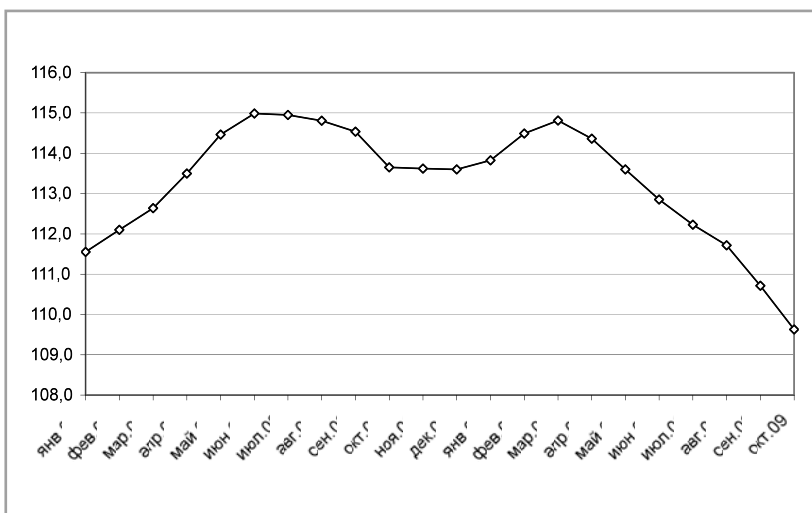

Рисунок 16
Темпы инфляции в РФ, январь
2008 — октябрь 2009 гг., в %
к соответствующему периоду
предшествующего года

Источник: Росстат.

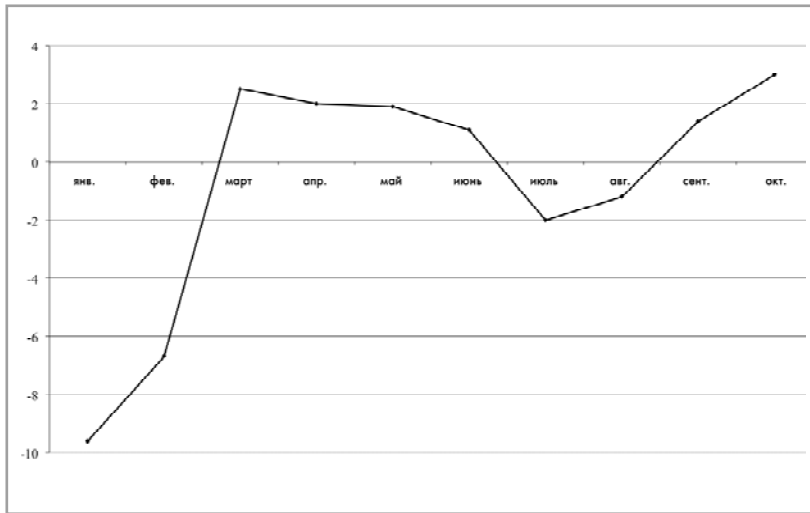

Рисунок 17
Индекс номинального эффективного курса рубля к иностранным валютам за январь–октябрь 2009 г. (в % прироста к предыдущему периоду)

Источник:
 ЦБ РФ (www.cbr.ru).

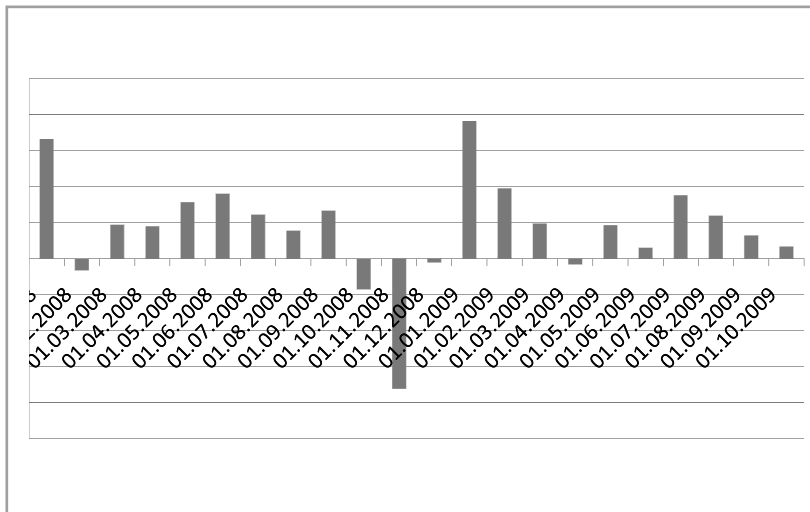

Рисунок 18
Прирост вкладов населения РФ в банках, январь 2008 — октябрь 2009 г., млн руб. на 1-е число каждого месяца

Источник:
 рассчитано на основе данных ЦБ РФ.

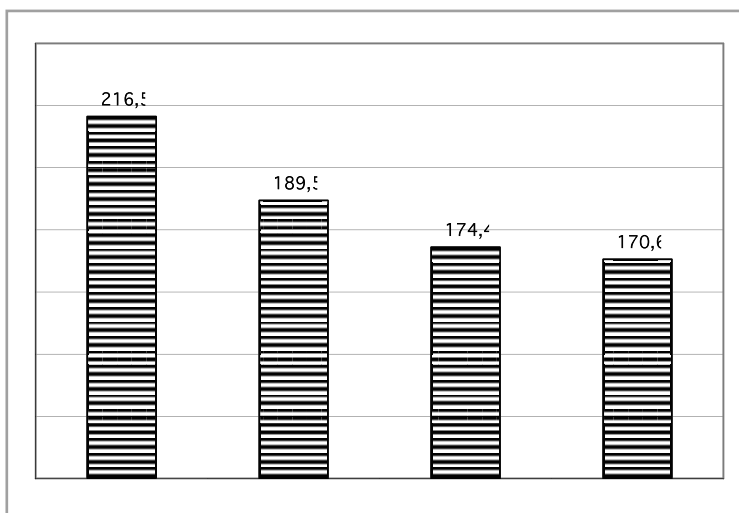

Рисунок 19
Совокупный объем Резервного фонда и Фонда национального благосостояния РФ, 1 кв. 2009 — октябрь 2009 г., млрд долл (на конец периода)

Источник:
 рассчитано как среднее арифметическое на основе месячных данных Минфина России.
 Их наличие до последнего времени обеспечивало адаптацию российского бюджета к условиям резко снизившихся доходов от НДС, налога на прибыль и экспортных пошлин.

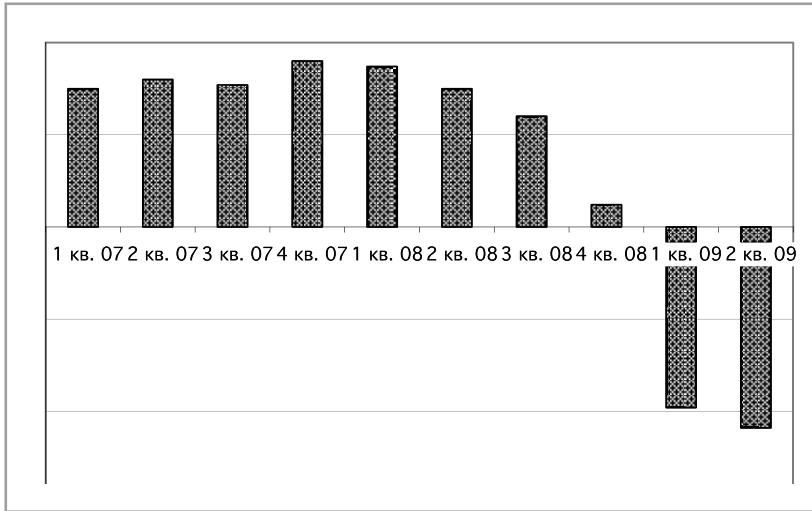

Рисунок 20
Темпы прироста реального ВВП РФ, 1 кв. 2007 — 2 кв. 2009 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат.

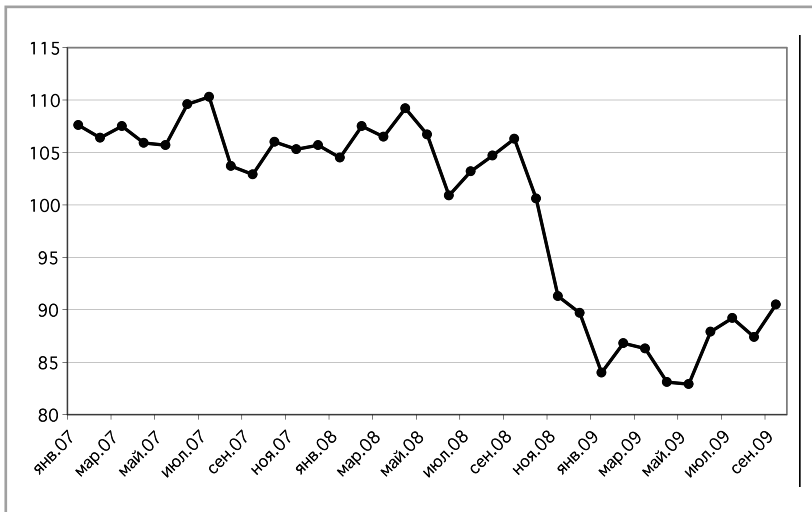

Рисунок 21
Индекс промышленного производства РФ, январь 2007 — сентябрь 2009 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат.

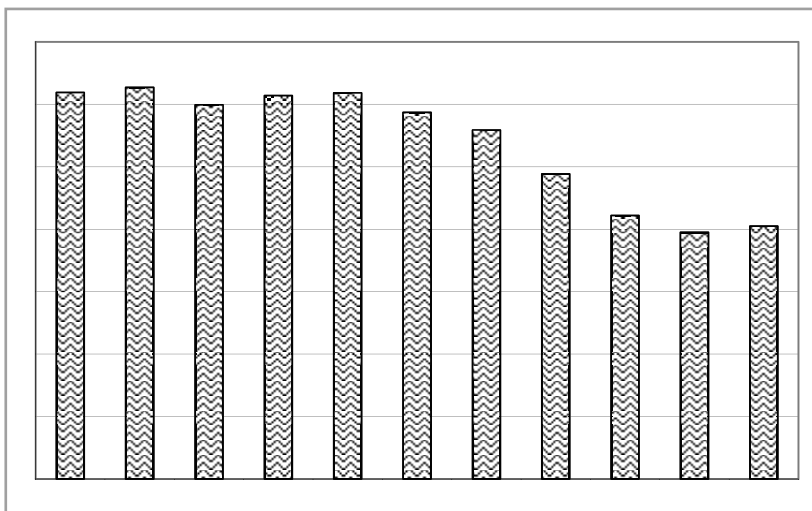

Рисунок 22
Инвестиции в основной капитал в РФ, 1 кв. 2007 — 3 кв. 2009 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат.

Масштабы проблем финансовых и банковских систем других стран с развивающимися рынками оценить так же непросто. К моменту, когда эта статья была представлена в редакцию, нельзя было с точностью оценить, в какой степени риск дефолта по гарантированным государственным обязательствам с фиксированной доходностью Дубая может сказаться на других рынках, по образцу того, что произошло в 1997–1998 годах в Юго-Восточной Азии²⁶. К тому же Дубай — не единственная важная для устойчивости финансовых систем страна с развивающимися рынками, которая может

столкнуться с трудностями в выполнении своих финансовых обязательств.

Экономическая статистика США последних месяцев противоречива. Она не дает оснований для уверенности, что крупнейшая экономика мира находится на пути устойчивого выздоровления.

В одной из последних работ Всемирного банка, посвященных кризису, авторы отстаивают тезис, что даже при восстановлении экономического роста в мире в 2010 году, в среднесрочной перспективе рост будет

[com/apps/news?pid=20601039&sid=ab99AWGFCBsU](http://www.bloomber.com/apps/news?pid=20601039&sid=ab99AWGFCBsU); China Must Avert Loan-Fueled Bubbles, World Bank Says (Update1). <http://www.bloomber.com/apps/news?pid=20601080&sid=aRi.90ENYi.s>

²⁶ <http://www.ft.com> Last updated: November 30 2009.

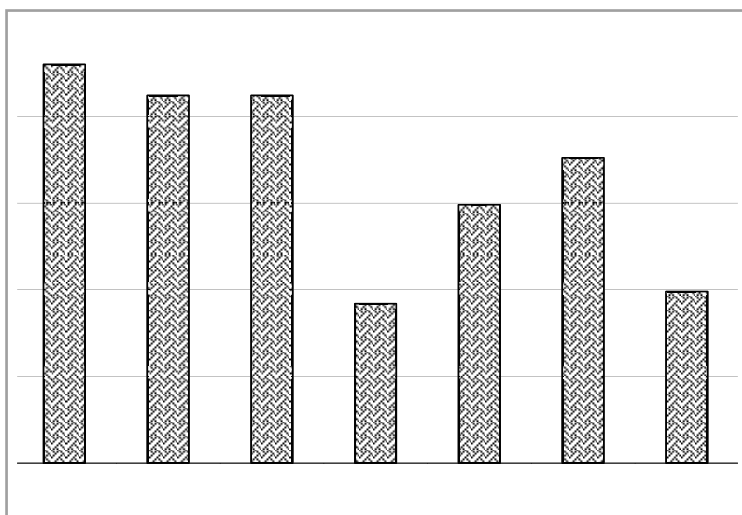

Рисунок 23
Реальные располагаемые денежные доходы населения РФ, 1 кв. 2008 — 3 кв. 2009 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат.

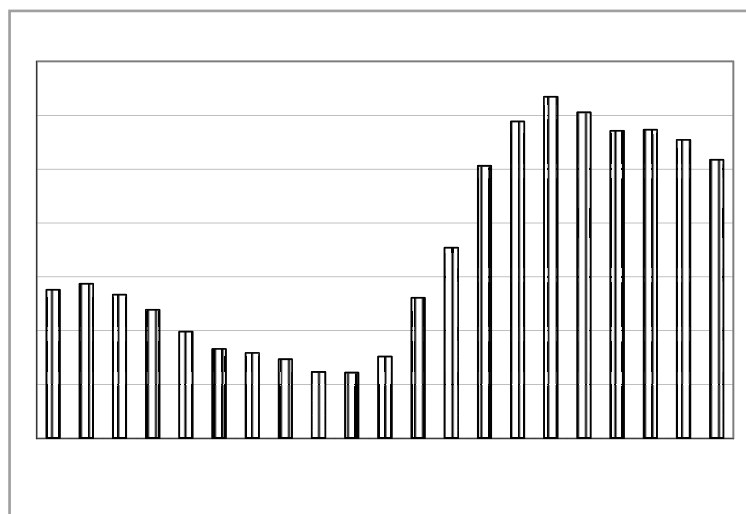

Рисунок 24
Численность официально зарегистрированных безработных в РФ, январь 2008 — сентябрь 2009 г. (на конец месяца, тыс. чел.)

Источник: Росстат.

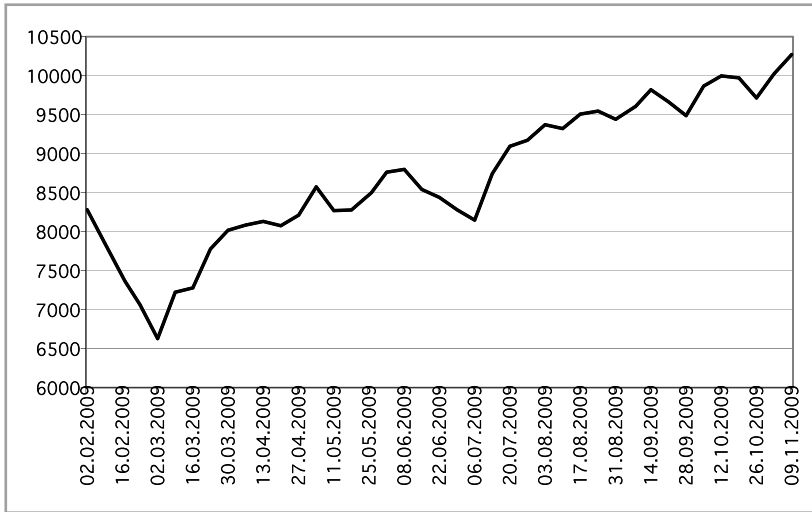

Рисунок 25
Динамика фондового рынка США*, февраль–ноябрь 2009 г.,
 * Индекс Dow Jones Industrial Average.

Источник:
 Yahoo! Finance (<http://finance.yahoo.com/>).

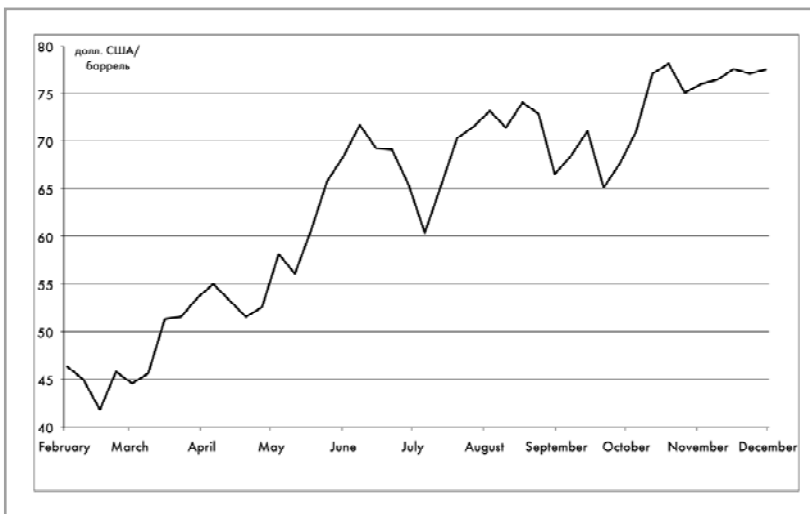

Рисунок 26
Динамика цен на нефть марки Brent, февраль — ноябрь 2009 г., еженедельно (долл. США за барр.)

Источник: www.finam.ru

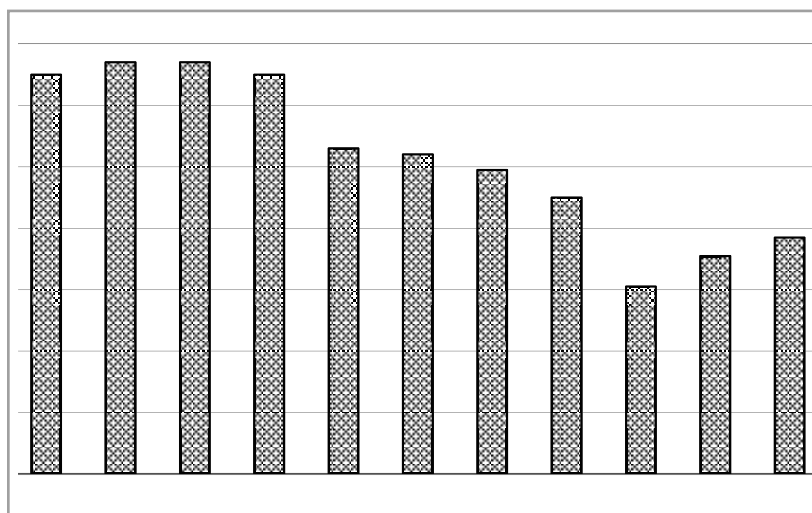

Рисунок 27
Темпы прироста ВВП Китая в 1 квартале 2007 — 3 квартале 2009 г., в % к аналогичному периоду предыдущего года

Примечание. Данные за 2–4 кварталы 2007–2008 годов статистическая служба Китая публикует только как накопленный темп роста ВВП.

Источник:
 National Bureau of Statistics of China (<http://www.stats.gov.cn>).

более медленным, чем в предшествовавшие нынешнему кризису годы²⁷.

Все сказанное выше может казаться слишком пессимистичным. Однако опыт нашей страны показывает, что риски подобного развития событий надо учитывать.

Смягчение денежной и бюджетной политики заведомо было бы популярно. И если появятся очевидные свидетельства оздоровления мировой экономики, устойчивого роста спроса на основные экспортные товары России, сделать это будет нетрудно. Однако принимать подобные решения в условиях сохраняющейся неопределенности — ошибка.

УЯЗВИМОСТЬ

Очевидный краткосрочный приоритет — антикризисные меры. Вместе с тем нынешний экономический кризис еще раз выявил уязвимость отечественной экономики, меру ее зависимости от факторов, которыми мы не можем управлять. Это ставит на повестку дня вопрос о диверсификации экономики как о важнейшем приоритете (если не сводить дело лишь к вложению государственных денег в крупномасштабные проекты, которые не всегда дают отдачу, и особенно редко дают ее в странах, государственный аппарат которых поражен коррупцией). О необходимости диверсификации экономики говорят уже два десятилетия. Эта задача была поставлена еще в первой правительственной программе

углубления экономических реформ (лето 1992 года). Но воз и ныне там. Может быть, нынешний кризис наконец-то заставит нашу власть, элиту, весь народ всерьез приняться за дело?

Цены на сырье колеблются в широком диапазоне, их трудно прогнозировать, тем более сложно управлять ими. Конечно, страна, где о гарантии частной собственности или о независимой и справедливой судебной системе говорить трудно, всегда найдет охотников инвестировать в нефть и газ. Когда же речь идет о высокотехнологичных отраслях экономики, ситуация иная. Здесь гарантии прав собственности, эффективная судебная система, некоррупционный государственный аппарат — необходимые предпосылки того, чтобы и отечественный и международный капитал вкладывали в них деньги. Сказать об этом просто. Создать такие предпосылки сложнее. Но это та задача, которую придется решать, если мы хотим долгосрочного устойчивого развития российской экономики.

Кризис — это период турбулентности, неопределенности. Принимая в этих условиях решения по ключевым вопросам экономической политики, можно сделать ошибки, получить результат, обратный желаемому. Кризис похож на шторм. Во время шторма на парусном флоте было принято спускать паруса и ложиться в дрейф. Об этом полезно помнить, принимая решения сегодня. Но история последних двух веков показывает: кризисы, даже такие тяжелые, как Великая депрессия или нынеш-

²⁷ *Mitra P., Selowsky M., Zalduyendo J.* Turmoil at Twenty: Recession, Recovery, and Reform in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington: World Bank, 2010.

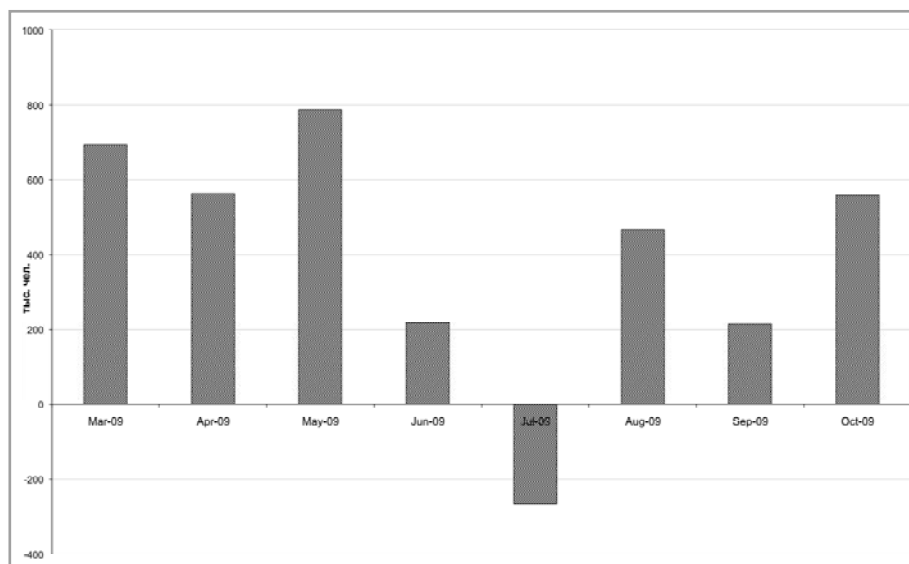

Рисунок 28
Прирост/сокращение численности безработных (сезонно сглаженные данные), США, март–октябрь 2009 г., тыс. чел. на начало месяца

Источник:
Federal Reserve Bank of St-Louis (<http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNEMPLOY/downloaddata?cid=12>).

ний, рано или поздно, но все-таки заканчиваются. Уже сегодня надо думать о том, как обеспечить конкурентоспособность отечественной экономики после кризиса.

МИР ПОСЛЕ КРИЗИСА

Мир после кризиса будет более жестким, чем в начале 2000-х годов. Российским компаниям придется конкурировать с теми корпорациями, которые выживут, а значит, сумеют провести реструктуризацию производства, сконцентрировать его на наиболее эффективных предприятиях и видах деятельности, сократить численность занятых, повысить производительность труда, качество и конкурентоспособность производимой продукции. Если не сделать того же самого в России, конкурировать на этом рынке будет непросто. Отсюда два вывода для российской долгосрочной экономической политики.

Первый. По меньшей мере не мешать российским компаниям действовать так же, как действуют выжившие после кризиса корпорации, готовиться к конкуренции в жестком, посткризисном мире, приспосабливать к решению этой задачи социальную политику.

Второй. Сделать важнейшим приоритетом создание в России конкурентоспособного сектора инновационной экономики.

Скептики могут сказать, что эту задачу в России не удавалось решить никогда — ни при царском режиме, ни при коммунистах, ни после краха Советского Союза (военно-промышленный комплекс — лишь исключение из правила). Но это отнюдь не значит, что проблема принципиально неразрешима. Ни Финляндию, ни Южную Корею, ни Тайвань в 50-х годах XX века нельзя было

отнести к странам с развитой инновационной экономикой. За последние 60 лет в мире накоплен богатый опыт политики, направленной на поддержку инновационной экономики. Многие из этих программ оказались успешными²⁸. Этот опыт нельзя копировать буквально. Программы поддержки инновационной экономики были специфическими, приспособленными к отечественным реалиям. Применительно к России этот опыт свидетельствует о том, что важнейшими предпосылками успеха такой политики является внесение изменений в законодательство (налоговая система, бюджетное законодательство, регулирование патентных прав, облегчение условий внешнеэкономической деятельности для всех, кто связан с инновационной экономикой)²⁹.

Эти меры должны быть дополнены созданием эффективной инфраструктуры поддержки инновационной деятельности. Речь идет об активной государственной политике по созданию бизнес-инкубаторов, ориентированных на инновационную экономику, венчурных фондов, о стимулировании заинтересованности банковской системы в инновационно ориентированных кредитах.

Инновационная экономика по своей природе во многом отлична от обычной. Здесь велик риск неудач. Но в случае успеха результаты могут превосходить ожидавшиеся не в разы, а на порядки. Именно поэтому государственная экономическая политика в этой сфере не может быть стандартной. Она требует инновационных решений. От того, в какой степени России в ближайшее десятилетие удастся продвинуться в этом направлении, во многом зависит и то, в каком положении Россия подойдет к следующему глобальному мировому кризису, и долгосрочные перспективы развития нашей страны. ■

2 декабря 2009 г.

²⁷ Mitra P., Selowsky M., Zalduendo J. Turmoil at Twenty: Recession, Recovery, and Reform in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington: World Bank, 2010.

²⁸ См., например: National Innovation System. A Comparative Analysis. R. R. Nelson (ed.) New York Oxford: Oxford University Press, 1993.

²⁹ Применительно к России, это то, что относится к товарным группам 84–90 (по коду ТН ВЭД).

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ИЮНЕ: предварительные данные и основные тенденции

Обзор Института Экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара)

I. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОН: НАМЕРЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Среди июньских событий в политической сфере, способных оказать влияние на экономический климат в России, следует упомянуть проведение экономического форума в Санкт-Петербурге и визит Президента Д.А. Медведева в США. Выступая на экономическом форуме, Президент сообщил о подписании указа, сокращающем список стратегических предприятий в 5 раз. Этот шаг в краткосрочной перспективе имеет, скорее, знаковый, нежели практический характер и призван продемонстрировать желание Президента проводить более открытую политику в отношении иностранных инвесторов, чем это было характерно для второй половины 2000-х гг.

В ходе визита Президента Медведева в США было объявлено о твердом намерении сторон решить все вопросы, касающиеся вступления России в ВТО к осени нынешнего года. Впрочем, это не первый «прорыв» на переговорах на высшем уровне, что заставляет отнестись к нему с осторожностью.

Тем временем перспективы экономической кооперации в рамках стран СНГ также остаются достаточно туманными: Украина подписала соглашение с ЕС, которое несовместимо с возможным вхождением страны в торговые и таможенные союзы, предлагаемые Москвой (ЕЭП, ТС). С другой стороны, весь июнь прошел под знаком ожесточенных взаимных претензий и требований между Москвой и Минском по поводу цен на поставки и транзит газа, а также режима торговли внутри

Таможенного союза нефтью и нефтепродуктами; дошло и до перекрытия газового вентиля и официальных демаршей Брюсселя. Даже если Минск подпишет в конце концов документы Таможенного союза, это вовсе не будет означать разрешения конфликтных вопросов и окончания торговых войн между Москвой и Минском.

На саммите G20 в Канаде представителями ведущих экономик мира была согласована позиция, отражающая компромисс между сторонниками форсированного (Франция, Германия) и сдержанного (США) сокращения бюджетных дефицитов: решено сократить к 2013 г. дефициты примерно в два раза к нынешним уровням. Российское руководство заявило, что такие темпы соответствуют возможностям и намерениям правительства России.

II. МАКРОЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ И БЮДЖЕТ: НЕСТАБИЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Макроэкономическая динамика в июне традиционно была подвержена влиянию ситуации на мировых рынках. Проблемы в зоне евро в апреле-мае привели к значительным изменениям в паре доллар/евро: курс EUR снижался с отметки 1,36 долл. 14 апреля до 1,19 долл. 7 июня, а затем вырос до 1,23 долл. к 28 июня. Эта динамика отразилась в высокой неустойчивости цен основных сырьевых товаров: цена барреля нефти Brent снижалась с 89 долл. 3 мая до 70 долл. 25 мая (-21,3%), а затем выросла до отметки 78 долл. к 16 июня (+11%). Аналогичным колебаниям были подвержены и цены на

цветные металлы: с 15 апреля до начала июня они упали на 24–33%, а затем к концу месяца выросли на 8–12%. Традиционно российские фондовые индексы повторяли колебания цен на сырьевых рынках.

Международные валютные резервы ЦБ составили на 25 июня 461,4 млрд долл., таким образом, уже два с половиной месяца при незначительных колебаниях резервы остаются на уровне, достигнутом еще во второй половине апреля, — 454–461 млрд долл.

С 1 по 28 июня ИПЦ в России вырос на 0,4% (с начала года — на 4,4%), в то время как в июне 2009 г. этот индекс составил 0,6%; таким образом, в годовом выражении инфляция составила на конец июня 5,8%. По всей видимости, однако, цикл снижения инфляции (в годовом выражении) близок к завершению. Напомним, резкое замедление инфляции происходило в России весной 2009 г., поэтому месячные показатели роста цен в мае-июне 2010 г. все более сближаются с прошлогодними. При близости значений майской инфляции 2009 и 2010 гг. (0,5% в мае текущего года и 0,6% в мае 2009 г.), качество роста цен существенно отличается: в мае 2009 г. базовая инфляция составляла 0,5%, в то время как в мае 2010 г. — 0,1%.

Это означает, в частности, что рост цен, обусловленных сезонными и административными факторами, весной 2010 г. заметно ускорился по сравнению с прошлогодним.

В летние месяцы и в начале осени существенное ускорение инфляции вряд ли возможно, но к концу года инфляционные риски возрастут. Этому будет способствовать как рост денежной массы (с начала 2010 г. до 1 мая прирост M2 составил 4,7%), так и оживление потребительского спроса и вероятное прекращение тенденции к укреплению рубля.

По итогам июня ЦБ прогнозирует чистый приток капитала в размере 3–4 млрд долл. (как и по итогам мая); таким образом, чистый приток капитала в июне будет зафиксирован уже четвертый месяц подряд, после оттока в январе-феврале в размере 16,9 млрд долл. При сохранении этой тенденции значительный отток капитала, наблюдавшийся в начале года, может быть полностью скомпенсирован уже в июле-августе.

В июне были внесены поправки в Закон о федеральном бюджете на 2010 г.: запланировано увеличение доходов бюджетной системы на 1,2% ВВП при сокращении расходов на 0,2 п.п., в результате дефицит бюджета сократится с 6,8% ВВП до 5,4% ВВП.

Это стало возможным благодаря позитивной конъюнктуре мировых рынков сырья, обеспечившей более динамичное поступление доходов, и политике

сдерживания расходов. Так, доходы федерального бюджета за январь–май составили 19,1% ВВП, что на 1 п.п. больше, чем за аналогичный период прошлого года. В результате федеральный бюджет исполнен с дефицитом в 2,9% ВВП против 3,3% ВВП в 2009 г.

За счет тех же внешних факторов резервный фонд, хотя и уменьшился за 5 месяцев на 519,5 млрд руб. (на 28,4% по сравнению с ситуацией на конец 2009 г.), однако, вопреки ожиданиям, по всей видимости, не будет полностью использован до конца 2010 г. на покрытие дефицита федерального бюджета.

Бюджет расширенного правительства по состоянию на 1 мая 2010 г. исполнен с профицитом 2,3% ВВП. При увеличении доходов на 1,1 п.п. ВВП по сравнению с тем же периодом 2009 г. расходы сократились на 1,1 п.п. ВВП, при этом в абсолютном выражении объем расходов увеличился на 550 млрд руб. или 13,3% по сравнению с уровнем аналогичного периода прошлого года. Однако в **структуре расходов произошли значительные изменения: сократились расходы по статьям «национальная экономика» (1,6 п.п.), «национальная безопасность», ЖКХ, «здравоохранение», «образование» и «общегосударственные вопросы» (в совокупности — на 1,7 п.п.), в то же время значительно увеличены расходы на социальную политику (с 10,9% ВВП в январе-апреле 2009 г. до 13,1% в том же периоде 2010 г.).**

Пересмотр Росстатом данных по динамике промышленного производства привел к тому, что оценки предкризисного роста производства оказались понижены, соответственно глубина кризисного падения — сглаженной, а темпы послекризисного восстановления — более высокими. Рост производства в промышленности за январь 2010 г. относительно аналогичного периода 2009 г. составил 110,3%, в том числе в добыче полезных ископаемых — 106,0% и в обрабатывающем производстве — 114,4%. Позитивную динамику в промышленности отражают и данные по динамике грузооборота транспорта (рост на 12,4%), производству и распределению электроэнергии, газа и воды (рост на 6,0%).

Позитивную динамику производства поддерживает некоторое оживление потребительского спроса. Так, оборот розничной торговли в январе — мае 2010 г. составил 102,9% от уровня аналогичного периода прошлого года.

В свою очередь, рост спроса опирается на рост доходов населения, которые в январе-мае составили 106,2% от уровня того же периода прошлого года. Рост доходов, однако, носит специфический характер: показательно,

что поступления по НДФЛ в бюджет оказались в январе–апреле ниже (в долях ВВП), чем в аналогичном периоде предыдущего года. Это связано с тем, что в значительной мере рост доходов был обеспечен за счет валоризации пенсий (за январь–апрель 2010 г. реальный размер назначенных пенсий увеличился в 1,43 раза по сравнению с январем–апрелем 2009 г.). В связи с этим рост потребительского спроса может оказаться временным и ограниченным. Характерно, что рост оборота розничной торговли преимущественно был обеспечен увеличением оборота продовольственных товаров (на 4,6%), при том что торговля непродовольственными выросла лишь на 1,3%. На продолжение стагнации в этом секторе указывает и крайне низкий темп роста цен в нем — 1,7% с начала года (при росте на 4,8% продовольственных товаров и на 6% — платных услуг населению).

III. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: С НАДЕЖДАМИ, НО БЕЗ УВЕРЕННОСТИ

Однако наибольшее влияние на перспективы экономического роста в краткосрочной перспективе будет оказывать сохраняющийся низкий уровень инвестиционной активности. В I квартале 2010 г. инвестиции в основной капитал составили 1262,6 млрд руб., или 95,9% к уровню соответствующего периода предыдущего года, когда инвестиционная активность уже переживала фазу драматического спада.

По итогам января–мая **ситуация несколько улучшилась**: инвестиции составили 99,6% к уровню прошлого года (данные с учетом предприятий малого

бизнеса и не- наблюдаемых видов деятельности), что позволяет предполагать близкое окончание фазы инвестиционного спада.

Вместе с тем в сегменте средних и крупных предприятий и в основных отраслях промышленности ситуация выглядит гораздо хуже.

Так, инвестиции в секторе добычи полезных ископаемых в I квартале 2010 г. составили 89,9% к уровню прошлого года, в обрабатывающих производствах — 78,6%, в строительстве — 70,3%, в торговле — 84,2%, в транспорте и связи — 76,5%.

Неустойчивость положительной экономической динамики демонстрируют и конъюнктурные опросы ИЭПП. По первым оценкам, интенсивность роста выпуска в июне выходит на очередной посткризисный рекорд и становится все более сопоставимой со значениями этого показателя начала 2008 г. Вместе с тем первые оценки июньской конъюнктуры **показали снижение оптимизма предприятий** после майского скачка. Предприятия не удержали рекорд, но сохранили значение этого показателя в положительной зоне. **Основная причина падения оптимизма — резкое снижение оценок спроса.**

В июне эта компонента Индекса экономического оптимизма ИЭПП потеряла сразу 16 пунктов и вновь стала отрицательной. Динамика оценок запасов также подтверждает отмеченную тенденцию: в мае баланс оценок явно улучшился, что свидетельствовало о надеждах предприятий на увеличение темпов роста продаж в июне-июле, но в июне баланс ухудшился в сторону среднего для предыдущих кризисных месяцев уровня. ■

ПОТРЕБЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ В МИРЕ УПАЛО ВПЕРВЫЕ ЗА 27 ЛЕТ

Объем потребления первичных энергоносителей в мире в 2009 году сократился на 1,1 процента, что стало худшим показателем с 1982 года. Такие сведения содержатся в ежегодном *Statistical Review of World Energy* компании BP. Объем потребления составил 11,164 миллиарда тонн нефтяного эквивалента.

Потребление нефти в мире упало на 1,7 процента. В развитых странах, входящих в ОЭСР, падение составило 4,8 процента. В крупнейшем потребителе нефти — США — спад достиг 4,9 процента. В развивающихся странах снижения потребления зафиксировано не было, но рост составил только 2,1 процента. Он был полностью обеспечен за счет Индии, Китая и стран Персидского залива.

Что касается объемов добычи нефти, то они сократились на 2,6 процента, а в странах ОПЕК — на рекордные 7,3 процента. Особенно сильный спад наметился в крупнейшем производителе нефти в мире — Саудовской Аравии (10,6 процента), а также в Кувейте (11,3 процента) и ОАЭ (12 процентов).

Среди десяти крупнейших нефтедобывающих стран положительную динамику смогли показать только Россия и США. Объемы американской нефтедобычи выросли на 7 процентов до 325,1 миллиона тонн, а российской — на 1,5 процента до 494,2 миллиона тонн. Таким образом, РФ смогла опередить по этому показателю Саудовскую Аравию (459,5 миллиона тонн) и занять первое место в мире.

Доказанные запасы нефти в мире в 2009 году незначительно выросли — на 0,4 процента до 181,7 миллиарда тонн. В России их объем практически не изменился, оставшись на отметке 10,2 миллиарда тонн — ровно столько же, сколько во всей Северной Америке и в 3,3 раза меньше, чем в Саудовской Аравии.

Спад в потреблении природного газа в мире оказался даже более сильным, чем в нефтяной отрасли, составив

2,1 процента. За последние 30 лет это первый случай годового сокращения спроса на газ.

Производство газа сократилось на те же 2,1 процента. Если брать крупнейших производителей, то сильнее всего обвал в добыче газа ощущался в России (-12,1 процента) и Великобритании (-14,1 процента). Однако этот спад был частично компенсирован ростом добычи в США (3,5 процента) и Иране (13,1 процента). Lenta.ru

ЭСТОНИЯ ВСТУПИЛА В «КЛУБ БОГАТЫХ СТРАН»

Эстония вступила в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которую часто называют «клубом богатых стран». Договор о присоединении Эстонии к ОЭСР был подписан 3 июня в Таллине премьер-министром страны Андрусом Ансипом и генеральным секретарем организации Анхелем Гурриа, сообщает AFP.

Приглашение вступить в ОЭСР Эстония получила 27 мая вместе с Израилем и Словенией. В тот же день эстонский премьер-министр его принял. Полноправным участником ОЭСР Эстония, как ожидается, станет до конца текущего года, после того, как правительство страны ратифицирует договор.

ОЭСР объединяет более 30 развитых стран, в том числе США, Великобританию, Японию, Германию, Испанию и Италию. На долю стран, входящих в ОЭСР, приходится две трети мирового ВВП. Россия в организацию не входит, хотя получила приглашение о вступлении еще в 2007 году.

ЕС ДОПУСТИЛ США К БАНКОВСКИМ ДАННЫМ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Евросоюз и США 28 июня подписали договор, в соответствии с которым американские спецслужбы, ведущие борьбу с терроризмом, смогут получить доступ к банковским данным европейцев. Об этом сообщает AFP.

Ожидается, что соглашение вступит в силу с 1 августа. Однако для этого договор еще должен быть одобрен Европарламентом. В феврале текущего года аналогичное соглашение парламентариями ЕС было заблокировано.

Германия стала последним европейским государством, согласившимся одобрить The Terrorist Finance Tracking Programme, предложенную США, отмечает Deutsche Welle. По инициативе германских властей в условия соглашения ЕС и США были внесены многочисленные поправки.

В соответствии с программой спецслужбы США смогут отслеживать международные денежные переводы в европейских банках с помощью межбанковской системы платежей SWIFT. Однако автоматически эти данные американцы получить не смогут: им потребуется максимальное обосновать каждый запрос на предоставление данных.

Из обзора еженедельников «ленты»

... Стабилизационный фонд, искусственный валютный курс и беспрецедентное участие государства в регулировании финансовых рынков — таковы новые реалии еврозоны. «Для полного схождения с Россией не хватает только приоритетного нацпроекта по развитию АПК и суверенной демократии», — пишет Сергей Минаев во «Власти» («Товарищ евро»).

... «Спаси рядового евро» призывает с обложки и «Профиль». Заголовок материала, посвященного этой теме, иллюстрирует масштаб проблемы — «Если завтра война...» Грецию уже профукали — сейчас самое время договариваться с кредиторами других проблемных стран — в первую очередь, Испании и Португалии — вот главное настроение статьи. В ее тексте эксперты немисливо часто повторяют сочетание «второй виток кризиса» и объясняют, чем может грозить России падение евро: отток капиталов, ухудшение конкурентоспособности российских товаров...

... «Афинам требуется евроремонт», — констатирует «The New Times». В то время как «кризис проверяет ЕС на прочность», в экономическом плане «дальнейшее будет зависеть от бюджетной политики Греции» — именно так осторожно оценивают ситуацию российские эксперты. Французский экономист Жак Сапир более пессимистичен в прогнозах: «Осталось две недели, чтобы спасти единую валюту» («Если завтра дефолт»).

... «Союз для хорошей погоды» — два сборка «Эксперта» — в Лондоне и Берлине — сошлись, чтобы написать о финальной черте, к которой подошел Евросоюз. Переступит или нет — вот в чем интрига, считают авторы материала.

ЛИДЕРЫ СТРАН ЕВРОЗОНЫ ДОГОВОРИЛИСЬ О СОЗДАНИИ АНТИКРИЗИСНОГО ФОНДА

Лидеры 16 стран, входящих в Еврозону, в ночь с 7 на 8 мая приняли решение о создании антикризисного фонда, который должен смягчить последствия роста государственной задолженности стран объединения. Как отмечает газета *The Wall Street Journal*, участники встречи договорились выработать конкретные антикризисные механизмы уже к понедельнику 10 мая.

Из каких именно источников будет наполняться фонд, пока точно не известно... Какова будет сумма стабилизационного фонда, издание не уточняет. Между тем *AFP*, ссылаясь на свои источники, отмечает, что его объем может составить до 70 миллиардов евро...

Сложности в странах Еврозоны были усугублены обострением финансового кризиса в Греции, размер государственного долга которой превысил 100 процента ВВП, а бюджетного дефицита — 12 процентов ВВП. В целях недопущения дефолта в Греции ЕС совместно с МВФ решили передать Афинам в течение трех лет кредит на сумму 110 миллиардов евро, причем 80 миллиардов из них обязан предоставить ЕС.

...При этом, как напоминает *AFP*, 13 из 16 стран — участниц Еврозоны сами находятся в группе риска из-за превышения ими предельного бюджетного дефицита.

...В самой Греции известие о предоставлении помощи вызвало резко негативную реакцию, вылившуюся в уличные беспорядки. Причиной такого отношения стало то, что в обмен на кредит правительство страны согласилось на непопулярные меры по сокращению бюджетных расходов.

НАЗВАН ПРИМЕРНЫЙ РАЗМЕР АНТИКРИЗИСНОГО ФОНДА ЕС

Размер антикризисного фонда, о создании которого договорились лидеры стран Евросоюза, может достичь 600 миллиардов евро. Об этом сообщает *AFP* со ссылкой на источники в дипломатических кругах.

Из каких источников будет финансироваться фонд, точно не известно. По данным агентства, при его

формировании будут задействованы двусторонние займы и различные формы кредитов. Ожидается также, что будут привлечены средства МВФ.

...Решение о создании антикризисного фонда было принято в ночь на 8 мая. Таким образом, Евросоюз надеется поддержать европейские страны, которые не в состоянии самостоятельно справиться с ростом государственного долга. Эти меры необходимы, чтобы не допустить дальнейшего падения общеевропейской валюты.

Главной причиной падения евро, которое наблюдается в последнее время, экономисты называют риск дефолта в Греции. Ранее ЕС вместе с МВФ приняли решение выделить этой стране кредит в 110 миллиардов евро для поддержания ее экономики (30 миллиардов предоставит МВФ, оставшуюся сумму — ЕС).

САРКОЗИ ПРИГРОЗИЛ МЕРКЕЛЬ ВЫХОДОМ ФРАНЦИИ ИЗ ЕВРОЗОНЫ

Президент Франции Николя Саркози в мае пригрозил вывести свою страну из еврозоны в том случае, если канцлер Германии Ангела Меркель не согласится одобрить план по созданию фонда для поддержки членов ЕС. Угроза подействовала, и Меркель план одобрила. Об этом сообщила испанская El País со ссылкой на заявление премьер-министра Испании Хосе Луиса Родригеса Сапатеро.

О том, что Саркози подобным образом грозил Меркель, испанский премьер сообщил в своем выступлении перед членами Социалистической партии Испании 12 мая. Пресс-секретарь Саркози отказался комментировать слова Сапатеро.

El País, которая не сообщила, как именно она получила информацию, утверждает, что Франция, Италия и Испания давили на Германию, с тем чтобы правительство поддержало план по созданию финансового механизма по поддержке экономик стран — членов ЕС.

Газета пишет, со слов Сапатеро, что Саркози требовал от всех членов-стран ЕС безоговорочного согласия на создание фонда. Президент Франции якобы стучал кулаком по столу и обещал выйти из зоны евро, что и заставило Меркель поддержать план по созданию фонда объемом в 750 миллиардов евро.

Средства из фонда, о создании которого было объявлено 9 мая, пойдут на помощь тем странам еврозоны, которым необходима стабилизация национальной финансовой системы.

«Если в момент, когда все оказалось на грани краха, Европа не сможет объединиться и дать адекватный ответ, то в существовании евро нет смысла», — заявил Саркози.

ФРАНЦУЗСКИЙ ФИЛОСОФ ОБЪЯСНИЛ КРИЗИС В ЕВРОПЕ СОЮЗОМ БЕРЛИНА С МОСКВОЙ

Известный французский философ и интеллектуал, 73-летний Андре Глюксманн (Andre Glucksmann) в интервью изданию Welt заявил о распаде франко-германского союза, который, по его словам, являлся главной движущей силой ЕС. По мнению Глюксманна, причина разлада в том, что Берлин отвернулся от Парижа, обратившись в сторону Москвы. Именно этим, как отметил философ, объясняется сегодняшний кризис в Европе.

...Одним из неперемennых условий сохранения будущего европейского единства Андре Глюксманн назвал проведение общей энергетической политики, что предусматривает отказ Германии от наметившихся за последние годы единоличных действий в этой сфере, когда ФРГ, по его словам, развивает энергетическое сотрудничество с Россией, не обращая внимание на то, что соседи по Европе — прибалтийские государства и Польша, а также Украина — выступают против.

ГЕРМАНИЯ ПОДДЕРЖАЛА УПРОЩЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗВОДОВ В ЕВРОПЕ

Правительство Германии поддержало процедуру упрощения разводов в ЕС. На встрече министров юстиции Евросоюза глава Минюста ФРГ Сабина Лойтхойсер-Шнарренбергер (Sabine Leutheusser-Schnarrenberger) заявила о своем согласии с соответствующей инициативой, выдвинутой представителями 13 государств ЕС, сообщает AFP.

...По данным властей Евросоюза, ежегодно в ЕС регистрируется около миллиона разводов. При этом в 140 тысячах случаев речь идет о людях, имеющих разное гражданство.

МЕРКЕЛЬ И САРКОЗИ СОГЛАСИЛИСЬ НА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози в ходе прошедших в Берлине переговоров достигли принципиального согласия

Современный архив

в вопросе создания общеевропейского экономического правительства для всех 27 стран — членов ЕС, сообщает DPA.

При этом, однако, в случае необходимости стороны согласились на проведение чрезвычайных консультаций с участием представителей не 27, а лишь 16 стран ЕС, которые непосредственно входят в еврозону. Таким образом, ФРГ и Франция частично уладили существовавшие разногласия в вопросе проведения общеевропейской экономической политики.

Как отмечает Tagesschau, ряд наблюдателей расценили это как возрождение франко-немецкого европейского тандема. Ранее между сторонами возникло охлаждение; именно оно, по предположению некоторых немецких СМИ, даже послужило причиной внезапного переноса запланированных 7 июня переговоров Саркози и Меркель.

В вопросе создания экономического правительства ЕС Франция и Германия изначально отстаивали принципиально разные позиции. В частности, Николя Саркози предлагал создать совершенно новую властную и административную структуру из 16 государств — членов еврозоны с собственным секретариатом.

Со своей стороны Ангела Меркель высказалась категорически против создания «новых институтов». Кроме того, Меркель настаивала, что в общее экономическое правительство должны входить все 27 стран — членов ЕС, а не только государства еврозоны. По словам канцлера, в будущем правительстве не должно быть разделения на «участников первого и второго класса»...

ХРИСТИАНСТВО ПО-ПРЕЖНЕМУ ИГРАЕТ ВАЖНУЮ РОЛЬ В ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙЦЕВ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОПРОС

Почти две трети европейцев считают христианские ценности по-прежнему важными для современной жизни и поддерживают усилия Церкви по пропаганде этих ценностей. К таким выводам пришли социологи Института общественного мнения Франции (IFOP), проводившие опрос для католической газеты La Croix, сообщает «Благовест-инфо» со ссылкой на [Ecumenical News International \(ENI\)](#).

«Независимо от того, являются ли они сами практикующими христианами, большинство европейцев признают особое место этой религии, в ее католической, протестантской или православной формах, — пишет газета. — Идеи

христианства по-прежнему современны для двух третей, но еще на одну треть это не распространяется. Христианство остается характерным элементом культуры Старого Света, но оно утратило свою исключительность».

Исследование проводилось в Великобритании, Франции, Германии, Италии и Испании. 57% респондентов считают присутствие христиан в обществе «заметным», 28% — «недостаточно заметным» и 15% — «слишком заметным».

61% европейцев считают, что «идеи и ценности» христианства в наше время актуальны. Но только в Италии большинство опрошенных уверены, что церкви эффективно работают, проповедуя эти ценности среди молодежи. В остальных странах от 74 до 80% придерживаются противоположного мнения.

48% европейцев считают, что христианские ценности играют ключевую роль в «развитии диалога между различными культурами и религиями» и «солидарности с бедными», и только 13% согласны, что принципы христианства играют существенную роль при решении вопросов биоэтики, миграции или экологии.

Чуть больше 80% согласились, что приоритетными задачами Церкви в XXI веке должны стать мир во всем мире и победа над бедностью в своей стране, около трети респондентов считают, что для Церкви главное «быть доступной в ключевые моменты жизни», и 20% — что приоритет Церкви — «распространять учение Христа».

«Укорененность европейцев в христианстве слишком глубока, чтобы ее могли поколебать современные веяния», — отмечает La Croix в комментарии к опросу. Газета отмечает разницу во взглядах между странами — французы более склонны критиковать Церковь, чем итальянцы. В Британии и Германии, где религиозный плюрализм и сосуществование разных вер «имеет глубокие исторические корни», больше людей сожалеют о неспособности традиционных церквей противостоять популярности новых религиозных течений.

«Для англичан религия — это прежде всего частное дело человека», — пишет газета. По мнению британцев, Церковь должна помогать людям в важные моменты их жизни, а не бороться за мир, «тогда как в Германии признают важную роль церквей в социальной жизни». Во Франции, где большинство населения не религиозно, верующие католики придерживаются более традиционных взглядов, чем их единоверцы в Италии и Испании (Newsru.com). ■

ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА И РОССИЯ

Алла ЯЗЬКОВА

В статье представлены основные аспекты политики России в регионе Южного Кавказа и ее отношений с Азербайджаном, Арменией и Грузией. Рассмотрены основные составляющие этих отношений после распада СССР: энергетический фактор и его воздействие на характер региональной политики РФ в ее взаимоотношениях с США, Евросоюзом и НАТО; политико-этнические конфликты как основа региональной нестабильности

После августовского (2008) вооруженного конфликта ситуация в регионе существенно изменилась. «Пятидневная война» привела к разрыву дипломатических отношений между Россией и Грузией. По разным причинам повысилась заинтересованность региональных держав Турции и Ирана в развитии отношений с Арменией и Азербайджаном и урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха. В то же самое время резко возросла «конкуренция трубопроводов», по которым каспийские энергоресурсы уже поставляются или будут поставляться в Европу.

Многовекторность политики государств Южного Кавказа обусловлена самим их геополитическим положением. Находясь на перекрестке многосторонних противоречий крупных мировых держав, они вынуждены сохранять баланс в отношениях с ними. Что же касается России, то решение задач поддержания стабильности на ее южных рубежах, равно как и исторический фундамент отношений с народами Южного Кавказа, диктует необходимость преодоления существующих противоречий в отношениях с государствами Южного Кавказа, с одной стороны, и международным сообществом — с другой.

«Кавказский вопрос» издавна играл особую роль в политике России, будучи в свое время острейшим узлом ее противоречий с Османской империей и Персией, а затем с Великобританией и Францией, Ираном и Турцией. В XIX веке Российская империя вела длительную войну за завоевание Северного Кавказа, сопровождавшуюся массовыми жертвами, а в ряде случаев и поголовным истреблением местного населения. Но наряду с этим создавался исторический фундамент отношений с народами Кавказа, тесного, хотя и противоречивого, взаимодействия на различных этапах совместно прожитой истории. Сложившаяся в годы советской власти система отношений между союзным центром и

союзными республиками в известной мере предопределила распад СССР. Советский Союз был обречен по многим причинам, но также и потому, что изначально строился и держался на принципах, далеких от признания суверенных прав учредивших его республик, замечают авторы интереснейшей публикации документов о национальной политике коммунистической партии и советского государства¹.

Российская Федерация (до распада союзного государства — РСФСР) переживала в конце 1980-х годов не меньшие трудности, чем остальные районы бывшей «империи». Однако ослабление союзного Центра, все больше воспринимавшегося как «Россия», положило

конец идеологической и политической общности национальных и российских элит. В этих условиях закавказские республики первыми попытались вырваться из-под опеки Москвы. Вооруженное подавление проходивших под демократическими лозунгами протестных демонстраций в Тбилиси (9 апреля 1989 г.) и Баку (20 января 1990 г.) сопровождалось поддержкой сепаратизма автономий в Грузии и Азербайджане.

ПЕРЕКРЕСТОК МНОГОСТОРОННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

После распада СССР противоречивость российской политики на Кавказе определялась кризисом идентичности российских политических элит, консервативная часть которых взяла курс на поддержку сепаратизма. Политические элиты самих бывших союзных республик также не смогли вписать свою национальную политику в русло заявленных ими демократических преобразований. Это, в свою очередь, способствовало подъему сепаратизма бывших советских автономий (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах), сделавших ставку на поддержку со стороны России. Вооруженные столкновения начала 1990-х годов уже тогда привели к массовым жертвам и депортациям грузин из Абхазии, азербайджанцев — из Нагорного Карабаха и прилегающих к нему территорий.

В грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. дислоцированные на Кавказе российские (бывшие советские) воинские подразделения не только передавали оружие абхазской стороне, но, совместно с северокавказскими «добровольцами», активно участвовали в боевых операциях². В то же время политическое руководство РФ прилагало усилия к нормализации отношений с Тбилиси: в феврале 1994 г. был подписан российско-грузинский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который, однако, не был ратифицирован Государственной Думой, не поддержавшей неоднократных представлений его на ратификацию президентом и МИД РФ.

Отношение российской стороны к армяно-азербайджанскому вооруженному конфликту 1992–1994 гг. (в 1994 г. на Бишкекском саммите СНГ воюющей стороной был признан также и Нагорный Карабах) сопровождалось попытками России укрепить свое военное присутствие в Армении и не допустить вовлечения в конфликт Турции и Ирана³. В последующие годы Россия стремилась поддерживать известный баланс в отношениях с Азербайджаном и Арменией, чего нельзя сказать о российско-грузинских отношениях, последовательное ухудшение которых привело к августовскому

вооруженному конфликту между Грузией и Россией в августе 2008 года.

Дело, конечно, было не только в поддержке сепаратизма бывших советских автономий. Основные побудительные мотивы российской политики были значительно шире и состояли в том, чтобы ограничить расширение влияния Запада на постсоветском пространстве. Это стало особенно очевидным после того, как в середине 1990-х годов появились реальные перспективы эксплуатации масштабных запасов нефти и газа на морских месторождениях Каспия. Экспертные оценки о размерах запасов нефти и газа Азербайджана варьируются в широких пределах — от 1 до 6 млрд. тонн нефти и от 0,5 до 4 трлн. куб.м газа⁴. Поворотным моментом в разработке основных нефтяных месторождений (Азери, Чираг и Гюнешли) стало подписание «контракта века» с участием 12 ведущих нефтяных компаний из 8 стран мира. В 1996 — 2007 гг. были заключены еще 26 международных контрактов с участием около 40 компаний, в их числе BP, Exxon и российский «Лукойл», получивший 10% в разработке газоконденсатного проекта Шах-Дениз⁵.

Значение нефтяных и газовых ресурсов Черноморско-Каспийского региона существенно возросло после 1994 года, когда международный консорциум приступил к прокладке магистральных нефте- и газопроводов. Это привело и к тому, что для всех трех стран Южного Кавказа стал все более важным поиск собственной ниши в международной экономике и политике. Как подчеркивают Э.Исмаилов и В.Папава, их прогресс, исходя из «малых потенциалов» экономик, предопределен степенью их открытости и темпами их интегрирования в международную экономическую систему⁶.

Для транспортировки нефти первоначально использовались «северный» (Баку — Новороссийск) и «западный» (Баку — Супса), а после запуска в мае 2005 г. «основного», магистрального нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД), в котором контрольный пакет (55,1%) принадлежал Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР) и британской BP, борьба вокруг транспортировки каспийской нефти еще более обострилась⁷.

Азербайджан стремится извлечь максимальную пользу также и из своего начавшегося в 2007 году газового экспорта, который затем был бы подкреплен дополнительными возможностями Казахстана и Туркмении. При этом обсуждаются и предложенный Россией с выходом через Черное море на Европу Прикаспийский маршрут газопровода, и раскручиваемый Европейским

Союзом и США магистральный проект Nabucco, по трубе которого, длиной 3 тысячи км, мощностью 30 млрд. куб.м газа в год, Европа рассчитывает получать газ из стран Центральной Азии и Каспийского региона⁸. Газопровод должен пройти по сухопутному маршруту из Азербайджана через Грузию, Турцию, Болгарию, Венгрию и Австрию. В его пользу высказались участники международной конференции на высоком уровне, завершившейся в конце января 2009 г. в Будапеште⁹.

В начале 2010 г. переговорный процесс по альтернативных путей транспортировки каспийской нефти активизировался, при этом на роль одного из ключевых «игроков» в поставках углеводородного сырья на европейский рынок по-прежнему претендует Азербайджан. В первых числах июня президенты Азербайджана и Турции подписали пакет контрактов по энергетическим вопросам, в их числе соглашение о закупке Турцией у Азербайджана 6 млрд. куб.м газа с целью их последующей перекачки в Европу. Из последующих заявлений турецких политиков очевидно, что речь в этом случае идет о реализации проекта Nabucco, предполагающего транспортировку газа в европейские страны в обход России. Планируется также реализация проектов ITGI (Турция, Греция, Италия) и TAP (Трансадриатический газопровод)¹⁰. Все они, в случае их реализации, становятся конкурентами российских трубопроводных систем — «Голубой поток» и «Южный поток», перспективы которых осложнились после отказа Болгарии от участия в соответствующих проектах и поддержке проекта Nabucco¹¹. Российской стороне, скорее всего, придется выбирать между поиском возможностей сотрудничества и конфронтацией в условиях, осложненных результатами августовского вооруженного конфликта 2008 года.

Как известно, во время боевых действий в зоне конфликта прекратили функционировать практически все энергетические и коммуникационные проекты, проходящие через территорию Грузии. Встали нефтепроводы Баку–Тбилиси–Джейхан, не транспортировалась нефть по железнодорожному маршруту Баку–Батуми, а Казахстан принял решение отказаться от строительства нефтеперерабатывающего завода в районе Батуми.

Версия о нефтяной подоплеке августовского конфликта стала важной темой западных информационных сообщений. Ведущие мировые телеканалы постоянно показывали горящие вагоны с нефтью компании «Azpetrol», и, по оценке ряда экспертов, энергетическая подоплека военных действий вокруг Южной Осетии и Абхазии состояла в том, чтобы, действуя силовыми методами или демонстрируя потенциал их применения, перекрыть

возможности транзита энергоресурсов через территорию соседней страны¹².

В то же время сразу же появились новые, альтернативные предложения. Ссылаясь на ряд турецких экспертов и политиков, сотрудник Кавказского Института средств массовой информации С. Минасян полагал, что в создавшихся условиях Армения «могла бы стать альтернативой для прохождения газопровода, идущего на Запад со стороны Каспийского моря по территории Грузии, ставшей ненадежной после российской интервенции», а визит турецкого президента А.Гюля в Ереван «создал рамки кардинально новой политической и коммуникационной ситуации во всем регионе Южного Кавказа»¹³.

Пока еще не преодоленным препятствием для такого переформатирования отношений в южнокавказском треугольнике остается полярная противоположность по-зиций Армении и Азербайджана по поводу статуса Нагорного Карабаха. В то же время Азербайджан заявил о своей готовности оказать Грузии экономическую помощь, которая, по мнению руководства Азербайджана, «важнее политических деклараций». В частности, азербайджанская государственная нефтяная компания SOCAR в декабре 2008 года подписала контракт о поставках в Грузию натурального газа по льготным ценам, а также согласилась инвестировать ряд отраслей экономики Грузии¹⁴.

США, ЕВРОСОЮЗ, НАТО В ФОКУСЕ ЮЖНОКАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ

На протяжении последних двух десятилетий Южный Кавказ оставался в сфере постоянного внимания ведущих мировых держав и их центров — США и Евросоюза. Вторжение США стало заметным уже во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов, при этом американские интересы и цели, несомненно, имеют долгосрочный характер. Как это неоднократно отмечалось в американских публикациях, решение стратегических задач в этом регионе предполагает необходимость «сдерживания России», но при этом активность соответствующих американских акций напрямую зависит от состояния на данный момент российско-американских отношений и характера политики России на Южном Кавказе. Это же относится и к проблемам регулирования множественных этнополитических конфликтов и трансграничной оргпреступности. По признанию ведущих американских экспертных организаций, их наличие представляет собой прямую угрозу интересам американских нефтяных монополий, поэтому США будут и впредь контролировать ситуацию в нестабильных районах, по возможности взаимодействуя с Россией.

Однако, как показал опыт российско-грузинского вооруженного конфликта, грузинская сторона явно переоценила степень реальной поддержки со стороны США и тех обещаний, которые раздавал президент Буш во время визита в Грузию в мае 2005 года. По мнению автора статьи в *Financial Times* А.Ливена, «Саакашвили имел основания полагать, что если он начнет войну с Россией и будет терпеть поражение, то США придут к нему на помощь»¹⁵. Но, как выяснилось впоследствии, вопрос о военном противостоянии с Россией, по оценке той же *Financial Times*, даже и не рассматривался ни США, ни их союзниками по НАТО¹⁶. Впоследствии, однако, стало известно, что в рамках администрации Дж. Буша все же рассматривалась возможность нанесения ударов по российским вооруженным формированиям, вторгшимся на территорию Грузии — шаг, который мог бы возмездием катастрофические последствия¹⁷.

В то же время августовские события стали для ряда американских политиков и экспертов отправной точкой для разработки планов и рецептов «противодействия глобальной российской экспансии».

Так, основной посыл опубликованного в январе 2009 года американским Фондом Наследия обширного доклада¹⁸ сводится к тому, что до наступившего глобального финансового кризиса высокие цены на нефть, натуральный газ и металлы, а также торговля оружием «позволили России восстановиться в качестве мировой державы и бросить вызов западному миру». Авторы утверждают, что война с Грузией имела своей целью «силовое восстановление экономического доминирования России на Кавказе и предотвращение появления нефтяных и газовых трубопроводов на территории Грузии вне российского контроля». Поэтому приоритетным направлением политики администрации Барака Обамы должно, по мнению авторов доклада, стать «сдерживание сомнительных шагов России».

Как об этом свидетельствуют документы администрации Барака Обамы, в планы США не входит прямое обострение отношений с Россией в Черноморско-Каспийском регионе, но поддержка суверенитета, территориальной целостности и демократических свобод в странах Южного Кавказа может стать более настойчивой. Согласно заявлению госсекретаря США Хиллари Клинтон, российский военный ответ на действия Грузии «был непропорциональным и противозаконным», как и решение признать Абхазию и Южную Осетию. США могут поддерживать территориальную целостность Грузии, ее экономическое восстановление и демократическое развитие и, в то же время, работать с Россией по вопросам общих стратегических интересов, утверждая демократические

принципы международных отношений в противовес устаревшим доктринам «раздела сфер влияния»¹⁹.

Параллельно с политическим курсом США формируется стратегия постепенного внедрения в южнокавказский регион НАТО, непосредственно связанная с целями поддержания стабильности на трассах нефте- и газопроводов. Созванное в Тбилиси уже после августовского вооруженного конфликта специальное заседание Совета НАТО не назвало конкретных сроков предоставления Грузии Плана действий по членству (MAP), что было обусловлено разногласиями по этому вопросу между США и ключевыми европейскими странами. Тогдашний генсек НАТО Яаап де Хооп Схеффер также заметил, что «при обсуждении проблем Грузии и перспектив их решения невозможно не учитывать фактор РФ»²⁰.

После августа 2008 года политика США и НАТО на Южном Кавказе сфокусировалась на более длительные сроки, что нашло свое выражение в подписании в Тбилиси документа о создании комиссии Грузия — НАТО (аналог советов Россия — НАТО и Украина — НАТО), а также — еще до прихода новой американской администрации — Хартии о стратегическом партнерстве между США и Грузией. Характерно, что, назвав подписанный документ «символической дорожной картой», «Интернэшнл Геральд Трибюн» тем не менее усомнилась, будет ли вновь избранный президент Барак Обама поддерживать грузинское руководство с таким же энтузиазмом, как это делала администрация Буша²¹.

Политика Европейского Союза на Южном Кавказе изначально имела преимущественно прагматический характер — Евросоюз был одним из основных инициаторов и инвесторов Евроазиатского транспортного коридора (ТРАСЕКА), который должен связать Европу со странами Центральной Азии, Среднего Востока, Китаем и Японией и обеспечить кратчайшие пути доставки в Европу каспийских энергоносителей. В июле 2003 г. по инициативе Греции была утверждена должность специального представителя для Южного Кавказа, подобного тому, как ЕС имеет для России и Украины²². А в 2004 было принято решение о включении южно-кавказских государств в программу «Новое европейское соседство», представляющую собой некую альтернативу включения государств Южного Кавказа, Украины и Молдавии в европейские интеграционные процессы.

Одной из первых акций Евросоюза на Южном Кавказе стала его попытка повлиять на разрешение «замороженных конфликтов» в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Согласно заявленной специальным представителем ЕС на Южном Кавказе П. Семнеби официальной позиции, ЕС безусловно заинтересован в

стабильности в этом регионе, перечисленные конфликты не имеют военного решения, поэтому их урегулирование возможно лишь посредством переговоров конфликтующих сторон, при обязательном участии России²³.

Несмотря на предпринимаемые в рамках Евросоюза и ОБСЕ попытки разрешения «замороженных конфликтов», дело с места не сдвинулось. Во многом это было обусловлено экономическими интересами различных групп элит в конфликтных районах и за их пределами, а также противостоянием консервативных и демократических сил, сложившимся на этапе распада СССР и пока еще не преодоленным на пост советском пространстве. К тому же международные посредники, в их числе и Россия, каждый исходя из своих интересов, поддерживали одну из конфликтующих сторон и тем самым препятствовали урегулированию конфликта. Весьма существенную роль играют также противоречия между глобальными экономическими интересами международных группировок, стремящихся к контролю над добычей и транспортировкой энергоресурсов, черноморскими портами, транскавказскими магистралями, евроазиатскими товаропотоками, рынками сбыта и инвестициями²⁴.

Сразу же после начала российско-грузинского вооруженного конфликта председатель ЕС Н.Саркози, совместно с президентом РФ Д. Медведевым и президентом Грузии М.Саакашвили подписал 12 августа план немедленного прекращения военных действий и отвода войск на исходные позиции. Созванный 1 сентября Чрезвычайный Совет ЕС в Брюсселе принял специальный документ по поводу «развязанного Грузией открытого конфликта», приведшего к «насилию и неправомерной реакции со стороны России». В документе осуждалось «одностороннее решение России признать независимость Абхазии и Южной Осетии» и, вместе с тем, выражалась уверенность в том, что Россия сделает свой фундаментальный выбор в пользу взаимопонимания и сотрудничества²⁵. Главы государств и правительств 27 стран ЕС, специально собравшиеся после этого в Брюсселе (раньше они собирались в таком составе только один раз — в 2003 году в связи с начавшейся войной в Ираке), вновь осудили «непропорциональное применение силы против Грузии» и несогласованное с мировым сообществом признание независимости Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, кавказский кризис, а затем и «газовая война» с Украиной поколебали доверие между Россией и ЕС, сделав лейтмотивом дальнейших действий Евросоюза, несмотря на существующие в его среде разногласия, ослабление энергетической зависимости от России²⁶. Это же способствовало продвижению выдвинутой в мае 2008 года инициативы Польши и Швеции о

создании новой региональной организации «Восточное партнерство» с участием ряда стран Причерноморья и Южного Кавказа. Эта новая геополитическая конструкция может стать еще одной заявкой на перехват лидерства России на постсоветском пространстве и уже сейчас вписывается в общий контекст восточной политики Евросоюза.

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ ЖДЕТ СВОЕГО РЕШЕНИЯ

Оценивая нынешнюю ситуацию в регионе Южного Кавказа, нельзя не указать на несовместимость, по крайней мере, двух характеристик его современного развития: утверждение его роли как транспортного пути каспийских энергоресурсов, с одной стороны, и эпицентра целого ряда «замороженных» этнополитических конфликтов, с другой. К чему это может привести, стало ясным во время августовской (2008) «пятидневной войны», когда под вопросом оказалась безопасность энергетических транспортных коридоров. В этой связи стоит напомнить, что еще в середине 1990-х годов, после абхазско-грузинского конфликта, тогдашние абхазские политики прямо предупреждали руководство международных нефтяных компаний о высоких политических рисках строительства трубопроводов по территории Грузии²⁷. После августа 2008 г. возникли предложения о необходимости альтернативных энерго-транспортных путей через Южный Кавказ, но для их реализации необходимо «разморозить» армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха. И не случайно, что эта проблема уже в августе 2008 г. активно обозначилась в политике региональных и мировых держав.

Сложившимся положением сразу же воспользовалась Турция, усмотрев в нем возможность повышения своей роли в делах Южного Кавказа. В основу дальнейших переговоров по урегулированию конфликта вокруг НКР были положены сформулированные Минской группой ОБСЕ в ноябре 2007 г. и обновленные в июле 2009 г. «Мадридские принципы». В обновленном варианте особо выделялась необходимость наделения Нагорно-Карабахской республики промежуточным статусом, идея проведения референдума была отодвинута на второй план. В то же время предполагалось приступить к поэтапному (в разных вариантах) освобождению оккупированных районов Азербайджана, окружающих территорию НКР. В дополнение к «Мадридским принципам» Турцией и Арменией были подписаны Цюрихские протоколы, которые, однако, не были ратифицированы и не вступили в силу из-за отказа Армении увязать открытие

границы с Турцией с началом урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

В конце апреля 2010 года, после отказа Армении в условленные сроки ратифицировать Цюрихские протоколы, свои посреднические услуги в урегулировании карабахского конфликта предложил Иран, остающийся для Армении главным торговым партнером, а после августовского {2008} конфликта и практически единственным сухопутным путем. Но после очередного обострения «иранской проблемы» и принятия 9 июня Советом Безопасности ООН Резолюции, содержащей пакет новых санкций в отношении ядерных программ Ирана, вопрос отпал сам собой.

Становится все более очевидным, что альтернативой нарастающему напряжению вокруг Нагорного Карабаха могли бы стать прямые переговоры конфликтующих сторон, поддержанных заинтересованными региональными и мировыми державами. Пока неясно, как скоро это

станет возможным, но такое решение представляется безальтернативным.

Очередной попыткой внести ясность в позиции возможных международных посредников стала одобренная Европейским парламентом в начале июня Резолюция 2216, содержащая требование «вывода армянских сил из всех оккупированных районов Азербайджана». Тогда же на встрече Президента РФ Д.А.Медведева с канцлером ФРГ Ангелой Меркель было принято решение о совместном поиске путей урегулирования «замороженных» конфликтов. И, несмотря на высокий уровень сотрудничества с Арменией, позиция России по поводу урегулирования конфликта вокруг НКР формулируется в соответствии с согласованными Минской группой принципами. Главное, чтобы процесс продолжался на основе соблюдения территориальной целостности Азербайджана и уважения других основополагающих норм международного права, без применения силы,

говорилось в Заявлении МИД РФ от 24 мая, принятом на следующий день после проведения парламентских выборов в НКР.

Что же касается Соединенных Штатов, то, по оценке многих экспертов, выдвижение на первый план задач, связанных с завершением вооруженных конфликтов в Афганистане и Ираке, и известное ослабление американского фактора на Южном Кавказе привели к регионализации «карабахской проблемы». Но это, конечно же, не означает, что в случае вооруженного конфликта западные, прежде всего, американские монополии, владеющие на Южном Кавказе миллиардными энергопроектами, позволят пустить свои капиталы «по каспийским ветрам». О необходимости предотвращения на Южном Кавказе вооруженных конфликтов недавно заявил и генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмунсен.

Все сказанное говорит о том, что решать «проблему Нагорного Карабаха» так или иначе придется. Поэтому важно уже сегодня продумывать варианты этого решения и, что не менее важно, создавать для него предпосылки в общественном мнении конфликтующих сторон.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Импульсивная политика Саакашвили предоставила российскому руководству возможность не только «поставить грузинского президента на место», но и показать, что Россия не намерена далее терпеть «вторжение внешних сил в сферу своих интересов» и будет впредь руководствоваться созданным Западом *прецедентом* Косово. Такого рода решение стало очевидным уже после апрельского (2008 г.) саммита НАТО, где Грузия и Украина, хотя и не получили искомого «Плана действий по членству — MAP», но были в принципе подтверждены перспективы их членства в НАТО. Характерно, что вскоре после этого, во время визита в Москву Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна его внимание было привлечено к тому, что «косовский прецедент негативно сказался на общей атмосфере отношений между Грузией и Абхазией»²⁸. За этим последовал ряд шагов, направленных на демонстративное сближение Москвы с грузинскими автономиями и нежелание идти на переговоры по этим вопросам с грузинским лидером, что дискредитировало его имидж как «объединителя грузинских земель».

Согласно утверждениям ряда американских политиков и аналитиков, проблемы безопасности на Южном Кавказе стали после августовских событий 2008 года еще более актуальными, а сам этот регион превратился в один из наиболее спорных в российско-американских

отношениях. Понимая, что в целом американская политика на Южном Кавказе была неудачной и даже «провальной», администрация Б.Обамы сосредоточила свои усилия не на противостоянии с Россией по конкретным спорным вопросам, а на поисках их решений.

В более широком контексте политики на Южном Кавказе США предполагают активизировать усилия по разблокированию нагорнокарабахского конфликта, а также более активному привлечению НАТО, возможно при сотрудничестве с Евросоюзом, к обеспечению безопасности энергетической инфраструктуры²⁹, и это выдвигает перед российской стороной многоплановые задачи формирования стратегической линии в этом по многим причинам важным для нее регионе. Рассматривая перспективы отношений России с государствами Южного Кавказа, российский политолог Л.Шевцова справедливо указывала на то, что военный конфликт на Кавказе, приведший Россию к противостоянию с западным миром, а также совпавший с этим мировой финансовый кризис заставляют задуматься о дальнейшей траектории развития самой России и о том, как она отвечает на вызовы, с которыми сталкивается³⁰.

Последние годы ознаменовались преимущественно негативной динамикой экономических отношений России с государствами Южного Кавказа. Объем экспорта Армении в Россию сократился с 2000 по 2005 год с 15 до 10%, для Азербайджана эти цифры остаются незначительными — 4 и 7%, для Грузии они были несколько выше, но существенно понизились после августа 2008 года. Данные об импорте из России в Азербайджан, Армению и Грузию (до августовского конфликта) соответственно 13, 12, и 15 %. Структура российского внешнеторгового оборота со странами Южного Кавказа оставалась неизменной: более половины экспорта РФ приходилось на поставки энергоносителей, а почти четверть импорта — на продовольственные товары.

Что касается военно-политического сотрудничества с Россией, то в нем задействована лишь Армения, будучи членом ОДКБ. В то же время Азербайджан и Грузия являются членами аккредитованной на международном уровне и признанной в ООН организации «За демократию и экономическое развитие — ГУАМ». Характер и деятельности этой организации негативно оценивается в России, нельзя, однако, не считаться с тем, что она признана международным сообществом.

Конфликт с Грузией поставил под сомнение союзнические отношения в рамках СНГ, а по вопросу о признании независимости Абхазии и Южной Осетии ее не поддержал ни один из ее формальных союзников, и это понятно: отказ Москвы от соблюдения принципа

территориальной целостности создавал новый, опасный для ряда ее соседей *прецедент*. В результате конфликта Грузия потеряла Абхазию и Южную Осетию, но и Россия надолго потеряла Грузию, отношения с которой еще Российская империя выстраивала на протяжении столетий. Не стоит также забывать и того, что союзнические отношения с Грузией являлись гарантией безопасности южных рубежей России: на сложном участке Северного Кавказа протяженность российско-грузинской границы составляет почти 1 тыс. км.

Выступая на 45-й международной конференции по политике безопасности в Мюнхене, вице-президент США Джозеф Байден предложил «нажать кнопку перезагрузки и пересмотреть многие области, где мы можем и должны работать вместе». С этим в принципе согласился и присутствовавший на конференции российский вице-премьер Сергей Иванов, имея прежде всего в виду сотрудничество в области ПРО и сокращения стратегических вооружений³¹.

В этой связи не следует забывать и о том, что Каспийско-Черноморский регион по-прежнему остается зоной соприкосновения и столкновения многосторонних интересов России, государств Южного Кавказа и ведущих мировых держав. Решение задач поддержания стабильности на южных рубежах России, равно как и исторический фундамент ее отношений с народами Южного Кавказа, диктует необходимость преодоления существующих противоречий в отношениях с государствами этого региона, с одной стороны, и налаживания в этом регионе сотрудничества с международным сообществом — с другой. ■

Примечания

¹ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? — Москва: Терра, 1992, с.5.

² См. А.Зверев. Этнические конфликты на Кавказе 1988-1994. — Спорные границы на Кавказе. Москва: «Весь мир», 1996, с. 60-61.

³ Там же, с. 34-35

⁴ Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008). Москва: «Красная звезда», 2008, с.61

⁵ Там же, с. 64-65

⁶ Э.Исмаилов, В.Папава. История, политика, экономика. Москва, 2007. С. 117

⁷ В.Мишин (Баку). Нефть в конце трубы. Лишь использование Азербайджаном всех своих транспортных маршрутов

гарантирует стабильность нефтяного экспорта республики. — «НГ-энергия», 11 декабря 2007 года.

⁸ В.Мишин (Баку). Газ Азербайджана хочет в Nabucco. Для республики важны не столько энергетическая безопасность, сколько продажная цена своего газообразного топлива. — «НГ-энергия», 11 марта 2008 г.

⁹ Е.Григорьев. Труба пройдет в обход России. Европейцы высказались в пользу южного газового маршрута Nabucco. — «Независимая газета», 29.01.2009

¹⁰ «Независимая газета», 09.06.2010.

¹¹ «Независимая газета», 17.06.2010

¹² См., например, А.Д.Хайтун. Энергетическая политика России на европейском континенте. Москва, 2008, с. 175.

¹³ С.Минасян. Кавказ после пятнадцатидневной войны. - <http://www.newsarmenia.ru/analytics/29.09.2008>

¹⁴ Fariz Ismailzade. Baku Emphasizes Economic and Humanitarian assistance to Georgia. — Eurasia Daily Monitor. Volume 5, Issue 238. December 15, 2008.

¹⁵ The Financial Times.13.08.2008. Анатолий Ливен — профессор кафедры военных исследований лондонского Кингс-колледжа, старший научный сотрудник фонда New American Foundation

¹⁶ The Financial Times, 10.08.2008.

¹⁷ Assessing the “Reset” and the Next Steps for U.S. Russia Policy. — Samuel Sharap. . April 2010.

¹⁸ Ariel Cohen, Ph.D, Lajos F.Scaszi, Ph.D. Russia’s Drive for Global Economic Power: A Challenge for the Obama Administration. Backgrounder, No 2235, January 30, 2009.

¹⁹ Questions for the Record. Senator John Kerry. Nomination of Hillary Rodham Clinton. Department of State. Secretary of State, Washington, January 2009, pp. 78-79.

²⁰ Коммерсантъ, 17.09.2008

²¹ “The International Herald Tribune” January 10, 2009.

²² The South Caucasus: a challenge for the EU// Chaillot Papers. December 2003, p.159.

²³ «Понедельник». Еженедельное издание Южно-Кавказского Института региональной безопасности, № 36, Тбилиси, сентябрь 2006 г., с.1.

²⁴ П.Леиашвили. О значении исследования экономических аспектов пост советских конфликтов // Кавказ & глобализация. Том 1, 2007. С.40.

²⁵ Council of the European Union. Brussels, 1 September 2008, No 1254/08

²⁶ А.Минеев. Стоит ли торжествовать России после специального саммита ЕС по Грузии? // Новая газета, 04.09 — 07.09.2008.

²⁷ См. «НГ-Энергия», 10.02.2009.

²⁸ МИД. Департамент информации и печати. Сообщение для СМИ о визите Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в Россию. №483. 14-04-2008. Визит Пан Ги Муна в Россию состоится вскоре после провозглашения независимости Косово.

²⁹ Там же

³⁰ Л.Шевцова. Конец эпохи: вперед в прошлое. — «Мир перемен», №4, 2008.

³¹ Независимая газета, 9 февраля 2009.

ВЫБОРЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: НОВИЗНА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Алексей ГРОМЫКО

Всеобщие выборы в Великобритании, которых страна ждала уже давно, состоялись 6 мая 2010 г. В своё время этим ожиданиям не суждено было сбыться: премьер-министр Гордон Браун, занявший место Тони Блэра в июне 2007 г., дал задний ход. Несмотря на благоприятные обстоятельства той осенью, ему показалось, что шансы на убедительную победу лейбористской партии снизились. Знал бы тогда Браун, что лучшей возможности получить у населения демократический мандат у него уже не будет.

С тех пор фортуна повернулась к нему спиной, и главе правительства не оставалось ничего иного, как тянуть максимально долго — пока не подойдёт к концу пятилетний срок, разрешённый британской неписаной конституцией, между парламентскими выборами. Голосование прошло, как и положено согласно всё тем же негласным правилам британской политической жизни, в четверг, да и месяц май — наиболее излюбленный у британских политиков.

Лейбористы пробыли у власти 13 лет, так что жаловаться им не на что. Консерваторы установили такой же рекорд в 1951–1964 гг., затем сами же побили его под руководством М. Тэтчер и Дж. Мейджора в 1979–1997 годах.

Чем запомнится Британии пребывание лейбористов у власти? У всех на слуху и в памяти непростительная ошибка Тони Блэра по втягиванию страны в войну против Ирака, небывалые по размаху антивоенные демонстрации, скандал вокруг подозрений о предоставлении мест в палате лордов в счёт финансовой помощи

правляющей партии, ухудшение российско-британских отношений, катившихся под гору ещё с «дела Березовского». Но всё же вердикт правительствам выносят, прежде всего оценивая их успехи или провалы в деле укрепления благосостояния своих граждан. А в этой области «новым лейбористам» было чем похвастаться. С 1997 г. продолжительность жизни британцев выросла и у мужчин, и у женщин. Количество домохозяйств с наличием мобильной телефонной связи и с доступом к Интернету поднялось соответственно с 17 до 93% и с 4 до 73%. Ключевой показатель самочувствия государства — реальный ВВП увеличился на 27%, средняя зарплата стала тяжелее вполтину.

Не удивительно, что удалось добиться неплохих показателей с точки зрения социальной справедливости, что крайне важно для лейбористов как социал-демократической партии: относительная бедность снизилась с 25 до 22%, а благосостояние наиболее бедных 10% домохозяйств приросло на 13%. Улучшилось и качество жизни британцев. Так, преступность в целом сократилась на 60% (хотя по отдельным категориям она разрослась, особенно в части незаконного владения оружием и изнасилований), на треть упала смертность на дорогах, значительное число людей бросили курить. Прогрессивный характер лейбористской партии был продемонстрирован и тем, что в целом государственные расходы поднялись с 38 до 47% — беспрецедентный показатель для Соединённого Королевства. Государство стало тратить на образование в 1,6 раз больше, на здравоохранение — в 2,5 раза. Конечно, надо сделать

скидку на то, что такое небывалое увеличение государственной части общественного пирога было связано с монетарными мерами, направленными на борьбу с экономическим кризисом.

Однако дифирамбов лейбористам петь не надо, ведь в пассиве у них тоже достаточно «статей». Обратной стороной инвестиций в социальную среду и антикризисных мер стал рост государственного долга с 42 до 62%. Дефицит государственного бюджета в 2009 г. превысил немыслимые для Британии 12%. При лейбористах, как и при их предшественниках, продолжала сокращаться доля промышленности в структуре экономики, снизившись с 20,8 до 12,4% ВВП. Приведённые выше показатели упрочения социальной справедливости несколько блекнут, если добавить, что в тот же период разрыв между самыми богатыми и самыми бедными увеличился с 18 до 26 раз.

По качеству жизни всё так же далеко не однозначно. Так, количество людей, страдающих ожирением, повысилось с 17 до 24%. Произошёл скачок количества тюремных заключённых на 40% (хотя даже при этом в Великобритании их не более 90 тыс.). Отдельная проблема — военные потери; здесь ситуация резко ухудшилась: по сравнению с вооружённым конфликтом с Аргентиной за Фолклендские (Мальвинские) острова (1982 г.), в котором погибло 255 британских военных, только в Ираке и Афганистане безвозвратные потери за последние годы составили более 500 человек.

И всё же, взвешивая все плюсы и минусы, объективно нельзя не признать, что за 13 лет нахождения лейбористов у власти Великобритания сделала шаг вперёд. Тем парадоксальнее, что к концу этого периода (и ещё до открытой и наиболее болезненной фазы экономического кризиса, подорвавшего самочувствие общества) большинство британцев полагали, что их страна стала жить хуже.

Вернёмся к всеобщим выборам, прошедшим в мае. Их отличительной особенностью было не только обрамление рекордного периода пребывания лейбористов у власти. Необычность заключалась и в том, что как главная оппозиция — партия тори не выигрывала выборы более 30 лет — с 1979 г. Отличился и лидер консерваторов: Дэвид Камерон стал самым молодым премьер-министром страны. Кроме того, это были первые с 1992 г. выборы с интригой, когда шансы на победу у Дж. Мейджора и Нила Киннокка были примерно одинаковы. Результаты же голосования в 1997 г., при всём драматизме ситуации, были предсказуемы, так же как — в ещё большей степени — исход выборов 2001 и 2005 гг.

Беспрецедентным на памяти молодого и среднего поколения британцев было и то, что к власти пришла не одна партия, а коалиция тори и либеральных демократов, причём представители либералов вошли не только в правительство, но и в само его ядро — в Кабинет. Последний раз нечто отдалённо похожее происходило в 1976–1977 гг., когда был заключён т.н. либерально-лейбористский пакт, а также после выборов 1997 г., когда с участием либерал-демократов была сформирована только одна правительственная комиссия. Ни в том, ни в другом случае правящая лейбористская партия не допустила своих союзников даже на второстепенные должности в правительстве, не говоря уже о Кабинете. Тем более из ряда вон выходящим фактом явилось то, что в правящую коалицию 2010 г. вошли такие разные, во многом антагонистические партии, как консерваторы и либерал-демократы. Попытка тори получить поддержку либералов была предпринята лишь в далёком 1974 г., после поражения Эдварда Хита на февральских выборах. Тогда, для поддержания на плаву своего правительства меньшинства, хит пытался опереться на договорённость координировать действия в парламенте с либералами во главе с Джереми Торпом, но получил отказ. Ни до, ни после такие попытки не предпринимались, а тут, в 2010 г., сформировано полноценное двухпартийное правительство тори и либерал-демократов!

Но это ещё не всё. Лидер либерал-демократов Ник Клегг стал вторым человеком в Кабинете, вице-премьером у лидера другой партии — Дэвида Камерона. Эти два поста лидеры разных партий в последний раз занимали лишь в годы Второй мировой войны (тогда это был премьер-министр, лидер консерваторов Уинстон Черчилль, а его заместителем стал лейборист Клемент Эттли).

Нестандартность парламентских выборов 2010 г. состоит и в том, что впервые им предшествовали телевизионные дебаты руководителей всех трёх ведущих политических сил страны, после которых резко взмыли вверх рейтинги популярности Ника Клегга. Однако американизация британской политики имеет свои пределы. Результаты голосования продемонстрировали, что личная популярность Клегга не трансформировалась в дополнительные депутатские мандаты его партии.

Наконец, перечисленные факторы свидетельствуют о том, что у рядового британца заметно вырос интерес к участию в выборах: явка на избирательных участках повернула вспять тенденцию последних десятилетий, увеличившись с 59 до 65%.

Если отвлечься от перипетий того, что происходило в Великобритании до мая 2010 г., можно было бы предположить, что, по логике вещей, лейбористы имели

шансы на победу, пусть и очень скромную. По крайней мере, они могли обеспечить себе наиболее многочисленную фракцию в парламенте, и на руках у них были неплохие козыри. Как левоцентристская партия именно она могла воспользоваться глубокими проблемами не-либеральной модели развития и заработать на этом очки. И мировой кризис стал главным и во многом определяющим фоном, на котором разворачивались предвыборные баталии.

На примере современной политической истории этой страны интересно рассмотреть место текущего экономического кризиса, с точки зрения динамики отношений государства и рынка. В начале XX века в стране развился феномен «нового либерализма», когда государство признало важность своих социальных функций (реформы либеральных правительств Г.Кемпбелл-Баннермана и Г.Асквита). Первая мировая война привела к ещё большему усилению роли центральной власти. Однако 1920-е годы прошли под лозунгом «назад к 1914 году», вновь укрепились рыночные отношения, произошла определённая дерегуляция в социально-экономической сфере. Тем не менее с 1931 года начался окончательный демонтаж свободнорыночной модели (отказ от золотого стандарта, политика протекционизма), доставшейся Британии от XIX столетия. Вторая мировая война и реформы лейбористского правительства Клементы Эттли завершили эту работу.

В отличие от ситуации 1918 года, после окончания Второй мировой войны возврата к прошлому не произошло. Тем не менее период с 1931-го и особенно после 1945 года в определённом смысле можно назвать «возвращением», если иметь в виду обращение к наследию «нового либерализма». В 1945 г. началась эпоха «нового либерализма с добавленной стоимостью». Роль государства в рамках рыночной модели развития возросла, как никогда. В 1945–1979 годах в Великобритании развивался социально-реформистский политический цикл, включавший такие составляющие, как государство благосостояния, смешанная экономика и социальное партнёрство (трипартизм).

Наступил 1979 год, и вместе с ним — эпоха тэтчеризма. Вновь, как когда-то, в начале XX века и в период «нового либерализма», произошёл разрыв с прошлым. Однако на сей раз его природу можно охарактеризовать как «усечённый классический либерализм», то есть сочетание принципов свободного рынка и сильного государства. На смену социал-реформистскому политическому циклу пришёл либерально-рыночный.

Однозначную оценку победе «новых лейбористов» в 1997 году с точки зрения соотношения между

государством и рынком, дать сложно. С одной стороны, наряду с 1905 годом, когда к власти пришли «новые либералы», с победой в 1945 году лейбористов во главе с К. Эттли и с приходом тэтчеристов в 1979 году, парламентские выборы 1997 года в истории Великобритании XX века положили начало четвёртой реформаторской волне. С другой — не произошло полного разрыва с прошлым. Скорее, 1997 год ознаменовал период мягкой трансформации: теперь правительство руководствовалось не формулами «новый либерализм с добавленной стоимостью» и не «усечённый классический либерализм», а формулой «рыночная экономика с добавленной стоимостью». Её «ингредиентами» стали квазитэтчеризм, квазисоциал-демократия и конституционные реформы — то, что назвали позже «третьим путём».

Таким образом, на смену либерально-рыночному циклу пришёл социально-либеральный цикл, смысл которого можно передать словами: «рыночной экономике — да, рыночному обществу — нет». Главное отличие этого цикла от предыдущих в том, что в нём присутствует сильный интегралистский, синтетический элемент. Выборы 2010 года наверняка впишутся в этот цикл, и он получит своё дальнейшее развитие.

Почему же лейбористы, помимо негативного фактора — мирового кризиса, проиграли всеобщие выборы 2010 года? Свою роль сыграли фундаментальные причины. Во-первых, исчерпала себя идеология «третьего пути». Несмотря на многочисленные заявления, раздававшиеся в 1990-е годы, о «смерти идеологии», политические партии не превратились в безликие электоральные «пылесосы», собирающие голоса избирателей. Да, классовая структура общества за последние тридцать лет претерпела значительное изменение, однако в своих программах партии не смогли отказаться от мировоззренческих элементов. Во-вторых, огромную роль в отношениях между партиями и электоратом сыграл фактор доверия, который выступал против всей партийно-политической системы Великобритании, но больше всего — против правящей лейбористской партии.

Помимо фундаментальных причин существовали и минусы «второго эшелона». Это психологическая усталость избирателей от партии, находившейся у власти 13 лет, и накопление в деятельности правительства негативных моментов. Каждый из них в отдельности не смертелен, но в целом они стали довлеть над достижениями правительства. Свою роль сыграл и субъективный фактор, ведь в современную эпоху политическое действие крайне персонализировано. И здесь Г.Браун проиграл и своему предшественнику Т.Блэру, и лидеру консерваторов Д.Камерону, и лидеру либерал-демократов Нику

Клеггу. На посту премьер-министра он явно уступал Блэру в гибкости, умении общаться с прессой и публикой, ораторских способностях, фотогеничности. Его первоначально высокая популярность растаяла, как снег, уже к концу 2007 года. Это яркий пример того, как человек в одном качестве выполняет свою работу успешно, добивается признания, а в другом — неожиданно превращается в неудачника.

Если мы вспомним о последних перед «Великой депрессией» парламентских выборах 1929 года, тогда тори проводили предвыборную кампанию под лозунгом «Осторожность прежде всего!», пытаясь выставить лейбористов в неприглядном свете как неопытных и безответственных новичков. В 2010 году роли поменялись: теперь лейбористы уговаривали избирателей в истинности поговорки «коней на переправе не меняют»; консерваторы же ратовали за перемены.

Лейбористская партия находилась в растерянном и деморализованном состоянии. Многие депутаты из лейбористской фракции в парламенте смирились с поражением. В ЛПВ было немало и тех, кто не пал духом, однако считал, что уход партии в оппозицию пойдёт ей лишь на пользу.

Кроме фактора «усталости» электората, экономического кризиса, ошибок правительства и лично Брауна, существенную роль в этом играла и консервативная партия, которая, после прихода на пост лидера в 2005 году Д.Камерона, довольно сильно преуспела в изменении непопулярного имиджа политической силы, стоящей на страже крупного бизнеса, бесконтрольного рынка и пренебрегающей интересами «простого человека». Камерон сумел сделать то, в чём в своё время преуспел Тони Блэр, — заставить значительную часть избирателей поверить, что ему удалось изменить партию, освободить её от груза прошлого, сделать её вновь способной управлять страной. В то же время консерваторы победили на выборах скорее благодаря непопулярности лейбористов. У тори не было ничего похожего по идейной заряженности и популизму на тэтчеризм или «новый лейборизм». Однако победа есть победа.

Помимо Камерона на небосклон британской политики поднялись такие деятели, как Джордж Осборн, ставший министром финансов, Лиам Фокс — теневой министр внутренних дел, Майкл Гоув — министр образования. Уильям Хейг, бывший лидер консервативной партии в 1997–2001 гг., занял пост министра иностранных дел. В большую политику вернулся и политик-ветеран Кеннет Кларк — нынешний министр по делам бизнеса.

На майских выборах лейбористы, к удивлению многих, не смогли воспользоваться «прогрессивным

моментом», т.е. использовать в свою пользу природу мирового экономического кризиса, в основании которого, в отличие от проблем 1970-х гг., лежали слабости не кейнсианской, левоцентристской модели рыночной экономики, а неолиберальной, возвращенной в эпоху тэтчеризма. Не сумели они воплотить в жизнь и лозунг Тони Блэра, провозглашённый им в конце XX века, — о «прогрессивном альянсе», т.е. о союзе с партией либеральных демократов, по духу близкой лейбористам. Правда, виноват в этом был не столько Браун, сколько сам Блэр, ведь именно он в своё время упустил шанс, пусть и под давлением своих более скептически настроенных однопартийцев, ввести либерал-демократов в правительство.

Но, пожалуй, главная интрига майских выборов заключалась в том, что чем ближе становился момент голосования, тем всё больше возрастала вероятность формирования в Британии «подвешенного парламента» или, другими словами — палата общин сформировалась бы без доминирующей партии. В условиях мажоритарной избирательной системы, типичной для Британии в XX веке, коалиционные правительства или правительства меньшинства были большой редкостью. Именно поэтому страна находилась в предвкушении столь редкого для неё события. В последний раз «подвешенный парламент», как результат парламентских выборов, функционировал в 1974 г., а затем в разное время появлялся на короткие сроки ещё дважды (в 1977–1979 гг. и в 1996 г.).

Как же распределились голоса на этот раз? Консерваторы получили 306 депутатских мандатов, лейбористы — 258, либерал-демократы — 57. 28 мест распределили между собой все другие малые партии (в одном избирательном округе голосование было проведено во второй половине мая; победу одержали консерваторы). Так как общая численность членов палаты общин составляет 650 человек, для завоевания минимального рабочего большинства в нижней палате тори требовалось 326 мест.

Как только стали известны результаты голосования, выяснилось, что возможных вариантов развития событий сразу несколько. «Естественными сторонниками» для вхождения в коалицию могли стать лейбористы и либерал-демократы, однако и при сложении своих мандатов они не набирали заветной цифры. Кроме того, Нику Клеггу было бы крайне проблематично иметь дело с премьер-министром, который фактически проиграл выборы, хотя и консерваторы не одержали полноценной победы. Не случайно в ходе предвыборной кампании Клегг дал понять, что Брауну придётся уйти, даже если

расклад сил после выборов подтолкнет обе партии в объятия друг друга. Действительно, чтобы предоставить им шанс прийти к соглашению, Браун после выборов так и сделал. Но здесь встал вопрос: а с кем Клеггу договариваться об условиях вхождения в коалицию? Браун для этого не подходил, как уходящая фигура, а появление нового лидера лейбористов ожидалось не ранее сентября.

Другим вариантом развития событий могло стать правительство меньшинства, будь то лейбористское или консервативное. Однако дело в том, что в этом случае стране пришлось бы вернуться на избирательные участки уже в этом или в будущем году. Но Британия, переживающая глубокие экономические проблемы, не могла позволить себе досрочные выборы, и не потому, что на это не хватило бы денег, а потому, что срочно требовалось принятие неотложных и жёстких мер по борьбе с кризисом.

Невозможность осуществления двух перечисленных вариантов открывала дорогу третьему сценарию, который ещё совсем недавно казался невозможным — союзу консерваторов и либерал-демократов. Но судьба распорядилась именно в его пользу. Прагматизм политиков и необходимость спасти страну от вероятного развития событий по пути Греции, которая одно время стояла в шаге от суверенного дефолта, привели именно к такому результату. Чтобы он состоялся, обоим политическим силам пришлось идти на большие компромиссы. Партия Ника Клегга закрыла глаза на планы консерваторов безотлагательно предпринять крайне жёсткие меры по сокращению бюджетного дефицита, главным образом за счёт государственного бюджета и социальной сферы. Со своей стороны тори вынуждены были согласиться с проведением в 2011 г. референдума о введении в стране новой системы голосования на всеобщих выборах, которая была бы более справедлива к малым партиям с точки зрения распределения парламентских мандатов.

Таким образом, политическая ситуация после 6 мая пестрит новизной, которая, правда, укладывается в тенденции последних десятилетий: политическая система Великобритании постепенно сдвигается от мажоритарной к плюральной модели демократии, в которой, среди прочего, коалиционные правительства являются обычным делом. При всём своеобразии прошедших выборов и необычности их результатов вряд ли стоит говорить о «запуске» в Британии нового политического цикла. Начало такого цикла, который должен быть связан с определённым разрывом с прошлым, с глубокими реформами, затрагивающими не только политическую, но и всю социально-экономическую модель развития страны. Такими отправными точками в XX веке были 1906, 1945, 1979 годы.

Каждый новый политический цикл характеризуется достижением межпартийного консенсуса, что произошло в Британии в рамках социал-реформистского цикла в 1950–1960-е годы, и в рамках либерально-рыночного цикла в 1990-е годы. Олицетворением межпартийного консенсуса, сложившегося в 1990-е годы, стало движение «нового лейборизма» и концепция «третьего пути». Как когда-то лейбористы приняли большинство реформ тэтчеристов, так и тори при Дэвиде Камероне кто молчаливо, а кто и открыто поддержали реформы, осуществлённые лейбористами после 1997 года.

Наконец, пройдя сквозь призму «третьего пути», либерально-рыночный цикл уступил место социально-либеральному, который характеризуется сочетанием принципов «государства благосостояния», значительной свободы рыночных сил и конституционными реформами. Дальнейшая тонкая настройка современной модели развития Соединённого Королевства и будет осуществляться новым коалиционным правительством после первоначального периода принятых в пожарном порядке мер по сокращению бюджетного дефицита. ■

РЕЦЕПТ: ОСОЗНАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Ричард Портес — профессор экономики Лондонской Бизнес-Школы, основатель и президент Центра исследования экономической политики (CEPR), декан Высшей школы социальных наук, старший редактор и сопредседатель Комиссии по экономической политике **отвечает на вопросы нашего обозревателя проф. Михаила Борщевского, главного редактора лондонского журнала «HERALD OF EUROPE».**

На сегодняшний день исследовательская специализация профессора Портеса включает в себя международную макроэкономику, международные финансы, рынки свопов кредитного дефолта и европейская интеграция.

Обширный список его публикаций охватывает такие темы, как мировая валюта, финансовая стабильность, глобализация, государственный заем и долг, вопросы европейской валюты, европейские финансовые рынки, международное движение капиталов, плановая экономика и переходный период, экономическая нестабильность и европейская интеграция.

М.Б.: Что Вы думаете о нынешней стадии кризиса? Сто-ит ли нам ожидать дефляцию в некоторых странах, или есть иные варианты развития событий?

Р.П.: Главная опасность миновала. Был большой риск для мировой торговли и международной финансовой сферы сорваться в пропасть. На самом деле, в первые несколько месяцев кризиса дело с торговлей обстояло еще хуже, чем в первые месяцы Великой депрессии, начавшейся в 1929 году. Только в самое последнее время эта сфера начала приходить в себя, но я думаю, что теперь положительная динамика будет устойчивой, и нам не придется наблюдать полный распад торгового и финансового сектора. У нас был риск стать свидетелями коллапса всей финансовой системы, но, тем не менее, сейчас можно утверждать, что в большей или меньшей степени финансовая система была спасена, хотя и

средства достижения этого оставляют желать лучшего. Здесь самая опасная фаза уже позади.

Но это не означает, что мы вошли в стадию энергичного выхода из кризиса. Я так не думаю. Мне бы не хотелось начинать здесь дискуссию о том, какое графическое изображение характерно для данного кризиса — форма латинской V, U, W или L. Я думаю, что и в прошлом мы не увидим стандартного примера графика в форме латинской V. Большинство выходов из глубоких кризисов были очень стремительными и сильными. Я думаю, что этого не произойдет сейчас ни в одной из развитых стран. Безусловно, исходные условия в каждой из развивающихся стран были разными. Несмотря на то, что Китай пострадал от существенного спада торговли, им удалось сбалансировать его посредством очень интенсивной стимулирующей программы, которая

была достаточно успешной, по крайней мере, в отношении поддержания двигателя экономического спроса. Я не думаю, что программа была успешной, с точки зрения эффективности и тех направлений, которые были ей заданы, но успешная стимуляция спроса с ее помощью была достигнута. Таким образом, Китай преуспевает; у Индии дела тоже идут хорошо; у Бразилии все в порядке — в некотором роде даже слишком, — поскольку курс бразильской валюты значительно вырос. С другой стороны, Россия — это Россия.

С моей точки зрения, Россия — это зона бедствия. Россию, конечно, поддержал бум цен на нефть и товары потребления в 2006/2007 и 2008. Но у России нет промышленного потенциала, чтобы в значительной мере оправиться от кризиса. Однако прогнозы на этот год в целом сносные. В ближайшем будущем мы не увидим значительного улучшения на рынке труда, и это очень печально, но ничего не поделаешь.

М.Б.: Означает ли это, что мы не будем наблюдать ситуацию дефляции в развитых странах?

Р.П.: Фактически дефляции не будет. Представители правительственных кругов достаточно озабочены проблемой дефляции, чтобы сделать все, что в их силах, чтобы не допустить ее. Правда, это означает, в случае необходимости, еще более агрессивную кредитно-денежную политику, чем те меры, которые предпринимались до сих пор. Вы, наверное, слышали, что правление Банка Англии в своем последнем заявлении в Палате Общин сообщило, что при необходимости они вновь запустят программу по смягчению условий кредитования¹, которую они проводили. Я считаю, что это именно те меры, к которым они прибегнут.

М.Б.: Располагают ли они достаточными средствами для этого?

Р.П.: Банк Англии может создать эти средства. Это не проблема. Большинство политиков до сих пор выражают озабоченность по поводу возможной дефляции, и они предпримут все меры по ее предотвращению. Иные высказывают предположения, что налогово-бюджетные финансовые стимуляции приведут к инфляции, но я не думаю, что эта точка зрения верна. На данный момент опасность инфляции нам не угрожает.

М.Б.: Каково Ваше мнение по вопросу виртуальных финансов и их роли в системе регулирования финансовых рынков?

Р.П.: Я не совсем понимаю, что Вы подразумеваете под «виртуальными финансами».

М.Б.: Давайте вернемся в конец 90-х — начало 2000-х — во времена бума так называемых компаний «точка com», когда переоценка новых электронных

технологий привела к созданию денежных потоков, которые не были обеспечены никакими гарантиями.

Р.П.: Я все равно не понимаю, что Вы имеете в виду. Вы говорите о том, что капиталы, которые стояли за компаниями «dot com», были иллюзорными? Это не так. Люди платили за свою долю, и ничего иллюзорного в этом не было. Это были реальные деньги. И многие потеряли большое количество этих реальных денег, когда их акции упали в цене. Так что ничего виртуального в этом не было. Как не было и переоценки. Если на банковских сберкнижках и лежали активы, стоимость которых была переоценена, так это только из-за ценового пузыря, и это единственная причина. Цены поднялись слишком высоко, поэтому в случае, если банки или кто-либо были держателями акций этих компаний, то в этом смысле переоценка имела место. Но это нормально; так происходит всегда. Затем цены падают, и активы обесцениваются, как обесцениваются и банковские ипотечные гарантии. Я думаю, что это какая-то ошибка. Я не верю в виртуальные финансы.

М.Б.: Как Вы считаете, какова следующая стадия развития рынка недвижимости в Америке?

Р.П.: Не имею ни малейшего понятия!

М.Б.: Вы были среди ученых, которые участвовали в подготовке материалов к встрече Большой Двадцатки, в ходе чего Вы выдвинули предложение о принятии ряда финансовых мер. А именно Вы предложили меры по ужесточению финансового контроля и банковского регулирования. Какие из предложенных мер, вероятнее всего, будут приняты во внимание регулирующими органами центральных банков?

Р.П.: Небольшая поправка — речь идет не о регулирующих органах центральных банков. В некоторых странах Центробанки регулируют банковскую сферу, а в некоторых нет. В Великобритании этим занимается FSA² (Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании). В США на данный момент это является предметом спорным. В целом в этом участвуют не только регулирующие органы, но и органы законодательной власти и правительства стран, задающие систему норм, которую затем внедряют регулирующие органы. Регулирующие органы обладают большей свободой действия, чем органы законодательной власти в отношении, например, требуемого от банка объема капитала или объема леввереджа. Цель в том, чтобы свести эти органы воедино в рамках так называемого Базельского комитета по банковскому надзору³ и Совета по финансовой стабильности⁴. Несомненно, повысятся требования к объему капитала, и, вероятно, будет больше ограничений на леввередж финансовых учреждений. Я думаю, большинство

этих мер будут недостаточными. Если мы вернемся на 20-30 лет назад, леввередж был значительно ниже, а объем собственных средств банка выше, и это то, к чему нам нужно вернуться. Я считаю, что банки усиленно лоббируют вопрос о ликвидации серьезных ограничений, и их попытки, вероятнее всего, увенчаются успехом. Как я уже говорил, в будущем нас ждут несколько более высокие требования к объему капитала, новые требования в отношении леввереджа (возможно максимальные требования к леввереджу), но я не думаю, что они будут непреодолимо высокими. Они, возможно, негативно скажутся на прибыли банков, но не слишком значительно. Кроме того, этих мер будет недостаточно, чтобы разрешить более глобальные системные проблемы. Какие еще меры можно предпринять? Есть несколько предложений — взять, например, так называемое Правило Волкера⁵, разработанное для США, о разделении торговли ценными бумагами и коммерческого банковского дела. Я не считаю, что этому проекту удастся пройти через политический аппарат США, не потеряв в эффективности. На мой взгляд, даже если он будет утвержден, этого будет недостаточно. Это не то, что сейчас необходимо. Торговля ценными бумагами и прием депозитов не были первопричиной финансового кризиса. Учреждения, которые в действительности были источником проблем, не были депозитными. Я не считаю, что торговля ценными бумагами должна отойти на второй план по сравнению с банковскими депозитами. Думаю, что остановка этого процесса ничего не даст.

Что сейчас действительно необходимо сделать, так это раздробить банки, чтобы они стали более мелкими. Если мы вернемся на 10-15 лет назад, мы увидим, что банки были действительно значительно меньше, а также что они были соизмеримыми с экономикой и финансовой системой. Я думаю, что к этому нам и нужно стремиться, хотя этот процесс предполагает некоторую степень осознанного вмешательства, которое было возможно на ранних стадиях, но не сейчас.

Что же делать? Мы можем обложить налогом размер банков, и именно к этому варианту я склоняюсь. Фактически обложить банки налогами в соответствии с размером их базисных активов. Это было бы лучше, чем вмешиваться и дробить их. Это один из способов вернуть банки к разумным размерам. Но лоббирование против этого будет очень сильным, однако даже в этом случае у проекта есть шанс, поскольку его успешность зависит от политических реакций следующих месяцев. Политики начинают осознавать тот факт, что люди крайне недовольны банками. Банкиры могут говорить что угодно, но им никто не верит, и правильно делают.

М.Б.: Когда Вы говорили о налогообложении, Вы напомнили мне о том, что недавно политикам пришла в голову идея обложить налогами некоторые банковские трансакции. Но, на мой взгляд, это просто немыслимо!

Р.Л.: Вы имеете в виду налог Тобина⁶? По замыслу он должен распространяться не только на банковские трансакции. Это могут быть валютные операции, покупка и продажа ценных бумаг и т.п. Но это плохая идея. Это, наверное, единственная неудачная идея профессора Тобина, поскольку он был выдающимся экономистом. Этот проект никогда не будет эффективно работать, так как всегда будут пути обойти его. Кроме того, эта мера не сможет пресечь биржевую спекуляцию, потому что им не удастся сделать эти налоги достаточно высокими, чтобы остановить игру на бирже. Прибыль, которую приносят ставки на валюту, потенциально слишком велика, чтобы налог в четверть процента возымел какое-либо действие. Этот проект, вероятно, имел бы негативные последствия и для ликвидности рынка — он бы снизил ликвидность финансовых рынков, а снижение ликвидности вопреки ожиданиям многих людей, может привести к повышению непостоянства финансовых рынков. Это всего лишь проект, который активно лоббировался организациями социального развития, и причина их действий мне ясна.

Они думают, что этот налог поможет им собрать сотни миллиардов долларов, за счет которых они могли бы оказать финансовую поддержку бедным странам. Но даже если бы им удалось воплотить этот проект в жизнь, даже если бы эти налоги были уплачены, собранные деньги все равно не были бы направлены в помощь бедным странам, с таким же успехом о них можно просто забыть. Эти деньги пойдут на борьбу с дефицитом бюджета, который уже сейчас испытывают развитые страны, но этому не суждено произойти.

М.Б.: Какую роль играют так называемые «плохие активы»⁷ в нынешнем кризисе? Каким образом банки могут бороться с ними?

Р.Л.: В первую очередь, именно эти самые активы и их слабые стороны послужили причиной кризиса. Они были переоценены рейтинговыми агентствами, проданы как активы с высшим рейтингом, когда в действительности это были очень слабые активы. Однако сейчас мы наблюдаем за тем, как рынок в некоторых случаях значительно увеличивает ценность этих активов по сравнению с их сильно заниженной стоимостью. Что касается банковских книжек, дело будет обстоять несколько лучше, чем прогнозировал МВФ⁸ год или более назад. МВФ выпустил серию прогнозов, исследующие потери, которые могут понести банки от своих банковских портфелей.

Я думаю, что эти преувеличенные потери и ситуация на рынке подтверждают мою точку зрения. Рыночные цены на эти активы растут, и инвесторы начинают проявлять к ним все больший интерес. Однако многим людям пришлось отказаться от ипотеки и своих домов; они были лишены права пользования недвижимостью, а дома были проданы за гораздо меньшие деньги, чем они покупались. Реалистичная цена большого количества ипотечных активов должна быть значительно ниже, чем она есть на самом деле.

Какова судьба этих активов? Они будут частично списаны, частично распроданы, и банкам нужно будет генерировать еще больший объем капитала. Сложно сказать, насколько больше, но это не запредельные цифры, и банки вполне реально могут это сделать. И в этом случае, худший период миновал. Большую опасность как ценные бумаги представляют сейчас кредитные дефолтные свопы⁹. На этот счет у меня очень четкая позиция, к которой многие приходят только сейчас. Уже на протяжении года или двух, я говорю о том, что КДС значительно поспособствовали образованию нисходящей спирали, которую мы наблюдали в финансовой сфере. С самого начала, когда КДС только появились, еще существовал простой способ хеджирования облигаций, а именно страхование их стоимости. Но все очень быстро поняли, что таким образом можно спекулировать — нет необходимости покупать облигацию, достаточно лишь приобрести контракт КДС на облигацию, что в свою очередь является эффективным способом спекуляции на коррекции кредитоспособности. Таким образом, это превратилось в средство чистой спекуляции. Вы, наверное, читали колонку Вольфганга Мюнхау¹⁰ в «Файнэншиал Таймс», в которой говорится, что так называемые «обнаженные КДС» (те, которые используются исключительно с целью спекуляции) должны быть запрещены. И это возможное развитие событий, поскольку немецкие и французские политики фактически заявляют, что нашли истинного виновника. Пришло время объявить этого самого виновника. На сей раз это не просто перебирание привычных подозреваемых; настало время вывести на сцену настоящего подозреваемого, которого, на мой взгляд, они должны были бы пристрелить. Но поскольку я выступаю против смертной казни в любой форме, следует запереть его навсегда. Подобные вещи нужно изолировать и не пускать в обращение.

М.Б.: Возможно ли взаимодействие между финансовыми регулирующими органами и законодателями европейских стран ради создания более согласованных законов банковской сферы?

Р.Л.: Я настроен весьма скептически относительно способности регулирующих органов добровольно взаимодействовать, и я не вижу в этом отношении никаких перспектив. Отчет де Ларозиера¹¹, с которым Вы, возможно, знакомы, рекомендует создание новых комитетов и регулирующих органов с более широкими полномочиями и т.п. Я не думаю, что эта мера была бы эффективной. Эти комитеты были бы чересчур большими; они бы с трудом приходили к каким-либо решениям; еще с большим трудом они бы реализовывали свои решения. Регулирующим органам отдельных стран нравится играть главную роль, впрочем, как и всем, и им не нравится, когда им указывают, что делать. В целом эти комитеты и не должны диктовать им, что делать. Таким образом, вывод один — новая структура тоже хрупка. Она может быть чуть прочнее, чем та, которая была у нас до сих пор, но этого недостаточно. Мы выпускаем сотни так называемых меморандумов о взаимопонимании между регулирующими органами. Но что случилось, когда настал кризис? Отсутствие взаимодействия. Или даже хуже — регулирующие структуры пошли друг против друга. Давайте обратимся к делу банка Фортис¹². Казалось бы, страны Бенилюкса — Бельгия, Нидерланды, Люксембург — эти три страны, которые ближе всего между собой в ЕС, должны были сотрудничать друг с другом. Однако они ни только не могли договориться между собой, но вступили в отчаянную борьбу за распределение сил внутри банка Фортис. Меморандум о взаимопонимании превратился в меморандум о непонимании. Я боюсь, что в этом вопросе я настроен негативно. Единственной возможностью взаимодействия регулирующих структур мне представляется создание определенного централизованного органа, который будет диктовать им все действия. Единственная организация, которая могла бы взять на себя такие полномочия, это Совет по финансовой стабильности. Посмотрим, сможет ли он развить достаточную мощь. Сейчас сложно судить.

П.Б.: Я надеюсь, мой вопрос не покажется Вам риторическим. В какой мере государственные органы принимают всерьез научные исследования, изыскания и мнение специалистов? Является ли существующий уровень взаимодействия достаточным или есть возможности для роста? Если мы обратимся к иным сферам (например, химия, биохимия или законодательство, связанное с применением наркотических веществ), мы увидим значительное расхождение между научным мнением и реализацией. Какова Ваша позиция на этот счет?

Р.Л.: Я думаю, что политики, чиновники, законодатели, сотрудники финансовых министерств, работники

Центробанков и даже мэры прислушиваются к ученым. Они, несомненно, прислушиваются ко мне и к моим коллегам. Дело не в том, прислушиваются они к нам и если да, то насколько серьезно, а в том, что во многих случаях научные исследования и точка зрения ученых возымели видимый эффект на предпринятые политические меры. Если посмотреть на действия Большой Двадцатки, мы увидим, что наш вклад довольно значителен. Научное мнение имеет там кое-какой вес. Конечно, мне бы хотелось, чтобы они делали так, как я им советую, но я не пойду на это, и Вы понимаете почему. Мы, ученые, не принимаем участие в политических компаниях. Мы, ученые, не организовываем операций по лоббированию. Банки Вашингтона тратят на лоббирование миллионы долларов в день. Что мы можем им противопоставить? Можно пытаться переиграть их, высказывая свои убеждения максимально громко, используя лучшие доступные аргументы, но это не означает победу. И все же политическая общественность прислушивается к нам лишь частично, поскольку они знают, что многое из того, что происходит в научной среде, недоступно для их понимания. Мы и сами многого не понимаем. Но нам, ученым, удалось объяснить некоторые вещи. Возьмите, например, случай так называемого макропруденциального надзора¹³, в рамках которого финансовая система и отдельные банки рассматриваются как часть связанного между собой комплекса, внутри которого необходимо принимать во внимание систему и системные атрибуты, а не просто отдельно стоящие банки. Чтобы определить, насколько жизнеспособен тот или иной банк, нужно установить жизнеспособность большого количества других банков, макроэкономическую обстановку в целом и т.п. Эта идея весьма доступна для восприятия. Ученые заявили о ней очень убедительно, и представители политических кругов осознали ее важность. Задачей второго проекта, в котором я принимал участие, было определение роли макроэкономического дисбаланса или так называемого глобального дисбаланса в подготовке почвы для развития финансового кризиса. И в этом случае не было четкого понимания со стороны людей, политиков и т.п. Но, я думаю, теперь понимание пришло; на сегодняшний день в политических кругах многие это понимают.

П.Б.: Вы говорите, что динамика последних трех десятилетий была положительной? Можно ли говорить об улучшении взаимопонимания?

Р.П.: Политики всегда были готовы принять во внимание мнение ученых, если оно было им на руку. В некоторых случаях они использовали научную мысль для достижения не тех целей, а в иных во благо. Но, как я и говорил, существует разница между тем, чтобы услышать,

сделать правильные выводы и увидеть реализацию при наличии сильной, влиятельной, хорошо финансируемой оппозиции.

М.Б.: Наблюдая за мировой экономикой с высоты птичьего полета, как Вы считаете, изменится ли распределение сил между евроатлантическими странами и Восточной Азией (иными словами, странами с технологической, ресурсной, демографической, как в Китае, экономикой)?

Р.П.: С самого начала мне бы хотелось отметить, что я не считаю экономику Китая демографической. Но даже если это и так, то у Китая очень большие неприятности, поскольку демографическое положение Китая неутешительно. Судя по демографическому портрету Китая, политика одного ребенка не дала благоприятных результатов. Но мне кажется, это не лучший способ охарактеризовать экономику Китая.

Нет сомнений в том, что мягко регламентированная, очень открытая экономическая модель капитализма частично себя дискредитировала. С этой точки зрения, страны с более строгой правовой структурой и более активной политикой вмешательства в экономику (как Китай и Индия) считают правомерным замедленный процесс открытия своей экономики остальному миру и отсутствие содействия или даже запрет некоторых финансовых инноваций, которые не только поощрялись в развитых странах, но и приносили людям деньги. Это влияет на восприятие людьми экономической силы, несилевой мощи в целом, и в каком-то смысле некоторые перемены уже произошли в балансе сил между Европой и США, с одной стороны, и развивающимися странами — с другой. Было бы неверным предположить, что произошел решительный сдвиг сил в мире и что Америка распадется на части перед лицом китайской мощи и тому подобное, что является сильным преувеличением. Некоторые популярные сейчас историки делают подобные заявления, но я не думаю, что в ближайшие 30–40 лет это произойдет. Этим странам еще очень многое предстоит наверстать. И даже когда они наверстают упущенное, они столкнутся с различными экономическими проблемами, внутриполитическими сложностями, которые повлияют на их способность применять свою власть. На международной арене они все еще сравнительно слабы, и это должно измениться. Многие из этих проблем невозможно разрешить без солидного участия со стороны основных развивающихся стран. Многие из проблем, о которых мы говорим, носят глобальный характер. Они не являются проблемами исключительно США, исключительно Европы или Большой Семерки, которые могут самостоятельно справиться с этими сложностями (особенно в

условиях глобального дисбаланса), поскольку они подразумевают взаимодействие между развивающимися и развитыми странами, огромные запасы иностранной валюты у развивающихся стран, государственные инвестиционные фонды и т.д. Хотя ситуация здесь противоречивая: с одной стороны, ЕС и США не могут решить все международные финансовые проблемы, но с другой — именно они еще многие годы будут господствующими финансовыми силами в мире. У Китая, на мой взгляд, это займет как минимум целое поколение, чтобы создать приемлемо развитую финансовую систему. ■

Примечания

¹ В марте 2009 Комитет по денежно-кредитной политике сообщил о том, что вдобавок к установлению учетной банковской ставки на уровне 0,5% планируется прямое денежное вложение в экономику для того, чтобы сравняться с уровнем роста инфляции. Инструментом денежной политики теперь станет объем вложений, а не их стоимость (банковская ставка). Но цель денежной политики остается прежней — установить предел инфляции на уровне 2% на товары потребления (ВЕ).

² FSA (Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании) является независимым негосударственным органом ответственным за регулирование и надзор за деятельностью всех инвестиционных, финансовых и банковских компаний, осуществляющих деятельность на территории Великобритании (ВЕ).

³ Базельский комитет по банковскому надзору основан в г. Базеле в 1974 году президентами центральных банков стран G10. Основными задачами Комитета являются внедрение единых стандартов в сфере банковского регулирования. С этой целью Комитет разрабатывает директивы и рекомендации для органов регулирования государств-членов. Эти рекомендации не являются обязательными для выполнения, однако в большинстве случаев находят своё отражение в национальных законодательствах государств-членов (ВЕ).

⁴ Совет по финансовой стабильности — международная организация, созданная странами Большой индустриальной двадцатки на Лондонском саммите в апреле 2009 года. Создан на базе Форума финансовой стабильности, существовавшего с 1999 года. Основной целью организации является выявление слабых мест в области мировой финансовой стабильности, разработка и применение регулирующей и надзорной политики в этой сфере (ВЕ).

⁵ Правило Волкера предполагает запрет на участие депозитных банков в торговле или владении ценными бумагами, инвестировании или спонсорстве хеджевых фондов или фондов прямых инвестиций. (Пол Волкер — председатель Консультативного совета по экономическому восстановлению США) (ВЕ).

⁶ Налог Тобина — предложение, выдвинутое лауреатом Нобелевской премии по экономике 1981 года Джеймсом

Тобином, который заявил, что если ввести налог на операции с иностранными валютами, равный всего лишь 0,1%-0,25%, то это могло бы резко ограничить трансграничные валютные спекуляции, сделав большую часть из них невыгодными, и уменьшить их вред, особенно для развивающихся стран. В ноябре 2009 года Гордон Браун заявил, что налог Тобина может быть одним из возможных путей для создания резервного фонда, который мог бы предотвратить обширные банковские убытки в будущем наряду с другими мерами (ВЕ).

⁷ «Плохие активы» — это активы, реальная стоимость которых ниже заявленной (ВЕ).

⁸ В Международный валютный фонд входят 186 стран мира. Основные цели сотрудничества стран в рамках Фонда: способствовать международному сотрудничеству в валютно-финансовой сфере; содействовать расширению и сбалансированному росту международной торговли; обеспечивать стабильность валют; поддерживать упорядоченные отношения валютной области среди государств-членов; оказывать помощь в создании многосторонней системы расчётов между государствами-членами, а также в устранении валютных ограничений; временно предоставлять государствам-членам средства в иностранной валюте, которые давали бы им возможность исправлять нарушения равновесия в их платежных балансах (ВЕ).

⁹ Кредитный дефолтный своп (англ. credit default swap, CDS) — кредитный дериватив или соглашение, согласно которому «Покупатель» делает разовые или регулярные взносы (уплачивает премию) «Эмитенту» CDS, который берет на себя обязательство погасить выданный «Покупателем» кредит третьей стороне в случае невозможности погашения кредита должником (дефолт третьей стороны). «Покупатель» получает ценную бумагу — своего рода страховку выданного ранее кредита или купленного долгового обязательства. В случае дефолта, «Покупатель» передаст «Эмитенту» долговые бумаги (кредитный договор, облигации, векселя), а в обмен получит от «Эмитента» компенсацию суммы долга плюс все оставшиеся до даты погашения проценты (ВЕ).

¹⁰ Вольфганг Мюнхау — младший редактор «Файнэншиал Таймс», автор еженедельной колонки, посвященной ЕС и европейской экономике (ВЕ).

¹¹ Отчет Группы высшего уровня по финансовому надзору ЕС под председательством Жака де Ларозиера от 25 февраля 2009 года, Брюссель. Предписание дает рекомендации по организации и надзору за финансовыми учреждениями и рынками на территории ЕС, а также по усилению сотрудничества европейских стран по вопросам контроля финансовой стабильности, своевременному предупредительному и кризисным механизмам и глобальному взаимодействию органов контроля (ВЕ).

¹² Банк Фортис — Бельгийско-Голландский банк, которому была оказана финансовая помощь в размере 11,2 миллиардов Евро правительствами Голландии, Бельгии и Люксембурга после того, как инвесторы покинули банк (ВЕ).

¹³ В мае 2009 Европейская комиссия выступила с предложением ряда амбициозных реформ, среди которых было создание нового Европейского совета по системному риску, отвечающего за макропруденциальный надзор. В июне 2009 Европейский Совет поддержал предложение комиссии (ВЕ).

ЛЕТНИЕ ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

1. e-mail.

from: heraldofeurope.com

to: anonimus@no_name.com

date: 25.5.2010

subject: мир глядя с Кипра

Пишу я эти письма тебе с Кипра, из тихого поселка Паралимни, связанный с Россией и миром лишь интернетом. И безмятежную нашу жизнь нарушают только тугие клубки новостей, которые не дают совсем уж раствориться в благодати Средиземноморья.

Выборы в Англии застали нас тут — и провал лейбористов, и историческое падение Гордона Брауна, и внезапное возвышение двух почти молодых людей Кэмерона и Клегга.

И как не принять нам, мирно живущим среди греков, в стране, где греческий бело-голубой флаг так же част, как свой с золотым руном острова на белом фоне, как нам с любезным моему сердцу Михаилом Б. (издателем родственного «Вестнику» «herald of Europe») не принять близко к сердцу беды, выпавшие на долю Греции, как не посочувствовать многострадальному греческому народу и ее экономике, попавшей в такую жопу! Как не воспламениться справедливым негодованием, читая несправедливости европейских (особенно немецких) партнеров, спасителей и хулителей!

Почти состоявшийся дефолт Греции, накренившийся евро, германская ожесточенная критика, вызванная понятным желанием оградиться от астрономических затрат. Кому, как не нам, русским, знающим на своей шкуре, что такое этот *дефолт*, понять православных

братьев, дефолта не знающих и так трогательно и наивно бунтующих против законных властей...

Греки подставились — протянули руку за помощью и тут же получили по мордам от партнеров — за все: даже за средиземноморский климат, расслабляющую жару и ласковое море, за сиесту и неспешность сервисов, о которых немецкий турист уж как-нибудь знает. И за нежелание работать, и за ранний выход на пенсию, и за щедрые выплаты премиальных. За 13-е, 14-е зарплаты, бонусы и премии... От правительства греческого европейские власти потребовали, понятное дело, ответственности, сокращения дефицита, от парламента — понимания глубины пропасти, в которую катится страна, а от населения ни много мало — отказа от привычного образа жизни. Это и вызвало такой гнев широких народных масс, дошедших до битья стекол в банках (коим обязаны кредитами), сожжения чужих машин, неосторожно оставленных на пути взволнованных демонстрантов.

Вся мировая печать (и русская почему-то в особенности) заговорила, загалдела о кризисе Европы, о скором распаде зоны евро, а там, глядишь, и Европейского Союза. Писания эти и телевизионные откровения озабоченных экспертов нисколько не напугали, впрочем, население. Но сами эксперты, депутаты и чиновники день ото дня становились все мрачнее и озадаченнее, и наконец мы узнали о невиданном фонде в 700 (или восемьсот?)-миллиардов евро стабилизационного фонда; никто уже и не представляет такие горы денег.

ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ

И помощь, которую вроде бы согласилась выделить Европа для *спасения* Греции, тоже какая-то труднопредставимая — 120 миллиардов евро (но эксперты сказали, что надо бы 150, и после этого исчезли даже слабые следы понимания). Услышав об этом неслыханном благодеянии, неблагодарные греки опять вышли на улицы громить киоски. И я их понимаю. Страна должна будет теперь экономить на всем. Все эти горы миллиардов за пределами восприятия, а для людей возникают проблемы конкретные: повышение пенсионного возраста, снижение доходов, инфляция, рост цен... От греков требуют ни много ни мало изменить свой *эллинский* образ жизни. А это трудно, как нам никак невозможно изменить нашу жизнь с пьяной гульбой по полмесяца на каждый праздник.

2. e-mail.

from: heraldofeurope.com
to: anonimus@no_name.com
date: 30.5.2010
subject: Кипр глядя с Кипра

А здесь, на Кипре, рядом с Грецией, совсем уже в средиземноморских условиях, тишь и благодать.

Тучные нивы дают уже второй в этом году урожай, наливаются маслины в рощах и виноград на виноградниках в предгорьях Тродоса. Райское место, можно было бы сказать, если бы, свернув с трассы, вы тут же не наткнулись бы на колючую проволоку, разделяющую остров на наблюдательные вышки ООНовских и турецких опорных пунктов.

А если вы переедете, пройдя простую формальность и заплатив 20 евро якобы автомобильной страховки (которая, конечно, ничего не страхует), на северную, турецкую сторону, которая называет себя «Турецкой республикой Кипр», а греки именуют не иначе, как «территориями, находящимися под турецкой оккупацией», вы скоро поймете, что и в этом раю есть напряжения сильные и давние, которые в какой-нибудь несчастный момент могут вырваться наружу, как жар и энергия исландского вулкана, всю весну баламутившего мировые авиAPERелеты.

Конечно, и греческий Кипрос развивается, и турецкий тоже; мал остров, но разделен колючкой, под надзором войск ООН с августа 1974 года.

И там и там заметно растет благоденствие; разбитые дороги севера стали вполне приличными, а пригородные районы Никосии и Гирне (так называют турки древнюю Киринию) — так и весьма уважаемыми. И здесь, на не признанных миром территориях, выросли поселки построенных на продажу типовых коттеджей, вилл и апартаментов; цены на недвижимость здесь ниже, чем в греческой части острова (а ниже они потому, что могут возникнуть юридические проблемы с собственностью на землю, которые и турки и греки считают своей).

И на той и на другой стороне поставлены и бережно поддерживаются памятники солдатам и генералам, спасавшим мирных женщин, стариков и детей. Очень похожие памятники. Только у одних памятники солдатам из греческих киприотов, а у других — из турецких.

В венецианской крепости Киринии турки открыли вполне приличный музей, в нем есть даже редчайший экспонат — древнегреческая галера, выуженная из вод морских еще до трагедии 1974 года. И вроде бы никем (кроме Турции) не признанный северный Кипр, при турецкой щедрой помощи, живет и благоденствует. И сияют витринами салоны всех основных мировых автопроизводителей — «Мерседес», «Тойота», «Рено», «Хонда», не знаю уж, насколько легально, и как они тут представлены. И приходят корабли в порты Фамагусты и Киринии и уходят, а товары остаются. Северный Кипр — это аналог Абхазии, с той лишь разницей, что турки признают и поддерживают на острове турок, а Россия в Абхазии — абхазов, которые лишь терпят русских, как меньшее зло.

Здесь, на благодатном острове, началась в 1974 году ожесточенная резня, может быть, первое в современной истории противостояние христиан и мусульман, и вот уже 36 лет продолжается «холодная война». Началось межэтническим конфликтом, столкновениями ватаг, а кончилось высадкой турецких войск, занявших большую часть пригодной для обитания земли острова. Теперь примирить две общины много лет пытается ООН и Евросоюз, но процесс продвигается с бо-ольшим трудом. Греки требуют справедливости, возврата оккупированных земель, прежде всего района Фамагусты. Но теперь все это сделать очень трудно — пришлые люди укоренились в этой земле. Печальная судьба разделенного прекрасного острова — это очень поучительный пример, как трудно залечиваются раны, нанесенные общинами и народами друг другу. И как большая политика великих стран цинично играет их судьбами.

3. e-mail.

from: heraldofeurope.com

to: anonimus@no_name.com

date: 1.6.2010

subject: Морской бой. Глядя с Кипра

1 июня. День защиты детей

Именно отсюда, с не признанного никем, кроме Турции, Северного Кипра отправился на днях к недалеким берегам Израиля целый международный флот (в основном впрочем, турецкий) организации «FREE GAZA» с многочисленным десантом (почти в тысячу человек, почему-то называющих себя правозащитниками).

Читаю интернет и потрясен даже не происходящим, а совершенно определенной интерпретацией событий. «Израиль атаковал флотилию Свободы» — именно так называют этот, как во времена средневековых походов, частный флот, собранный из зафрахтованных там и сям

торговых, пассажирских судов, частных яхт и прогулочных катеров, под завязку загруженных (в Киринее? в Фамагусте?) гуманитарными грузами: стройматериалами, оборудованием для больниц, продовольствием, медикаментами, которые во что бы то ни стало турецкие романтики моря и их иностранные друзья, в нарушение всех законов, выйдя из непризнанного порта, игнорируя запреты и ограничения, установленные (пусть им несимпатичной), но вполне легальной страной Израиль, пытались прорваться в блокированную, страдающую Газу, контролируемую не самой уважаемой организацией под названием Хамас. Этот странный, ни в какие рамки не вписывающийся, дорогостоящий «мировотворческий» флот, эта (уже девятая!) — попытка построить транспортный мост Северный Кипр — Газа, почему-то не был замечен ЕС и ООН, призванной охранять статус Кипра.

Израиль, надо признать, был поставлен в положение, где нет хороших решений; но, читая обзоры израильских газет, видишь, что и тамошние обозреватели считают «турецкую провокацию» удавшейся, силовую операцию — неизбежной, но проведенной совершенно бездарно.

Мы это видели по you tube: и высадку израильских «командос» с вертолета, и нападение на них, и стрельбу. И как результат — убитых и раненых «правозащитников».

Все это печально и ужасно, хотя понимаешь, что имела место провокация — и не только против Израиля, но и против самого понятия «правозащитник», против международных мировотворческих организаций.

Ведь, к несчастью, нам, россиянам, как говаривал Б.Н., нетрудно себе представить жесткое, чрезмерно жесткое, чрезмерное и даже неадекватное поведение наших силовиков — милиции, омонов, спецназов в ответ на действия протестующих, оппозиционных, маргинальных, провоцирующих власти на насилие людей и организаций. Вот недавно и наши моряки отличились в борьбе с пиратами, и стыдно стало, и сердце сжалось, а тут другой коленкор.

И что же теперь — двойные, что ли, стандарты? — будем доказывать, что этих правозащитников можно стрелять, а этих нельзя?

Эти-де были сомнительные, плохие, и деньги огромные у них от экстремистских организаций, а вот другие, какие-нибудь «Врачи без границ» или «репортеры без цензуры» — хорошие?! Да как властям, и ведь не высшим властям, а какому-нибудь застрявшему на неудобной полевой, грязноватой должности майору — или даже подполковнику — определить, с кем надо, вежливо, под локоток, как с лордом, а кого мочить, не моргнув глазом?

И ведь подлость-то в чем: в мире виртуала, в ВИРТЕ, новости эти идут на одной ленте, что про захват и

жертвы на борту турецкого парохода, что про озверение милиции все того же 31 мая на моей родной (я там рядом живу!) Триумфальной площади избиении (слава Богу не убиении) демонстрантов...

В трагический день 3 октября 1993 года г. Явлинский сказал по телевизору фразу, о которой потом, должно быть, жалел: «власть не надо трогать руками».

А граждан? А несогласных? А 84-летнего ветерана — это как?

Мы не хотим, чтобы каждый мент решал, с кем вежливо, а с кем по морде? Значит у нас только один выбор: либо все должны быть готовы огреть, сделав нормою мордобитие (все чаще происходят эти казусы с людьми, как бы и неудобными для битья), либо следует требовать прекратить все это битье начисто и полностью. Когда я иду в метро, а навстречу мне двигаются юные милиционеры с дубинками на бедре, я внутренне сжимаюсь не от страха — от унижения. Не должно быть у них этих дубинок, где только власти их подсмотрели? Ни дубинок, ни оружия, при обычном распорядке гражданских дел. Мы с вами все с ума сошли, позволив им это и сделав нормою. Если есть дубинки, они будут бить по головам, для того и предназначены и деньги за них из наших с вами налогов — заплачены.

4. e-mail.

from: heraldofeurope.com

to: anonimus@no_name.com

date: 5. 6.2010

subject: проект «Гибель Европы»

Если бы я был побогаче, я бы открыл ресторан «Гибель Европы». Или «Закат Европы». А может, если пойдет, даже и сеть ресторанов — в перспективе всемирную. Многим понравится!

На случай, если кто-нибудь заинтересуется, пишу краткий (вы же понимаете, напишешь полнее, украдут) синопсис проекта. Общий стиль — венецианская такая роскошь, с некоторой, впрочем, китайщиной. Вдоль стен — библиотека книг соответствующего содержания и видеозкраны, вмонтированные в столы, на которых демонстрируются нон-стоп ностальгические сюжеты о «закатах Европы». Залы — интерьеры разностильные, эклектичные, от романской и готической, от Баухауза до хайтека, призваны зрительно оттенить искомую гибель. Официанты в костюмах готов, татар, мадьяр, янычар, казачков, нынешних азиатских и африканских народов.

Альтернатива — в этнических костюмах европейских наций — от Уэльса до трансильванских цыган. Возможно, проект следует сделать мобильным, бродячим, как цирк, переезжающий из города в город. То он открывается в Страсбурге, то в Брюсселе, далее — по

столицам, городам и весям. Очередность пребывания устанавливается научно — частотой антиевропейских текстов в местной прессе и в выступлениях местных знаменитостей — лидеров общественного мнения. Кухня «Гибель Европы» — эксклюзивная. Исчезающие виды фруктов и овощей, зверей, птиц и рыб — медведь германский, выхухоль курская, бобер испанский, какой ни то змееголов дунайский. Русский апломб и польская спесь, устрицы с банки у острова Уайт, барабулька одесская, эстонская килька, британская горчица и германское пиво «Кайзер». Карта вин, конечно, самая что ни на есть изысканная (но публике должна быть по карману) создана при участии лучших флорентийских сомелье.

Присоединяйтесь!

5. e-mail.

from: heraldofeurope.com

to: anonimus@no_name.com

date: 13.6.2010

subject: ГОСГЛАМУР

село Напутное

Вчера, 12 июня, — главный государственный праздник России, День независимости. Праздник этот очень странный: большинство людей в нашей стране знать не знают, что это за день такой. А меж тем день мог бы быть очень важным, если бы людям объясняли его суть. 12 июня — день рождения новой, свободной, демократической, рыночной, конституционной России, начавшейся 20 лет назад с объявления Съездом депутатов декларации о независимости Российской Советской Федеративной Социалистической (тогда еще) Республики. Вслед за этим произошло то, что произошло: и парад суверенитетов, и распад Советского Союза, и исчезновение с геополитической карты мира пространства стран Варшавского договора... Но началось-то все именно в России. Я очень чту этот день и считаю его действительно очень серьезным праздником. Но прошел 20-летний юбилей на диво спокойно; я имею в виду не отрежессированные и оплаченные игрища и зрелища на площадях от Находки до Калининграда, а действительное движение народной души, в этот день и не всколыхнувшейся.

С изумлением наблюдал я по ящику — не парад, но концерт на Красной площади. Жаль, что ты его не видел, это, брат ты мой, зрелище неопишемое! Много видела старая площадь: и потоки стрелецкой крови, и муки Стеньки Разина со товарищи, и императорские смотры, молебны, и похороны Ленина, и демонстрации трудящейся Москвы, и сталинские взмахи с трибуны Мавзолея.

А теперь здесь был концерт для тысяч специально приглашенных счастливых — «Наших» и «Молодой гвардии», и гигантский помост гладкой сцены от Исторического музея до храма Покрова, и движущиеся платформы на сем помосте, и многолюдье подтанцовки, и белый рояль, плавно плывущий по подиуму вместе с пианистом, и десятки блистающих свежим лаком ретро-автомобилей — «Эмки», «Победы», «ЗИМы» и «Волги», из которых выпархивали стайки молодых людей, в вихре вальса изображающих счастливую юность советских мажоров. Но не без идеологии все было на этом «Необыкновенном концерте»: огневолосяя активистка пылко защищала историческую правду в лице эстонского ветерана, обвиненного Страсбургским судом в массовых казнях. Просторно было на этой немислимой сцене, редкий танцор долетал до середины ее, и плотно стояли плечом к плечу (не до танцев им было тесно!) собранные со всей необъятной страны мальчишки и девчонки, на немалые, скорей всего, бюджетные деньги. Размах этой концертно-обескураживающей, олимпийские празднества меркли под нашим щедрым солнцем.

Во всем этом великолепии утверждала себя воинствующая эстетика Госгламура. Жирная, принципиально бессмысленная, бестактно выставяющая напоказ свой ювенильный гедонизм за государственный счет. И ведь не искры каких-нибудь чувств на юных лицах — их эмоции были делегированы обученным и оплаченным людям на гигантском подиуме. Там профессионально ликовали, смеялись, танцевали (даже дискотека проехала со своими собственными танцорами!). Такого мы прежде не видели даже в советское время имела в виду какая-то активность ликующей молодежи; здесь принципиально обошлись без нее.

Неужели этой вялой массовой хотят заслонить высокую Кремлевскую стену от хмурых проблем реальных людей живой страны? Впрочем, не думаю, что это зрелище смотрели так уж и многие по ящику в это время показывали из ЮАР матч Англия—США.

6. e-mail.

from: heraldofeurope.com
to: anonimus@no_name.com
date: 15.6.2010
subject: ЭНЕРГИЯ РАСПАДА

Меж тем продолжается распад общества и государства еще в одной из бывших советских республик — Киргизии. Страшный в своем неистовстве погром, сотни убитых, исход десятков тысяч узбеков (и русских, и русских тоже!) из своих домов, мародерство и поджоги... И не можешь не думать: а не перекинется ли этот вирус

насилия и ненависти через зыбкие границы, не донесется ли до московских тротуаров? И эти тысячи несчастных беженцев не окажутся ли скоро на улицах Москвы? И понимаешь: окажутся. Ведь напряжение растет повсюду, и не только по краям бывшей империи. Ее гибель, видимо, еще долго будет сопровождаться мучительными метаморфозами развалившегося тела. Монстр, сложенный из неслагаемого — из Эстонии и Туркмении, — разделится на множество суверенных стран. И каждый из членов бывшего Союза проходит теперь мучительные *эволюции*, постепенно превращаясь — одни в нормальные современные страны, другие — в гуляй-поле. Только теперь, через двадцать лет, мы начинаем понимать, какой гигантский исторический катаклизм приходится переживать нынешним поколениям, и никто на самом деле не знает, чем закончатся эти трансформации. Бедна, разделена ненавистью и довольно-таки дика Киргизия, да только ли она? Страшный вирус нетерпимости вырывается наружу то тут, то там. Подавлять его надо решительно и беспощадно, как вспышку чумы, он сам не знает жалости — на жалость его не возьмешь.

Тем страннее выглядят жестокие действия против мирных демонстрантов на московской Триумфальной. Тут, похоже, случай посложнее — когда зараженными оказываются те, кто должен был бы заразу искоренять. Они только повышают градус насилия, и так уже подходящий к «красной черте», за которой — пожар.

7. e-mail.

from: heraldofeurope.com
to: anonimus@no_name.com
date: 20.6.2010
subject: Москва и москвичи

Советский Союз был устроен просто, но жестко, «сверху донизу». Местные сатрапы в своих вотчинах, именуемых «национальными республиками», должны были держать население в повиновении; за это им, по тем временам, многое разрешалось. Институт прописки, контроль за перемещением людей — все оставались и бедствовали у себя дома. До Москвы эти волны беды почти не доходили. Первая волна беженцев настигла столицу Союза после спитакского землетрясения, им тогда помогали. Вторая — после резни в Сумгаите. После этого волны беженцев и мигрантов уже не встречали административного сочувствия. Но столица полумира была обречена стать местом, манящим всех самых благополучных и самых неблагополучных почившего Советского Союза.

Москва стремительно превращается в гигантский мегаполис с зияющими контрастами в доходах и образе жизни между блистающим меньшинством и бедству-

ющим, все растущим множеством неблагополучных людей со всех концов Евразии. Этому мало что может противостоять; во всяком случае, не административные меры. Союз распался, но плоды этого распада мы будем пожинать еще очень долго. Двадцать лет назад мы об этом не задумывались; а ведь можно было внимательно посмотреть на пример других. Впрочем, посмотреть, конечно, можно, но противостоять глобальному процессу нельзя.

Лондон стал многонациональным городом, в котором целые районы заняты выходцами из стран Содружества (и даже других стран, таких как Россия, но русские не любят жить рядом с русскими, анклавами, если только это не Белградия).

 • e-mail.
from heraldofeurope.com
to: anonimus@no_name.com
date: 5. 6.2010
subject: «Ты и Вы»

Путин, в доверительном интервью французскому телевидению, признался, что он как старший называет Президента России на «ты» (неужели просто Димой, а он его Владимир Владимирович?). Наконец прояснилась конструкция хитроумного тандема, так долго интриговавшая отечественную политологию. Она оказалась проста, как лом.

Все бы ничего нового, но поскольку Дима для меня и всех прочих не Дима, а всенародно избранный Президент Российской Федерации, Главнокомандующий ее Вооруженными силами и Гарант Конституции, а В.В. — *им назначенный* Первый Министр, получилась какая-то очевидная неловкость; и не между означенными членами тандема (они свои люди, им не привыкать), а между сказанными ответственным лицом словами и их реальным содержанием. Во времена императора Тиберия подобные слова классифицировались в соответствии с законом об «оскорблении Величия». Жена Цезаря могла его называть хоть Василием, но никак не публично.

Времена у нас сейчас (если забыть про Ходорковского, Лебедева, Магницкого, посаженного на 2 с половиной года Случайного Прохожего, оказавшегося в зоне боевых действий московской милиции и прочих подобных иногородних граждан) — почти вегетарианские. Ну поколотят, так с кем не бывает. И палки-то милиция не сама себе в лесах нарезает, а получает фабричные, на выделенные нашими избранниками наши деньги.

Но все-таки мы какие-никакие, а все ж избиратели, а не *подданные* слаженного тандема — чувствуем большую неловкость, как если бы при нас происходил

домашний скандалчик в исподнем. А вообще-то неудобен наш язык в рассуждении высшей политики. Чтобы прекратить эти неудобства, следовало бы провести законопроект, чтобы в самых высших верхах общались бы по-английски. Их YOU снимает все проблемы.

 8. e-mail.
from: heraldofeurope.com
to: anonimus@no_name.com
date: 20.6.2010
subject: ОЧЕРЕДЬ В НАТО

Перед поездкой Д.А. Медведева в США министр иностранных дел С.Лавров дал «Ъ» пространное интервью, в котором сформулировал некоторые новые линии российской внешней политики, довольно-таки неожиданные ...

НАТО: НИКТО НАС ТУДА НЕ ЗОВЕТ

Лавров: В новом базовом соглашении большое количество статей уже согласовано, и я думаю, сейчас главные сложности заключаются в экономическом разделе. Это сопряжено прежде всего с ситуацией вокруг вступления России в ВТО. **Закладывать в это соглашение принципы торговых режимов, не понимая, когда и на каких условиях Россия станет членом ВТО, наши европейские партнеры не очень-то хотят.**

«Ъ» задает вопрос Лаврову: В новой военной доктрине России НАТО называется главной внешней опасностью. В Москве, что, всерьез полагают, что в головах натовских чиновников зреют агрессивные планы?

И Лавров отвечает: Не черпайте информацию о нашей военной доктрине из оценок, которые дают натовцы... **нельзя сказать, что НАТО в целом как военно-политическая структура представляет для нас угрозу.** Мы понимаем, что НАТО — это реальность, которая никуда не денется... Но нам важно понимать, куда НАТО эволюционирует.

У Лаврова прямо спросили: А почему бы нам не вступить в НАТО?

И он ответил: Во-первых, вопреки высказываниям, которые на сей счет время от времени звучат с Запада, **никто нас туда не зовет.**

— А если позовут? — спрашивает настырная газета. — Не позовут, — уверен наш министр иностранных дел: **Я не представляю, как это будет выглядеть. Нам надо будет принимать какой-то план по членству, отчитываться перед НАТО, ездить туда, стоять в очереди... этот сценарий просто нереалистичен.**

(Ну, подумаешь, можно бы и постоять, послать Рогозина, он очередь займет, тоже мне проблема!)

Вот такие у нас тут новости. ■

РАДОСТИ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ

Роман в рассказах переходного периода

Александр ШАБУРОВ

Отцу

Председатель жакта, озабоченный судьбой этого квартиранта, поспешил навестить его, чтобы предостеречь от пагубного шага. Он так сказал ему:

— Вы живете, замкнувшись в своем душевном мирке, и через это ваши страдания очень велики. Вас перевоспитывать — так это надо запастись терпением. Но пока я вам дам хороший совет: напечатайте объявление в газете: дескать (как в таких случаях пишется), люблю и помню, вернись, я твой, ты моя и так далее. Она это прочтет и непременно явится, поскольку сердце женщины не может устоять против печати.

Михаил Зощенко. Сердца трех. 1937

Предупреждение от автора

Данное сочинение не является сугубо литературным произведением. Скорее это документация жизнеустроительного проекта художника Александра Шабурова, решившегося обустроить свою личную жизнь и воспитать себе идеальную возлюбленную.

Весной 1996 года он познакомился на улице с приглянувшейся ему девушкой по имени Инна, но вскоре обнаружил, что не может внушить ей должное впечатление о себе и своем творчестве.

Тогда Шабуров догадался, что «обычные» житейские удовольствия — гораздо более прямой и приятный путь к сердцу девушки, и целиком отдался новому «проекту». А чтобы хоть как-то зафиксировать столь экстремальный эксперимент, стал описывать собственные ухаживания в еженедельной газете для пенсионеров, где трудился художественным редактором.

Точнее, так. В реальной жизни Шабуров не мог отыскать подходящих слов, чтобы запудрить девушке мозги. Но спустя неделю в своей, как сейчас сказали бы, колонке он нужные слова находил. Постепенно Шабурову удалось перекодировать собственную жизнь в удобоваримую для Инны стилистику юмористической беллетристики от первого лица (вроде Мих. Зощенко или «Как я оседлал велосипед» Марка Твена). Вскоре его сочинения стали инсценировать на городском радио параллельно реальным событиям.

В результате сформировалась целая система массового гипноза. Все персонажи прослушивали и перечитывали их тенденциозно запечатленную жизнь, после чего непреднамеренно старались этому соответствовать. И Инна, и прочая окружающая действительность подстраивались под пристрастные речи о них и под запоздалое придумывание

смыслов. Да и сам автор — брюзга и мизантроп — на какое-то время сросся с маской сентиментального и восторженного гуляки.

С одной стороны, это — наследие взглядов графа Л. Толстого, декларировавшего: «художник должен жить жизнью простых людей, среди них плодить и размножать свои творения». Другая предпосылка данного эксперимента — абсолютизация расхожей романтической идеи, что всякое творчество проистекает сугубо из личных передряг, а раз так, ничего, кроме собственной жизни, знать и уметь не надо. Раз все равно «мадам Бовари — это я», зачем под ее шкурой скрываться?

Изначально рассказы печатались в екатеринбургской газете «Новая Хроника» в 1996 — 1998 гг. и инсценировались на радиостанции «Студия Город» екатеринбургскими актерами. Все описанные автором события имели место в действительности, все персонажи — реально существующие люди.

КАК Я КАТАЛСЯ НА ОСЛИКЕ

Погода стоит распрекрасная, небо синее-синее, солнце — непонятно какого цвета. Тепло, светло — благодать, да и только! Нет никакого желания заниматься скучными делами, тянет предаться радостям ОБЫЧНЫХ, так сказать, людей. ПЛЯЖАМ, ШАШЛЫКАМ, ДИСКОТЕКАМ, ЗООПАРКАМ и прочей, ничего не значащей белиберде.

Я даже выставку такую придумал непосредственную. Не картины, а картины быта. Не рисовать ничего, не напрягать себя нисколько, а просто — в удовольствие жить!

Достаточно продефилировать вечером с Инной по Главному проспекту, чтобы понять: ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ. Что в отношениях с малознакомыми девушками самое занимательное, так это ни к чему не обязывающие прогулки, ничего не значащие ласки, звонки по телефону без особого повода. Проще говоря — повод питать иллюзии. Подобное обществу обнадеживает и воодушевляет. Кажется, что рано еще нам на свалку истории и что не вся еще жизнь позади. Раз выживание закончилось, и солнышко вышло.

Иду я раз с Инной по улице и вижу: внизу у плотины люди на лошадях катаются.

А рядом — словно бы он ни при чем — стоит маленький неприкаянный ослик.

На которого почему-то никто не претендует.

— Ослик! — кричу я и скачу вниз. Инну на ослике покатать.

Только вот ослик на мое приближение никак не реагирует. Спокойно реагирует.

Как и одуревший от жары чумазый мальчик рядом с ним на траве.

— Почему покататься на ослике? — не скрывая своего буйного восторга перед явлениями живой природы, вопрошаю я.

На это чумазый мальчик, едва отрывая очи от дола и еле-еле ворочая языком, отвечает, что цена-де 5 тысяч рублей (*После деноминации 1998 г. — 5 рублей. Авт.*).

— Подходит!.. — снова возбужденно воплю я, поскольку никогда еще не катал девочек на осликах в своей сознательной жизни.

Но мальчик не разделяет моих однообразных натуралистских восторгов и, во второй раз натужно приподняв от земли свою чумазую харю, говорит чуть слышно:

— Мы на нем ТОЛЬКО ДЕТЕЙ катаем...

В том смысле, что мы — вроде как бы не дети.

Я судорожно соображаю, что в Ташкенте (или там в Бухаре) все поголовно на таких вот ослах ездят, да только ничего про то не говорю. Безмолвствую. И мальчик при ослике тоже молчит самым беспардонным образом. И всем своим видом не обнаруживает к нам ни малейшего интереса.

Следующие пару минут мы стоим такой немой сценой из школьной хрестоматии. Я ошалело гляжу на мальчика, не понимая, почему он манкирует зарабатыванием своих (т. е. пока что моих) денег. Инна гладит ослика по бороде и щебечет, что боится его раздавить. А ослик с мальчиком усталились в сторону и ваньку валяют. В общем, постояли мы пять минут, да и пошли себе.

— Мне было бы жалко на него садиться, — оправдывается Инна, хотя живого весу в ней куда меньше центнера.

Вместо ослика мы отправляемся покупать шарики. Большой СИНИЙ-СИНИЙ, ПРЕЗЕЛЕННЫЙ, как писал в детстве поэт Маршак, КРАСНЫЙ ШАР. Красный с ушками. Или, точнее, сердечком. Шарик — понятное дело — рано или поздно улетит прямо к небосводу...

ВОЗДУШНЫЕ ШАРИКИ — особая статья моего отдельно взятого холостяцкого бюджета. Всякий раз, на них раскошеляваясь, ты надеешься, что этот-то шар никуда не денется, останется навсегда с нами. Или — во всяком случае — улетит не самопроизвольно, не абы как, невзначай!

Но именно НЕВЗНАЧАЙ это обычно и происходит.

Я заметил: шарики улетают в тот момент, когда на них перестаешь обращать внимание. Когда они выполняют свою одноразовую раскрепостительно-миротворческую миссию.

С шариком мы проходим парадом мимо уличных художников в сквере у ЦУМа, и когда наш шар благополучно улетает, я усаживаю мой «повод питать иллюзии» РИСОВАТЬСЯ к своему бывшему соученику Лене Баранову. Примечательным изобретением лет эдак шестнадцать назад причудливого термина. Когда я отправил Леню провожать до дому мою старинную приятельницу Марину Пеккер (примечательную — в свою очередь — завидным талантом попадать во все возможные передрыги), Леня каждые 15 минут забирался от нее на окрестные деревья, объясняя свое поведение так:

— ОБЫКНОВЕННОЕ МУЖСКОЕ КОКЕТСТВО!

В годы совместной учебы в благословенные советские времена Леня Баранов прославился тем, что до поступления в художественное училище успел закончить училище сантехническое. И с этой профессией в руках мог без проблем поселиться в любом общежитии — на непродолжительный, правда, срок. Ужиться где-либо надолго Лене не удавалось, ибо его художественной натуре претило прочищать унитазы проживавшим рядом девушкам. Не для того ж он назвался ХУДОЖНИКОМ! Именно стесняясь своей первоначальной профессии (как и своей лошадиной фамилии), Леня и решил ее поменять.

Я, своей профессии не стесняясь, мог бы и сам Инну нарисовать, но, по мне, это как-то противоестественно. Хочется просто так ею любоваться! Рисование — какое-то не настоящее выражение чувств. Охота пожить простецкой лапидарной жизнью.

К тому же для Инны тут удовольствие особого рода. Интересно, как такой вот совсем незнакомый и пусть даже совершенно не умеющий рисовать хрен тебя изобразит. Какое чучело он из тебя сделает? Сам факт, что некий доселе чужой человек тебе пристальное внимание уделяет...

Леня Баранов от усердия и нависшей над ним ответственности растягивает данное удовольствие часа на полтора. И мне приходится развлекать Инну побасёнками из моей записной тетрадки, а она — хихикает (что и должна делать в таком случае КАЖДАЯ ПОРЯДОЧНАЯ ДЕВУШКА). Автор «Винни-Пуха» А.А. Милн писал в мемуарах про жену: изначально она понравилась ему тем, что смеялась над его шутками.

— Когда я еще был молодой-неженатый, — делится своими познаниями в женском вопросе Леня, — у меня такая примета была:

**СТАЛА ДЕВУШКА СМЕЯТЬСЯ —
ПРИШЛО ВРЕМЯ ЦЕЛОВАТЬСЯ!**

Однако, глядя на Инну, я чувствую, что целоваться ей вроде не хочется. Инна отчего-то сникает, серьезнеет, на мои шутки реагировать перестает. Так и сидит последние полчаса, погруженная в неведомые мне невеселые мысли.

Наконец Леня заканчивает мучить себя. Мы встаем и шагаем дальше.

Перемена в Иннином лице объясняется просто. Поулыбавшись Лене для вежливости еще пару минут, она срывается с места и командует мне сквозь зубы:

— Идем быстро!!! Где здесь туалет?

Тучки недопонимания в моей голове тут же рассеиваются.

Немного погодя мы сидим с бывшим сантехником, а ныне художником Леней Барановым в пустом баре под названием «Метро», и я рассказываю про ослика, ставшего отправной точкой нашего путешествия. Потом встречаем бывшего литератора, а ныне главу местных кришнаитов по имени Ананта-Ачарья-дас (сохранившего для прежних приятелей фамилию Козлов). Еще позже — гуляем по пустынным улицам с невесть откуда взявшимся Инниным братцем Димой, и я даже рисую их вдвоем пальцем на пыльном стекле подвернувшейся трамвайной остановки. А еще чуть позже Инна признается, что испытала сегодня одно из самых больших удовольствий в своей жизни. Понимайте как хотите.

Такая вот сентиментальная история.

КАК Я УЧАСТВОВАЛ В ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

Каждодневно волею судьбы заносит меня в самые идиотские общества и обстоятельства.

Инны, которая учится в ЧАЙНИКЕ, не было как-то в городе, и дабы хоть как-то скрасить свое, так сказать, одиночество, я пересял на Чайную Церемонию в ДК железнодорожников.

По чайным церемониям большой специалист — мой большой друг Коля Боченин.

Друг моего друга Гены Шаройкина.

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ — японский способ убивать время. Японцы понапридумывали себе кучу всевозможных правил и предписаний и разбили жизнь на всеобъемлющие ритуалы (к которым относятся не так наплевательски, как мы в свое время к нашим ДЕМОНСТРАЦИЯМ). Чтобы эта самая жизнь была расписана у них поминутно. И чтобы не было повода забивать свою голову какими-либо лишними мыслями.

Для себя лет десять назад я вывел такое примитивное правило буравчика: думать-де вообще не нужно и вредно, думы от неправильной жизни. А посему желательно выкинуть их из головы все до одной, кроме убаюкивающей констатации, как все хорошо и какой я замечательный...

Чайную церемонию проводили здешние ее любители и приехавший из Японии с девочкой-переводчицей СЭНСЭЙ (учитель) в черном кимоно. На сцене были разложены чайные причиндалы, два чахлах цветка в горшочке да свиток с намазюканными на нем иероглифами.

— Ну, — говорит сэнсэй через переводчицу, — кто в зале хочет быть гостем на нашей церемонии?

— Я! — автоматически говорю я, вытягивая вверх руку.

И последующие полчаса проклиная себя за этакую повышенную ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ. Потому как вы сидеть столько на карачках оказалось выше моих сил.

Член местного Чайного клуба сидел на корточках гораздо увереннее и вообще, исполняя японские предписания, изображал совершенную невозмутимость — медленно ополаскивал чашку, трясущимися от осознания огромной ответственности руками взбивал кисточкой малоаппетитную зеленую пену, и мы по очереди пили ее.

Японский сэнсэй сопровождал все это культурно-просветительской беседой, объясняя, что Чайная церемония восходит к медитативной практике монахов в дзэн-буддистских монастырях. Что главное в Чайной церемонии — общая атмосфера, состояние, создаваемое тем-то, тем-то и тем-то. И что на свитке накалякано что-то вроде: «В прочувствовании этого самого состояния — ваш путь».

Попутно он изложил основные постулаты своего ДЗЭН-БУДДИЗМА: все наши страсти (в моем свободном пересказе) суть не естественные душевные порывы, а трение внутреннего мира с внешним. Монахи все страсти хоронили в себе, миры эти уравновешивая...

Слова про страсти сильно меня задели!

Ничего себе, — подумал я, — вот те раз, это что ж такое получается?

Я, как мне всегда казалось, этакий завзятый ДЗЭН-БУДДИСТ, не единожды просветленный человек, а как позволяю себе сходить с ума спорадически!..

НАКАНУНЕ (роман Тургенева) я приревновал Инну к целому джазовому квартету из Швейцарии, качал права, а потом по ИРОНИИ СУДЬБЫ с этим самым квартетом просидел ночь напролет, последние деньги пропивая, в буфете гостиницы «Свердловск». Страсти во мне клокотали чудовищные, меня прямо трясло от злости!.. После чего — после 23 часов — я и отправился в гостиницу «Свердловск» со швейцарскими басурманами мириться...

Что ж это значит? Выходит, я отошел от ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ дзэн-буддизма? Хорошо это или нехорошо?..

— Теперь вы поняли, как надо жить дальше? — вопрошает улыбающийся сэнсэй, вовсе не ожидая от нас какого-либо ответа.

Только я растягиваю губы в улыбке, вдвое большей, чем у него, и со всей решимостью проговариваю:

— Никогда!!! Жить так не надо никогда! Жить надо прямо наоборот! Чувствовать, что чувствуется, до самой последней капли, и жить, как живет. А на все свитки с рецептами наплевать!..

— Ой! — поражается сэнсэй. — Вот те раз!.. Вы говорите слово в слово то же самое, что говорит мне мой дзэнский учитель в Японии!.. Вот те раз!

Мы еще поговорили минут пять о том, как надо правильно чувствовать, и о прочей забавной чепухе, к которой как записные дзэн-буддисты относимся по-разному, сверх всякой меры улыбаясь друг другу.

После чего я, растирая коленки, спустился в зал.

Все-таки, думал я БЕСЦЕРЕМОННО, местное увлечение Чайными церемониями — бессмысленное развлечение! Потому как это не «растворение в окружающей атмосфере», а наоборот — бегство от действительности, которая под ногами лежит и которую прочувствовать душа не лежит. Все равно — в рафинированные обряды экзотических японских миссионеров или в лакированные журналы про экстравагантных американских миллионеров. Получается не метод любви к жизни, а самоизнасилование!

Какое тут чувство, когда руки от напряжения трясутся!..

Ведь главное не в том, чтобы сделать жизнь по чужой шпаргалке. А в том, чтобы все было хорошо и естественно! Да и про чайные церемонии мы не меньше приезжих сэнсэев понимаем. У них в Японии теперь сплошная МАНГА на уме. А у нас в СССР половина интеллигенции во ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ жила. Каждый пятый спрятался с головой в средневековую Японию, каждый третий — в Древнюю Грецию, каждый второй — в американские джинсы. И что с того? Японцами мы все равно никогда не станем.

Да и зачем?.. У нас свои ритуалы есть — например, ШАШЛЫКИ жарить. Последний раз мы жарили их с Дубичевым даже под дождем — под клеенкой: дождь пошел, а все равно нужно было довести свою шашлычную церемонию до конца.

Или БАНЯ.

Или БИЛЬЯРД.

Или САЛЮТ на 9 Мая.

А еще я как-то — впервые в свои неполные 30 лет — попал на дискотеку «Эльдорадо», где взмок и расслабился даже пуще, чем в бане. Хотя последний раз был НА ДИСКОТЕКЕ году в 1980-м, на первом курсе художественного училища. Да и то больше у стенки простоял, потому как всего на свете стеснялся.

Впрочем, это совсем другая история.

РАДОСТЬ ПОПЛАКАТЬ

На другой день, как испортилась погода и зарядил дождь, я попал в УЧЕБНЫЙ ТЕАТР. На учебный спектакль моего приятеля режиссера Блинова. На предпоследнее представление какой-то там пьесы под впечатляющим названием «Путь нашей жизни», которую Блинов по пути в театр мне пересказал.

Следующий спектакль — поплакался он мне под стук трамвайных колес — госэкзамен, и весь курс задействованных в нем артистов разъедется по разным долам и весям, чтоб никогда больше не встретиться. Что само по себе трогательно и печально!..

Институт оказался пуст, только перед нашей аудиторией толклись еще не разъехавшиеся студенты и их остающиеся друзья.

Сюжет представляли простецкий.

Про людей и про КЛАДБИЩА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ — как любит выражаться главная героиня моих опусов о том, чего она сама хотела бы избежать к закату своих дней.

Персонажи пьесы ничего такого за собой не замечали, не особо печалились и просиживали бесконечно затянувшийся вечер в каком-то завалищем заокеанском баре, в Северо-Американских (как тогда называлось) Штатах, предаваясь безрадостным воспоминаниям и бесплодным ожиданиям. За стенами — уже неделю — тоже лил дождь. Мы, зрители (человек 15–20), сидели здесь же, за столиками, а первый ряд даже обносили бутербродами с колбасой.

Кроме нас — и полагавшегося всякому бару бармена — в этом постылом времяпрепровождении были задействованы:

один несломленный, хотя и хромоногий богатей и ХОЗЯИН ЖИЗНИ,

его СЛУГА, которого топ-нога спас когда-то от голодной смерти и над которым теперь имел полное право измываться,

плюс — воображала-ПРОСТИТУТКА, которая воображала, что прежде была не проституткой, а своего рода АКТРИСОЙ, и которую слуга безногого почему-то любил и жалел.

Еще один парень готовил себя к работе КОВЕРНОГО, а потому периодически танцевал степ (по-научному — четку) и жонглировал шваброй или подносом.

Другой сидел в углу, непрерывно наигрывая на пианино слезоципательные мелодии и наполняя представление избыточной досуговой эмоциональностью.

Потом к компании присоединился не менее экспрессивный КОВБОЙ с чапаевскими усами, который начал дополнять перечисленные украшательства сюжета завиральными историями из своего ПИОНЕРСКОГО (в американском смысле этого слова) прошлого.

А в дальнем углу обнаружился еще один ФРУКТ, звонивший в иногородний отель:

— Это номер такой-то? Люси! Выходи за меня замуж, иначе я утоплюсь!.. — но всякий раз отчего-то попадал не туда.

Плюс пара-тройка других занятных типов.

Все казались хорошими, в общем-то, людьми. Хотя и опустившимися немного.

Они напивались бутафорским шампанским, строили карточные домики из бутафорских долларов, вспоминали поминутно о несбывшихся невесте почему мечтах, плясали, плакали при свечах, поплакав — целовались, целились в публику из всамделишного — как нам должно было казаться — револьвера, покупали игрушки и играли на тотализаторе.

Для пущей безалаберности безгогий БОСС, который нагреб себе денежки на чужих несчастьях, а теперь наблюдал жизнь из инвалидного кресла и радовался, когда находил во всеобщей безнадеге красоту и беззлобные отношения, вздумал устроить судьбу своего посыльного и его гулящей подружки — поженил их, определил на работу и весь второй акт убеждал, что они способны к НРАВСТВЕННОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ. И все снова принялись плясать. Но общему счастью помешал появившийся мельком в первом акте нехороший агент из ПОЛИЦИИ НРАВОВ, морально ущербный по причине невысокого роста, который взялся колошматить присутствующих о столы, однако оказался чудесным образом убит во имя защиты ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА, а вторично ПОРУГАННАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ спасена вновь!

Мелодрама, одним словом. Не стоило и пересказывать...

Выходя со спектакля под так и не прекратившийся дождь, я даже не знал наверняка, понравилось мне представление или нет — только раз десять за вечер глаза мои (взрослого уже дяденьки) были на мокром месте.

Не знаю, думалось мне разомлевыми мозгами, может, я безнадежно раскис? Может, я всего лишь редко хожу в театр, и так воздействует на любого СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКОГО ЗРИТЕЛЯ любой мало-мальски подвернувшийся СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ? Но все же сообразил, что морочу сам себе голову, ибо мастерство мастерством, профессионализм профессионализмом, а главное-то не это!

Главное — в один прекрасный день, как сказал поэт, «на любовь свое сердце настроить», потому что если нет у тебя за душой империи чувств, которая отовсюду из тебя выпирает, никто в твоих представлениях ничего не почувствует. Ничего ниоткуда не возникает и в никуда не девается!

Жена Елового Шарова, которая тоже закончила когда-то театральный институт и принялась смотреть по телевизору сериал из жизни американских миллионеров в Санта-Барбаре (дабы извлекать из него всякие бесполезные, на первый взгляд, изречения) сообщила, что доктор Скотт в последней серии заявил, тыча себе пинцетом в живот:

— МЕРТВОЕ СЕРДЦЕ НЕ СТУЧИТ!..

Это я как-то сформулировал про писательство: что сначала писатель учится сочинять без орфографических ошибок, подбирая правильные эпитеты и эпиграфы и выставляя напоказ скрытые цитаты. Затем отучивается писать неправильно, своим языком, обнажая всевозможные языковые условности, нагнетая тавтологии, аллитерации, вульгаризмы и прочий бред собачий. А потом понимает, что и это — второстепенное. Что совсем неважно, как писать. Писать можно абы как, лишь бы твои писания были наполнены какими-нибудь неподдельными чувствами.

Так, должно быть, обстоит дело и в любом другом месте, не только в театре...

ТЕАТР — три часа насыщенного напряженного времяпрепровождения, за которые герои умудряются все успеть и всего достичь (что лично у меня не каждый день получается), погрузить о несбывшихся надеждах, но тут же добиться недостижимого, вздохнуть полной грудью, занять круг друзей, заработать кучу денег, влюбиться-жениться, обустроить прочие мировые проблемы, выпить-закусить, потанцевать, почитать стихи и даже, как видите, убить человека.

В настоящей жизни все не так. Особенно когда портится погода.

Когда я попытался войти в ту же реку второй раз — отвести на тот же спектакль (на самое уже распоследнее представление) Инну, ничего у нас не получилось, убежала последняя электричка. Я просто посмотреть хотел: а станет ли она плакать?

ЛЮБОВЬ — придумал я по такому случаю афоризм — это когда из-за тебя плачут. То есть когда ты размещаешься в эпицентре чужих переживаний.

Потому как Инна — довольно-таки непредсказуемая особа. Простодушная и непосредственная провинциальная девица. Но всегда какая-то не такая, как мне хочется.

Которая покупает «СНИКЕРСЫ» и, подобно Шаровой, посматривает «САНТА-БАРБАРУ».

Ходит на ШЕЙПИНГ, говорит: ездить НА САД и в слове ЕЖЕДНЕВНИК делает ударение на последнем слоге.

В ежедневнике ее все в беспорядке — расписания уроков и учеников, цифры и цитатки бесподобные:

«Любви все возрасты покорны. Шекспир».

Или: «В каждой красивой женщине кроется обезьяна. Шопенгауэр».

Или: «Господи, помоги мне сохранить целомудрие, но только не сейчас. Св. Августин».

Или такие вот:

«Не могут быть красивыми глаза,

которые не плакали ни разу».

Которая покупает жевательную резинку «Love is» с вкладышами-сентенциями про что такое ЛЮБОВЬ (это ТО, ЧТО ВЫ НЕ МОЖЕТЕ УСКОРИТЬ, например) и всякий раз прилепляет ее ко дну сумочки, чтобы повторно дожевывать.

Которая утверждает, что она — КОШКА, КОТОРАЯ ГУЛЯЕТ, ГДЕ ЕЙ ВЗДУМАЕТСЯ, но каждое лето уезжает к бабушке в деревню Азанка, чтобы там самозабвенно свиней пасти.

Способная, притом становиться иногда холодной и молчаливой. И превращаться раз в месяц в неприступную светскую даму. К которой просто так не подойти. Которая позволяет себя поцеловать разве что в щеку. Посмотришь — ну прямо Грета Гарбо, очарование печали. Или даже Снежная Королева, которая уж точно никогда не заплачет!..

Всю неделю до повторного похода в блиновский театр лил дождь. В такую тоскливую пору сыро и холодно, и как-то не хватает разнузданного половодья чувств, безудержных страстей и безрассудных поступков. Испытать это неразжиженно кажется возможным лишь в театре.

Инне в УЧЕБНЫЙ ТЕАТР идти не хотелось: у нее на своих учеников был этот день расписан. Но я хотел во что бы то ни стало затянуть ее на спектакль, чтобы после на нее посмотреть. Мы отправились туда к пяти часам, но, встретив на улице актеришку, игравшего в спектакле на пианино, узнали, что сегодняшнее представление состоится не в пять, а в шесть, — и все переиграли.

Оказалось, однако, что переиграли зря!

Чтобы не гулять под дождем, мы пошли покупать пуговицы (я, к слову сказать, неслезанно ускорил процесс их приобретения) — и в театр опоздали. В зал нас уже не пустили — там сидела ГОСКОМИССИЯ. Постояв у вешалки пару минут, так и не испытав тех невообразимых чувств, какие клокотали в тот момент в соседнем зале, мы разошлись, как в море корабли, каждый по своим делам.

День получился ничего себе. Ничего особенного не совершили. Особо не переживали, что на спектакль не попали. Зато никого не убили. Пуговицы — опять же — купили. Так, правда, и не заплакали.

На следующий день Инна призналась мне, что вчера-таки плакала, запершись в ванной, посмотрев по телевизору кинофильм Эльдара Рязанова «Жестокий романс».

КАК НАДО ДЕЛАТЬ ГАЗЕТУ

Ксения Николаева, редактор газеты «Новая Хроника», периодически печатающей мои рассказы, попросила сочинить к сотому номеру отчет о том, как эта самая газета делается. Раз ты у нас в НАСТОЯЩИЕ ПИСАТЕЛИ записался!.. Дайджест шуток и прибауток. Заказной капуста, приятный всем подопытным кроликам. Чтоб не скучно было читать. И в то же время поучительно. Что все должно возникать полюбовно, без ненужного никому напряжения. Что труд должен приносить трудящимся радость и разумное вознаграждение. И что мы тут работаем не за деньги, а ради УДОВОЛЬСТВИЯ (намек на зарплату, которую нам опять задерживают)...

Что я, во исполнение пожелания, уединяюсь и делаю.

ИТАК.

Главный человек в газете — главный редактор.

Редактор решает все.

Печатать мои рассказы или не печатать.

Редактор «Новой Хроники» Николаева Ксения никогда доселе редактором не работала, была учительницей в новообразованном лицее и газет до своего последнего назначения не читала. А потому, когда сочиняла обращение

к будущим читателям на первую, что называется, ПОЛОСУ нулевого номера, очень переживала, зачеркивала-перечеркивала полчаса, после чего спрашивает подчиненных:

— Не слишком ли двусмысленным получился конец: РЕГУЛЯРНОСТЬ НАШИХ ДАЛЬНЕЙШИХ ВСТРЕЧ БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ ОТ ВАШИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ?..

(— Только вычеркни, что я не читала газет, — просит, пробежав это место, Ксеничка. — И что Дубичев — мой муж, в следующем абзаце!..)

Если какой-то текст в газету не помещается и редактор не берется самостоятельно решить его судьбу, то идет за советом в соседнюю комнату к своему мужу, моему другу и детскому писателю Дубичеву, а по совместительству — помощнику депутата Гос. Думы Зяблицева Е. г.

Потому что писатель Дубичев все не влезающие на полосу тексты механически ополовинивает и поясняет:

— ВСЕ РАВНО НИКТО ЭТОГО ЧИТАТЬ НЕ БУДЕТ!

(— Я их не МЕХАНИЧЕСКИ ополовиниваю, — уточняет Дубичев, — я их ВДУМЧИВО ополовиниваю!)

И продолжает сочинять очередное прочувствованное произведение про ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРИЕМНУЮ «Зяблицев-Фонда» (СКОРУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ, куда приносят не нужные НОВЫМ РУССКИМ старые вещи). Бубнит себе под нос:

«...или вот еще одна поразительная история о женщине, прикованной к постели и по доброте душевной раздающей нуждающимся свое постельное белье в прекрасной сохранности...»

Дубичев когда-то учился на эксплуататора АЭС, но прибил к друзьям-журналистам, которым помогал печатать САМИЗДАТСКИЕ сборники. Начал сочинять сказки про неумного Зайца Пуса, да и сам стремительно эволюционировал на литературном поприще.

Работал со мной в газетах «Клип», «Доверие» и «Главный проспект», составлял ПРЕСС-РЕЛИЗЫ монархистам, «Мемориалу» и публичному дому «Бесстыжая маркиза», состоял СПИЧРАЙТЕРОМ в партиях «Выбор России», ПРЕС и НДР, малевал пальцем магические закоруки от лица деревенской целительницы бабы Леры, придумывал астрологические прогнозы и даже в казаки чуть было для полноты коллекции не записался...

Покуда не прижился на постоянном политическом посту при вышеозначенном фонде.

Фонд наш придуман для выживания пенсионеров и эксплуатации их труда. Старики сейчас никому не нужны. В то же время они — самая ответственная и равнодушная часть населения. За три копейки готовы горы свернуть. Самостоятельно собирают одежду, самостоятельно распространяют собственную газету, а также агитируют за нашего депутата — не за БАБЛО, а от сердца к сердцу. По принципу СЕТЕВОГО МАРКЕТИНГА.

Хотя еще недавно агитация делалась так.

На местных выборах — выпускали газету, где на первой полосе за кандидата поручались (сами не подозревая о том) Алла Пугачева, София Ротару и академик Лихачев. На федеральных — еще проще: главного конкурента ПАРТИИ ВЛАСТИ (Руцкого с Хасбулатовым в 1993-м, Жириновского в 1995-м, Зюганова в 1996-м) объявляли ФАШИСТОМ и всех делов! Сейчас этому уже не поверят...

Последнее изобретение Дубичева — самая экономичная газета для пенсионеров. Функционирует без журнальных. Нужно только подключить к сети ФИДОНЕТ (тогдашний Интернет. — Авт.) и подписаться на рассылку готовых интервью со знаменитостями...

(— Давай сократим это до лучших времен, — требует Дубичев, — не выдавай мое ноу-хау!)

У верстальщицы газеты Тани Афанасьевой, если что не вмещается, тоже своя регулярная прибаутка имеется. После ужимок-утяжек НЕВСТАЮЩИХ-НЕВЛЕЗАЮЩИХ текстов и уменьшений их так называемого ИНТЕРЛИНЬЯЖА она повторяет удовлетворенно:

— КАК ТУТ И СТОЯЛО!

И поучает редактора Ксеничку:

— Вот выучи эти две фразы, и тогда тоже сможешь верстать газету!

После чего они отправляются принимать «ГЕРБАЛАЙФ». А программа ОРФО тем временем у Тани Афанасьевой орфографию проверяет.

Таня, вернувшись, смеется:

— ПОРУБОВ, — (фамилия нашего бывшего фотографа), — предлагает заменить на ПОРУБИВ либо на ПОРУБАВ.

Тут Галина Васильевна, второй помощник депутата Зяблицева Е. г. и вице-президент «Зяблицев-Фонда», заглядывает к нам с чайной чашкой в руке и заявляет:

— ПОКЛАДИТЕ МНЕ ЦАХЕРУ! — И вся женская половина Фонда, НАКЛАВ ей ЦАХЕРУ, принимается разглагольствовать, кто на днях у Галины Васильевны народится: внучка или внук?

(— Про меня вообще все вычеркни, — призывает тут Галь-Вас, — не надо мою серьезную должность ни в какие скетчи вставлять!)

— Дубичев, тебя к телефону какой-то БОЙБОРОДИН! — кричит сидящий на телефоне Челиков.

— Это напоминает мне фамилию бабушки одной моей прежней ученицы, — вставляет Ксеничка, — УБЕЙ СОБАЧКУ.

— А у нас в универе училась девочка по фамилии НЕПЕЙПИВО, — продолжает Челиков. — Так мы ее называли Света БЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ или Света ПОСЛЕУКАЗНЫХ. Когда это было, году, наверное, в 88-м... А еще со мной в части в Перми служил один кадр по фамилии Градусов. Так с ним случилась следующая презабавная история. Дежурный офицер обнаружил у него литровый сосуд со спиртом, забрал бутылку к себе в ЛЕНИНСКУЮ КОМНАТУ и запер в сейф. А Градусов все равно добрался до своего спирта неизвестным науке способом. Догадаетесь, как?.. Подставил тазик на пол, а потом на него сейф перевернул!..

(Челиков восклицает гневно:

— То, что ты написал, называется ПАСКВИЛЬ. Я никогда в армии не служил!..)

Когда-то Челиков работал на областном телевидении ведущим «Политической кухни», а потом лишился своего телеэфира из-за того, что решил пойти на очередные выборы в качестве НЕЗАВИСИМОГО КАНДИДАТА. Теперь сидит у нас целыми днями на телефоне и нудит в трубочку:

— Добрый день! — очень напоминая прононсом профессора Капицу.

— Моя мама приходит недавно ко мне на новую квартиру, — жалуется Афанасьева Таня, — и спрашивает: «А почему у тебя в ванной ТРИ зубные щетки?» «Мама, — отвечаю, — я тебе больше скажу: у меня ШЕСТЬ вилок!»

Тут появляется доцент по фамилии Сизый, который когда-то в университете давал нашему депутату контрольные списывать. Теперь он сочиняет в газету юмористические стишки для «Несерьезной страницы», хотя, на самом деле, он человек деловой и, демонстрируя это, сгоняет Челикова с телефона.

С кем-то поговорив и понажимав кнопочки на калькуляторе, Сизый принимается вышагивать из угла в угол и причитать, демонстрируя присутствующим подлинный масштаб своей личности:

— Это ж 140 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ! Это ж 140 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ!

(— Про меня что угодно пиши, — смеется Сизый. — Только, пожалуйста, сократи 140 МИЛЛИАРДОВ до трех с половиной...)

Под его причитания мы с Ксенией отправляемся обедать в близлежащую закусочную КАВКАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, где по стенам развешаны картины художника Пиросмани работы моего знакомого художника Ситникова (который — в свою очередь — никогда не снимает шляпы, как художник Бойс).

Когда мы возвращаемся, писатель Дубичев просматривает сводку, присланную по Е-МЕЙЛУ из агентства новостей, и смеется:

—... — (какие-то междометия, хохот). — Слушайте!.. В сводке новостей читаю: ЗАМЕРЛО ПРОИЗВОДСТВО КОНЬКОВ!

С прохиндейской ухмылочкой к нам заходит начальник рекламного отдела Егоров А. А. и выкладывает Тане Афанасьевой коробку конфет в целях саморекламы.

За ним появляется делопроизводитель Лера Зык, разыскивая, чего бы еще подшить в папку под названием РАЗНОЕ ПОЛЕЗНОЕ.

За ней заглядывает Ананта-Ачарья-дас, по фамилии Козлов, и приносит на хвосте радостную весть, что в Свердловск вновь приезжает главный кришнаитский гуру из Америки. Когда-то он уже приводил его к нам в редакцию газеты «Главный проспект», где тот, после разговора со мной, снял с себя гирлянду из живых роз (которую ученики преподносят в дань уважения учителю) и водрзил мне на шею. Дубичев тогда ни в какую не захотел со мной в таком виде в ЦУМ идти, и в угоду ему я гирлянду на стенку повесил. Сознание Кришны тут же отвернулось от меня, и, вернувшись назад, я обнаружил, что захлопнул в кабинете все, что обычно ношу с собой, — плюс от этого кабинета ключи.

За Ананта-Ачарья-дасом заявляется очередное ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО, преподаватель юридического института Даниленко В. А. и, косясь на доцента Сизого, причитающего про пригрезившиеся тому МИЛЛИАРДЫ, хвастается:

— Видели, какую я таратайку себе купил всего за полтора миллиона! Блеск, а не машина! ПОДАРОК ОДИНОКОМУ ТАТАРИНУ! — после чего уезжает на ней с Сизым и Егоровым кататься.

После них — снова ЗА ЦАХЕРОМ — заходит Галина Васильевна.

Я спрашиваю ее:

— А почему вы с Вадиком не являетесь ДОВЕРЕННЫМИ ЛИЦАМИ?

— А потому что мы не ДОВЕРЕННЫЕ ЛИЦА, а ДОВЕРЕННЫЕ ЗАДНИЦЫ! — говорит Галь-Вас и уходит.

Вместо нее нарисовывается художник-карикатурист Аркаша Пятков — чтобы ксерокопировать свои карикатурки и разносить их потом сразу по всем редакциям. В редакциях газет другие газеты почти не читают.

— Раньше у меня, — вспоминает Аркаша, — были ТРИ ОСНОВНЫЕ РАДОСТИ В ЖИЗНИ: 1) когда я свои карикатуры рисовал; 2) когда их публиковали и 3) когда я получал за них причитающиеся гонорары. Но за прошедшие пару лет первые два повода радоваться незаметно улетучились...

— Слушайте, — перебивает его Дубичев, — какой я к своей статье заголовок сочинил — ПАРАД ФИКСИРОВАННЫХ ЧЛЕНОВ!.. — (Про введение ФИКСИРОВАННОГО ЧЛЕНСТВА на конференции местного отделения НДР.)

И еще: — Ксения, не пора ли нам домой?

Потому что за разговорами рабочий день уже подошел к концу.

Наконец, на пороге возникает Петя Морозов.

Про Петю Морозова ничего примечательного вспомнить нельзя (кроме того, что он — любимец всей женской половины газеты сразу), ибо появляется на работе он крайне редко. Записывает газету на дискету, говорит свое обычное:

— ВОТ И СЛАВНО, ТРАМ-ПАМ-ПАМ! — и увозит ее в типографию.

Инна спрашивает:

— Чем вы там на работе занимаетесь до нуля часов?!

И считает меня ФОРМЕННЫМ ЛОБОТРСОМ.

— Как это? — обижаюсь я. — Работаем на работе! И не за зарплату, а удовольствия ради. Как и все прочее делаться должно, не только газета... (Как меня Ксения в самом начале наставляла.)

Чтобы делать то, что хочется, и жить, как получается!

Писать по моему и Вольтера мнению можно о чем угодно, лишь бы читать не скучно было. Заметкам в газету надлежит походить на застольные враки, которыми заслушиваются взахлеб, а не на ОБЪЕКТИВНУЮ ИНФОРМАЦИЮ — точности от журналистов ждать бесполезно!

ЖУРНАЛИСТИКА (мое определение) — это когда люди принимаются писать о том, что они понимают в том, чего они не понимают. О том, что им чуждо и малоинтересно. Что они знают понаслышке и свидетелями чему не были.

— Как?! — воскликнет мой предполагаемый оппонент. — Журналистика — это как раз наоборот! Это нечто, тому, что вы сказали, прямо противоположное! ТОЧНОСТЬ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ, ОПЕРАТИВНОСТЬ и т.д., и т.п.!

— Согласен, — притворно соглашусь я, — И НА МАРСЕ БУДУТ ЯБЛОКИ ЦВЕСТИ. В том смысле, что и это не более чем слова! То, чего в принципе желают достичь к концу, скажем, следующей ПЯТИЛЕТКИ. Пока же все обстоит так, как в начале сказано... А раз так, писать лучше о том, что тебе ближе всего: о себе самом, своих друзьях и знакомых. Что я, как говорится, и делаю...

КАК Я ПОКАТАЛСЯ НА ЧЕРТОВОМ КОЛЕСЕ

Никогда ничего не планируй и не загадывай заранее.

Однажды мы с Инной уже собирались поехать в Парк культуры, чтобы на чертовом колесе покататься. Однако на полпути вдруг начался дождь, и нам пришлось просидеть полдня под навесом какого-то уличного ОБЩЕПИТА. Потом мы еще в кино пошли, да тоже лишь пять минут вытерпели: КИНО — радость для более усидчивых и бесстрастных человеческих особей.

— Когда мы что-то планируем, — заключила Инна, — никогда ничего не получается!..

Тогда мы перепланировали чертово колесо на сегодняшний день.

Сегодня дождя не было, и ничего, наверное, не смогло бы нам помешать, да только в обед меня по обыкновению угораздило появиться на службе. Ксеничка, позабыв свой «ГЕРБАЛАЙФ», мусолила журнал «COSMOPOLITAN» (на русском языке), наткнувшись в нем на 20 СПОСОБОВ СОБЛАЗНИТЬ СОБСТВЕННОГО МУЖА. А ее муж, детский писатель Дубичев, мой давний друг и теперешний начальник, с порога на меня накиннулся:

— Ты где бродишь?! Через полчаса едем на рыбалку с Егоровым! В УФАЛЕЙ, РАКОВ ЛОВИТЬ. Отменяй все, что задумал. Надо прожить нашу молодость не зря!..

И наше чертово колесо плакало во второй раз.

От подобных предложений, как говорится, отказываться не принято.

Сколько-то лет назад мы с Дубичевым уже ездили ЛОВИТЬ РАКОВ к нашему тогдашнему сослуживцу Егорову А. А. на его историческую родину и чудом остались живы. На обратном пути на двух колесах и страшной скорости из-за поворота прямо на нас вылетел невменяемый-неуправляемый уфалейский грузовик. Транспортное средство, способное навсегда лишить нас роскоши человеческого общения. Столкновение с ним было почти неизбежно. И непонятно, как сидевший за рулем егоровский отец-инвалид — без ног и почти что без рук (из-за какого-то неизлечимого заболевания крови ему каждую весну отмороженные конечности по чуть-чуть укорачивали) — из данного положения вывернул!..

Этими своими РАКАМИ Егоров соблазнял нас всю долгую уральскую зиму, добрая половина рабочего времени уходила у него на разговоры про родной Уфалей. И лишь только на околуфалейских озерах растаял распоследний лед, мы как-то неожиданно легко и опрометчиво сразу махнули за его раками! Наварили ухи и накормили комаров (даже сподобились отыскать одного миниатюрного рака — и отпустить до следующего раза), намерзлись, но на следующей неделе железно собирались приехать сюда же снова. Уже на все выходные. Да так, понятное дело, больше в Уфалей и не выбрались...

В книжке «Золотой теленок» Остап Бендер говорит своим попутчикам, недовольным тем, что намерзлись, им пришлось довольствоваться кувшином топленого молока и ночевкой на сеновале: «Молоко и сено, <...> что может быть лучше! Всегда думаешь: «Это я еще успею. Еще много будет в моей жизни молока и сена». А на самом деле никогда этого больше не будет. Так и знайте: это была лучшая ночь в нашей жизни, мои бедные друзья. А вы этого даже не заметили!»

А посему, наученные былыми просчетами, мы привлекли к этому делу нашего водителя Серегу Овчинникова и погрузили ему в багажник:

плащ-палатку,
ложки-вилки,
тушенку-сгущенку,
ведро-удочки-фонарь
(чтобы раков на фонарь ночью приманивать),
петрушку и сельдерей,
лавровый лист и перец горошком.

Сели и покатали! С егоровским УФАЛЕЕМ дело такое: тут либо бросай все сразу и без оглядки, невзирая ни на что, либо даже не пытайся!

— Я хочу наладить промышленный лов раков, — сразу же понесло Егорова, с его очередными предпринимательскими проектами, — пива сейчас полно! А раков нигде нет!.. Я уже позвонил в ресторан «Большой Урал», и они готовы брать моих раков по 5 тысяч рублей! А в Уфалее две татарские деревни есть — Давыдково и Медведково, которым нечего делать, — так пускай себе раков ловят! Платить им по 1 тыс. рублей за каждого рака, а по 4 тыс. — себе в карман! Золотое дно!!! Заработаю на раках и напечатаю твои рассказы отдельной книжкой!

Мы с Дубичевым посмеиваемся, ибо наслушались егоровских ересей еще в прошлогоднюю верхнеуфалейскую кампанию.

Александр Альбертович Егоров, наш бывший коллега и теперешний дерсу-узала — большеухий БИЗНЕСМЕН, а еще больший остап-бендер, НОВЫЙ РУССКИЙ из Верхнего Уфалея. Но и в нем тоже не дремлет кой-какая божья искра. Совсем еще недавно, приняв на грудь, он тут же начинал строчить на пишмашинке матерщинные стишки и приносить нам для принудительного прочтения.

Такие, например:

Басня про Дубичева

*Слону случилось раз пойти
Писать рассказ, вернее — интервью,
И на своем он встретил на пути...
Кого б вы думали? Свинью!
Мораль сей басни такова,
Что перепутал я слова,
Не слон — свинью, свинья — слона
Увидела. И — ах!
Тот слон, вернее, та свинья
Была о двух ногах.
И шла она писать рассказ,
Вернее — интервью,
Уверен, что любой из вас
Узнает ту свинью.*

*Читатель! Коль ты ловок,
Взгляни на заголовок!*

Или:

Шабурову на день рождения от Егорова

*Если Шабуров начнет вдруг пить
Водку и пиво, ликер и шербет,
Газете «Ярмарка» больше не жить,
Не выйдет газета «Главный проспект».*

*Если Шабуров на все наплюет,
С дамами станет любовь крутить,
Газета «Ярмарка» тут же умрет,
Газете «Главный проспект» не жить!*

*Но если Шабуров забудет про сон,
В руки возьмет карандаш или кисть,
Только какой-нибудь шшивый масон
Скажет, что это — не живопись!*

— Я, когда еще пионером был, собирал местный уфалейский фольклор, — похваляется Егоров, — и у меня была целая тетрадка матюгальных стихов про Гитлера! Их, наверное, в войну какое-нибудь спецподразделение поэтов в Москве строчило:

*«Гитлера поймали за усы,
Сняли с него модные трусы,
Привязали раком к пушке,
Били хуем по макушке...»*

— ну и т. п., не помню дальше! А тетрадка у меня где-то потерялась...

Пока мы — три или четыре года назад — имели удовольствие трудиться с Егоровым в одном месте, я успел выделить несколько стадий каждодневного егоровского опьянения водкой:

после первых 100 граммов он заходил к нам под градусом и принимался молоть всякую чепуху,

после вторых — звал нас к себе и предлагал выпить с ним за компанию,

после третьих — созывал в кабинет более многочисленное собрание,

потом — хвастался аудитории своим лицензионным ГАЗОВЫМ ПИСТОЛЕТОМ,

а напоследок — принимался палить из него в форточку с командой студентов-сторожей и пережить в коридоре вынужденную загазованность собственного рабочего помещения.

Самой оригинальной мечтой А. А. Егорова был выпуск газеты «Вечная память», где бы печатали только некрологи, рекламу РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ, юбилейные статьи о знаменитых покойниках и описание похорон из классической литературы.

Дом у Егорова сторожила огромная немецкая овчарка, в честь малоизвестного английского поэта Киплинга прозванная Редьярдом. Во времена появления ПЛАТНЫХ ТУАЛЕТОВ и КООПЕРАТИВНЫХ ВИДЕОСАЛОНОВ — когда все зазывали друг друга в гости хвастаться новоприобретенными «СОНЯМИ» и «ПАНАСОНИКАМИ», — Егоров как-то заманил меня к себе посмотреть по его индивидуальному ВИДИКУ фильм «Основной инстинкт».

Там любвеобильная писательница рубила ледорубом мужиков, а потом строчила про это дело книжки. Так вот, не знаю, как и почему, но на эротические сцены пес Редьярд реагировал повышенно эмоционально — взгромоздившись на Егорова, придавливал его всей тушей к креслу и сладострастно вылизывал ему лицо своим полуторакилограммовым язычком.

И вот мы едем вниз по верхнеуфалейской дороге, и ветер, залетающий по пути, трепыхает остатки волос на моей голове. Почитываем надписи на пронсящих за окном скалах и пиво попиваем (кто не за рулем). Собаки у открытых калиток лениво оглядываются на перекатывающееся у нас в багажнике пустое ведро. Днем мы будем ловить рыбу, а ночью на фонарь — пресловутых егоровских РАКОВ, в чем я, понятно, премного сомневаюсь. Только Егоров А. А. стопроцентно в этом уверен и переживает, что не захал купить себе ДУХОВОЕ РУЖЬЕ — в магазине под названием «Охотникам за удачей» начался обеденный перерыв.

— Ничего, мы по дороге курицу какую-нибудь купим! Хотя зачем?! Там летучих мышей полно! У летучих мышей рожи видел кто-нибудь?.. Рожи у них — ДОИСТОРИЧЕСКИЕ! Просто ужас!!!

(В прошлом году — увы! — я лишь однажды за лето выбрался из города. В Нижние Серьги, к художнику Лене Тишковой, приезжавшему из Москвы к маме.

— Такая штука, — сетовал Леня, — полжизни рвешь пуповину, связывающую тебя с родиной, чтобы другие полжизни ее восстанавливать...)

— Из Уфалея вытекает главная уральская река Чусовая, — орет наш лопухий уфалейский патриот. — Так что тут ее можно бревном каким-нибудь заткнуть! Р-раз — и КАЮК ЛЕСОСПЛАВУ!!!

Мы проезжаем по знакомым лужам, из которых прошлой весной вытаскивали на руках фамильную егоровскую таратайку и в конце путешествия — миновав населенные пункты Заготскот и Новый быт, — приезжаем к большущему лесному озеру.

Вода прозрачная-прозрачная.

В небе — ни облачка, ни самолета.

Комаров на солнцепеке тоже не видеть.

Зато слепни слоняются стаями.

— Тут у нас как-то зимой целый автобус с рыбаками ушел под лед, — восторженно излагает Егоров восьмидесятую за сегодняшний день верхнеуфалейскую легенду. — Так водолаз, которого за ними спустили на дно, обнаружил,

что все утопленные рыбаки сидят в автобусе — МЕРТВЫЕ, конечно! — Егоровский восторг превосходит все предшествовавшие пределы. — ОБНЯВШИСЬ!!!

Дубичев с Егоровым — тоже обнявшись по причине тесноты — уплывают удить рыбу на надувной лодчонке.

Сергея Овчинников с берега рыбаচিত.

Ухмыляется в усы.

Я голый на утесе лежу.

Набитое брюхо на солнце грею.

Блаженство мое просто неопишимо.

Безалаберное безыскусное времяпрепровождение.

Синее небо и водная стена сбоку — колышущаяся такая занавеска.

(Это если на боку лежать.)

Ни единой лодки на горизонте.

Ни одной живой души неподалеку.

Неохота ничего делать.

Полное телесное успокоение и душевное отдохновение.

Однажды, прогуливая Инну, я придумал очередной афоризм:

ЛЮБОВЬ — это когда в голове ни мысли, ни полмысли!

Бросил ее без оглядки и лежу себе без дела.

Никакие слова в голову не лезут.

И ненужных умонапряжений не вызывают.

Невозможно выразиться развернутыми предложениями.

Камни нагретые.

Вода плещется.

Чайка спланировала на берег и села на бревно.

Березка на скале сбоку растет.

Сапоги Серёгины стоят на косогоре.

Тихо и тепло.

Скучно с непривычки лежать.

Я поднимаюсь поплавать вдоль берега с маской.

Трубку от нее Дубичев дома позабыл.

Без маски я плавать не умею.

Да и с маской только учусь.

Набрал воздуха и лег лицом на воду.

Смотрю.

Песок и тень моя.

Под водой маска превращается в примитивную линзу.

Увеличительное такое стекло.

Словно я — Шерлок Холмс водоплавающий.

В Свердловске у меня имеется старинный друг — по художественному еще училищу — Гена Шаройкин, фантастический ФАНАТ подобного плавания. Наркоман своего дела и чемпион подводного лова. Когда-то он успевал заниматься чем-то еще, но однажды, приехав с рыбалки, застал жену Гулю со своим лучшим другом Плюсиком и теперь буквально из-под воды не вылезит.

Я плаваю, а потом выхожу.

Маской слепней отгоняю.

Кинул драпчик на траву и лежу себе.

Небо и кусочек травы видно.

В траве блестит самый краешек ведра — Серега там рыбу ловит.

Двух окуней, кричит, поймал.

Даже слепни почему-то уже не кружат надо мной.

Потому что высох.

Кругом муравьи лапками перебирают.

Сергея кричит: еще одну рыбку поймал.

Я перехожу полежать на гальке у ручья.

Мы здесь РУЧЕЙНИКОВ выковыривали.

Но Егоров, претендуя на пост резидента «GREENPEACE» в Верхнем Уфалее, их обратно в воду обронил.

Ветки берез над головой.

Интересно, нет ли тут клещей?

В смысле: есть ли?

Я всегда считал, что лежать-загорать — совсем уж бестолковое занятие.

Так оно и есть.

Лежу, и чтобы лежание мое было более осмысленным, гальку в воду швыряю. Не глядя.

Плюх.

Плюх.

Плюх.

(И так еще полторы страницы.)

Наконец, Дубичев с Егоровым возвращаются.

Обшвырял и Дубичева с Егоровым.

В смысле, обрызгал.

Привезли с собой ведро рыбы.

Чью-то сеть очистили.

И одного рака малюсенького вновь привезли.

Того же, видно, что и два года назад.

Егоров тем временем поймал ужа, и мы бегаем с ним за Дубичевым, будто ЮНЫЕ НАТУРАЛИСТЫ.

Дубичев, который с неких пор сумел стать и выше и толще меня с Егоровым вместе взятых, и даже какому-нибудь отдельно взятому борцу сумо под стать, не хочет тем не менее, чтобы ему под нос ужа совали. Убегает в лес и прячется там — как при игре в «Зарницу». Маленькие дети из больших городов, говорят, даже коров боятся.

Я тоже — в свои 30 почти что лет — держу ужа в руках впервые в жизни. Селедка селедкой. За ушами у ужа — две пахучие железы, воняющие от страха.

— Держи его легонько, — поясняет Егоров, — он и перестанет бояться!

— Слушай, а это точно уж, а не ГАДЮКА КАКАЯ-НИБУДЬ? — Мне охота забрать ужа с собой, в городской квартире тараканов ловить, но Егоров А. А., миролюбивое дитя уфалейской природы, уфалейского же ужа отпускает на волю. И единственного нашего рака отпускает тоже.

— Ничего, ночью мы этих раков ведрами на фонарь собирать будем!

Увидев, что ужа уже нет, Дубичев выходит из леса, чтобы чистить рыбе чешую и отсекал головы. У ОКУНЕЙ, учит нас Егоров, жабры прямо руками вырывают вместе с кишками, а головы и чешую оставляют, чтобы есть.

Из ведра рыбы мы варим ведро ухи. А рыбы головы разбрасываем в воду вдоль берега — раков к ночи приманить. Только до раков нам и на этот раз добраться не судьба. Тучи собираться стали — и мы тоже быстренько собрались и поехали по домам.

— Ночью на это место столько раков приплывет! — пророчествует напоследок Егоров с неизменным для него воодушевлением.

— Каждый по 5 тысяч рублей! — подхватываем мы.

Мы въезжаем в город во втором часу ночи, пропахшие тиной и костром.

Всякий раз из таких неожиданных разъездов возвращаешься, будто С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ. Смутно все помнится уже спустя полчаса. Как будто и не было этого ничего или было когда-то очень-очень давно...

Наутро Егоров на себе клеща нашел.

Или даже двух.

Позвонил Дубичеву по телефону.

Дубичев испугался, снял штаны и тоже принялся у себя клещей выискивать.

Всех на службе перебаламутил.

Никому ж неохота отдать жизнь зазря — УВИДЕТЬ УФАЛЕЙ И УМЕРЕТЬ.

ИЗ ЧЕГО ТАКИ СДЕЛАНЫ ДЕВОЧКИ

Писать, понял я, надо только от переизбытка чувств. Только когда тебя преполняют какие-нибудь чувства ненормальные. Меня — с наступлением весны — они преполняют практически непрерывно. Непрерывно и беспринципно.

Точнее: все, что ни происходит — то и служит причиной.

УШИ ОБ ИННУ ГРЕТЬ — радость,
 ЗУБЫ НЕ НАПОМИНАЮТ МНЕ О СЕБЕ — радость,
 ЯЗЫКИ С ДРУГОМ АРСЕНИЕМ ЧЕСАТЬ, КАКИЕ МЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ, — тоже радость.
 Радость, куда ни плюнь!
 ГУЛЯТЬ ПО УЛИЦАМ,
 САЛЮТ ГЛЯДЕТЬ 9 Мая,
 ПОСТОЯТЬ ПОД ДОЖДЕМ,
 НА ПЕСКЕ ПОВАЛЯТЬСЯ,
 БАНЯ у Дубичева на даче,
 ДИСКОТЕКА «ЭЛЬДОРАДО» — тоже почти что баня,
 ШАШЛЫКИ из печенки,
 ХИНКАЛИ из чебуречной на углу.

А впереди еще: РЫБАЛКА и ЗООПАРК, ЧЕРТОВО КОЛЕСО и ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ, КИНО и КАЗИНО.

Или ПАТЕФОН, купленный мной в сквере у ЦУМа по причине хорошей погоды и первых лучей весеннего солнца. Который поет: «Отчего, ты спросишь, я всегда в печали, / Слезы неперестанно капают на грудь...» — как пример того, как вести себя не надо. Рая Абельская, моя квартирная хозяйка и член Союза писателей Израила (которая, опасаясь косога взгляда соседей, выдает себя за мою старшую сестру), восхищается:

— Это у тебя АГРЕГАТ ДЛЯ СОБЛАЗНЕНИЯ ДЕВИЦ!..

С Раяй — опять же РАДОСТЬ — на кухне посидеть, про что попало поспорить.

Рая зашла ко мне вчера и завела спор о том, что, по ее мнению, есть НАСТОЯЩАЯ, подлинная культура (ПОЭТ МАНДЕЛЬШТАМ) и ненастоящая — массовая (ХУДОЖНИК, ЧТО РИСУЕТ ДОЖДЬ). С аргументами типа МАТЕМАТИКА ДОКАЗАЛА и НА ВСЕХ ПЕРЕКРЕСТКАХ ГОВОРЯТ. Я не удержался и уложил ее на обе лопатки (переспорил, в смысле). Чуть до слез не довел. И провожая, говорю ей в прихожей:

— Ну что, получила?

На что Рая обиженно отнекивается и вытаскивает на свет божий такой обескураживающий аргумент:

— Просто раз в месяц у женщины бывают дни, когда она особенно ранима и беззащитна!..

А Инна — в довершение моей интродукции — проболталась мне про себя и про свою подругу Лейкину (которая тоже у ее бабушки квартирует), что когда два человека живут бок о бок продолжительное время, то их привычки одинаковыми становятся. И даже ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ протекают одновременно.

Интересное натуралистическое наблюдение.

ИННА (сказка моей теперешней жизни) — из самой что ни на есть УРАЛЬСКОЙ ГЛУБИНКИ, из города Каменск-Уральского родом. А здесь уже четыре года учится в училище Чайковского на КЛАССИЧЕСКОЙ ГИТАРЕ играть.

Попав однажды в этот самый Каменск-Уральский, я был сражен обилием местных любителей побренчать на гитарах. Гитаристы там упражнялись на улицах и площадях. На ежевечерних случайных посиделках и ночи напролет все, кому не лень, передавали по кругу гитару, дабы распевать бесконечные подгитарные песнопения. Собственного притом сочинения.

Зато в Свердловске, констатирует Инна, С ГИТАРОЙ ДЕЛА ОБСТОЯТ НЕБЛАГОПОЛУЧНО! А потому этим летом она заканчивает обучение здесь и уезжает поступать в Институт культуры в Челябинске, где ее ожидает БОЛЬШОЕ БУДУЩЕЕ и преподаватель по фамилии Козлов.

И по причине такого неминуемого импичмента отношения наши изначально были исполнены печали и безысходности. И чем-то напоминали сказку про Кикоса.

Это где сидит за столом семейство, хочет воды напиться, уходит по очереди и пропадает навсегда. А потом выясняется, что все они — ПОЛНЫЕ КУКУЦЫ (как постмодернист Курицын говорит):

*собрались всем кагалом у колодца и плачут в предвкушении того,
как их грядущий наследник,
незачатый пока правнук неполовозрелой еще внучатой племянницы
захочет выбраться из данной дыры в какой-нибудь менее завшивленный Ворошиловград,
дабы стать там все равно кем —
Белкой-Стрелкой, СТАХАНОВЦЕМ-ЧЕЛЮСКИНЦЕМ,
человеком, что называется, с Большой буквы,
родить-сына, построить-дом, посадить-дерево,
зарыть в теплую землю виноградную косточку,
созвать друзей и проорать им под гитару
про «и дожить не успел, так хотя бы допеть»,
но, пойдя поутру пока лишь непоседой-недочкой
по этакой вот скользкой дорожке,
пожелает напоследок родной водицы испить...
и — бултых!..
Или черт побери, как говорится! Кому что больше нравится.
Бритвой по горлу и в колодец!..
Что, собственно, и следовало доказать.*

В смысле сожалений о том, что по неумолимым неотвратимым причинам неизбежно должно когда-нибудь произойти. Ничего, казалось бы, не сделано, а уже понятно — все зря! Стало быть, и пытаться не стоит.

Отношения между людьми — иллюзия, требующая каждодневного и ежечасного ее поддержания, а другой город — что ни говори — ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ!

Поэтому наше знакомство с Инной из-за его дальнейшей бесперспективности безнадежно иссякло. Звонить или приходить по своей инициативе она почти перестала. Совсем не те стали приходить. А ей звонить было бесполезно, потому как в музыкальной школе № 17 (где она подрабатывала по вечерам) телефон имелся только в запертом после 18:00 кабинете директора.

А раз НЕСУДЬБА и ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СУПРОТИВ, ничего не напишешь!
И ОТ СУДЬБЫ, как говорится, НЕ УБЕЖИШЬ...

Я вдруг догадался, какой вопрос тревожил меня всю предшествовавшую неделю:
«...Смириться под ударами судьбы
Иль должно оказать сопротивление?..»
А раз так...

— Уборщица удивляется, — сообщает Инна, подойдя все-таки к телефону, — что как ни зайдет кабинет директора убирать, всякий раз ИННЕ ВАЛЕРЬЕВНЕ звонят. Повезло тебе!..

ПОВЕЗЛО мне, признаюсь, только после того, как я полвечера на телефоне просидел.

И приглашает меня Инна напоследок на прощальный концерт ее учеников в эту самую музыкальную школу на самой окраине.

В зальчике — человек двенадцать-пятнадцать, Иннины дети и их настоящие родители.

ИННЕ ВАЛЕРЬЕВНЕ самой только-только 19 лет стукнуло.

Потому что сразу, как распался Советский Союз, на заводе у ее отца-инженера развалились все ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ, маме-учительнице перестали зарплату платить, а Инне, чтоб семью прокормить, пришлось частными уроками подрабатывать...

— Вы были моими ПЕРВЫМИ УЧЕНИКАМИ!.. — щебечет она. — Самыми любимыми...
Умеет произносить проникновенные речи!
Атмосфера к тому самая располагающая.

Непонятно какая погода.

Пустая музыкальная школа.

Сумерки в зале.

За окнами — пустынный школьный двор.

Похоже, дождь собирается.

Я сижу позади всех и подумываю, что гитарная музыка — донельзя печальная, чуть ли не похоронная... Расчувствовался на последнем ряду.

Пришедшим проститься деткам тоже грустно с бросившей их учителькой расставаться. Что мне, признаюсь, приятно. Приятно, когда кто-то твои собственные переживания разделяет. Ничего, думаю, перемелется — мука будет...

И тут, обомлев, обнаруживаю среди производящих на сцене трень-брень дошколят сына моей старинной приятельницы Наташи Мельник. Подруги моей старшей сестры — тоже Наташи, только Мухиной. С которыми мы лет десять назад ездили от краеведческого музея в экспедиции по деревням Ачитского района.

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались и что в этом, еще минуту назад безнадежно распадавшемся мире все так беспримерно перемешано, точнее — переплетено! Потому что Наташа Мельник — вспоминаю я с восторгом — поразительное создание! Чрезвычайно по-женски талантливое! Такое, которое с первой минуты выплескивает на тебя ведрами или даже вагонами свою неумную энергию и немислимую непосредственность! Которое уж точно от тебя в Челябинск не убежит! А чего еще от противоположного пола надо?..

Да и муж Наташи Мельник — тоже что надо муж. Никакой не МЕЛЬНИК, а учитель природоведения, плюс к тому — охотник, с которым мне Инну познакомить охота.

В них — мое последнее спасение!.. Потому что, если сам ты не в состоянии на приглянувшуюся девицу должное впечатление произвести, пригласи ее в компанию, где чувствуешь себя достойным любви до гроба. Что поможет развалившиеся отношения опять — хоть ненадолго — склеить.

Тут надо признаться, что с девушками я — человек тихий и застенчивый. Либо наоборот — громкий и занудливый. Все никак не могу ощутить себя по-настоящему взрослым. До 30-ти лет пролежал на печи, хватит. А что дальше-то делать?

Как говорил приезжавший из Москвы поэт Д. А. Пригов, мы в СССР неплохо сохранились. Жили ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНЬЮ. Как в АНАБИОЗЕ: год — за половину! Ходили по 5 раз на одни и те же фильмы. Читали книжки про недостижимые иноземные миры. И думали, что никогда ничего не изменится... Спрашивается: как бы теперь поменять маску монаха-затворника на что-то более завлекательное? Как перекодировать свое аутичное житье-бытье на чуть более жизнерадостный манер?

Представления о ПРЕКРАСНОМ ПОЛЕ сохранились у меня самые идеалистические.

По молодости лет я трех поразивших меня представительниц его повстречал. Тогда они, конечно, идеальными не были. Были далеки от идеала. Однако, когда встал вопрос выработки критериев задним числом, сами собой выдвинулись на данное место.

№ 1) упомянутая Наташа Мельник,

№ 2) московская писательница Марина Москвина (которую я никогда не видел),

а № 3) жена моего далекого друга Валеры Коневина Лара, которую сам он почему-то ЛЯЛЕЙ называл. Видимо, потому, что она была вдвое его моложе.

Чем примечателен № 1, я как мог обрисовал уже.

В Марину Москвину я заочно влюбился по радио, где она непередаваемые передачи вела, так и пышущие всем вышперечисленным... Вот это, думаю, мой никогда доселе не виданный ЖЕНСКИЙ ИДЕАЛ! Женщины в целом, и живого существа в частности! Которое живет, чтоб цвести и пахнуть, скакать и гоготать, не опускаясь в самокопание с саморазрушением. Вот такая подруга мне нужна! И даже собирался незамедлительно на ней жениться, но она оказалась замужем за моим приятелем, московским художником Леной Тишковым.

От непомерной частоты упоминаний в моих устах Марины Москвиной Инна испытывает к ней некоторую неподдельную неприязнь.

— Ни за что не променяю свою Анну Ахматову на твою Марину Москвину! — настаивает она на своих читательских приоритетах, и то, что я ей подсовываю, отказывается читать наотрез.

Жену моего друга Коневина, укатившего в Израиль, я тоже не видел так давно, что ее образ в моей голове оброс самыми немислимыми добродетелями. Замеченная не мной закономерность: чем дальше кого от тебя заносит, тем большее место он в тебе занимает. Настоящей привязанности и надлежит быть трудной: дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...

И вот, купив бутылку вина, идем мы с Инной в гости к Мельникам.

Ровно на минутку, ибо на носу у нее государственные экзамены висят...

Хотя какие в такую жару госэкзамены!

Все свердловское человечество,

ТОЛКИЕНУТЫЕ и РЕРИХНУВШИЕСЯ,

АРЫ и ХАЧИКИ,

КАЧКИ и ЧЕЛНОКИ,

позабыв про ТУЧУ и ЯМУ,

КОМКИ и КОЛЕСА,

вылезли под ласковое майское солнце,

забив стрелку ПОД ВАРЕЖКОЙ (вытянутой лапой памятника Единству Фронта и Тыла на свердловском вокзале)

или У САПОГА (снесенной при Перестройке статуи наркома Орджоникидзе в холле УГТУ-УПИ)

и уселись за выставленными на улицы столиками

«У Гриши»,

«У Димы»,

«У Петра»,

«У Ивана»,

«У Иваныча»

(перечисляю по телефонному справочнику)

а также «У фонтана».

Заявившись к Наташе Мельник, я вываливаю ей на голову СПИСОЧНЫЙ СОСТАВ поразивших меня представительниц женского пола и то, какое место в нем она занимает. И сверкая в ответ зубами и глазками, Наташа Мельник заявляет, радостно крича:

— Все это — пустопорожняя болтовня! Потому что твоя старшая сестра Наташа Мухина — вот она, действительно, да! Я тебе расскажу, что когда я Катку рожала, то сказала своему Мельнику: если со мной, не дай бог, что случится, она, твоя сестра, станет лучшей матерью для наших с ним детей! По моим представлениям, вот она — так просто премудрая!

— Вы с сестрой, — заявляет Наташа Мельник незамедлительно вслед затем, — совсем не как два сапога пара! Она десять раз отмеряет, а один — отрежет! Десять раз проверит, прежде чем что-то предпринять, а из тебя все так наружу и прет без предупреждения! Я забыть не могу, как иду по улице с братом, а ты, увидев нас, заорал за километр — почему я при живом муже с каким-то ухажером хожу! Брат мой чуть под трамвай тогда не попал!..

Вслед за этим Наташа принимается расхваливать всех моих прочих родственников и маму-агронома (по первому высшему образованию), у которой в дни ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ на кухне помещался ИНКУБАТОР. Куры под умывальником яйца несли, а на балконе кролики плодились (правда, дружно померли от какой-то заразы)...

А потом рассказывает про своего соседа-ЭКСТРАСЕНСА, который, по ее собственному убеждению, существовать вроде бы не должен, однако снял с нее какой-то там СГЛАЗ, какой-то ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС.

— По всему моему предшествующему запасу знаний, — заверяет Наташа Мельник, — ничего подобного в природе быть не должно, но ведь чего-то он с меня снял!..

— Это что! — говорю я. — А моя мама — учительница биологии (по ее второму высшему образованию), уловив веяние времени, начала в школе преподавать ученикам ГИПОТЕЗУ БОЖЕСТВЕННОГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЖИЗНИ на Земле. Я резонирую ее: «Что ты делаешь! И без того в военкоматах недобор здоровомыслящих призывников!? Уничтожаешь ГЕНОФОНД НАЦИИ!..» Но она не сдается: «У нашей школьной уборщицы, — парирует она, — поросята паршой заболели, и ничего не помогало, пока та не стала их Кашпировским лечить... И поросята не только вылечились, но и прибавили в весе по полтора кило! Так что совсем не принимать в расчет того, что сейчас по всем телеканалам показывают, тоже не получается...»

Однако, слушая дифирамбы в адрес своей старшей сестры, я помалкиваю, ибо считаю, что это как раз я — мудрый! Потому что декларативно не думаю никогда. Чего думать, покуда для думанья особого повода нету? Не боюсь показаться ГЛУПЫМ, СКУЧНЫМ или НЕУВЕРЕННЫМ В СЕБЕ, раз таким мне изредка случается бывать!.. Хотя на самом деле — скажу я вам по секрету — неуверенным, по возможности, быть не надо! Надо верить в себя, по возможности. Слабым можно быть только на бумаге, но никак не в жизни.

— Люди отдаются самозабвенно, — говорит мне о том же не всегда уверенный в себе друг Арсений, — только в обмен на большие выплески самоуверенности. Если ты предоставляешь им возможность не думать самим.

Хотя хочется совсем другого!

Чтобы НИ ЗА ЧТО, как говорится, тебя любили. И принимали таким, как есть.

Лет десять назад я прочел стихотворение прекрасногодушного советского поэта о том, что люди бывают самыми разными:

и такими,

и такими,

и такими.

И каждый по отдельности индивид в разные отрезки времени может быть еще:

и таким-то,

и таким-то,

и таким-то там.

Но это по большому счету никакого значения не имеет. Потому как, несмотря на все вышеперечисленное, каждый конкретный гражданин достоин того, чтобы полюбить его. Или, как говорится, не полюбить.

Я даже придумал стихотворение про Инну — про то же самое. Очень короткое:

«Наполовину мне Инна нравится.

Наполовину — не нравится.

В целом я ее люблю».

В том смысле, что как бы и НИ ЗА ЧТО! Со всеми ее ЗАМОРОЧКАМИ и ЗАКИДОНАМИ. Этакий ЖЕСТ ДОБРОЙ ВОЛИ... Что, конечно же, неполная правда жизни! А только вздохи на скамейке, ТОРЖЕСТВО ГУМАНИЗМА и прочие романтические трали-вали, которые придумали клеветы буржуазии, чтобы отвлекать наших девушек от классовой борьбы... И вообще этот рассказ получается про ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ. Про то, что нужно ли кидаться с головой в этот омут, полный обоюдных упреков и обманутой надежды?

Потому что НИ ЗА ЧТО (авансом) Инна любить не хочет.

И считает меня ФОРМЕННЫМ РАСТЕНИЕМ, которое влачит ОРГАНИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ. Которое полжизни прожило альтруистом и анахоретом и ничего стоящего в период ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ накопить не смогло. Такого, чем можно было бы сейчас прельстить сердце девушки.

Когда мне выдали ВАУЧЕР, я — как все — даже не представлял, что с ним делать. Просыпался, слушал по радио объявления о ЗАЛОГОВЫХ АУКЦИОНАХ и переворачивался на другой бок. Или рассуждал так: сегодня ПРИВАТИЗИРУЮТ баню на Первомайской... И наверняка все мои сограждане (точно так же, как я) ничего в этом не понимают... Во всяком случае, БАНЮ приватизировать не захотят... Вот если Кремль или магазин — это другое дело!.. Поэтому, если я встану сейчас и поеду на аукцион — обнаружится, что там никого нет! И баня на Первомайской — моя!..

Инна, по моим ботаническим меркам, думает непозволительно много. Считает, сколько за обедом калорий съела и сколько раз за день в туалет сходила, не доверяя своим БИОЛОГИЧЕСКИМ ЧАСАМ. В голове у нее, словно назло мне, линейки насованы на всякий предстоящий случай.

— В детстве, — хвастается Инна, — нам с братом Димой родители проверку устроили. Отпустили первый раз в Парк культуры и выдали по одному рублю. Сказали: «Тратьте по своему усмотрению», — и переглянулись со значением... Так Дима тут же все до копейки спустил. А я всюду побывала, все посмотрела, но позволила себе потратить только 15 копеек!..

Мне приходится изучать предполагаемого полового противника.

С КЛАССИКОВ возле ЧАЙНИКА, ожидая ее, я переписал себе в тетрадку такую классификацию примитивных девичьих чайных:

РЕСТОРАН
 КВАРТИРА
 МЕБЕЛЬ
 МАШИНА
 ДАЧА
 1-й РЕБЕНОК
 ДОМ
 2-й РЕБЕНОК
 1 000 000 \$.

Классический каталог женских притязаний. Какие сочиняла у себя в Японии какая-нибудь Зачарованная Сосна. Которые закладываются в головку каждой примерной девицы, а потом уступают место прибабхам индивидуальным. В голове Наташи Мельник все эти изначальные глупости — в перемолотом жизнью виде — тоже с одержатся.

Две свои шестиструнные гитары Инна называет ДЕВОЧКАМИ и говорит, что ей, помимо уроков, ежедневно как минимум по 4 часа заниматься надо.

Зубы надо чистить не меньше 5 минут.

Спать — не больше 8 часов (при этом нельзя ложиться на подушку вниз лицом, чтобы не было МОРЩИН).

Как минимум 9 лет необходимо проучиться, чтобы кем-то там стать.

Варить все нужно не менее 10 минут и В БОЛЬШОМ КОЛИЧЕСТВЕ ВОДЫ.

Пить крепкий чай нельзя, чтобы ЦВЕТ ЛИЦА не испортить.

Через 5 лет можно начинать мазать попу кремом от ЦЕЛЛЮЛИТА.

А так называемая ЛЮБОВЬ должна прийти после приобретения холодильника, телевизора и стиральной машины...

Полжизни, считай, расписано. Причем на полжизни отодвинуто. Все основные свершения отложены НА ПОТОМ. Пока же можно полдня губки подводить, полдня глазки строить. А в остальное время часами напролет скептически рассматривать собственное отражение в зеркале.

Мне это до безобразия знакомо. Сам я до последнего времени тоже одно лишь постоянное усилие предпринимал — быть свободным для любых возможных перспектив. Представится же мне случай совершить когда-нибудь чего-нибудь этакое — пока неизвестно что... А потому до 30-ти лет отделялся не делами, а словами...

(— ЛЮБОВЬ, — анекдот от художника слова Б. У. Кашкина, — придумали русские, потому что у них нет денег за это дело платить!)

И только после стольких-то лет одиночества понимаешь: чем больше умудришься взвалить на себя с самого начала, тем больше успеешь нагородить!

Но дожидаться, когда и Инна до этого додумается — безнадежно долго.

В голове у ней — всяческая «BURDA»,

МЮСЛИ и ЦЮКЛИ,

ЧУПА-ЧУПСЫ и ДОКА-ПИЦЦЫ,

ГЛЮКАСИЛЫ и КЕРАМИДЫ,

«JOHNSON & JOHNSON»,

«MAX FACTOR» и «PANTENE PRO-V».

(— Не смей написать это где-нибудь! — заявляет Инна. — Ни одна УВАЖАЮЩАЯ СЕБЯ ЖЕНЩИНА такой косметикой пользоваться не будет!..)

Пока она только думает, что думает, читает упоминавшуюся А. Ахматову (для души) и Ю. Алешковского (от запопов), выщипывает бровки, слушает С. Губайдуллину или мечтает о СИЛИКОНОВОЙ ГРУДИ.

Собственно, девицам думать совершенно ни к чему! Традиционный сюжет мирового кинематографа: как они засовывают не то и не туда, открывают и отвинчивают то, что отвинчивать не надо, и превращаются — в лучшем

случае — в соляной столп. В худшем — это когда мы из-за них превращаемся! И вообще: у нас с ними — разные лестницы к успеху! Хотя в конце обеих — одинаково воздушные замки...

Философ Шопенгауэр из Инниного гроссбуха уверял, что женщины ни к каким деяниям и искусствам не предрасположены, а если что и делают, то это не более, чем «простое обезьянство из целей кокетства и желания нравиться» (его подлинные слова). Греки женщин даже в театр не пускали, чтоб они там не шушукались. (Про то, как я Инну насильно на спектакль затащить хотел и что из этого вышло, я уже рассказывал.)

И Наташа Мельник то же самое проповедует.

— Женщина, — мужественно признается она, — ЖИВОТНОЕ! Я это явственно почувствовала, когда Катьку родила. Лежу и не понимаю, куда от меня моего звереныша уносят?! Кого угодно готова загрызть за милую душу!.. Это мужчины пускай себе думают. Нам-то зачем? У нас все и так ясно... А если еще культурки за спиной нет — так оно совсем наглядно заметно!.. — И Наташа тыкает пальчиком куда-то на улицу, в сторону ювелирного магазина. — Так что пусть за меня МОЙ ДРАГОЦЕННЫЙ думает! — заключает она, незаметно переведя прицел на мужа.

По образованию Наташа, кстати, тоже биолог. Селекционер.

Шопенгауэр открыл еще, что женщину можно приравнять к организму, у которого хотя и есть печень, но не имеется желчного пузыря! А статистика обнаружила, что КАЖДАЯ ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА (это уже Дубичев в газете вычитал) страдает недержанием мочи. Полезно иной раз, знаете ли, газеты читать!

Я рассказываю о том Рае Абельской, моей квартирной хозяйке и члену Союза писателей Израиля, опасаясь только: а вдруг она и есть та самая ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА? Но Рая, как всегда, цинично смеется:

— Глупости какие!.. — и норовит, промеж обсуждением проблем пола, незаметно накрутить мне арендную плату.

Только Инна в данном вопросе меня поддержать готова:

— Вполне может быть, — соглашается. — У меня самой до двенадцати лет ЭНУРЕЗ был. И у всех моих братьев и сестер тоже... Приедем, бывало, к бабушке в деревню Азанка. Бабушка всех нас на полу положит, на огромную такую перину. И еженощно кто-нибудь да опишется... Вот ей и приходилось каждый день нашу перину полоскать да на забор для просушки вывешивать — всей деревне на просмотр. Хорошо еще, если дождя в этот день нету! А как дождь поливает, под нами — совсем потоп!..

Наташа Мельник тоже заливается, свою женскую философию в голову мужу вбивая, а ее муж и охотник Саша Мельник роль ГЛАВЫ СЕМЕЙСТВА исключительно хорошо исполняет. Ест и молчит то есть. И только когда женщины из кухни выходят, цедит мне сквозь зубы:

— Редко видимся...

Не знаю уж, стала ли Инна после посещения Мельников больше меня ценить, однако в пылу полемики тоже иногда начала называть ДРАГОЦЕННЫМ.

А вчера, возвращаясь в три часа ночи с дискотеки «Эльдорадо», я услышал от нее опосредованное признание мне в любви. Мы остановились в темном безлюдном переулке и углядели там двух кошек флиртующих, кота и кошку. И Инна говорит:

— Смотри — у них ТОЖЕ ЛЮБОВЬ!

— Ты, — возмущается тут реальная Инна, — меня совершенной дуручкой изобразил. Что мне, самой, что ли, описывать, как все обстоит НА САМОМ ДЕЛЕ?!

— Да ладно тебе, — отвечаю, — это ж не более чем литературная традиция. Изображать ПРЕКРАСНЫХ ДАМОЧЕК существами не от мира сего. Не желающими подчиняться ОБЩЕПРИНЯТОМУ порядку вещей. Я, как принужденный с этим мириться, на бумаге отыгрываюсь, а ты — соответственно — отдуваешься!

Отвертелся до следующего раза.

Хотя и сам чувствую, много лишнего на этот раз написал. Не от большого, понятно, ума!..

А что самое смешное в этой истории: когда я рассказал про наши посиделки у Наташи Мельник своей старшей сестре, Наташе Мухиной, она только рассмеялась в ответ. Байку про последнюю волю Наташи Мельник моя сестра слышала и раньше, но уверяет, что та смухлевала. Ибо ничего такого не было и быть не могло.

Потому что когда Мельник своих ЗВЕРЕНЫШЕЙ рожала, они с Мухиной еще даже не познакомились.

ЛУЧШИЕ ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Цветение яблонь в эту весну наблюдается просто безумное. Безумно безудержное. Я у всех встречных-поперечных спрашиваю: может, я раньше чего не замечал, может, этой весной что-то в голове у меня произошло неординарное — и все подтверждают: правда-правда, никогда такого не было!

Года два-три-четыре назад тутошняя провинциальная жизнь отличалась отсутствием примет урбанистической цивилизации, не светящейся световой рекламой. Из-за рубежа приезжали к нам как в заповедник — КОММУНИСТИЧЕСКУЮ агитацию уже снимали, а КОММЕРЧЕСКАЯ на тех же самых местах еще не появилась — душой отдыхали. В воздухе витала видимость РАЗРУХИ, а кое-где — предчувствие ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. Выпуски новостей начинались словами В НАШИ СЛОЖНЫЕ ВРЕМЕНА, а во всех застольных компаниях рассказывали бередящие душу истории про то, как какого-нибудь знакомого их знакомых побили прямо у подъезда СОБСТВЕННОГО, как тогда говорили, дома.

Я в таких случаях, изображая из себя многоопытного судебно-медицинского работника, заводился и лез дискутировать: так не бывает, чтоб ни за что! Если побили — значит, сам спровоцировал, выказал слабость и готовность побитым быть!.. Покуда самолично не схлопотал по морде. Два раза за вечер! Сначала на автобусной остановке, а потом прямо у собственного подъезда.

Вот как это бывает: один пьяный подросток подходит справа и спрашивает закурить, а второй без всякого предупреждения слева — бац! — мне в ухо. Против подростков нет приема, объяснял мне когда-то эксперт Лев Палыч Крысанов. Надо бежать. Перед этим попытаться плюнуть жожаку в лицо (чтобы он хоть на минутку замешкался). Я, правда, плевать не стал, а сразу отскочил на безопасное расстояние. А во второй раз — отпихнул ногу, пытавшуюся мне по носу угодить, и в подъезд запрыгнул.

Забегаю домой — телефон! Звонит дама, с которой мы когда-то вместе лечились от заикания. В 23-й горбольнице им. Медсантруда. Одинокая дворничиха. Мать троих или пятерых детей.

— Какое счастье, — говорит, — что я до тебя дозвонилась!..

А такими словами меня можно купить с потрохами. К тому же, дважды получив по физиономии, я был несказанно склонен сопереживать окружающим. Вот она и воспользовалась моим беспомощным состоянием.

— Только ты можешь мне помочь! Приезжай скорее!..

— Скорей не могу! — отвечаю. — Но в четверг после сдачи номера попробую...

В четверг я уже не хотел никому сопереживать и тащиться в промерзшем трамвае на Сортировку. Но все же приехал.

— У меня, — декларирую, — полчаса. Уже опаздываю на последний автобус!

— Как полчаса?! — разве что не стонет она. — За полчаса мы ничего не успеем!!!

Усаживает меня на кухне, запирает детей в одной из комнат и приносит стопку бумаг.

— Вот, — объясняет, — ОДНА МОЯ ПОДРУГА, — (как я догадываюсь, она сама), — 300 стихов написала. И только ты способен их оценить. Отделить зерна от плевел!..

— Ну уж нет! — поднимаюсь я с пуфика. — Ступай в журнал «Урал» к моему приятелю Косте Богомолову, ему за работу с творческой молодежью зарплату платят...

В общем, вопреки самым пессимистичным прогнозам, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА так и не началась, погода возблагодарила любви, и природа человеческая все же воспряла духом. А после разгула массовых уличных гуляний и празднований с салютом 45-го праздника Победы (с 1945-го года) улицы вновь наполнились атрибутами прежнего безмятежно-благостного времяпрепровождения. И даже, кажется, постепенно проходит поветрие закрывать все окна и двери железными дверьми и решетками.

Идешь летней ночью по городу — повсюду цветут яблони, на скамейках пьют пиво (под нетерпеливыми взглядами собирающих пустые бутылки пенсионеров), целуются и поют хором песни ансамбля «Браво».

Ну просто ИЮЛЬСКИЙ ДОЖДЬ, ЛЕТАТ ЖУРАВЛИ.

Все дни с приходом лета становятся расчудесными. На зеленой солнечной опушке прыгают зеленые лягушки. Лето, ах, лето, лето звездное, звонче пой! Один другого краше, и раздражать могут разве лишь тем, что сливаются с первого летнего дня в безостановочный неудобоваримый праздник. Удовольствия, чаемые каждое по отдельности, по отдельности уже не различаются и пролетают сплошным потоком. Первый день лета — считай, последний

день лета. Вот и лето прошло, словно и не бывало, как поет певица С. Ротару. Еще вдали разлука наша, но летний кончился сезон...

Такая вот похоронная нотка.

А потом тянешь ляжку, вытягивая из осени лета остатки.

Я шел забрать Инну с учебы, дабы увезти за собой на край света, и обнаружил ее одиноко сидящей на пустынном парапете у ЧАЙНИКА. Подставившую солнцу лицо и закрывшую сонно глаза.

— Спишь? — спрашиваю начала разговора ради.

— Нет, — отвечает, — думаю. — Лицо ее и в самом деле было немного сморщенное от мыслей.

И мы отправились, куда глядели глаза.

Инна не знала, чего ей пожелать в данный момент. А потому мы доковыляли до набережной и купили новый воздушный шарик — раздуваемый ветром и имевший привычку бить всех попадавшихся навстречу по головам. А потом увидели плавающие в пруду лодки и разом поняли, чего захотели.

На лодочной станции мы оказались в первый раз.

В первый раз в жизни.

Все, как впервые.

До сих пор данное развлечение было знакомо мне лишь по дубичевским сказкам про Зайца Пуса и по рассказу о косноязычной санитарке из судебного морга, которая работала там до меня и предлагала всем по окончании трудового дня:

— Ребята, поедemте кататься на ВОДКЕ!

Лодочная станция на окраине — уголок какой-то провинциально-патриархальной жизни. Памятник периода застоя. Жестокий романс, бурлаки на Волге.

Когда-то давно я ездил от краеведческого музея в этнографические экспедиции по деревням Ачитского района, и мы всей компанией на моторной, правда, лодке ловили НА ПЕРЕКАТАХ ХАРИУСА.

Сейчас прокат лодки в час — в лето 1996 года — стоит 12 тысяч рублей.

К лодке дают весла и круг.

Весла вставляют в ключины.

Главная проблема по получении вышеозначенного инвентаря — выплыть с лодочной станции в узкие воротца. Проще всего сделать это не разгоняясь, а наоборот — перебирая руками пристань. На данную операцию у нас ушли первые полчаса нашего надводного существования.

Как только мы сели в лодку, земля куда-то ушла из-под наших ног, и все вокруг закачалось.

Когда мы таранили встречные суденышки, Инна восторженно верещала:

— Мы в первый раз на лодке плаваем! — и все, кого мы таранили, выглядели столь же радостными и довольными сим незначительным фактом, что и мы.

Только мы выплыли на простор, как сразу поняли: это ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Немыслимое ликование и блаженство разлилось по душе. Внешне, может, мы и выглядели обыкновенными счастливыми людьми, но внутри нас все пело и трепетало. Хотелось прыгать и плясать от удовольствия.

— Сиди, — сказал я Инне по возможности серьезно (плавать, как оказалось, не умели мы оба), — если ты не перестанешь скакать и утонешь, я буду переживать...

И добавил, немного выждав для эффекта:

—...минут пять.

Но Инна все равно продолжала вертеться и не могла усидеть спокойно и пяти минут.

Означенное блаженство не утихло весь первый летний вечер и всю первую летнюю ночь, и даже на другой день, когда я пишу эти строки и глазу распухшую от неустанной гребли розовую ТРУДОВУЮ МОЗОЛЬ на ладони, неизъяснимое счастье распирает меня, и лицо мое по-прежнему светится удовольствием.

Грести оказалось совсем не сложно и ужасно приятно.

ПО МОРЯМ — ПО ВОЛНАМ — НЫНЧЕ ЗДЕСЬ — ЗАВТРА ТАМ.

Инна скинула с себя туфли-лодочки и принялась за первый в своей сегодняшней жизни обед. Инна, как оказалось, — вопреки расхожим представлениям, — ест очень много. Одних лишь несъедобных кукурузных палочек сжирает в день пакета по три.

— Я думаю, чем бы эту консерву открыть... — делится она продуктами жизнедеятельности своего девичьего мозга и удивляется: — Вот о чем, оказывается, нужно думать!..

Утомленные солнцем, проплываем мы мимо идиллических развалин и деревень — на далеких берегах сидят развеселые компании местных пейзажистов — сороки на березах расселись — мальчишки с собаками жгут костры — парочки немолодых уже людей стоят в укромных уголках уральской земли и истово целуются, не замечая, что день давно клонится к вечеру.

Пролет моста нам удается миновать, ни во что не врезавшись. Неподалеку отсюда в приснопамятные советские времена жил мой друг Валера Коневин, однажды укативший с женой Ларой (которую сам он называл ЛЯЛЕЙ) в Ленинград, а затем в Израиль, откуда принялся колесить по всей Европе. Коневин закончил авиационный институт, потом проектировал пусковые установки для направленных на Америку КРЫЛАТЫХ РАКЕТ, но в «перестройку» наплевал на военную карьеру, забросил службу и стал в одночасье АВАНГАРДНЫМ СКУЛЬПТОРОМ. Менее известным, правда, местному истеблишменту, чем Эрнст Неизвестный, но мной гораздо более чтимым.

Почти все в своем доме Коневин либо сделал собственными руками, либо подобрал на помойке и отремонтировал. В день свадьбы с Ларой Коневин утром уселся на велосипед, поехал в Верх-Исетский лесхоз (где работал столяром) и из одного юбилейного рубля — с профилем Ленина — выточил к обеду два обручальных кольца.

Для того чтобы попасть в Израиль, прохиндею Коневину пришлось вывезти с собой тещу (предварительно разведя ее с мужем, с которым она прожила в любви и согласии лет сорок). При том, что контейнер с вещами и инструментами он предусмотрительно отправил не в Тель-Авив, но в облюбованный им Вашингтон, ибо не собирался долго задерживаться на ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ. Но до Америки Коневин так и не доехал, и потому общение с дальними американскими родственниками, несколько лет оплачивавшими хранение его контейнера, прекратил.

Под этим мостом Валера Коневин любил рисовать и рассказывать, что однажды видел, как взрывали старый элеватор, до сих пор стоящий на набережной. Просто снести его оказалось невозможным, поскольку построен он был ДО РЕВОЛЮЦИИ — что называется, НА ВЕКА. Но и взорвать элеватор тоже не удалось, зато жившие в нем крысы — по словам Коневина — обезумев, сиганули вплавь на другой берег. Вода в том месте, где мы сейчас проплываем, бурливо бурлила.

Жена Коневина тоже была моей подругой — едва ли не большей, чем он сам. В мужской дружбе немаловажное, если не первостепенное — это умение поддерживать замечательные отношения с женами друзей. Ни его, ни ее я не видел уже десятилетие...

Инна тем временем терзала ручками очередной букетик, купленный мной на набережной.

— Знаешь, — разоткровенничалась она, — у моей бабушки сохранились такие СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ... Утром она увидела в ванне новую розочку и говорит: «Инна, если в наше непростое время женщине дарят цветы, значит ею действительно дорожат! За такого человека надо держаться обеими руками и не отпускать!..» — Приятно было сознавать, что хотя бы у незнакомой мне бабушки я пользуюсь некоторым успехом.

Когда мы проплывали мимо стоящего на пустыре огромного обкомовского небоскреба (при СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ именовавшегося ЧЛЕНОМ ПАРТИИ), Инна выказала свою полную политическую неграмотность.

— А тут что находится? — простодушно поинтересовалась она, и я поделился своими тоже, впрочем, весьма приблизительными предположениями о местопребывании властьпредержащих:

— Здесь расположена резиденция губернатора Э.Э. Росселя, областная администрация и Областная Дума! Именно здесь вызревает грядущее благоденствие будущей УРАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ!..

Инна хлопает ненакрашенными ресничками и выдает:

— Как же они там сидят, ведь он, — (небоскреб), — такой узкий!

Я отвечаю, что узким он кажется только издали и что власти наши, дай бог им здоровья, просидят в нем себе на славу немало еще лет и штанов.

От прохлады моя пассия отбирает у меня куртку, после чего принимается беспокоиться, не холодно ли мне? Нет, отвечаю я, ведь в процессе гребли выделяется — по смутным воспоминаниям о школьных учебниках — какое-то немислимое количество калорий энергии. Однако Инна не позволяет мне щегольнуть средним образованием и поправляет, что энергия измеряется не в КАЛОРИЯХ, а в Джоулях, и я радуюсь, какая умная девица мне сегодня попалась!

На набережной идет дискотека.

В синем небе над нами белеет след от реактивного самолета.

— Смотри, — говорю я, устремив в небо палец, — в детском саду эти самолетные хвосты мы замечали по пяти раз на дню! Но с тех пор я как-то не обращал на них внимания...

В их детском саду дела обстояли примерно так же...

На днях я с удивлением обнаружил, что хоть она и моложе меня — мягко говоря — на десять лет, однако тоже, оказывается, знает песню «Мы плывем на льдине, как на бригантине, по седым, суровым морям...» из МУЛЬТФИЛЬМА «Умка», что показывали на заре моего детства.

Позади нас тем временем занимается заря заката.

Мыслей в голове моей нет ни одной.

Как все просто и хорошо в этой жизни.

Просто Инна. (Как ПРОСТО МАРИЯ.)

Мне с ней хорошо.

Просто и хорошо.

Мы приплыли уже к самому центру города, к плотине городского пруда и пришвартовались прямо к проспекту Ленина.

— Выходи, — предлагаю я, — можешь прогуляться!

— Ага, а ты меня бросишь и уплывешь! — отвечает она, хотя, по моим представлениям, ничуть этого не боится.

— Рано или поздно я все равно тебя брошу! — натужно шучу я (на самом деле, опасаясь, как бы она сама меня не бросила).

— Я тебя сейчас утоплю! — говорит Инна и назло мне выпрыгивает из лодки, дабы погулять по набережной.

Потом мы плывем назад.

С берега взирают на нас безмятежные лица.

Когда они видят выражение еще и наших наших физиономий, то коэффициент удовольствия у них, видимо, зашкаливает. Один сухопутный гражданин — явно навеселе — даже пытается поднять на руки свою спутницу и бросить ее в набежавшую волну. Женщина при этом визжит.

Со стороны, противоположной той, куда зашло солнце, выныривает огромная желтая луна. Мы гребем назад и вскоре обнаруживаем немолодую уже парочку, samozабвенно слившюся в поцелуе, на том самом месте, где мы оставили их два часа назад. Сами мы все это время лишь на лодочке катались, хотя однажды тоже было остановились, и я, освободив руки от весел, хотел приобнять Инну, и нашу лодку начало прибывать к берегу, но компания туземцев, сидевшая на берегу у костра, стала швырять в нас пустыми бутылками из-под пива. Не совсем, впрочем, в нас, а рядом, чтобы обрызгать. Сохранив тем самым относительную целомудренность этого рассказа...

На обратном пути на опоре моста мне все же удалось сделать соответствующую случаю надпись:

ИННА + САША = ЛЮБОВЬ

(в рюкзаке моем среди всякой всячины, которую я постоянно ношу с собой, весьма кстати оказался тубик ГУАШИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ), и сделав вокруг круг почета, мы не спеша погребли к тому месту, откуда наше сегодняшнее путешествие началось.

Возвращаться, впрочем, не хотелось.

Когда мы, наконец, ступили из воды на грешную (на чей-то взгляд) землю, оказалось, что от мореплавания устали совсем не руки, а как раз-таки ноги. Наши вестибулярные аппараты разладились с непривычки, и ноги вне лодки отказывались ходить.

Чудеса на этом не кончились.

По пути домой в неработавшем от обилия всякой белиберды КОММЕРЧЕСКОМ ЛАРЬКЕ, уже у вокзала, Инна обнаружила еще одно невиданное доселе удовольствие — музыкальную шкатулку с танцующей под «Лебединое озеро» пластмассовой балериной. Тирли-пам-пам, тир-ли-ли-пам-пам. Совсем, надо сказать, задешево. Все истинные ценности в этой жизни — вопреки расхожему мнению — доступны и достижимы. Когда-то у меня была пластмассовая заводная пепельница, игравшая по ночам полонез Огинского. Мне лично необходимо в жизни совсем немного вещей, но тратить денежки на такие вот бесполезные глупости — хлебом не корми!

Киоск был закрыт, и я звал Инну к окнам других, не закрытых еще ларьков вокруг вокзала, где могли продавать такие же диковинные кунштюки. Но планам моим не суждено было сбыться.

— Зачем смешивать в один день столько удовольствий... — говорит Инна и тянет меня в обратную сторону.

И я с радостью с ней соглашаюсь.

Первый летний день давно закончился, на дворе стоит глубокая ночь.

Один из дворов по пути совсем белый от цветущих яблонь, словно занесен снегом. Ветви венками свешиваются к нашим головам. Белыми, как сказал поэт, венчиками.

Как улетел наш шарик — видимо, еще в лодке, — мы даже и не заметили.

РАДОСТЬ ПОРУГАТЬСЯ

Все улицы летними беззлобными вечерами заполнены гуляющими парочками. Все люди — как люди, один я хожу один-одинешенек, потому что моя ЕДИНСТВЕННАЯ И НЕПОВТОРИМАЯ сдает у себя в музучилище государственные экзамены.

И я брожу, обделенный ейной любовью и лаской, криво гляжу на бесчисленные безмятежные парочки, бесстыдно наслаждающиеся наступившей оттепелью, грежу увидеть свою поглощенную УЧЕБНЫМ ПРОЦЕССОМ половину в половине попадающих на горизонте девиц и даже изредка — (по ошибке, конечно) — в лицах одного со мной пола и думаю: ну как она не понимает! Ведь если сегодня не успеть того, что задумано, завтра может уже и не быть! Ведь все ж пройдет, как с белых яблонь дым!

— Ну как ты не понимаешь! — занудствовала Инна в самом начале нашего знакомства. — Мне ведь необходимо ужасно много заниматься!.. Мне нужно еще лет девять, чтобы хоть кем-то стать! У меня сейчас ПРАКТИЧЕСКИ год идет за два!.. Представь, что я б начала этим же заниматься лет, например, в двадцать или в двадцать пять? Чего б я достигла?.. Я ж не хочу стать КЛАДБИЩЕМ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ! Потому сейчас у меня ну совершенно нет времени на... — она неожиданно замолкает, — ...это слово всегда повергает тебя в прострацию...

— Какое такое слово? — окончательно пробуждаюсь я от проснувшегося во мне любопытства.

— Ну, в общем, сейчас у меня совсем нет времени... НА МУЖЧИН.

Очень юных, говоря в абстрактно-множественном лице, девиц — понял я — можно не кормить хлебом и не поить вином, позволяя время от времени выказывать себя такими завзятыми реалистками: — Это из той же оперы, что и сказочки про ВЕЧНУЮ ЛЮБОВЬ! — Либо специалистками в совсем уж маловразумительной вышеупомянутой области — в МУЖЧИНАХ, то есть.

— Такие обобщения больше пристали ХОЗЯЙКАМ ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ, — урезониваю я очередную демонстрацию Инниного жизненного опыта, — а не девице девятнадцати лет!

(Моя покойная бабушка, к слову сказать, тоже любила клеймить весь род мужской разом именно во множественном числе, причитая: — МУССКАЯ ПОРОДА!..)

Или вот еще цитатка из Инниных уст (той самой поры, когда она могла проехаться ими по моим ушам, как на бульдозере):

— ВРЕМЯ, КОТОРОЕ Я ОТДАЮ ТЕБЕ, Я ОТНИМАЮ У СВОЕЙ ГИТАРЫ!

Тогда я придумал афоризм:

ИННА — это виртуальная реальность, иногда даваемая мне в ощущении.

Или еще один прочувствованный афоризм про любовь (более реалистичный):

ЛЮБОВЬ — это когда решаешься, наконец, вверить кому-нибудь всего себя целиком и надолго, а тебе говорят: ну ладно, но только на 5 минут в следующий четверг — и сам с собою!

Кадочников объясняет:

— В голове у Инны — КАССОВЫЙ АППАРАТ!.. Как у моей первой жены!..

На все случаи жизни у Кадочникова есть две темы для разговоров — его бывшая (и единственная на сегодняшний день) жена и 900 тысяч рублей, которые он два года назад взял из кассы садово-дачного кооператива и которые вот уже два года как должен туда вернуть.

— Экзамены у нее на первом месте. А ты, соответственно, непонятно где!..

И мне Кадочникова не переспорить.

Инна переспрашивает:

— «Кассовый аппарат»? А что это такое? СЧЕТЧИК В ГЛАЗУ — знаю, а КАССОВЫЙ АППАРАТ — не знаю.

Однако я чувствую, что за этот КАССОВЫЙ АППАРАТ она самолично убьет Кадочникова при первой же встрече.

Я провел по случайности полдня (настоящее, наконец, начало рассказа) на региональной конференции НДР,ничегошеньки не ел и полностью одурел от жары и сидения на одном месте. Забавлялся лишь тем, что передавал СЛИВЫ всем знавшим селекционера Мичурина соседям по партии, а к вечеру был вымотан как выжатый лимон. Или как увядший лист. Не знаю, кому что больше подходит.

— Ты чем ночью занимался? — забавляется Инна, слыша мои однообразные брюзжания в свой адрес. Намереваясь нащупать истинные причины моего усталого умонастроения. В том смысле, что ладно пыжиться. Сама она с ночи до утра изводила упражнениями свой изрыгающий музыку инструмент. Свою, как она называет собственную гитару, ДЕВОЧКУ.

— А ЧТО, — отвечаю, — ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ УЖЕ ЗАМЕТНО? — (Это из пубертатного анекдота про пэтэушницу, зашедшую в трамвай вскоре после зачатия.)

Она расслабленно косит на меня ленивыми небесно-голубыми глазками, демонстрируя, что относится к моему неприятному духорасположению, как к привычному, а потому совсем нестрашному природному феномену. И, несмотря на мое сейчасое занудство, считает меня вполне достойным общества членом.

Мне надо было расслабиться и получить удовольствие, но я пошел на поводу у идеи иной: решил не расслабляться, а наоборот — Инну напрячь. Изыскать повод понудеть и поругаться... Да потому просто, что нельзя, когда все благополучно и благостно! Душа бури просит, как будто в бурях есть покой!..

(Чтобы наши идиллические отношения выглядели более правдоподобными, я периодически заявляю своему вечно плачущемуся другу Арсению:

— Думаешь, что у нас так уж все идеально? Сплошное БЕЗОБЛАЧНОЕ СЧАСТЬЕ? Вовсе нет. Все как у людей! Так же все непонятно и неопределенно!..)

С Инной, впрочем, бесполезно ссориться. Инна бесхитростна и бесконфликтна. Никогда толком не знает, чего хочет — кроме малопредсказуемых причуд и чудачеств, — но всегда говорит НЕ ХОЧУ, когда знает, чего хочу я. Когда я слишком уж неприкрыто проявляю свои неумные на нее притязания. НЕ ХОЧУ, и все тут! Вот такая вот зараза девушка моей мечты! Особо и не поссорись...

Ведь и правда, нельзя ж, когда ВСЕ ХОРОШО! ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ ж не бывает! А раз так, надо почаще проверять на прочность свои отношения! Драматизировать собственную жизнь, разрушать до основания, чтобы потом самому и восстанавливать. Главное — чтобы все было под контролем! И восстанавливалось по возможности в тот же день...

Вот я и лезу в бутылку. Говорю: бросай все к чертовой бабушке и пойдем со мной, куда МОИ глаза глядят! Хотя бы опять на лодке кататься! Даже и не говорю ничего. Отбираю свое произведение про наше позавчерашнее катание на лодке и в урну бросаю. Аллес финаллес, капут мортум!.. Но она все равно заходит в подъезд к бабушке, дабы учебе отдаться.

Ну а я за ней не захожу. Воспитываю!

— Я ЗАБУДУ ТЕБЯ РАНЬШЕ, ЧЕМ ЗАХЛОПНЕТСЯ ЗА ТОБОЙ ДВЕРЬ! — посылаю ей вослед волшебную фразочку, позаимствованную когда-то мной у художника слова Б. У. Кашкина (который адресовал ее художнице Кате Ш., собиравшейся уйти от него к электрику Никите В. в гости).

И случается чудо!

Через минуту Инна появляется вновь, ни словом не вспоминая свои госэкзамены, в коротеньких штанишках (из старых джинсов) и рубашке из васильков, и говорит:

— Идем!

И плывет впереди меня аки лебедушка.

Что к чему, откуда? Никогда доселе такого не было!..

— Ты в подобном виде собираешься по улицам гулять? — пробую поругаться я. Но Инна берет мою руку в свою и ведет, словно мамаша раскапризничавшееся дитя, не обращая на мое разнообразное нытье ни малейшего внимания.

— А зачем ты сказки про меня помял? — любопытствует.

— У меня в рюкзаке еще четыре экземпляра имеется! — с готовностью выдаю я свои военные тайны. — Так что половину из них могу безболезненно выкинуть и удовольствоваться оставшимися двумя!..

И еще поясню:

— Нельзя, когда все хорошо и безоблачно! Надо самому свою жизнь драматизировать, разрушать все до основания, чтобы потом самому же восстанавливать... КАНАЛИЗАЦИЯ АГРЕССИИ, по-научному. Главное — чтоб все было под контролем!

Инна смеется, восхищенная моим несомненным талантом интимно-социального прожектёрства и ИНЖИНИРИНГА человеческих душ, а я уже бурчу (про себя):

*и зачем было нужно
выкручивать ей руки,
чтобы сейчас,
солнцем палимому,
перебирать веслами
из совсем уж последних жизненных сил,
отпущенных мне на сегодня партконференцией!..
У меня дел — невпроворот...*

— Не ерзай! Если ты утонешь, я буду переживать, — привычно предупреждаю я, когда мы садимся в лодку.

— Сколько? — спрашивает Инна, надеясь услышать позавчерашнее: — ...минут пять.

Но я обманываю ее ожидания:

— Всю оставшуюся жизнь! — говорю.

Инна смеется и вновь всю дорогу вертится не переставая. И пяти минут не может просидеть спокойно.

А потом — как и в прошлый раз — все опять было хорошо.

И водная гладь, и твердь небесная, и солнце, и день чудесный, и лодки, и вёсла, и уключины... Инна визжала, как три поросенка, поливаемая за шиворот шортов лимонадом «Швепс», и томно шурилась, когда я помогал ей грести причудливым, но многоприятным способом, описанию которого не место в художественной литературе... А потом, не сумев разомкнуть сомкнутые негой взоры, мы не заметили, как заплыли в тину и камыши... Затем я высаживал ее на торчащем из пруда ржавом необитаемом пятачке и опасался, как бы она не оступилась и не утонула... А на обратном пути Инна опять переживала по какому-то надуманному поводу, который припоминается, как всегда, с трудом. Как-то быстро все забывается!

В конце концов откуда отчалили, туда и приплыли.

Погуляли еще и разошлись.

Так и не поругались.

День бездарно прошел.

С другой стороны:

ВОТ И СЛАВНО, ТРАМ-ПАМ-ПАМ.

Как говорит каждые пять минут Петя Морозов.

ПОЛЕЖАТЬ НА ПЕСКЕ

Когда я спрашиваю Ксеничку, не очень ли ПРИТОРНО-СЕНТИМЕНТАЛЬНЫМИ стали мои сочинения, она отвечает: ну да, сентиментальные, но раз все так и есть, что ж поделать — просто у тебя ПЕРИОД такой!

Читает их — и по прочтении всякий раз почему-то плачет над ними.

Дубичев же говорит, что в моих рассказах уже нет никакой ДРАМАТУРГИИ — одна щенячья радость.

Да и откуда ей — драматургии — взяться-то? Я замечаю за собой и более пугающие метаморфозы. На вопрос Инны про моего странноватого приятеля Кадочникова, не идиот ли он ОЗАБОЧЕННЫЙ, я еще месяц назад даже не хмыкнул бы — ну, ИДИОТ и ИДИОТ. А теперь преспокойно втолковываю ей: ну какой же он идиот? Первоначально он может показаться чуть-чуть НЕ В СЕБЕ, а в общем-то — это ХОРОШИЙ, ДОБРЫЙ, ИСКРЕННИЙ, НЕГЛУПЫЙ и даже ПОРЯДОЧНЫЙ, ПО-СВОЕМУ, человек. Нестрашный, хотя и странноватый.

И слыша из собственных уст этакую всепрощенческую характеристику, я кумекаю себе под нос: сомнительный симптомчик!.. Какой-то я стал подозрительно незлобивый, плюралистично толстовствующий! С моей физиономии неделями не сходит безмятежно-блаженное выражение лица.

Сегодня, например, мы побывали в пустыне.

Доцент по фамилии Сизый у меня на службе недавно собрался в Кению ехать, на слонов охотиться. И вторую неделю прививает себе внутривенно ТРОПИЧЕСКУЮ ЛИХОРАДКУ, отчего температура его в отдельные моменты времени доходит до 40° по Цельсию, заставляя за любовь к странствиям страдать неимоверно.

Мы ж попали в пустыню неожиданно-негаданно. И без каких-либо внутривенных вливаний.

Года два назад из Швейцарии в Свердловск, среди прочей ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ, на настоящем МЕРСЕДЕСЕ, с написанными на бортах словами ОКРОШКА и ПРОМИСКУИТЕТ, прикатили две мужиковатого вида бабы, Ева и Тереза. На тутошний непритязательный взгляд — натуральные бомжихи. По правде ж — ужасно большие для маленькой Швейцарии художницы. Плюс к тому — ПАЦИФИСТКИ, ФЕМИНИСТКИ, ВЕГЕТАРИАНКИ и ЛЕСБИЯНКИ. Одна из них оказалась еще и баронессой. Вели себя бесцеремонно — если им подавали руку при выходе из трамвая, обижались и обзывали местных джентльменов СЕКСИСТАМИ ФАКАННЫМИ.

Прикатили и застряли на зиму — что-то там у них замерзло навсегда в карбюраторе.

Ева и Тереза пропагандировали стиль ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО НЕОБАРОККО — производства искусства из отходов цивилизации посредством разграбления свалок и мусорных куч. Поддавшись за зиму обаянию завезенной заразы, два здешних художника с не привычными русскому уху фамилиями Голиздрин и Еловой тоже поступились принципами истинно народного, исконно реалистического искусства, назвали на западный манер ЛЭНД-АРТИСТАМИ (ЗЕМЛЕХУДОЖНИКАМИ то есть) и укатили в Швейцарию на какой-то фестиваль. Попросту говоря — траншеи копать со смыслом.

Сдирает, скажем, Голиздрин квадрат дерна с ни в чем не повинной швейцарской территории и поворачивает по кругу против часовой, чтобы полметра наличествующей на нем тропинки непостижимо съехало на полметра влево.

Как когда-то в журнале «Наука и жизнь» курьезы печатали: вырубает некий выпендренчик два гектара лесу, чтобы с вертолета получилась вылитая Джоконда. Только сегодняшние ЛЭНД-АРТИСТЫ лес не валят, а, наоборот, ратуют за сохранение природных богатств.

На следующий год фестиваль таких же художеств решили сделать у нас. Благо здесь промышленных отходов оказалось больше всего. И художественные мусорщики, какие где ни на есть, прикатили сюда на гастроли! Всю неделю вкалывали на уральских заводах, собирая металлолом и отворачивая от наших рельсов гайки для своих самоделок, а в субботу отправились на выдающиеся ПРИРОДОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ РЕГИОНА, имеющие некоторое НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

О том мне в обед доложил Кадочников: вывезли-де наших швейцарских друзей и две канистры бензина в огромный необитаемый карьер за Берёзовским — маленьким шахтерским городком, где золото из песка добывают.

Сказал — и как сквозь землю провалился.

А город Берёзовский между тем — моя малая и единственная родина.

Родина меня

и российского золота,

а также сторожа-киноведа Анашкина (который яблоневого сад художника Елового сторожит),

художника Жукова (который кирпичи в белый и черный цвета красит)

и берёзовского мамонта — ELEPHANTOS BERESCIUS.

Еще есть украинский композитор Березовский и пианист Березовский, а также одноименный с ними ОЛИГАРХ (и секретарь Совета безопасности), но к нашему городу они отношения не имеют.

Берёзовский, наконец — место, где в продаже всегда есть короткие шнурки для ботинок!..

Инна сдала в ЧАЙНИКЕ на 9 (это почти что на 5 — по их теперешней шкале ценностей) очередной экзамен, натянула мой любимый свой зеленый пиджак, и мы с ней махнули в карьер. В Африку бегом.

Солнце печет облака, Берёзовский зарос лопухами и березами, а мы идем по проселкам и закоулкам, нюхая пропитанную сиренью провинциальную жизнь и пытаюсь поймать попутку. Должен же быть здесь в личном пользовании хотя бы какой-никакой гужевой автотранспорт? Потом полтора часа колесим по колдобинам, по окрестным цветущим садам и пахнущим навозом дачным поселкам, чая песочный карьер и земляных художников найти, тая от жары и попутного томления...

Впрочем, стоп-машина: ТОМЛЕНИЯ было полно и в прошлом моем рассказе!

Надо бы чего-нибудь новое придумать!..

И здесь я ловлю себя на том, что главного чего-то не опишешь ведь...

Да и описывать совершенно ни к чему!

Главное — опять, получается, спрятано между строк. Или в подножье АЙСБЕРГА — как у Гемингвея.

А ведь как все было гладко и доходчиво объяснено! Что «написанное хорошо, наполненное настоящими чувствами». Что «писать надо только от этих чувств переизбытка»! Что «нужно лишь зафиксировать мимолетное, то, что назавтра забудется навсегда»!..

Ан нет!

Отношения ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ, получается, такие: сначала хочется зафиксировать то, чего нет, а потом ничего уже не хочется. Незачем называть вещи своими именами! Да и кто их разберет... Слова — по большому счету, мало что значат. Потому что сколько ни скажи:....., если за этим ничего не стоит — ничего не прибавится и не убавится! Другое дело, когда за душой у тебя хоть чего-нибудь все же имеется, говори, что угодно:

СТУЛ,
КОЛБАСА,
ПОМОЙКИ,
ГОВНО,
ЭВТАНАЗИЯ,

а все равно все почувствуют, что это про любовь.

Про истинные чувства — крепкие, как колготки «SAN PELLEGRINO».

Или про прочие души прекрасные порывы.

Которые приличия ради не принято выставлять напоказ...

В общем, беспричинно счастливые, колесим мы по округе, изводя ни в чем не повинного безлошадного автомобилиста, в поисках большой кучи песка и небольшой компании, которая в ней окопалась. Покуда не бросаем его на дороге и не идем пешком босыми.

— Сумасшедший день! — восхищается Инна.

СУМАСШЕДШИЙ — это босиком походить.

Страшно огромная белая гора видится за лесом на горизонте.

Три лохматые девочки выходят навстречу нам из чащобы и объясняют, что, помимо ВТОРОГО КАРЬЕРА, есть еще ПЕРВЫЙ и ПЯТЫЙ, и что ПЯТЫЙ на самом деле ПЕРВЫЙ и есть.

Поблуждав по сумрачному лесу, мы выбираемся, наконец, к подножию белой горы и лезем наверх. Никаких ЛЭНД-Артистов отсюда не видно. И никакой тебе ОГНЕВУШКИ-ПОСКАКУШКИ, а только безбрежный космополитический пейзаж! Необъятная яма чудес, полная первозданных природно-промышленных ландшафтов — горы золотосодержащего песка и серебряные озера дождевой воды, пыльные бури и цементные болотца... Саксаулы и скорпионы. Здесь нужно снимать фильмы научно-популярные «Есть ли жизнь на Марсе?» Если, конечно, на Марсе есть песок... А еще лучше — вестерны про индейцев. В детстве босоногом мы ходили на такое кино — «Золото Маккенны»...

Золото в Берёзовском добывают так. Выгребают в шахтах золотосодержащую породу и везут на ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ. Там вымывают лишний песок и выбрасывают сюда за ограду.

Мы купались в зыбучих песках и тонули в дождевых озерах.

ПУСТЫНЯ — место, где, во-первых, никого нет,

где некуда больше спешить,

и где песочные часы не вызывают привычных ностальгических переживаний.

Песок в ушах хрустит и ниоткуда не стряхивается.

Скорбное бесчувствие. Белое безмолвие.

Инна в погоне за славой Шаровой, которая черпает из телесериала «Санта-Барбара» разные непредсказуемые изречения, выловила в его очередной серии, как герой произнес, удивленно посмотрев на пляж:

— ДЛЯ ЧЕГО БОГ СОЗДАЛ ПЕСОК — ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ МЫ НЕ ЕЛИ ШПИНАТА...

(Прошлым летом — будучи безработным — я возвращался с Уралмаша с Галей Брандт пешком по темным пустым улицам и совсем уж непроглядным переулкам. Во всем городе нам не встретилось ни души. Так что я даже предложил ей, по непонятным теперь причинам, лечь наземь и полежать на асфальте, преполняясь собственной вседозволенностью. Мы полежали минут пять поперек проезжей части улицы Стахановской, посмотрели на склонившиеся

над нами дубы-колдуны, и не было ни одной машины в столь ранний час, чтоб переехать нас. Кажется, даже дождик накрапывал...)

После двух часов бесплодных блужданий и лежания в песках (уже с Инной) мы все же обнаружили еще одно немного мыслящее существо. По линии горизонта, очертившей очередной БОЛЬШОЙ КАНЬОН, крошечный, как кавказский пленник с пачки папирос «Казбек», шагал лилипут. Наверное, местный шахтер.

— Эге-ге-ге!!! — закричал я и что есть мочи замахал руками (как по моим представлениям должен был бесноваться Робинзон Крузо, обнаружив на песке следы незнакомого доселе неандертальца). — Мы не одиноки на этой планете! Э-ге-ге!!!

Фигурка на горизонте стала приближаться и расти, через полчаса неожиданно превратившись в упоминавшегося выше Кадочникова. В белоснежно-белой рубашке. Что само по себе подозрительно. Потому как любая собака у нас в редакции знает, что Кадочников неизменно ходит в одной и той же рубашке болотного цвета, которую стирает с периодичностью раз в три месяца... По таким вот досадным несовпадениям обычно и распознают особо опасных марсиан и терминаторов, принимающих облик ваших ближайших родственников.

Но Кадочникову мы тривиально поверили на слово. Чего уж там! Хотя стоило ли забираться за столько-то километро-часов в необитаемое захолустье, чтобы повстречать здесь его никем не заверенную копию?

— У меня неподалеку ФАЗЕНДА, — поясняет Кадочников. — Еще года два назад здесь все охраняли, песку для кошки нельзя было своровать! Повсюду вышки стояли, а по тем, кто шел за песком, пуляли из автоматов Калашникова! Сатрапы!!!

Я говорю:

— А лет сколько-то назад, рассказал мне земляк Рубашкин, в город Берёзовский (на мою с ним родину) приезжал император Эфиопии Хайле Селассие I*, имевший у себя на родине статус буддистского небожителя. И, как всегда к приезду столь высоких руководителей, дорогу, по которой он должен был проехать, отремонтировали, покрасили зеленой краской старые заборы, помойки закрыли новыми заборами, ну а пустыри завалили привезенным с карьера золотосодержащим песком. Император Эфиопии видит под ногами куски пирита и горного хрусталя и спрашивает: что это у вас? Ему отвечают: БОГАТСТВА ЗДЕШНЕЙ ЗЕМЛИ у нас ПРЯМО ПОД НОГАМИ ВАЛЯЮТСЯ! Император уехал шибко обескураженный. А весь песок по завершении его визита собрали и увезли напрямик на обогатительный комбинат.

Мы погуляли по пустыне еще и с Кадочниковым.

— Зря вы здесь купались, — пугает Кадочников. — Это ж не вода, а чистый медный купорос! К утру сами позеленеете! Вот увидите!

А спустя еще пару песочных часов мы обнаружили наших заезжих иноплеменников, устроившихся лагерем в окрестном лесу. Пьяных в лежку. Джоконду вырубить они точно были уже не в состоянии! Что тоже хорошо. Потому как без них мы бы никогда отсюда не выбрались. На закате за швейцарцами заехал заказанный утром автобус... А больше я — чтоб не затягивать повествование — ничего не запоминал. Где были и что говорили... Только безбрежное синее небо, белое солнце пустыни и полные карманы песку.

Когда, вернувшись в лоно цивилизации, посреди областного центра я расправил отвороты своих штанов, вокруг моих ног образовались два песочных кружка. Этакie хорошо различимые наземные нимбы.

Карманы Инниного зеленого пиджака остались наполнены песком впрок на долгие годы.

— Я не стану его высыпать, — засыпая на ходу, говорит она.

Мою пропесоченную привязанность я отвел к бабушке, но спустя полчаса — уже в два часа уже ночи — вдруг понял, что опять по ней соскучился. Что сильно-сильно захотел ее любви или хотя бы нежности. И пошел полусомнамбулически по пустынным улицам назад, мимо мигающих средним глазком светофоров. Железная дверь подъезда была заперта, и я, как мартовский кот, горланил под окном часа полтора. Порывался уйти и вновь возвращался. Так, однако, ни до чего не докричался. Инна спала без задних ног (свернувшись колбаской), и мой вопиющий глас услышан ею не был.

Как я однажды вычитал, император Наполеон писал своей Жозефине с полей баталий:

«Вдали от тебя весь мир — пустыня, в которой я одинок и покинут».

Вот вам и вся ДРАМАТУРГИЯ.

* Последний император Эфиопии Хайле Селассие I (1892–1975) посетил г. Берёзовский Свердловской области в 1967 г. во время своего второго официального визита в СССР.

КАК Я ПОД ТРАМВАЙ ПОПАЛ

Самые сильные чувства — ревность там или влюбленность — возникают на пустом месте, по самому незначительному поводу. А влюбленность — так и совсем без повода.

Я просто увидел Иннины печальные глаза на фестивале немого немецкого кино — и проникся неумным желанием к ней привязаться.

ПОПАЛ ПОД ТРАМВАЙ, по выражению фотографа С. Рогожкина.

Глаза у Инны — тихие омуты.

Голова яичком.

Ни дать ни взять — Забела-Врубель в роли Царевны-Лебедь с одноименной картины ее мужа.

Девочка со спичками, которая учится в ЧАЙНИКЕ.

Или просто я, как человек достаточно инфантильный, почувствовал, что попало мне (при всех несущественных недостатках) существо, еще более юное, не от мира сего и неземной красоты. Надо же начинать о ком-то заботиться!

К тому же у Инны — веснушка на веке и родинка на лбу.

(«Это не родинка, — поправляет она, — это БЗДЭМОЧКА!» Что по мне так еще более ценно.)

Эти причины, впрочем, я только сейчас присочинил.

А тогда сразу подошел к ней и сказал:

— Я — ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК!

И в доказательство подарил глянцевого журнал, где много чего непонятного про то было написано Раей Абельской, моей квартирной хозяйкой и членом Союза писателей Израиля.

Когда к нам на прошлой неделе притопал художник Олег Бухаров, Инна вспомнила данный случай и говорит:

— Олег мне сказал, что он — всего лишь МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. А Шабуров, — объясняет она уже Бухарову, — когда со мной знакомился, сообщил, что он — ХУДОЖНИК ВЕЛИКИЙ!

— Да это сейчас практически одно и то же! — отвечаем мы с Бухаровым в унисон.

После сего случая Бухаров стал представляться ПРОСТО-ХУДОЖНИКОМ. Сменил пароль.

(Художник слова и много чего еще Б. У. Кашкин — с бубенчиками на шапке и балалайкой на шее — написал на своей футболке: I AM THE GREAT RUSSIAN POET.

— А почему по-английски? — спрашивают прохожие. И он поясняет:

— Иначе не поймут!)

Мой выбор одобрила и Таня Колпакова:

— А ножки у нее — ничего...

Однажды она призналась мне, что и у мужчин она ценит красивые ноги. И что именно за ноги она пригрела на груди Антонова А. г. Который теперь кряхтит возле нее по ночам, что она дорогá ему, потому как напоминает его самого в молодости.

И я задумался: а в женщинах что самое привлекательное?

Раз уж приходится забивать голову такими беспредметными разбирательствами.

Думал-думал и додуматься не мог. А потом — р-раз! — и придумал вдруг: ДУША.

А глаза — ЗЕРКАЛО ДУШИ!

Ведь понравилась мне Инна сугубо за глаза!

Хотя и ноги у нее — ничего, как подтвердила Таня Колпакова.

Так что все сходится!

Впрочем, рассказ этот не про любовь, а как раз наоборот — про ревность.

Вот МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН:

про те времена, когда ХОЛОДНАЯ ВОЙНА уже закончилась, ВОЙНА КОМПРОМАТОВ еще не началась, а мы с Инной знакомы не были. Отчего она полагала, что может познакомиться с кем заблагорассудится. С кем попало, то есть. Чего, думает, скучать!

И устремилась на какой-то фестиваль, где разговорилась нечаянно с ДЖАЗ-БАНДОМ из далекой Швейцарии. Посланниками ИМПЕРИИ ЗЛА. А те у нее телефон вывели, пользуясь ее непосредственностью и незнанием ИХ ПРАВОБ. После чего весь год названивали, дабы запудрить несчастной девушке мозги и направить ее жизнь наперекосяк.

Такое она на их квартет (а точнее, на их бас-гитариста) своими грустными глазками впечатление произвела!

Что не могло не оказать на юную провинциальную дуреху ответного воздействия. И так ее своим заморским языком околдовали, что Инна пошла к знакомому РЕПЕТИТОРУ — Лилии Альфредовне из Монтажного техникума, — дабы хоть что-то из этих зашифрованных телефонограмм понимать:

BOY,
GIRL,
APPLE,
TABLE,
GOODBYE,
BECAUSE
и COME TOGETHER.

И поняла следующее: что тот же самый квартет, те же мартышка и очки, и в этом году намереваются к нам на гастроли нагрязнать. В связи с РАСШИРЕНИЕМ И УГЛУБЛЕНИЕМ ДВУСТОРОННИХ КОНТАКТОВ. О чем Инна опрометчиво мне рассказала и похвасталась.

Мне это, понятно, пришлось не по душе.

Поскольку мое дерзкое заявление, что я-де — необыкновенный художник, никакого впечатления на Инну не произвело, и даже наоборот. Она как-то лягнула, что, несмотря на мое самомнение и бахвальство, я не являюсь ГЛАВНЫМ НАПОЛНЕНИЕМ ЕЕ ЖИЗНИ. А теперь еще эти гастролеры вдруг!

Что тут сказать-то?

В школьные годы у меня тоже за рубежом ПЕН-ФРЕНДЫ имелись. И даже в Швейцарии есть две подружки, бомжихи-художницы Ева и Тереза... Но Инне я про это не рассказывал. Больше про ее планы расспрашивал... Не знал, какими словами нейтрализовать ТЛЕТВОРНОЕ на нее ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА. Попытка растормозить ее и постепенно расположить к себе, доказать, что я — свой, буржуинский!.. Водил в кинотеатры на чужеземные БОЕВИКИ и ТРИЛЛЕРЫ, которые она предпочитала отечественным кинолентам и фильмам стран БЫВШЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ... Я даже «Санта-Барбару» стал посматривать, чтобы к мировой культуре приобщиться... А напоследок к ее же репети-торше пошел — дабы поднакачаться в знании ЯЗЫКА ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПРОТИВНИКА...

Потому как права качать мне рано было. Не наступил еще подходящий момент...

И вот этот момент наступил.

Зашел я за Инной в музыкальную школу и застал запертые двери да записку: на сегодня все отменяется.

— Нет, — сообщают мне, — Инны Валерьевны. Отменила уроки и укатила куда-то!..

Прикатили, знать, заморские бонвиваны!

Перешли границу у реки...

И поплелся я неведомо куда — мимо городского пруда, сквера у ЦУМа и коммерческого ларька, где пару лет назад трудилась возлюбленная А. А. Егоровым киоскерша... Егоров тоже долго не мог нужные слова подобрать, дабы ей о своих невразумительных чувствах поведать, пока однажды утром ее не обнаружили на рабочем месте с непоправимо отрезанной головой...

А в двух шагах за ларьком — афишная тумба, от которой я узнаю, что умотала Инна в ДК металлургов на проспекте Космонавтов. И что именно там через час намечена ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ над ушами и душами наших сограждан.

Это три остановки на метро отсюда.

Тут надо сказать, что в Свердловске уже лет семь как построили три станции метро, — от центра до Уралмаша, — на котором никто днем не ездит. Из конца в конец безостановочно два пустых змееподобных состава носятся — да так, что искры летят! Интерьер inferнальный. Черный мрамор. Подозрительная тишина. А за окнами — темнота, к которой НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ.

Только я бесстрашно прыгаю в эту темноту и, приехав на проспект Космонавтов, поднимаюсь в пустынный пока ДК металлургов, где в баре нахожу Инну с ее подругой Лейкиной. Сначала изображаю из себя разведчика-нелегала и делаю вид, что не замечаю их...

Точнее, сажусь на виду — чтобы они сами меня углядели...

Однако они меня отчего-то тоже замечать не хотят...

Тогда я притворяюсь, что увидел их, и подхожу, но Инна уже какая-то не такая, как прежде...

Потому как после концерта, — где я исходил бессильной злобой к МЕЖДУНАРОДНЫМ КУЛЬТУРНЫМ СВЯЗЯМ и к бас-гитаристу, под Бандераса подстриженному, — просит она меня позволить им с Лейкиной здесь остаться ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКИ ради. (*«ОСЛАБИТЬ ПОВОДОК»*, как радостно комментирует лейтенант запаса Кадочников.) Ну а я, не имея подходящего повода, чтобы приличия преступить, послушно к метро шагаю...

Хотя уезжать мне ничуть неохота, чувствую! Невнятная тревога охватывает меня...

Эта ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА — дело абсолютно бесперспективное!

Непонятно, как Штирлица не раскусили в логове врага. Двухязычный литератор Верников, — как рассказывал мне переводчик Богданов, — похвалялся перед земляками своим ОКСФОРДСКИМ ПРОИЗНОШЕНИЕМ, покуда его не разоблачили.

Юля Казарина, бывшая жена поэта Казарина, стала в «перестройку» переводчицей и перебралась в Бирмингем пожить замужем за одним электриком. На свадьбе Верников единолично оккупировал ее нового супруга, а уходя, спрашивает с самодовольной улыбкой:

— Ну как тебе мое произношение?

А тот, не подозревая о его амбициях, честно отвечает:

— Как у СЕНЕГАЛЬСКОГО РЕПАТРИАНТА ПЕРВОГО ГОДА НАТУРАЛИЗАЦИИ!..

С тем и отчалил с новой женой в свой Бирмингем.

Я нехотя спускаюсь под землю, но, помедлив минутку и понадеявшись, что они уже пресытились ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКОЙ, снова наверх выхожу.

Смотрю: не идет ли кто навстречу?

Никто не идет.

Тогда я во второй раз ныряю в метро. Прохладный ветерок дует из тоннеля. Далеко под землей что-то гудит и рокошет. Красный глаз светофора глядит на меня напряженно. Я хожу по перрону, а потом, повстречав своего земляка Шестакова, снова вылезая наружу за компанию с ним.

— Как дела? — говорю.

— Ничего дела, — говорит.

В третий раз я доезжаю до станции «Динамо», но тут в вагон заходит Дима Кондрашов из Бюро судебно-медицинской экспертизы со своей женой Светой (тоже, кстати, репетитором). И я, разглагольствуя с ними о расценках на репетиторские услуги, возвращаюсь назад. Милиционер на станции «Проспект Космонавтов» начинает коситься на меня подозрительно. Не ожидать ли ТЕРАКТА?! Мысленно составляет мой ФОТОРОБОТ.

Еще полчаса минуло.

Все-таки, думаю я, меряя местный метрополитен шагами, уезжать мне не хочется никуда!

Охота хоть ухо к земле приложить — лишь бы убедиться, что Инне там не наболтают лишнего!

Ну а дальше сюжет — как в сериале «Лунный свет» (уж не помню, какая серия). Где Брюс Уиллис заявился за столик к партнерше по детективному бизнесу и ее жениху-астронавту, дабы компанию нарушить, и напился. Отчего астронавту приходится его домой везти. Что, впрочем, не помешало ему впоследствии назад вернуться...

В общем, я шагаю в ДК металлургов и нахожу всю ДЖАЗ-БАНДУ в баре за столиком. И вижу: залетный бас-гитарист заливается соловьем, а сам тем временем МОЮ Инну за талию приобнять нацелился. А она, сжавшись воробушком, перечить иностранным домогательствам не считает возможным. И становится мне ОБИДНО ЗА ДЕРЖАВУ — раз практика ЯЗЫКОВАЯ, зачем руки-то распускать?!

Инна с помрачневшим лицом поднимается мне навстречу:

— Что случилось, Саша?..

— Ты знаешь, — говорю ей преувеличенно безмятежно, — я где-то здесь КЛЮЧИ ПОТЕРЯЛ от дома своего, а потому I AM BACK!.. Не подумай только, что я за тобой слежу!.. — Покупаю бутылку шампанского, в котором много-много пузырьков, и присаживаюсь за их стол без объявления войны. И привожу с собой еще парочку подвернувшихся соотечественников. То ли мужа с женой, то ли брата с сестрой, то ли, как говорится, БОЙФРЕНДОВ. Обеспечивая перевес РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ.

А потом — шучу и балагурю, демонстрируя неприятелю широту души и отечественной природы. Посылаю глазами молнии направо-и-налево. Швейцарцы натужно смеются, как шведы под Полтавой, ибо не понимают, чего ради я разрушил им интимную обстановку. На остроты мои не реагируют. Да и я с целым ДЖАЗ-БАНДОМ на открытую конфронтацию не иду. Даже наоборот: ради РАЗРЯДКИ НАПРЯЖЕННОСТИ дарю всем в качестве ПРЕЗЕНТА по пластмассовому скелетику — прозрачный намек! — непонятно зачем купленному вчера на железнодорожном вокзале. Такими-де будут ваши ТЕРМИНАТОРЫ опосля нашего ПРЕВЕНТИВНОГО ЯДЕРНОГО УДАРА!

— Ну а вы не стесняйтесь, — науськиваю я своих случайных союзников, приглашенных мною с бухты-барухты, — напивайтесь на здоровье! А то эти четыре заезжих хрена по-нашему не понимают и позволяют себе моих подруг лапать при мне! Так не доставайся же ты никому!..

Тем временем Инна МОЯ (как я полагаю, но ничего ей про то не говорю), поникши, в тарелку смотрит. Швейцарский бас-гитарист спрашивает у нее, какие проблемы, мол?

И она шепчет испуганно:

— NO PROBLEM!

Заученное у репетитора Лилии Альфредовны в Монтажном техникуме.

Так мы и сидим, пока бар не запирают на ночь. Тогда музыкантов усаживают в автобус, везти их на ужин в гостиницу. Куда они тянут с собой МОЮ (как я по-прежнему полагаю, но вслух не говорю) Инну и ее подругу Лейкину. А я тяну их за те же руки в обратную сторону.

Мизансцена из романа «Идиот».

— Вы, — вопию, — со мной уйти обязаны! Ты же НАША! В смысле — МОЯ!!!

Все замерли в ожидании.

(Был у меня знакомый Паша, по жене Никитин, а по первоначальной фамилии — Лупей. Который приходил в подвал к поэту Б. У. Кашкину с женой Маргаритой. Где к ней всякий раз клеился просаживавший там свои НЕТРУДОВЫЕ ДОХОДЫ Лева по фамилии Фельдман. И Паша всякий раз на приставания Левы реагировал преувеличенно неадекватно — не мог усидеть спокойно и порывался с Левого подраться. И лишь однажды он оказался на высоте положения — спокойно взирал на Левины пьяные ухаживания, после чего изрек заготовленное:

— А УЙДЕТ ОНА СО МНОЙ!

С чем, понятно, сложно было не согласиться.)

Только Инна МОЯ со мной идти не собирается!

Хотя я и настаиваю на том во весь голос!!!

— Зачем ты за мной следил?! — гневно отвечает она. — Я — СВОЯ СОБСТВЕННАЯ! — Хватает подругу Лейкину и запрыгивает в автобус, на вражескую мне территорию.

И уезжает.

.....

Чего тут сказать-то?

Глаза мои сразу потухли.

И молнии метать перестали.

Да и рассказ наш (так же как и роман) на этом можно было бы закончить.

Потому как в самом несчастном расположении духа — не помню уже, в который раз — я спускаюсь в метро, где вижу знакомого подозрительного милиционера, и твердо собираюсь поставить в данном повествовании точку...

Но тут встречаю двух моих новых знакомцев, которых я пятью минутами ранее напоил шампанским. То ли брата с сестрой, то ли мужа с женой, то ли, как говорится, БОЙФРЕНДОВ. В таком развеселом состоянии, в каком в метрополитен обычно не пускают.

— Стоило ль расставаться надолго?! — горланят они, едва удерживая себя на ногах. — А где НАШИ, в смысле ТВОИ девушки?..

— Оказалось, что девушки не мои, а СВОИ СОБСТВЕННЫЕ... — сообщаю я им уныло.

Мы садимся в пустой вагон, и Таня (которая, как выясняется, училась в школе вместе с нашим депутатом Зяблицевым), уложив на сиденье своего-таки мужа, говорит:

— Да ладно тебе горевать! Напоил ты нас шампанским — получай за это совет! Живи не как получается, а как тебе надо! По собственному хотенью. И не отчаивайся... Сколько ей лет? Девятнадцать? Да она ничего еще в своей жизни не ценит. Живет будущим, как все нормальные люди в ее годы... Но ты-то! Ты зачем ее отпустил? Раз отпустил, значит сам того хотел. Не захотел бы — не отпустил! Сам пожелал себя пожалеть и несчастным почувствовать. А так нельзя! Если я знаю, что МНЕ мой Вася нужен, что бы он там ни говорил: нам-де надо отдельно пожить, я сделаю, как мне выгодно!..

И далее:

— На жалости к себе далеко не уедешь. А раз так, необходимо идти до конца. Не убежать и не сдаваться! Своего добиваться. Делать, что ТЕБЕ хочется! А не душить душевные порывы!..

А потому, едва успев заскочить в самый последний поезд, мы (уже втроем) пересеживаемся и катим в обратном направлении. В привокзальную гостиницу «Свердловск» (за разговором я на всякий случай выпытал, в каком отеле их поселили). Таня своего пьяного Васю на шее волочит.

Про себя я ноту протеста сочиняю, но, приехав в гостиницу, с притворной улыбкой подхожу к окну администратора и, вытащив удостоверение с надписью ПРЕССА, говорю самым доброжелательным тоном:

— Подскажите, пожалуйста, не вернулись ли с ужина НАШИ ШВЕЙЦАРСКИЕ ДРУЗЬЯ?

И администраторша, так же мило улыбаясь, информирует, что те только что подъехали и, не ужиная, поднялись наверх. Всем квартетом.

— Как это?! — переспрашиваю. — Их должны две наши журналистки сопровождать!.. Они непременно обязаны с ними быть...

Нет, говорит администраторша, посторонних не проходило...

Самочувствие мое тут же подпрыгивает наверх. Не такие хреновые они музыканты, оказывается! Инна неподалеку от вокзала живет у бабушки, вместе со своей подругой Лейкиной. Ей просто по пути было! И стало быть, она — ОПЯТЬ МОЯ без аннексий и контрибуций!

— Так поехали по домам! — заключает компания у меня за спиной. — Вот только метро уж не ходит...

— Раз приехали, надо обмыть мирный процесс, — предлагаю я, позабыв недавние реваншистские планы. Я сам — в душе музыкант и даже ездил года три все с тем же Б. У. Кашкиным по разным городам и весям, где барабанил как умел.

Заплатив охране 50 тысяч рублей (за проход после 23:00), мы поднимаемся наверх на FIVE MINUTES и сидим в пустом гостиничном буфете с незадачливыми охотниками до наших дам. Нашей Тане швейцарские писатели DURRENMATT и MAX FRISCH известны. А им — MATRIOSHKA, IZBUSHKA и BALALAIKA. И даже мои знакомые бомжихи-художницы Ева с Терезой. Швейцария — страна размером с почтовую марку...

А наутро в знак примирения я покупаю Инне привычные атрибуты моего к ней расположения — розочку и банан — и, выловив ее не менее прохиндейским манером на занятиях по дирижированию, говорю:

— Извини, я вел себя как идиот!

Благо вчерашний квартет сегодня утром уже укатил восвояси.

Инна стоит за дирижерским пультом, сжимая банан, и объясняет, что сказала я ей вчера не те слова. И она тоже не так себя повела... И когда они подъехали к гостинице, подстриженный под Бандераса бас-гитарист сказал ей басом:

— Пойдем со мной...

Точнее — то же, только в обратном переводе.

А она ответила:

— Нет.

Тогда он спрашивает:

— Почему?

И она сказала:

— BECAUSE.

Потому что никак иначе отказывать иноземным посягателям пока не умела.

Упущение репетитора Лилии Альфредовны. Ошибка резидента.

Которая подозрительно называет Инну ИНЕССОЙ.

И допытывается периодически, не ЕВРЕЙ ли я?

Мы сидим у фонтана. Слушаем, о чем родные вороны каркают.

— Ты пойми, — вразумляю я ее, — на чужбине жизнь не такая алогичная, как здесь. А как у биороботов или робокопов! Если утром ты сказала YES на приглашение, скажем, в кино, значит вечером отказаться от более соблазнительного предложения уже не вправе... Это тебе не Каменск-Уральский, где чего хочю — то и ворочу!

— Все равно, — твердит Инна заносчиво, — заруби на носу: я — СВОЯ СОБСТВЕННАЯ!

НЕ ПОНИМАЕТ РУССКОГО ЯЗЫКА, как говорила моя мама, если я ее в детстве не слушался.

Ну и ладно.

Потому как — полагаю я полгода спустя — она меня все-таки любит.

Пала жертвой массового гипноза.

Хотя и сейчас вспоминает порой словечки, заученные тогда на потребу за границе:

MAY BE,

O'KEY

и

HAPPY END. ■

Александр ШАБУРОВ — художник-концептуалист, снискавший всероссийскую и международную известность как создатель группы «Синие носы» и автор скандальной работы «Целующиеся милиционеры» (между прочим, работы вполне традиционной в рамках так называемого актуального искусства — заставляющей вспомнить канонического Милицанера Д. Пригова и монументальный поцелуй взасос Брежнева с Хонеккером Д. Врубеля). Подлинный клоун-ский дар большая редкость — и читатель «Вестника Европы» получает возможность оценить незаурядные литературные способности Саши Шабурова в публикуемых нами главах его документального романа. Полную авторскую версию редакция планирует разместить на сайте журнала: www.vestnikevropy.com. *Ред.*

ДЕРЕВО СМЕРТИ

Рассказ

Ашот АРШАКЯН

Первое сентября. Я в белой рубашке, пугливый, с букетом красных гвоздик сижу за партой. В класс заходит Нинель Давыдовна. Мы ее еще не знаем. Просто маленькая женщина в черном, ненамного выше первоклашки. Лицо ласковое. Лидия Александровна — классный руководитель — строит мальчиков в шеренгу. Нинель Давыдовна просит каждого повторить традиционную распевку:

— Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю...

Если дети фальшивят, улыбка исчезает с ее старого лица, в огромных очках, она в привычном жесте тянет палец к уху, как будто хочет его прочистить, опять улыбается, показывая коричневые зубы, говорит: «Спасибо», и подзывает следующего.

Я пою:

— Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю...

Меня берут меня в концертный хор.

Перегон между станциями «Волгоградский проспект» и «Текстильщики». Поезд метро выезжает из тоннеля на поверхность. Я стою у дверей, прислонившись к поручням. Я получил двойку. И теперь мне надо всматриваться в кроны деревьев за мостом. Если разглядеть за ними вывеску кинотеатра «Молодежный», родители не будут ругать. Способ проверенный. «Молодежный» — один из моих божков. Но если от «Молодежного» мне всегда что-то нужно, то дереву смерти мы с Мазановым служим бескорыстно. Ничего не просим, только мучаем.

Прогуливаем продленку. У главного входа Цыпленков и Коновалов пытаются младших. Мы с Мазановым выходим на улицу через небольшую дверь под лестницей. Там стоит пианино с вырванными молоточками, Мазанов проводит по толстым струнам алюминиевой расческой: раздается резкий восходящий звон. Лопаты для снега, метлы. Алдын, школьный сторож, слушает радио в каморке. Ходят слухи, что он алконавт.

Я бью кулаком Мазанова в плечо и в живот. Он отмахивается расческой.

— У нас ведь нет хора сегодня? — спрашивает он.

— Есть. В шесть вечера.

— Пошли к дереву!

Мазанов переваливается через решетчатый забор. Я кидаю ему ранцы, перелезаю сам. Сворачиваем в проулок. Около высокой кирпичной стены — дерево смерти — старый тополь. На уровне взгляда кора разошлась, образовав отверстие с толстыми закругленными краями, похожее на перевернутый глаз. Внутри светлеет голая древесина.

Мазанов достает из ранца кухонный топорик на длинной деревянной рукоятке: с одной стороны, зубчатый молоток для отбивных, с другой — лезвие. Я вооружаюсь ножом. Мы принимаемся кромсать дерево. Мазанов подрубает корень. Я тыкаю ножом куда попало. Мазанов орет:

— Получай, сука!

Я тоже кричу. Мы останавливаемся, только если мимо проходят люди.

Потом отлавливаем насекомых и разделяем их на выступе кирпичной стены. Останки сбрасываем на паутину за решеткой подвального окна или хороним у дерева смерти.

В Большом театре хор будет петь «Славься» в конце оперы «Иван Сусанин». Берут основной состав.

Репетиция в малом зале. Коридоры обиты деревом. Нас ведут колонной по паре. Рядом со старшими Нинель Давыдовна ставит младших, чтобы не болтали.

Одиннадцать вечера. Дискантов на улице ждут родители с газировкой и бутербродами. В Большом театре — большие двери.

В зале суета. Подметают. Мокют. Приносят и уносят реквизит.

Поем хорошо.

Генеральная репетиция. Нас одевают в белые простыни и выдают по толстой свече. Во время оперы их зажгут. Нинель Давыдовна предупреждает, чтобы мы пели, высоко подняв подбородки, а то задует пламя.

Меня и Мазанова не берут в основной состав.

На перемене Мазанов водит алюминиевой расческой по оконному стеклу. Визг на весь коридор. Мимо проходит Цыпленков.

— Ща по морде!

Мазанов продолжает скрипеть. Цыпленков дает ему с размаху в лицо.

После уроков продленка, затем репетиция.

Каждый день вместо продленки мы бегаем к дереву смерти.

Кора тополя в дырках, они быстро темнеют и затягиваются. Толстый корень, выпирающий из земли, почти пере-рублен. Но держится. Нижняя его часть слишком глубоко.

Коновалов отнимает у меня бутерброды с сыром и ест их.

Мы с Мазановым сидим в автобусе рядом с Красной площадью. Из окна видно, как устанавливают колонки и прожектора около памятника Минину и Пожарскому.

Будем петь под фонограмму «Славься».

Хор мальчиков расставляют под памятником и освещают прожекторами.

Через площадь рядом с Историческим музеем поет хор девочек Попова.

Первый раз мы не стараемся.

Мазанов после хора оставляет открытым окно в коридоре на втором этаже. Вечером мы должны проникнуть в школу по пожарной лестнице.

У меня с собой пакет ряженки и батон хлеба.

Потом мы убежим из дома.

В восемь вечера темно. В каморке Алдына горит свет, но сторож спит пьяный. Я лезу первым, толкаю створку окна, и она ручкой бьется о внутреннее стекло.

В коридоре тихо. Мы стоим на гранитном подоконнике, об который только сегодня я сточил и герб, и решку на темно-желтом пятачке 1961 года, теперь отполированная монета лежит в верхнем кармане школьного пиджака, протертого лямкой от тяжелой сумки с нотами. Я вспоминаю, что надо учить блюз Сасько для творческого отчета в «Известиях».

Мазанов спрыгивает с подоконника, крадется к туалету.

Открываем краны. Струю на пол надо пускать неслышно, в зазор между умывальником и стеной.

На первом этаже за пластиковым стеклом — расписание. Мазанов обливает стенд растворителем, поджигает.

Бежим из дома к трем вокзалам. Бродим среди ларьков с порнографией и выкидными ножами. Доедаем хлеб, ряженку, расходимся по домам.

По дороге я высматриваю вывеску кинотеатра «Молодежный» в кронах деревьев за мостом. Дома вру, что был хор. Родители верят.

С утра, в школе, нас не кормят. Только на продленке в столовой появляются булочки, чай и сырки в шоколаде.

Полы в коридорах мокрые. Классные руководители проводят беседы. Директриса ходит по классам и каждому хулигану заглядывает в глаза. Хулиганы молчат.

К метро не пройти. Демонстрация. Милиция перекрыла заграждениями арку, которой заканчивается Палашевский переулок. Пытаемся протиснуться — не пускают.

— Через дворики!

Я еле успеваю за Мазановым, проход на Пушкинскую площадь рядом с бывшим кафе — перекрыт.

Обходим еще дальше.

Восемь вечера. На улице никого. Бежим по Тверскому бульвару.

За спиной усиливается гул. Сзади толпа. Я вдруг падаю, цепляюсь за что-то ремнем, и он, непонятно как, сползает с брюк. Мазанов замечает натянутый между деревьями трос. Я поднимаюсь, забыв о ремне, бегу за Мазановым.

Улица Горького. Людей с плакатами и флагами с проезжей части теснит милиция.

Мазанов предлагает пилить дерево смерти ножовкой.

На торжественное открытие первого ресторана «Макдоналдс» в СССР приглашены двадцать два миллиардера и концертный хор Капеллы Мальчиков.

Когда мы споем, можно будет съесть сколько угодно.

Нинель Давыдовна боится, что мы набросимся на еду и опозоримся.

Ванильный коктейль — очень вкусный. Биг-мак — очень вкусный. Картошка — очень вкусная. Филе-о-фиш — очень вкусный. Кока-кола — с настоящим льдом. Гамбургер — очень вкусный. Мороженое — плохое.

Миллиардеры — обычные люди.

Нинель Давыдовна — сука.

Когда мы свалим дерево смерти, умрут: Коновалов, Цыпленков, Нинель Давыдовна, Лидия Александровна и директриса.

Когда упадет дерево смерти, не станет Капеллы Мальчиков.

Мазанов принес ржавую ножовку и треугольный напильник. Отец показал Мазанову, как точить ножовку. Надо провести напильником по каждому зубцу, с двух сторон.

Вместо уроков всех школьников и учителей собирают в спортзале.

Директриса говорит, что двоих учеников видели вчера стоящими на коленях перед очередью в «Макдоналдс», они просили жвачки у иностранцев.

Я добываю электричество на хоре. Если потереться задом о школьный стул, а потом прикоснуться к заклепке, которая крепит деревянное сиденье к металлическому каркасу — ударит током. Мазанов тоже добывает электричество.

— Встать! — велит Нинель Давыдовна. — Вон отсюда, быдло! В хор «Б»!

В ларьках продают сладкие ликеры разных цветов. Мазанов любит молочные, а я предпочитаю зеленый яблочный ликер в литровых бутылках, его можно пить стаканами в туалете.

Младшие стоят за дверью и шепчутся:

— Там эти... Мазанов: старшие!

Мы пилим дерево смерти по окружности. Выпиливаем куски. В двух-трех местах приблизились к сердцевине. Когда дует ветер, дерево скрипит, но не поддается. Мазанов предлагает залезть повыше и раскачаться.

Я становлюсь ногами в пропил, обнимаю ствол. Мазанов забирается мне на плечи, дотягивается до первого сука, помогает мне. Лезем выше. Раскачиваем.

Дерево смерти ложится кроной на красную кирпичную стену.

Срываясь, я вдруг понимаю, что это задняя стена одного из зданий, в которых размещается музей Революции.

Ни Капеллы Мальчиков, ни Нинель Давыдовны, ни Цыпленкова, ни Коновалова, ни Лидии Александровны, ни директрисы...

Белорусский вокзал. Я опомнился. Мазанов лежит на полу в бытовке. Я сижу за столом: домино, пепельница, стаканы, сок, водка, красное лицо обходчика путей, еще одно. Кто-то толстый, похожий на Цыпленкова, сидит верхом на беспомощном Мазанове и издевательски шлепает ладонями ему по щекам. Мазанов, верно, виноват.

Но все-таки Мазанов — мой школьный друг.

Я встаю. Кто-то в синей спецовке бьет меня в лицо. Я падаю на стол, хватаю бутылку водки, разбиваю. В руке — розочка.

Пахнет спиртом. Обходчики путей пугаются. Мазанов сталкивает толстого.

Бежим на площадь. Поздно. Темно. Метро закрыто.

У входа собираются бомжи, шпана. Лучше уйти.

Угощают.

Мазанов качается, но пьет. Я тоже.

Рядом кто-то хвастает связкой церковных свечей и раздает всем, кто подходит.

Вскоре под колоннами светлеет.

Мазанов негромко начинает петь:

— Сла-а-вья, славься... ■

Ашот АРШАКЯН — тридцатилетний студент Литинститута, чье детство пришлось на годы «перестройки». Живет в Москве.

ВСЕ ТАК И БЫЛО!

Цикл рассказов

Антоний НАУКИН

* * *

Пришел к нам парень на завод. Нормальный, работающий. Ванькой звали. Сразу в коллектив влился, по две нормы пахал. Бабы, я скажу, от него кипятком ссали. Все за ним. «Ванечка, то...Ванечка, сё...» А он от них нос воротит. Влюбился, значит, в бухгалтершу. Она баба красивая, все на месте, но стерва, каких поискать. Он за ней ухаживал, шоколадки дарил, в кино приглашал. Она к нему на свидания ходила, конечно, но вид делала, как будто ее на картошку посылают. Все-то ей не так, все-то ей не эдак. И говорит она, значит, Ваньке: «Я бы была полностью уверена в ваших словах, если бы вы, Ваня, меня замуж позвали». Понял, да? Ну, а Иван возьми да и предложи ей руку и сердце. Мужики его отговаривали: «Да на кой она тебе сдалась? На, лучше еще накати». А он остограмится и кулаком в грудь себя бить начинает. Люблю ее, хуе-мое. Так и женился.

Тут-то она с него веревки вить и начала. «Ваня, отведите меня в театр». «Ваня, купите мне сапоги». «Ваня, почему у всех машины есть, а у нас нет?» Он ей и сапоги, и шубу, все делал. А ей мало все. Когда денег стало не хватать, он на вторую работу устроился. Сторожем. Прикинь, днем пашет за станком, ночью склад сторожит. Домой приходит только, чтобы деньги отдать. А она ему: «Ваня, вы меня разлюбили. Вы все время на работе. Не можете уделить мне минуточку». А он только руками разводит. Виноват, мол. И опять на работу.

Высох Ванька весь. Бледный стал. По заводу ходит, никто его не узнает. Лицо синее, щеки впалые. Смотреть страшно. Даже с мужиками пить перестал. Ну, и задумал тогда эту пакость.

Во дворе его бабка жила. Ну, и все знали, что ведьма она. Ходили к ней, чтобы приворожить, отворожить там. Девки молодые особенно. И самое интересно, что работала ее магия. Говаривали, что она дочку новорожденную отдала, чтоб мастерству этому научиться. Ванька, значит, к ней пошел. Пришел и говорит:

— Тетенька, говорят, вы все можете, помогите. А то пропаду.

— А в чем дело? — она спрашивает.

— За женой ухаживать не получается, — плачется Ванька ей.

— Ты, — говорит, — парень молодой, всяко бывает. Чем тебе помочь? Я не знаю. Хошь, возьми женьшеня корень.

Он энти дела поправляет.

— Да нет. С этим все в порядке. Вся проблема в деньги упирается. Пашу, как мерин, а денег все мало. Ты должна знать, как это делается, мать. В общем, я душу пришел продать.

Нахмурила бабка брови. Посмотрела пристально.

— А ну иди отседова. И дорогу забудь, — шипит на него.

— Не могу, мамаш, — Ванька в ноги падает. — Пропадаю.

Встретились глазами, и говорит бабка:

— Ладно. Я способ знаю. Но учти: обманет тебя лукавый. Пожалеешь.

А он:

— Все, что хочешь, сделаю. Только помоги. Ни о чем жалеть не буду.

— Слушай тогда: пойдешь в полночь на кладбище. Найдешь могилу без имени. Встанешь на нее. Плюнь три раза и заклинание прочитай, — и протягивает ему листочек со словами.

Ванька ей в ноги:

— Матушка, ой спасибо, ой спасибо.

А она:

— Сейчас благодаришь, потом проклинать будешь.

Дождался Ванька полночи. Пришел на кладбище. Все сделал, как бабка сказала, и заклинание прочитал. Задрожала земля под ногами. Открылась могила, а из нее свет. Красный, словно из печи. Удар грома раздался, и перед Ванькой сам сатана встал. Поправил галстук и говорит:

— Если зря позвал — накажу. Если по делу, то награжу.

— Купи душу, сатана, — Ванька ему.

— Что хочешь?

— Хочу, чтоб жены моей желания все исполнялись.

— Идет, — диавол руки потирает. — Душа с собой, или кредит оформим?

Ванька стоит, дураком смотрит:

— Не понимаю я по-вашему. Бери все, что хошь, но чтоб желание тут же действовать начало.

— Замечательно. Отныне, чего у тебя жена вслух не попросит, все исполняться будет, — сказал диавол и сгинул.

Ванька постоял чуть-чуть ошарашенный и довольный домой пошел. «Ну, — думает. — Выгодно получилось. Теперь работать не надо. Скажу жене, чтоб вслух чего ни попросила, тут же все появится».

Взбежал по лестнице, дверь открывает, а она ему с порога:

— Явился, сукин сын! Где тебя всю ночь носило?! По бабам, небось, шлялся. Да чтоб ты сдох, кобель.

Ванька тут же упал и помер.

* * *

Задумал один мужик ремонт сделать. Все соседи уже сделали, только он один в ободранной квартире живет. А чтоб сэкономить, нанял цыган. Они к нему пришли, квартиру осмотрели и цену назначили раза в три ниже, чем другие рабочие. Но бригадир цыганский ему говорит: мол, есть одно условие. Они с бригадой только по ночам работают, и, чтоб хозяевам не мешать, попросил их съехать. Подумал мужик, да и согласился. Еще бы, такая выгода. Правда, переехать к теще пришлось, но ради такого дела он решил потерпеть. Спросил он у цыган, когда за материалом строительным ехать. А они говорят: не надо ничего, у нас все есть. Еще больше мужик обрадовался. Тещу даже расцеловать был готов.

Ну, и живет, значит, у родственницы. Неделя, вторая пошла. Стало мужику интересно, как там ремонт его движется, не халтурят ли его рабочие? Прокрался он ночью к своим окнам и заглядывает в них. Цыгане черные все, ходят по квартире, работают молча. И тут вдруг бригадир останавливается и говорит:

— Чую я, человеческим духом пахнет, — и клыки у него изо рта вылезают.

Испугался мужик. Думает: «Меня унюхали. Сейчас съедят». И тут стук в дверь раздается. Бригадир дверь открывает, а там сосед стоит.

— Вы чего шумите посреди ночи! — возмущается. — Людям на работу вставать! И вообще, строительные работы только до шести вечера проводить можно.

— Какие работы? — бригадир удивляется. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— А ну, дай зайду, — сосед говорит и в квартиру прорывается.

Зашел и видит: везде инструменты валяются, раствор в тазиках замешенный стоит, кирпичи стопкой сложены. Загорелись глаза у соседа. Поймал с поличным нарушителей спокойствия. Только он хотел сказать, что сейчас в ЖЭК пойдет звонить, как на него цыгане прыгнули и убили. И тут же, на месте, давай его тело мертвое есть и кровь пить. Обглодали всего, а кости стали в стены вместо арматуры замуровывать.

Увидел все это мужик и похолодел от страха. Побежал от дома своего, не оглядываясь. «Вурдалаков нанял, ду- рень, — корит себя. — За копейкой погнался». Ложится в кровать к жене, а у самого перед глазами цыгане стоят. «Ну, да ладно, — думает. — Стерплю как-нибудь. Да и сосед мне этот никогда не нравился. Ворчливый больно. Был».

Пошел мужик на вторую ночь посмотреть на работников. Притаился за окном, а бригадир опять:

— Чую я, человеческим духом пахнет.

Затряслись коленки у мужика. «Все, — думает. — Сейчас меня съедят». Тут звонок в дверь. Второй сосед стоит.

— Что за шум посреди ночи? Понаехали тут, гастарбайтеры!

— Позвольте, — бригадир говорит. — Посмотрите сами. У нас тут все в порядке.

Завел его и в шею вцепился. Горло перегрыз, а кровь в таз слил. И стали цыгане кровью соседской стены грун- товать.

Мужик смотрел-смотрел, да и дал стрелача. Прибежал домой, лег в кровать и боится. Думает: «Может, жене все рассказать? Но она ж бестолковая: шум поднимет, разбираться пойдет. И ее эти нелюди слопают. Нет. Уж лучше мол- чать буду».

Пошел он на третью ночь в окна собственные заглядывать. Опять бригадир запах учуял, но мужик уж не боится, звонка в дверь ждет. И точно, пришла соседка жена.

— Где супруг мой? — говорит. — Он к вам вчера ушел и до сих пор не вернулся. Вы его тут, небось, водкой поите?

— Мадам, — улыбается ей бригадир. — Мы люди непьющие. Но если не верите, то проходите и гляньте.

Только она зашла, набросились на нее цыгане и с живой кожу сняли. Труп съели, а кожу вместо обоев на стену клеить стали. Бригадир рабочих подгоняет и приговаривает:

— Скоро объект сдадим, вот тогда, ребятушки, и наедемся всласть.

Понял мужик, что его с женой они съест хотят. Пришел домой и с тяжелой мыслью на душе спать лег.

Наступил день сдачи. Мужик сидит весь бледный и не знает, как ему цыган перехитрить, чтоб живым остаться.

Подходит к нему теща и спрашивает:

— Ты чего пригорюнился, зятек? Лица на тебе нет.

— Что-то с сердцем плохо, — мужик отвечает. — А еще надо идти работу принимать у цыган. Может, вы, мама, сходите?

— Отчего же не сходить-то. Схожу. А ты ложись и валокординчику выпей.

Дал мужик теще деньги, чтоб цыганам передать, а сам, как только она ушла, по пятам побежал. Посмотреть, чем дело выгорит.

Заходит теща, оглядывает работу проделанную, нос для виду воротит. А бригадир так и увивается возле нее. Ждет, пока она ему деньги за работу отдаст. Побранилась теща маленько, да и отдала денежки. Тут-то на нее цыгане и набросились. Сожрали так, что ни крошечки не осталось. Но как начало их вдруг пучить и крючить, так на месте все разом и издохли. Отравились, значит.

Вот так мужик и денег сэкономил, и ремонт диковинный сделал.

* * *

Был у меня сосед Ложкин. Сосед как сосед. По будням работает, по выходным пиво с мужиками дует или полочки к стене прибивает. Жена у него была. Обычная такая соседская жена. Ходит по двору в халате и в бигуди, на лавке семечки лузгает, всё про всех знает. Были у них и дети. Мальчик и девочка. Самые детские дети. Играют в песочнице, коленки шкрябают, бездомных щенков в дом тащат. Всё вроде как у всех. Любятя-ругаются-мирятыя-любятя. Но один раз Ложкин с женой так поругался, что отказался наотрез с ней разговаривать. Такое у всех, конечно, бывает. Обидишься, надуешься, день-два помолчишь, затоскуешь, да и сам первый мириться идешь. Но что-то, видать, задело Ложкина за живое. Ни в какую мириться не хотел. И жена ему уступать не желала. Так и воротили нос друг от друга.

Неделя прошла. Две. Ложкин себя как примерный муж вести стал. Домой вовремя приходит, зарплату до ко- пеечки отдает, не пьет. Хотел видом своим показать, какой он персонаж положительный, а жена, ведьма, обижает его почем зря. Но без результата все. Не хочет жена капитулировать. Разговаривали только на официальные темы. «Дорогая, передай соль, пожалуйста». Или: «Ложкин, забери детей из садика». Сосед уж и сам не рад, что войну с супругой затеял, но сдаваться не хочет.

Позвали мы его раз выпить с нами. Позвали, как культурные люди, в надежде на то, что он, как культурный человек, откажется да домой пойдет. А он возьми да и согласись. «Мне, — говорит, — дома все равно делать нечего. Опять, что ли, в молчанку играть? Наливай, братуха». Крепко тогда напились. Ложкин с утра просыпается, голова трещит, во рту коты нассали, думает: «Сейчас-то развяжется моя мегера, пилить начнет». А мегера и глазом не повела. Ходит как ни в чем не бывало и молчит. Увидел в этом для себя сосед большую выгоду. Стал, как раньше, по выходным поддавать. С утра-то все равно никто ругать не будет. Жена тоже не будь душой, стала на работе с подругами задерживаться. Придет подшофе, на мужа зыркнет злобно и мимо него в комнату уходит. А Ложкину и сказать ей нечего. Знает, что сам пример подал.

Но время идет. Ложкин вроде пообвыкся в новых условиях семейной жизни, один лишь нюанс ему покоя не дает. А именно супружеский долг. Трудно очень жену к нему склонить, если не разговаривать-то. Терпел сосед, терпел, да и познакомился как-то с женщиной порочной. Она его охмурила и пьяного в койку свою затащила. Проснулся Ложкин в объятьях красавицы этой и ужаснулся. «Ну, наделал дурень делов», — думает. Вылез он из кровати, извинился перед дамой: дескать, простите, но я женат. Нужно мне домой возвращаться. Оделся и вылетел пулей от нее. Домой пришел на трясущихся ногах. Ждет удара по голове сковородой. Но жена спокойно так себе детишек завтраком кормит, а на него не глядит. Расслабился Ложкин. Сел на диван. Телевизор смотрит. А жена под вечер накрутилась да и ушла. Всю ночь Ложкин не спал. Ворочался один в кровати. Злился. То на жену, то на себя. Под утро услышал, как жена дверь открывает, да и прикинулся спящим. Вроде как не задело его это даже. А сам чувствует, как через шевелюру жидкую рога прорезаются.

Так и стали они жить. Он с вечера пятницы моется, душится и к любовнице уходит. А в субботу утром, когда возвращается, жена у него эстафету перенимает. По курортам порознь ездить стали. Оба себя оправдывали: мол, живут вместе ради детей. Нельзя им разводом примера подавать. Хотя чувств друг к другу уже и не осталось вовсе. Даже злости за измены не было. Дети меж тем росли, школу заканчивали, в институты поступали. Сын старший окреп, возмужал и привел как-то в дом девицу. «Вот, — говорит, — мои папа-мама. А это моя невеста». Обрадовались Ложкин с женой. Обнимают сына с невесткой, целуют. На скорую руку и свадьбу сыграли. Сидел Ложкин на свадьбе довольный, сытый. Всё на сына поглядывал. Только что-то ему не нравится во всем этом пиршестве. Смотрит на молодых и себя вспоминает. Он-то супруге все на ушко шептал прелести срамные да ручки целовал. А эти сидят, как два пенька, и только под «горько» целуются. А потом слышит вдруг, как сын его говорит: «Дорогая, передай соль, пожалуйста». Тут-то его как током ударило. Вспомнил все годы молчания свои. Дети-то только и слышали от них с женой фразы дежурные. Ни одного ласкового словечка друг другу они за эти годы не сказали. Вот и дети у них такие же выросли. Взглянул он тогда на жену, а она сидит со слезами на глазах и тоже все понимает. Сложил тогда Ложкин руки на стол, опустил на них голову. Сжал зубы до скрежета, слезы полились из глаз, и говорит про себя: «Да что ж это мы дураки-то такие, гордостью своей и себе жизнь испортили, и детям заодно. Господи, если слышишь меня, дай шанс исправить все. Прости душу грешную. Не губи чадо мое». А когда голову поднял, видит, что сидит он в нашей компании, на первой пьянке, с которой все и началось. Сорвался тогда, подскочил — и домой бежать. Дома жене в ноги — бух! Прости, золотая моя, прости за все. Пес я шелудивый. Давай не будем ругаться никогда. Жена обомлела от такой выходки, и тоже к нему на шею. И ты меня прости. Дура я. Так и помирились.

Зажили они, как раньше. Он работает, она детей воспитывает. И все вроде хорошо. Но через полгода где-то застукал Ложкин жену с любовником. Отругал, поколотил, да и выгнал из дому. А потом сидит за бутылкой и вспоминает, что где-то примерно в это же время, в прошлой, так сказать, жизни, жена ему изменять-то и начала. Вот так вот. От судьбы-то оно не уйдешь.

* * *

Работал со мной один сварщик. Лешка. Откуда-то с Урала родом. Из Челябинска, что ли? С женой и ребенком в Москву на заработки приехал. Сначала комнату в общежитии получил, ютился там пару лет, а потом всем приезжим от завода квартиры давать стали в кооперативном доме. Как дом тот заселили, так пошла в нем такая гулянка, что прозвали тот дом «пьяным». С размахом праздновали. Окурков, бутылок валялось по подъездам не счесть. А как протрезвели жильцы немного, то задумались, что должен кто-то это все убирать. Решили выбрать в каждом подъезде по главному. Никто туда особо не рвался. Кому охота говно чужое разгрести? А в Лешкином подъезде баба вызвалась. В возрасте, тучная, глаза блестят. Ну и сделали ее главной. Она пенсионеров и детей организовала порядок в подъезде

Bitte
nicht
füttern

и на улице наводить. Пьяниц песочить стала, чтоб не мусорили. Облагородился немножко подъезд. Мужики стали дома тихонько выпивать или в чужие дворы уходить. Бабульки грядки полют, детки туда цветы сажают. Красота, да и только. Но мало этого управдомше показалось. Стала она всех агитировать ремонт в подъезде делать. Неказистый он, мол, скидывайтесь деньгами, вызовем маляров из ЖЭКа, они наведут порядок. Мужики, отцы семейства, естественно, в позу встали: «Как так? Дом только построили. Живи да радуйся. Не дадим денег». Лешка тоже с ними: «Зачем нам этот ремонт? И так все на месте. Деньги с неба не сыплются». Но управдомша тоже не дура, напрямую с мужиками не спорит, а женам их нашептывает, как хорошо бы им зажилось с новым подъездом-то. Глядишь, один деньги сдал, второй сдал. Через неделю всего несколько квартир в должниках остались. И Лехина в их числе. Но сварщик ни в какую. На принцип пошел. Жена его уговаривает: «Лешенька, милый, давай отдадим деньги. Боюсь я эту управдомшу. Взгляд у нее недобрый. Чокнутая она. Глазищами вращает на нас, когда мы с маленьким гулять ходим». А он: «Не дам, и всё».

Управдомша листовки в подъезде вешать начала: «Квартиры под номерами 3, 6, 9, прекратите саботаж. Сдайте на ремонт». Но Леха парень твердый, сибиряк. То сорвет листовку и в почтовый ящик управдомше засунет, то подожжет. Но один раз заходит в подъезд, глядь на листовку, а про его квартиру ничего не написано. Жена тайком деньги сдала. Без его ведома. Разозлился Леха, но ничего не поделаешь. Обратно уже не вернешь. Остальные должники увидели, что он сдался, и тоже деньги отдали.

И закипел в подъезде ремонт. Шпаклевка, штукатурка. Грязища, рабочие из ЖЭКа пьяные еле двигаются. Краской так воняет, что у всех жильцов головы чугунные. Дети все перемазанные домой возвращаются. Поскорей бы все закончилось.

Не прошло и месяца, как в один прекрасный день ушли рабочие со всем своим скарбом, а жильцы как глянули, так и обомлели. И вправду управдомша их чокнутая оказалась. Стены зеленые, но не тусклые, как в подъездах принято, а яркие. Салатовые почти. Окна вместо белого привычного цвета в коричневый покрасили. Перила синие, ступени красные, как ковровая дорожка. Не подъезд, а радуга. В гостях у сказки. Посмотрели жильцы налево, потом направо, а потом махнули рукой и по домам разошлись. Думали, что кончились их мучения.

Ан нет. Управдомша опять тревогу бьет: надо новые почтовые ящики повесить. «Чем же тебе старые не угодили?» — спрашивают ее. А она: «Портят вид. Поменять нужно». И опять склока пошла. Опять жены у мужей деньги воруют и ей отдают. Вслед за ящиками дверь железная в подъезд понадобилась. На зиму окна утеплять нужно. Конца не видно обустройству подъездному. «Бог с ней, — жильцы думают. — Пусть строит себе, рисует. Лишь бы нас не трогала». Но не тут-то было. Пошла управдомша против курения в подъезде. «Курите, — говорит. — Но у себя на кухнях. Или на балконах. А мне вашим дымом дышать совсем не хочется». И выбросила все пепельницы из подъезда. У всех мужиков под окурки банки стояли из-под кофе или из-под огурцов, а у Лехи настоящая пепельница, другом подаренная. Но и на нее у злодейки рука поднялась. Хотел Леха пойти к ней и поругаться, да вспомнил вдруг, что давно бросить курить хотел. Жаль подарок, конечно, но зато соблазна не будет. Стерпел сварщик обиду, а курить бросил. Вместо сигарет велосипед себе купил. Стал на работу не в автобусе душном ездить, а на коне двухколесном, с ветерком. Велосипед же, чтоб домой не тащить, стал на первом этаже оставлять рядом с колясками детскими. К батарее пристегивать.

Однажды в субботу утром проснулся Леха от криков. Слышит, кто-то в прихожей у него надрывается. Вышел сонный в трусах и видит: стоят жена его и управдомша и лают друг на друга что есть мочи. Он им: «А ну не орать! В чем дело?» Жена фыркнула и на кухню ушла, а управдомша говорит: «Ты мне своим велосипедом весь ремонт испортил!» «Не может быть», — удивляется Леха. Управдомша его в подъезд вывела и показывает на стену, а на стене царапины, прямо по новой краске. «Ты что, дура старая, офонарела совсем? Мой велосипед выше первого этажа и не поднимался никогда». А она: «Ничего не знаю. Это твоих рук дело. Покупай краску и замазывай». Ну, Леха послал ее куда подальше и домой ушел.

В понедельник пошел Леха на работу, отцепил велосипед и... Ба! У велосипеда оба колеса спущены. Проколот кто-то. Понял сварщик, чьих это рук дело. Последней капелькой проколотые колеса стали. Разозлился он и в тот же вечер притащил домой сварочный аппарат. Как только весь подъезд спать лег, вытащил он аппарат и дверь железную управдомше заварил. «Теперь дашь людям пожить спокойно», — сказал и домой вернулся.

Утром следующего дня вышел Леха из подъезда и видит: толчея кругом, милиция, «скорая». Оказалось, что управдомша клаустрофобией страдала. Она когда обнаружила, что из дома ей не выйти, ударилась в панику и с балкона прыгнула. Пролетела семь этажей и разбилась насмерть. Милиция никого на работу не отпускает, дознание проводит. Имеются ли среди жильцов сварщики, имеются ли люди, конфликтовавшие с управдомшей? Выяснилось, что

сварщиков полподъезда, а недоброжелателей и того больше. И все как один жалеют, что сами до этого не додумались. Всех, мол, достала покойная. Милицционеры плечами пожали, да и уехали. Дело — глухарь. Засунули в стол и забыли. Леха, конечно, никому ничего не рассказал, но соседские мужики при встрече стали крепче пожимать ему руку.

Пошла с тех пор жизнь в подъезде своим чередом. Сами мусорят — сами убирают. Главного решили больше не выбирать. Живут радостно, спят спокойно. Один Лешка по ночам не спит. Приходит к нему по ночам управдомша мертвая и мучает. Дай, говорит, денег на краску... Дай... Дай... Зачем дверь мне заварил?... Зачем?... Зачем?... Я тебе не только шины прокалю... прокалю... прокалю...

Леха по утрам встает бледный совсем. На работе все из рук валится, глаза слипаются. Вечером доползет до подушки, а там опять управдомша спать не дает. Измучился Леха совсем. Пошел по бабкам совета просить. Нашептал ему кто-то, что нужно тело мертвеца выкопать и наоборот положить, ногами на запад, чтобы покойник день с ночью перепутал и не выходил больше из земли. Решился Леха, взял лопату и пошел ночью на кладбище. Нашел могилу управдомши злосчастной, раскопал. Покойница лежит, бледная вся, а Лешке чудится, что она вот-вот встанет и говорить начнет: «Сделай ремонт в подъезде... сделай... сделай...» Зажмурился он от страха, но мертвую переложил ногами на запад, головой на восток. А для верности еще и лицом вниз перевернул. Закидал землей, крест воткнул, да и пошел домой. Дома прилег тихонечко и впервые за долгое время выспался. Не приходила к нему больше управдомша. Видать, подействовал колдовской метод.

Квартиру опечатанную скоро продали. Поселилась в ней приятная дама в очках, фармацевт по образованию. Вышел как-то Леха с ребенком во дворе погулять, а новенькая к нему: «Извините, вы из какой квартиры? Вы, по-моему, еще не сдали деньги на домофон?» Заклокотал тут в груди Лешкиной гнев благородный. Взял он чадо на руки и домой бежать. А через три дня съехал с квартиры со всей семьей. Говорили потом, что он квартиру продал, а на полученные деньги дом себе за городом построил. Там-то уж точно его никто не достанет. Ни живой, ни мертвый.

* * *

Сидели мы на прошлых выходных с мужиками в парке. Домино забивали. Подошел к нам мужичонка, приличный с виду, в костюмчике, только помят слегка. «Не откажете ли пригубить со мной по рюмашке?» — говорит и пузырек из-за пазухи показывает. А какой дурак откажется? «Угощай», — говорим. Выпили мы по пятьдесят, потом еще, потом еще... Раздавили бутылочку. А мужик то ли слаб на это дело, то ли на старые дрожжи у него легло, окосел, в общем, немного. Стал про жизнь свою рассказывать.

Был он, значит, еще с советских времен писателем. В кругах литературных вращался, книжки строчил. Только без особого успеха. Богема его не принимала, а книжки и вовсе издавать не хотели. Говорили, много, мол, сократите, или, наоборот, мало, или вообще намек делали, что сейчас печатать такое опасно. Злился писатель на редакторов и рукописи свои в стол прятал. Перебивался тем, что колонку в газете вел.

Как Союз развалился, писателя в солидный журнал пригласили. Статьи попросили писать поглупее, но платить стали больше. Пошел тогда писатель по новым издательствам труды свои разносить. «Ну, сейчас-то напечатают!» — думал. Но и здесь, однако, ему от ворот поворот. Опоздали вы, говорят, сейчас такое уже не читают.

Затосковал писатель, запил. Несколько лет бухал по-черному. А потом огляделся вдруг и видит, что ничего-то в жизни не добился. Ни работы путевой, ни семьи, ни отпечатка в искусстве на будущие времена. Подумал он, да и решил повеситься. Нашел веревку, к люстре привязал, встал на табуретку и... стоит. Обидно вдруг ему стало, что в петлю его загнали, а про него, про врагов его никто ничего так и не узнает. Решил он тогда написать автобиографию свою кратенько, обличить злодеев всех, да и к трупику своему в качестве предсмертной записки приложить. Снял петельку, нашел бумагу, ручку. Сел писать. Да что-то тесно ему на листах бумажных. Автобиография как-никак. Предсмертная к тому же. Одедся он тогда посолиднее, побрился и пошел в магазин. А там, на прилавках очаровательных, нашел себе чудо-агрегат: компьютер переносной! Взял мужик этот компьютер в кредит под бешеные проценты (терять-то все равно нечего) и радостный домой пошел. Дома обложился кофеем, сигаретами и стал писать.

Через недельку закончил писать. «Ну, думает, пора. Надо перечитать напоследок, ошибки исправить, и на тот свет». Но только читает он — и не нравится ему. Скучновато как-то получилось, убогенько. Родился, учился, писал, ничего не добился, редакторы книг не читали, далеко посылали, в петлю загнали. Закурил мужик и думает: «Нужно как-то исправлять биографию, а то даже милиции неинтересно читать будет». Прокрутил он свою писанину в начало и приписал, что не такой он простой, как с виду кажется, а потомок знатного рода. Голубых кровей, так сказать. Тут

телефон у него зазвонил. В трубке женщина ему: «Вы такой-то такой-то?» «Да, я». «Вы, говорит, прапраправнук кого-то там. Наш фонд возвращает наследникам знатных фамилий их регалии. Приезжайте и заберите». Мужик обалдел немало, но делать нечего, поехал. Выдали ему диплом, что он князь потомственный, медальку повесили, да и отпустили с миром. Думает писатель: «Вроде соврал, а оно гляди и впрямь». Только домой вернулся, сразу за компьютер. Написал, что с самого детства мужское достоинство его было недюжих размеров, даже тети родные стеснялись с ним в баньку ходить. Чует, вдруг зашевелилось, задвигалось что-то в штанах. Глядь, а там!.. И понял тогда мужик, что компьютер его не простой, а волшебный. Мечты исполняющий.

Тут-то потекла жизнь у писателя. Из квартирки засранной в роскошные апартаменты переехал, автомобиль иностранный заимел, приоделся, пить перестал. Везучий, собака, стал с тех пор. За книжонки его жалкие теперь все издательства борются и в России, и в Израиле, и в Америке. А он ни тем, ни другим их не дает. Русским старое припоминает, иностранцам говорит, что жалко интеллектуальное достояние с родины вывозить. Самолюбие свое тешит.

Однажды стук ему в дверь. Смотрит он в глазок, а там мужчины незнакомые. Он им: «Чего надо?» А они: «Вы у нас ноутбук недавно купили. А тут выяснилось, что вся партия бракованная оказалась. С вирусом. Отдайте нам его в починку на недельку или другой выберите». Смекнул мужик, что волшебство его забрать хотят, и бубнит через дверь: «У меня нормально все работает. Спасибо, не надо». А гости непрошеные пытливо так: «Точно? Может, передумаете?» «Нет, нет. Все хорошо». Так и ушли хитрецы ни с чем.

Расписал мужик свою биографию на сотни страниц. При таких-то делах грех не расписать. Да только скучно ему стало. Почудить захотелось. Выдумал себе любовницу из самого Парижу. Ему тут же звонок: «Моншер, сильвупле в гости. Вся тоскою. Хочу амур делать. Прилетай первым же рейсом. Адью». Ну, и полетел писатель. Увидел подругу свою и обомлел. Ноги от ушей, грудь необъятная и родинка над губой. Папироску через мундштук курит. Три дня мужик из постели не вылезал. Потом вышел на балкон, глядь, а под ним Елисейские поля. Достал он компьютер быстро и написал про то, как нагадил он на парижскую достопримечательность. Вышел с газеткой, штаны приспустил и сидит себе посреди полей этих самых. А французики все вроде как отвернулись все разом, вроде как случайно. Даже жандармы. Подтерся мужик и понял, что воистину величайшая сила у него в компьютере заложена.

Другой бы эту силу в мирное русло, войны останавливать или детей бездомных кормить, но писатель голову совсем потерял. Про безобразия его даже рассказывать стыдно. Но вот проснулся он как-то утром, включил компьютер, смотрит, а в биографии 299 страниц. «Как так? — думает. — Вчера же ровно триста было?» Стал он крутить рукопись туда-сюда, искать, в чем подвох. А потом видит, что первой самой странички, про детство его обделенное, нету. Удалил случайно, наверное, али по пьяни что не так сделал, думает. На следующий день, открывает, а там уже 297 страниц осталось. Аккурат еще две страницы из начала пропали. Вот где поломка-то сказалась, вирус страшный. Взял он свой аппарат и в магазин бежать. Так, мол, и так. Поломка. Чинить надо срочно. А ему отвечают: «К вам мастера приходили? Предупреждали про вирус? Вы отказались. Вот и пеняйте на себя». Расстроился мужик и домой пошел. Стал писатель целыми днями перед компьютером просиживать, писать, чтобы вирус обогнать. Страшно думать ему, что будет, когда рукописи не станет. Но раз за разом все труднее, все больше страниц вирус съедает, а писать, выдумывать все сложнее. Не спит по ночам, но мало толку. Вот уж сотня страничек осталась. Вот и пятьдесят. Двадцать. Десять. Три. Две. Одна. Зажмурился мужик, сжался весь. Ждет страшного чего-то. Но ни взрыва, ни припадка сердечного, ничего. Открыл один глаз, видит все на месте, только компьютер с экраном черным, не работает больше. Тут же звонить ему все. «У нас в лотерее ошибка произошла, квартиру вы должны вернуть». «У вас в фамилии опечатка, вы не потомок вовсе». И даже детородный орган сморщился на морозе, да больше и не распрявился. Вернулся писатель в свою лачугу, пьянствовать среди стопок рукописей никому не нужных. «Ладно, думает, хоть жив остался». ■

Антоний НАУКИН — студент Литинститута. «Коротко о себе: живу в Подмосковье, 26 лет, музыкант, играю на ударных в панк-группе, работаю строителем, женат, есть сын. До поступления в Литинститут учился в нескольких колледжах, в одном из которых умудрился получить диплом. Ранее нигде не публиковался».

Олег ЛЫШЕГА

МЕДВЕДЬ

Пужинав при свете луны,
сложил аккуратно кости –
маленькую к маленькой,
большую к большой –
на теплой еще земле —
вдруг придет человек, захочет одну из них
просверлить, смастерить дудочку,
чтоб поздороваться с утром.
И все как будто по-прежнему —
темнеет дикий чеснок, сплет ежевика.
Его лапы еще достаточно страшны,
чтоб защитить эту ночь.

ЖАР

Меня все-таки совратил рынок.
Там будет весело, много людей –
можно же что-то и продать.
А у меня несколько необоженных горшков.
Встану завтра пораньше, обожгу их
и после обеда продам.
Утром повалил густой мокрый снег,
но отступить я не стал.
Принялся стаскивать на дно оврага
повалившиеся деревья.
Греб, даже трухлявый снаружи,
внутри был твердым, как кость.
Дерево шипело, дымило — но огонь есть огонь.

Черный, с опаленными волосами,
я наконец отшвырнул в сторону пилу
и выпрямился над раскаленной норой.
(Похоже, это была брошенная лисья...)
Ухало пламя, белели угли...
Узнать время можно было только по солнцу,
но снег шел, не переставая.
Здесь на дне оврага он и длинные мокрые стволы
словно тысячей километров
отрезали мой огонь
от рынка в центре Киева.
А там мои горшки
могли наполниться монетами.
Но, видно, руки, ободранные в кровь,
знали им цену, потому что
решили подарить эти деньги огню и снегу –
единственным свидетелям того,
как меня все-таки совратил рынок.
Может, за подарки простят они мне...
Но, присев подальше от огня,
краем глаза я заметил новых свидетелей –
несколько муравьев, вялых, но все же любопытных,
как и я, издаലെка приглядывались к огню,
настороженно ощупывая нагретую землю.
Для них все это тоже может стать важным.
Вот так же, бродя
у Дальних пещер Лавры,
я однажды увидел в крапиве кость

чуть покрупнее человеческой,
 в ее отверстия шевелился клубок рыжих муравьев.
 Сама судьба послала мне этих покупателей –
 что ж, смотрите, товар готов –
 обугленной палкой разгребаю жар.
 Большой комок — это горшок.
 Он — как человек и одновременно
 как человеческий дом.

Вижу, как мерцает его кожа.
 Этот миг — лучший в жизни.
 На щеках расцвел румянец,
 уже бегут первые тени.
 Туго натянутая кожа держит жар.
 Сейчас все так сплелось вокруг нас,
 что мы оказались в самом центре:
 над головой снег без просвета,
 за спиной — черные стволы,

под ногами — месиво из снега и пепла,
 а под всем этим чуть прогретая сверху земля.
 Из этой ловушки не выбраться засветло.
 Но смотрите, что я сейчас сделаю –
 пока не потускнел жар
 беру кол и сбиваю
 нависшую козырьком над выгоревшей ямой землю.
 Так одним ударом страшной лапы
 на исходе зимы рушит медведь свою берлогу
 со всеми теплыми снами,
 которые честно заработал в одиноких летних поисках.
 Может, я тоже кажусь вам, глядящим с нагретой земли,
 беспокойным зверем на снегу?
 Или вы дожидаетесь, пока я упаду,
 чтоб рассказать тогда всем,
 как меня совратил рынок?
 Но я не успел и все заграбастал жар...

Перевод с украинского Андрея Пустогарова

Робинсон ДЖЕФФЕРС
 (1887–1962)

ОГОНЬ НА СКЛОНАХ

Волна огня катилась сквозь кустарник
 и дым гнал оленей, как сорванную листву;
 А сколько маленьких жизней сейчас погибает там!
 Прекрасное не всегда ласково, но огонь прекрасен
 и прекрасен испуг оленей.
 Позже я возвратился на обугленные склоны.
 Орел сидел на вершине черной сосны,
 надменный, с добычей в зобе.
 Издалека прилетел он на охоту,
 буря, как мантия, вздымалась за его плечами,
 огонь был загонщиком в этой потехе.
 Безжалостно-синее небо,
 безжалостно-черный склон,
 а между ними безжалостно дремлет
 эта огромная угрюмая птица.
 Я с болью почувствовал:
 смерть, что призывает орла с неба,
 прекрасней, чем жалость.

РАНЕННЫЙ ЯСТРЕБ

1.
 Сломанное стропило плеча торчит из рваного крыла
 и крыло, как знамя разгромленных, волочится
 по земле.
 В небо уже не подняться. Еще пара дней боли
 и голода.
 Нет ни рыси, ни койота, чтоб сократить ожидание
 смерти. Это игра без прикупа.
 Но на земле среди дубовой поросли он все надеется
 услышать
 хромую поступь спасения. Ночью ему снятся
 свобода и полет.
 А рассвет безжалостен — еще остались силы,
 и оттого острее боль
 и беспомощность. Днем появляются бродячие
 собаки и кружат вокруг него.
 Лишь избавительница-смерть смирит эту голову,
 бесстрашную решимость,

грозный взгляд. Неистовый Бог вселенной порой
 милостив к тем,
 кто просит о милости, но почти никогда к гордецам.
 Вы ничего не знаете о нем, люди, сбившиеся
 в кучу а, может, забыли о нем.
 О нем напомнит дикий, необузданный ястреб.
 Прекрасный неистовый ястреб — человек
 при смерти вспоминает его.

2.

Если не думать о наказании, то мне легче убить
 человека, чем ястреба.
 Но этому краснохвостому жалость уже
 не поможет — кость раздроблена,
 крыло волочится по земле, цепляясь за когти.
 Мы кормили его полтора месяца, потом отпустили.
 Он бродил на мысу, а вечером возвращался просить
 смерти.
 Но не как нищий — по-прежнему гордый,
 несдавшийся взгляд.
 На закате я даровал ему пулю.
 То, что упало на землю — обмякшие, женственные,
 как пух совы, перья.
 То, что поднялось вверх — свирепый натиск:
 в страхе вскрикнули цапли
 у разлившейся реки,
 когда он выскользнул, как клинок из ножен.

СЛОМАННЫЕ ВЕСЫ

Резвая кровожадная куница — рыжий язык
 пламени,
 обливавший глыбы серых камней. Внутри
 по-змеиному
 ловкого тела — чистое страстное сердце,
 о нем человек может только мечтать.

Но тебя выдает твоя храбрость.
 И человек убивает тебя, будто облако
 закрывает звезду.

Оцени по достоинству ястреба с кристаллами
 зорких глаз,
 долговязую сизую цаплю, черных бакланов,
 смазавших скалы
 сверкающей слизью и разрушителя
 муравьиных куч — краснохвостого дятла,
 что белой звездой летит под кровавыми перистыми
 облаками
 над лесными прогалинами и темно-зелеными
 плесами.

Все они чувствуют свою суть, знают, чего хотят,
 понимают, что такое жизнь, и она полна до краев.
 А мы сбились в муравьиные кучи, и в них
 ссыхается наша суть и расцветает душа.
 Мы продались за игрушки и безопасность,
 задумайтесь на мгновенье — мы продались
 за игрушки.

Скованные, усеченные люди — напряженно
 вглядываются
 в чужие глаза и рты. Все, что требуется от них —
 служить подпоркой цивилизации,
 этому врагу человека, из-за которого
 он повредился умом. На языке у них — прогресс,
 в глазах — жажда наслаждения, в сердцах — смерть.

А твои предки были добрыми охотниками, пастухами,
 воинами.

Но мир полетел вверх тормашками:
 от добра одно зло — вся надежда теперь
 на преступников.
 Скоро гниль разъест города, а война их разрушит —
 из-за войн гнилой дом упадет.
 Горе тем, на кого упадет. Веселитесь: дом подрыт
 и он упадет.

Перевод с украинского Андрея Пустогарова

Киевлянин и уроженец Западной Украины **Олег ЛЫШЕГА** (1949 г. р.) по своей роли в украинской поэзии аналогичен Иосифу Бродскому, хоть далеко не столь известен даже у себя в стране. Оба осуществили привой англосаксонской поэтики к восточнославянскому стиху. Публикация характерных верлибров Лышеги параллельно и «встык» с верлибрами близкородственного ему американского поэта позволяет ощутить их своеобразие. Переводы с украинского и английского на русский выполнены москвичем **Андреем Пустогаровым**. — *Ред.*

Елена ФАНАЙЛОВА

ПОЕЗДКА В САРАЕВО

Сараево поражает в самое сердце:

Восемь мечей, семь мечей.

Это икона *Умиление злых сердец*.

Как напевает вдова бандита Аркана Цеца:

Београд, Београд, установка Град,

Пули, вино, свинец.

Стыдно покинуть город, который любишь,

International, смертный металл.

Так рассуждает профессор русской литературы.

Он умирает от рака, он здесь блистал.

Сараево как вороново крыло

Покорное артобстрелу

Граде мой

Ну такой я дурной человек

Выпивоха и балагур

Пиздобол и блядун

В этом маленьком городе разных религий

Где девки дают на раз

Оставляя глубокие раны

Сараево, мое сердце,

Тебя никогда не понять

Как большую любовь невозможно

Вполне достоверно увидеть

Она более человека

Я могу это описать:

Красные крыши как во Флоренции

Белые кладбища как в Стамбуле

Живые и мертвые вместе

Австро-венгерская архитектура

Задворки великой империи

Маленький мостик чрез мелкую речку

С которого убили нашего Фердинанда

Утопические карты маршала Тито

Олимпийские кварталы

Никто не забыт, ничто не забыто

Ты сердечная артерия, ты венозная нитка

Проспекта его имени

Узкого, как улицы европейских провинций

Я не могу это описать

Не вмещает мое сердце

Я не могу этого вынести

Как большую любовь

Я могу только сидеть в гостинице плакать

Ходить тупо быстро слишком быстро по кварталу
кузнецов и торговцев

От сигарет и перепадов уровней задыхаясь

Как в Тбилиси

Дико пахнет диким биологическим кофе

В Сараево гроза

Там бывают внезапные горные грозы

От ливня

Я скрываюсь в ближайшем кафе

Буквально с открытки на Бахчаршии

Шлю смс: «в Сараево гроза»

Ты отвечаешь: это эхо прошедшей войны

Отдохни, забудь обо всем, дорогая

БЫСТРЫЙ СЕКС В ГОСТИНИЦЕ «ЕВРОПА»

Гостиница Европа — главная гостиница города

Историко-культурная достопримечательность

Здесь писатели и художники пили кофе

И мечтали о Париже

Ее перестроили после войны

Для иностранцев

Когда я получила смс

«Я остановился в гостинице Европа»

Я ей-богу этого не понимала

Всех этих понтов, этого сложного бэкграунда

Шикарный номер

Пять звезд

Зеркала, кондишн, телеканалы

Но дело в человеке, который тебя туда приводит

Мусульманин

Палестинец

Учился в Ленинграде

Работал в Израиле в Лондоне и в Эмиратах

Познакомились на боснийском паспортном контроле

Русские паспорта, не положено без заверенного
подтвержденья

Приглашающей стороны
Ну мы раздражаемся и смеемся
Нельзя покурить
Болтаем минут сорок
Он детский врач, работает в Канаде, я ему доверяю
Он мне нравится
Он отлично пиздит по-английски с таможней
Таможня дает добро
На улице стоят приглашающие стороны
Обмен дружественными телефонами
Черный ночной звездный воздух
Выпиваю рюмку, падаю в отеле

По горной дороге в Баня Луку
Меня тошнит
Под пение Дино Мерлина
Это дорога, на которой ты мог погибнуть
Пятнадцать лет назад
Блядские зеркала в гостинице возле Банска Двори
Немного белого вина с Таней после встречи
с читателями

смс:
«Я хочу пригласить вас на кофе, поговорим, Елена»

Я вернулась в Сараево
На следующий день
Мы хорошо, но недолго поговорили

Сколько поколений любовников
Входили, немного нервничая, в отель «Европа»
Под взглядами официантов и ночных портье
Мужчины в костюмах и фальшивых часах Картье
Женщины в красном и черном белье
Высоких шелковых чулках
Под вечерними платьями
Задыхаясь
Как они чувствовали себя: как провинциалы
Или как граждане мира
Затерянные в этом великом маленьком городе?
Как никто, как просто тела в эротических зеркалах
Театра
Послевоенных действий.

У него много дел
На разных других языках
Прошлых лет

У него пару раз
Срывалась большая любовь
Он сказал себе: стоп-
Кран
В этом поезде злых сердец

Входил в аэропорт
Сдавал левый билет
На военной броне
Ехал через перевал

Конечно, он выпивал
Из сердца всех доставал

И если смерть как его подруга
Стояла за ним стеной
То следует стать подругою смерти
Чтобы она говорила со мной

Мама, рок-н-ролл — это он

Горный хребет
Синий вельвет
Хочется быть где никто никогда не бывал

Неважно о чем ты сегодня куришь
Где ты теперь с кем ты сейчас
Порт Амстердам
Я хочу быть с тобой
Я тебя никому не отдам
В холодном и высшем смысле

На белой стене
Фотография белой боснийской стены
Там стоят мои мальчики странной войны
Всех со всеми
Девяностых
В световых переплетках астральных острых
Распыляя абстрактное смертное семя
И потя от страха и солнца
В моднучих когда-то рубашках и джинсах
И бронезилетах
Там бомбят, ожидают конвой и ужасно жарко
Там останутся живы мои пацаны
Соглядатаи, не сомневайтесь

Поэзия — как особый вид прямого высказывания от первого лица — может быть отнесена к литературе нонфикш. Поэты и журналисты радиостанции «Свобода» **Елена ФАНАЙЛОВА** (Москва) и **Игорь ПОМЕРАНЦЕВ** (Прага) знают это лучше других. — *Ред.*

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ

ЖЕСТОКИЙ МЕСЯЦ МАРТ

В 22.30 в ночь перед кремацией сын сказал, что хочет на панихиде прочесть мои стихи о бабушке. Он сказал какие стихи: «где бабушка в окне», и что он сам переведет их на английский. В лондонском доме этих стихов не было. (Я после нашел их в Праге. Первые и последние строки такие:

*«Окно матери в ста ярдах от нашего...
Но иногда вечером в декабре
фигурка в желтом окне:
как начнем друг другу махать, прямо...
хоть промокашку к глазам»).*

Мы оба, понятно, расстроились. В четыре утра я встал и написал новые стихи, потому что не мог оставить сына без стихов о бабушке. В семь я разбудил его, и он перевел их на английский. («Стихи я пишу лет с пятнадцати, это значит, почти полвека. Среди сотен моих стихов — дюжина о матери.

*И все они в настоящем времени.
Мне кажется,
она так долго жила,
чтобы уберечь меня от хлопот,
эмоциональных,
бюрократических
и прочих последствий
смерти.*

Ладно. С эмоциями я справляюсь. Похоронное бюро тоже не подвело. Но как привыкнуть к прошедшему времени? Или не привыкать?») Последнюю строчку в переводе сын слегка изменил, потому что отрывистое «Или не привыкать?» по-английски «не работало».

В 9.30 мы были уже в крематории. Гробовщик прочел отрывок из Первого послания к коринфянам апостола Павла («Любовь никогда не перестает...»). Строка «И если я раздам все имение мое и отдам тело

на сожжение, а любви не имею, нет мне в таком пользы» лично мне резанула слух. После сын прочел мои стихи. Кроме нас, на панихиде была пара гомосексуалистов, соседей моей матери, и супружеская пара — земляков из Черновцов. Гомосексуалисты были одеты в серые элегантные костюмы, и жена с укоризной посмотрела на мою простецкую черную рубашу. Через два дня гробовщик привез прах матери в нашу лондонскую квартиру, и в тот же день я улетел в Прагу. В самолете я писал стихи:

*«Я везу ее в чемодане,
маленьком, на колесиках.
Чтобы сэкономить, взял билет
«только ручная кладь».
Гробовщик все оформил чин чинном:
свидетельство о смерти,
право на провоз.
Но все равно на таможенном досмотре в аэропорту
я напрягся.
Боялся, вдруг велят
открыть урну,
готовил аргументы:
мол, пепел легок, летуч,
а для меня щепотка, просыпанная на пол, -
невозполнимая утрата.
Боялся напрасно:
никто ничего не спросил.
Даже обидно стало:
никому, никому, кроме меня,
ты не нужна,
мамочка».*

Осенью я отвезу чемодан с тобой в Черновцы. Как обещал. Там на кладбище тебя ждут твоя мать, две тетки, муж, старший сын. Какая встреча!

Наталья БЕЛЬЧЕНКО

с отцом на коленях
метро — наковальня
теперь поменялись
руками-ногами
когда-то меня он
носил на закорках
сегодня его я —
в наплечнике рядом
с саперной лопатой
свечой и тоскою
с псалтирю — психеей
церковнославянской

Хочешь девочку Доминику,
Узнаваемую по лику,
Черным бровкам твоим-моим?
Ничего нет важнее знака —
Из неназванности, из мрака
Взять младенца, чтоб был любим.

Никому не расскажем, кто он,
С кем рождением зарифмован,
Чья дорога им продлена.
Этой жадности можно сбывться
Посвящением очевидца
В то, чем держатся времена.

Он — от Киева, он Днепровый,
Этот женский Ребенок-Слово.
Чтоб не вытекла жизнь в дыру,
Перехватим ее объятьем,
Изумлением перехватим,
Доминику родим, сестру.

Проходишь улицей такою,
Какой бы мог — лет сто назад;
Мутится в голове весною,
Тишайше домики стоят.

Одни — разбухли и набрякли,
Другие — в землю подались,
Кусты кусками мокрой пакли
Законопатили карниз.

Где, может быть, Микола Зеров
Шел, на латыни бормоча,
Еще шуршат обрывки скверов
И ждет пожара каланча.

Сам город, щеки подставляя
То кулакам, а то губам,
На звон последнего трамвая
Приоткрывает двери нам.

Дождь прошел — и мы с тобою
Вновь на разных берегах
Разных рек. Молись рекою —
И совсем исчезнет страх
Перед будущим и бездной.
Иногда они равны.
Разгрызает гром небесный
Все орехи тишины.
И по радуге идущий
По-над реками, глядит,
Как гроза орехи лушит, —
И одним бывает сыт.

Наталья БЕЛЬЧЕНКО — молодой поэт и редактор квартальника «Арьергард» (Киев).
Стихи как дождь, как пряжа, как женская версия ответов на вечные вопросы. — *Ред.*

14 ответов АНДРЕЯ БИТОВА

1) Начну с сакраментального вопроса: верите ли Вы в светлое будущее России в XXI веке?

Ну, во-первых, если будет светлое будущее у самого мира, что является условием светлого будущего России, — и наоборот. Безвыходное положение. Придется все-таки думать, что у нас общий воздух, общая вода, общая энергия. А в России что есть, то есть — это невероятное пространство. Мне всегда казалось, что оно как-то провиденчески было накоплено ВПРОК, а не ДЛЯ России. Таким образом, будущее нашей планеты, которое заключается в экологическом, а не хищническом потреблении, связано с Россией. Не будет мировой катастрофы — будет будущее. И без России, за вычетом России, ничего не может в мире произойти. Вот так.

2) Обратимся к русской и мировой художественной литературе: она закончилась? Находится в стадии метаморфозы и имеет шанс? Или, как всегда, балансирует на шаткой грани между производством и вдохновением?

Мировая литература, вообще, не очень старое понятие — насколько я подхватил со слуха, термин придуман был Гёте. И, на мой взгляд, она не очень меняется в том, что является ее качеством. Это связано с тайной существования языка. Поскольку человечество отличается от других биологических видов более всего вербальностью, то, соответственно, существует и биоорган этого вида, воплощенный, может быть, не в самой крупной группе, — и это филология и литература. Без этого человеческий вид, как ни странно, просто не может существовать — а вовсе не без сала, хлеба и вооружения.

— Да, но Вы имеете в виду словесность, а я — художественную литературу, где изменилась и продолжает мутировать жанровая сетка...

— Для России что-то изменилось, поскольку «гласность» изменила ту молодую часть мировой литературы, которая является русской и которая достигла каких-то параметров «мировой» (в чем и убедила мир). У нас впервые возникла профессиональная литература, потому что считать профессионалами писателей XIX или Серебряного века я все-таки еще не готов. Так же и тем более считать профессиональной литературу советского периода, которая писалась вопреки — не по профессии. Но можно ли считать тех, кто зарабатывает литературой деньги, профессионалами, если это единственный критерий профессионализма? То есть вот эта грань сейчас появилась. Есть у нас теперь профессиональная литература, а раньше ее не было. Беда ли это, я не знаю. По-моему, должна произойти какая-то дифференциация рынка. И как было читателей мало, так и останется мало, потому что ложное количество читателей возникло в пору безгласности.

— Как это — у нас не было профессиональной литературы?! А зарабатывавшие литературным трудом в том же XIX веке Достоевский, Толстой, Чехов?

— Там каждый случай надо разбирать отдельно. Толстой прекрасно существовал без этих заработков...

— Да он собственный родительский дом продул в карты «на вывоз»!

— Это ему не мешало... Достоевский искусственно создал себе профессиональные условия, потому что тоже все проигрывал. Он усвоил новые технологии, такие как надиктовывание сочинений, и учился у западных романистов занимать публику. Пожалуй, его можно назвать профессионалом. И Чехов зарабатывал деньги, но всюду разное отношение к слову... Может, Серебряный век в этом отношении был более «золотым». До Первой мировой войны, в общем, складывалась уже благополучная страна. Появились возможности зарабатывать деньги, когда качество еще не было утеряно. И Чехов, выбившись из бедности, по-моему, в своей прозе (я не говорю о театре и проч.) стремился все-таки писать по вдохновению, а не по профессии — и чем дальше, тем больше. Это можно назвать так: литература без заказа, не заказная — когда автор сам себе заказчик.

— Но согласитесь, в советское время высокооплачиваемых профессионалов было немерено — весь соцреализм...

— Вот это и есть профессионалы, которые не умели писать по заветам русской высокой литературы. Секретари Союза писателей могли, конечно, считать себя профессионалами, поскольку они имели с этого много денег, но я не знаю, честно говоря, кто из них что-нибудь написал...

— Отчего же, их произведения ведь не только сочинялись, но кем-то же читались, обсуждались, экранизировались...

— Ну и что, кто их читал?

— В школах и институтах проходили...

— И там не читали. В том-то и дело, что скорей было потеряно искусство чтения, чем искусство писания. И все писание шло вопреки, — либо в загоне, либо в эмиграции, — и почти все было неизвестно. Вот когда ты со мной беседуешь, ты беседуешь с человеком, которому была недоступна мировая литература, по теперешним меркам, как и всему моему поколению. Все это просачивалось такими мелочами... Я до сих пор благодарен Маяковскому, что в Полном собрании сочинений поэта, объявленного «лучшим и талантливейшим», смог прочесть то, что он написал до 1917 года. И вернувшись в СССР Вертинскому благодарен. То есть все воспринималось нами палеографически, палеонтологически, — по одной косточке восстанавливался зверь. Если у человека были слух, жажда и ощущение, что это пространство — мировое — существует. Причем все поступало в той мере, в какой это разрешалось. И получалось, что если что-то просачивалось, — вдруг Хемингуэй, или вдруг Ремарк, или вдруг Грэм Грин, — то на каком основании? На том, что Грэм Грин написал антиамериканский роман. Или на том, что умер Сталин. Я в свое время призывал, пока не поздно, сделать анкету читателя, то есть какую-то автобиографию чтения. И у каждого она сложится из такого парадоксального набора книжек и в такой непоследовательности хронологии, что получится картина мирового сознания. Ведь закрытая страна закрыта не от врага — она закрыта, чтобы человек не знал ничего, что делается снаружи. Это такая система, чтобы нам было неизвестно, куда, на какую сторону глядит решетка нашей тюрьмы. Вот это и было основным.

— Меня, однако, интересует настоящий момент. В чем качество нынешнего профессионализма, и какое будущее ждет современную литературу, все более становящуюся, как мне кажется, управляемой словесностью и производством?

— Откуда мне знать? Я этого не читаю. Но когда я вижу что-то живое, оно все равно рождается все тем же путем, по старинке. Да, кустарным путем. Как правило, это провинциалы, которые не очень рассчитывают на то, как сейчас складываются репутации в Москве, Питере, через тусовки, через какую-то возможность продажи... Все-таки лучше всего об этом у Пушкина: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» — и это единственный профессиональный посыл, который я принимаю. Если кто-то при этом не утрачивает своего вдохновения — тогда пусть торгует. Если же начинает приспосабливаться — его обязательно покарает слово.

— Что уже происходит...

— Да, и я убежден, пусть это наивно, что слово — оно не блядь. Оно лишит тебя либо разума, либо таланта.

3) Хорошо, тогда такой вопрос: в чем состоит искусство прозы, ее так называемая художественность?

В невозможности выразить желаемое — и в преодолении этой невозможности. Вот если такая препона стоит, — я не знаю, как она возникает, — между замыслом, который невнятен, и текстом, который возникает с какой-то степенью внятности, все-таки это работа с *преображенным* словом и в то же время с *обыденным*. Если поэзия — это безусловный разговор-исповедь, и слово в ней ближе к божественному, то проза работает как бы с обыденным словом, на котором говорят все, и в то же время его превращает — обязательно превращает его в какой-то последовательный смысл. Думаю, что прежде всего проза — это *связность* абсолютно всех слов, принадлежащих произведению. Попробуй удержать такую связность, особенно если текст велик по объему. Вот это и есть признак художественности — не дробность, а связность.

Потом еще в молодости я сформулировал для себя и недавно опять вспомнил: важно преобразование вымысла в реальность и реальности в вымысел. Если это происходит, — когда вы не можете разграничить, где вымысел, а где реальность, и в какой они идут последовательности, — это очень сильно работает на убедительность прозы.

4) В какую литературную традицию вписываете Вы самого себя: кто для Вас не «по хорошу мил, а по милу хорош»? Если возможно, наметьте вершины многоугольника своих литературных предпочтений.

Многоугольник этот очень менялся. Литературная традиция? Все-таки я думаю, что это больше XIX век, чем XX, еще и потому, что он был мне доступнее. Существовали замечательные писатели, которых я позже полюбил и которые, возможно, тем или иным способом на меня все-таки повлияли и что-то во мне сдвинули, — как Зощенко, Платонов, — хотя к тому времени я уже сам писал. Очень трудный, на самом деле, вопрос... Я был читатель, это точно, и сказано, что в молодости надо читать — так вот это было. Читал я в жуткой непоследовательности, но оказалось, что я прочитал какие-то книги очень вовремя в долитературный период — прежде чем начал писать. Почему они попались мне раньше времени, это неизвестно, но говорить теперь, что вот я их прочитал и поэтому то-то и то-то, было бы неверно.

Первая преодоленная мной книга была «Робинзон Крузо», и это очень существенно. Потом я полюбил путешествия и читал в основном русских путешественников — Козлова, Пржевальского, Арсеньева. И как-то они все умели писать! Но то был все же другой посыл, не литературный.

Если говорить о самом начале, то в 49-м году мне поручили прочитать доклад по Пушкину. Я прочитал всего Пушкина, и что я мог там понять, совершенно непонятно! Гораздо большее впечатление на меня произвело чтение Лермонтова и Гоголя. Но Пушкин все равно был вначале. В связи с этим тогда же я прочитал романы Тынянова, которые, как ни странно, мне очень понравились — особенно «Смерть Вазир-Мухтара». Значит, что-то укладывалось кирпичиками раньше, чем требовалось. Из русских классиков читал Тургенева, мне он нравился, но потом я его больше никогда не читал.

— А Пушкин вас когда забрал?

— А Пушкин меня забрал поздно, если говорить серьезно. Когда мне пришлось за Лёву Одоевцева думать. Я был уже вполне взрослый человек. Да что говорить, если Евангелие впервые я прочитал в 27 лет! Мне подарил Камиль Икрамов зарубежное, то есть запрещенное, издание Библии. Я читал евангелия и псалмы, но откуда-то я это уже знал — по-видимому, вычитав из русской литературы или просто будучи христианином в какой-то мере, родившись в христианской стране. Коран я прочитал раньше, потому что случайно Коран оказался у нас в доме. Не потому что кто-то в семье был мусульманином, просто у бабки-лютеранки было издание Корана 1864 года, перевод с французского. Читал я его, естественно, как поэзию — как потом у Пушкина прочитал в комментариях: «слабая метафизика, зато какая поэзия!» Действительно, все приходило ко мне в чудовищной непоследовательности.

В десятом классе школы я усиленно читал романы. И читал их чуть ли не собраниями сочинений всех подряд — Бальзака, Гюго, Диккенса, Джека Лондона, Драйзера. Образовывалась несусветная каша в голове, хотя я никогда не читал того, что мне не нравилось. Я тогда следовал принципу: если уж начал читать, прочти все последовательно и до конца. Помню это мучение — прикидывал, сколько там осталось еще страниц дочитать до конца? Читал медленно всегда — как бы работа такая. Переводную классическую литературу любил больше, чем отечественную. Готовясь к выпускным экзаменам, я прочитал «Записки Пиквикского клуба» и испытал такой восторг, словно сам их написал. Думаю, какое-то подсознательное «переписывание» чужих текстов имело место. То, что тебе нравится по-настоящему, ты не обязан заучивать наизусть. Ты, как монах в старину, внутренне это переписываешь.

И все же, думаю, не от литературы рождается литература, а от биографии.

5) Как-то Вы замечательно сформулировали утверждение, не имевшее прежде столь чеканной формы: «Писатель пишет не то, что хочет, а то, что может». А что все-таки хотелось бы или все еще хочется написать? Есть ли у Вас ответ на вопрос, зачем Вы пишете?

Недавно, по-видимому, обидевшись на какую-то критику, я развил и продолжил это утверждение: «В писателе то хорошо, что в нем есть, а не то плохо, чего в нем нет». Это существенно, потому что, по-моему, писатель вырастает весь как бы на недостатках своих. То есть, ликвидируя и обходя то, чего он не умеет, он вырабатывает собственный рисунок. И мы любим совершенно разных писателей за совершенно противоположные качества — одного за вязкость, другого за краткость. Например, я люблю больше всего тех, что меня мне не напоминают, а если вдруг чем-то все же напоминают, то у меня от них возникает отторжение, и мне трудно найти к ним какие-то мостики.

Если возвращаться к вопросу о том, что сегодня для меня ценно вот в этом многограннике, то, думаю, я остановился в своей любви на Золотом веке. Потому что там, действительно, мне нравится многогранность тех молодых людей, которые всего написали по чуть-чуть — разного и навсегда. И «право первой ночи», и все, что угодно, там есть. Банально, но это — Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Грибоедов, Чаадаев. И я всегда прибавляю к ним еще Даля — как человека, который своим подвигом словаря все это время связывает в один мешок. Собственно говоря, вот тебе настоящий мой «пятигранник». Я в нем нахожу все промышленности будущей литературы, в том числе и не достигнутые до сих пор. Мне мерещится, что там есть все — даже постмодернизм...

— Чехов говорил Бунину, что просто не понимает, как Лермонтов мог в столь раннем возрасте написать такую вещь, как «Тамань»...

— Видишь, Чехов это понимал. Вот эти ребята очень, очень и очень меня занимают. Что за призыв был, какие звезды сошлись, чтобы все это выскочило так!.. Потом, я считаю, провал на самом деле. И то, что Достоевский с Толстым стали брендами, это уже дикая, «мясная» литература, которая вырвалась забытьем Золотого века, с огромным провалом, и пошла... Да, доказала себя Новому времени. Но для моего сердца дороже всего тот, предыдущий период. Хоть есть что любить и у Толстого, и у Достоевского. У Толстого больше — то есть меньше по объему, но больше по любви.

А из более позднего, — если продолжить тему о многогранниках, когда что-то стало прибавляться к пишущему уже человеку, в смысле влияния, — то в начале 1960-х годов вдруг что-то на меня дохнуло Розановым. Что именно я прочитал, не помню, но способность вот так, походя выражать сущности меня очень прельстила. Немного позже — Мандельштам и Заболоцкий. А Платоновым я восхитился, но подражать ему невозможно, хотя многие кинулись. Потом, будучи уже совсем зрелым человеком, я старался многое произвести в его честь и пользу, но это, скорей, какая-то дань ему, чем его влиянию.

6) С годами Вы стали жестче, не раз бравировали острыми заявлениями, что «исписались» или что «ненавидите читать». А что вопреки словесной интоксикации Вы можете читать и, несомненно, читаете в последние годы?

Ничего я не читаю, честно тебе скажу. Приходится все же что-то читать в составе премиальных жюри, где ты вынужден и обязан читать. И когда мне вдруг что-то понравится и я способен это прочесть — то я просто в восторге, иногда преувеличенном, по-видимому. Правда, чаще всего мой выбор совершенно не совпадает с выбором жюри. То ли у всех жюри какие-то другие критерии, — очередности и т. п., — то ли мой вкус уже не имеет отношения к литературному процессу.

Последнее чтение, — вдруг бессонная ночь выдалась, утром мне надо было перегонять автомобиль в Питер, я этого боялся, потому что давно не сидел за рулем, — и сначала я стал читать «0 покаянии», брошюра подвернулась священника Гречишникова или Гречанинова. Я ее с удовольствием и прочитал, хотя обычно такую литературу не читаю. На этом я не остановился и открыл номер «Нового мира», где тоже с упоением прочитал не помню чью статью «0 непонимании», какой-то преподавательницы русской литературы в Израиле. Замечательные тексты. Так что я не объективен уже ни в чем — я не могу ничто ни с чем сравнить. Чтобы я увидел книгу и захотел ее читать — нет! Я, как обыватель, буду смотреть телевизор и разве что листать, листать, листать. Это, конечно, ложное ощущение, что мне все известно, но многое пропущенное из того, что я должен был читать, мне не досталось. Нельзя восполнить те прорехи и дыры, которые уже заросли твоим собственным мясом...

— Похожим образом Толстой, примерно в Вашем возрасте, пожаловался Черткову, что стало ему скучновато жить, поскольку многие люди, человеческие типы, начали повторяться...

7) Хорошо, если позволите: когда Вы крестились и как это произошло?

Крестился я поздно. Хотя мои родители и были крещеными, естественно, но они не были людьми воцерковленными. Твердо решил креститься я со своим первым ребенком в 1962 году. Кажется, меня хотели отвести к отцу Александру Меню, но что-то тогда этому помешало. И раз уж я упустил возможность креститься со своей Анькой, то потом опять жил-жил-жил, пока в 1977 году, познакомившись и сдружившись с Олегом Волковым, я снова не собрался креститься. Волков пообещал отвести меня к отцу Дмитрию Дудко, но того арестовали, и опять не получилось. Получилось уже в 1982-м, когда мне исполнилось 45 лет и я путешествовал по Грузии вместе с той же дочкой Аней, уже двадцатилетней. Спасибо Резо Габриадзе — он завез нас в монастырь Моцамета, что, кстати, описано мною в «Оглашенных», и настоятель монастыря отец Торнике крестил нас с дочерью, как мне и хотелось когда-то. В прошлом году я узнал, что он умер в возрасте уже за девяносто — царство ему небесное!

По матери у меня предки из священнического рода, да и остальные в роду все крещеные, так что я себя привел в норму как бы, состоялось... А так у меня совершенно внеконфессиональная, собственно, какая-то вера в Бога...

— Вера в Иисуса Христа? Или в философского Бога?

— И в такого, и в такого, и просто в Высшее Начало — но история Христа для меня очень убедительна — именно своей человеческой сущностью.

8) Какие из искусств Вам близки и какие Вас не волнуют?

Это такое пульсирующее отношение. Мне близки обычно те, которых не понимаешь или плохо знаешь. Помню, в раннем детстве мне очень нравилась скульптура. Теперь я понимаю, что меня просто притягивали тела, точнее, телесность. Позже, занявшись культуризмом, то есть ваянием собственного тела, я потерял интерес к скульптуре. А вот музыку и театр я долго ненавидел. Моя бабушка была профессором консерватории и заставляла меня учиться играть на фортепьяно, к чему у меня не было способностей, и оттого эти занятия были мне ненавистны. Потом оказалось, что внутренний слух у меня хорошо развит, просто что-то не смыкалось. Еще я возненавидел этюды Шопена, которые доносились, как только я приходил из школы. Это разыгрывалась тетка моя, которая была концертмейстером, аккомпаниатором. И все это представлялось мне чужим и даже вредным. Мне нравилась восточная музыка. Брат часто ловил Анкару в поисках джаза, и когда в радиоприемнике проскакивала какая-то восточная мелодия, что-то во мне возбуждалось — думаю, что-то эротическое. Можно считать, впервые я услышал музыку, как ни странно, в советском фильме о Мусоргском, где были куски из «Бориса Годунова», — и я это услышал сам, никто мне эту музыку не преподносил. Молодому человеку важно самому найти, что ему нравится. После чего опять долгий перерыв, но, во всяком случае, у меня уже было что-то свое. А потом, совсем уже взрослым человеком, я купил радиолу с хорошим звуком со своего первого гонорара в 1960 году. И чтобы услышать, как она звучит, купил Баха в исполнении Гульда, и какое-то время я слушал только Баха — и только Гульда. До такого остервенения доходил... Так постепенно я стал образовываться. То есть, будучи уже взрослым человеком, в возрасте за двадцать лет. Прошел последовательно старую музыку, когда устала душа — перешел на Моцарта...

Театр, как было сказано, ненавидел. Не исключено, что это был скрытый комплекс, поскольку чего-то я не понимаю в феномене драматургии. Испробовав в литературе практически все жанры, я беспомощен и не способен написать пьесу. Написать «водевиль хороший — и умереть» остается моей неисполнимой мечтой, не удастся пока. Теперь в театр я уже хожу, но в основном когда меня приглашают. И все равно мне не нравится, как они топают, как фальшивят, — зачем все это? Мне по-прежнему, как-то по-детски стыдно в театре... И оперу совершенно невозможно слушать в театре — но уже с пластинки, в записи, если великолепное исполнение и не видно лиц, я слушать могу. То есть какие-то странные затяжные комплексы. Всему этому я предпочитаю все же музыку...

Живопись? Ее надо много смотреть. Через друзей-художников я «намял» себе глаз. Помню, как все ломались на первые выставки Пикассо... К живописи было у меня какое-то отношение. Мне кажется, что и сейчас плохое от хорошего я отличу, по крайней мере.

— А какое любимое кино? Тоже Золотой век?

— Кино... Ну, во-первых, я благодарен тому, что когда-то получил образование нечаянное: сбежал из Питера в Москву — и попал на Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Нам показали тогда из-под полы все эти контрафактные западные фильмы для закрытого показа. С тех пор в кино я немножко разбираюсь и даже пробовал работать в нем. Впрочем, безнадежно, потому что это другое. Я-то думал, что на каких-то своих способностях вылезу, а на самом деле ему надо отдаваться — кино требует тебя всего. А я этого не хотел.

9) Вы известный биогеографический «кентавр»: стоила ли Москва мессы? Были ли варианты?

Была биография, и как-то все само собой сложилось. Теперь могу сказать, что в Питере я бы не ужился, меня постепенно выдавили бы все равно. Так что это была как бы эмиграция в Москву, но она была постепенной. Вот эти курсы сначала случились, потом знакомство со второй женой и уход из первой семьи — а она москвичка, вот так как-то сложилось. Я живу слишком давно уже даже вот в этом доме на Краснопрудной, который меня от себя не отпускает целых тридцать лет. Так что, считай, полжизни там — полжизни здесь. В Питере, кстати, я тоже обрзовал свой дом — с третьей уже семьей, но, к сожалению, овдовел. Там у меня остался сын, вот и мечусь. По количеству переездов туда-обратно я давно рекордсмен — когда-то подсчитал, что каждый год объезжаю вокруг экватора. За что от МЖД не только ордена не заслужил, но даже бесплатного билета от Октябрьской железной дороги.

10) Интересно, а Бродского выперли бы из Питера? И попутно следующий вопрос: я никогда не поверю, что Вы не испытывали к Бродскому чувства соперничества — в лучшем смысле этого слова. Или я не прав?

По-моему, верь мне не верь, никакого соперничества не было. Дело в том, что Бродский для меня был младший, и хотя всего три года разница, но он был младший. Я увидел, что это талантливый молодой человек, но стихи его на меня не произвели какого-то потрясающего впечатления, его поэма «Шествие» и прочее. Я столько знал уже поэтов вокруг себя и столько было у меня впечатлений от талантов, больших, между прочим, и столько еще было в нем, я бы сказал, некоторой петушинности, в самом тексте, я имею в виду, а не в поведении... Лично его я знал мало.

— *А его зрелая поэзия и эссеистика?*

— Вот потом-то и случился со мной переворот... Почему-то он позвал меня на проводы — не проводы на аэродроме, а в квартире, в доме Мурузи. Были еще случайные какие-то встречи. В общем, мы были людьми, которые встречались друг с другом на улице, как в деревне. Что-то меня, по-видимому, настораживало в гуле вокруг него, может, было уже им написано несколько стихотворений. В 1972 году я получил, наконец, какую-то перепечатанную подборку и там прочитал стихотворение «Разговор с небожителем» — о поэзии, — и оно меня убедило полностью. Так достаточно было Менделееву найти один элемент, чтобы вычислить все остальные. После этого он у меня весь сел на место и стал любимым поэтом — все встало на свои места. Но борьбы-то никакой не было, просто было незнание. Ну, гудят вокруг, но меня-то это никак не касалось. Стихи нормального уровня, вот что я скажу, и все. Ничего в них меня особо не возбудило — может быть, я его мало читал. Помню, как он подарил мне в Нью-Йорке свою «Less than one», еще до Нобелевской премии, и сказал: «Прочитай про Стамбул — по-моему, это хорошая проза». Я запомнил это, но, боясь, что книжку у меня отнимут на таможне, поручил одному бывшему посольскому американцу переслать ее по диппочте — и она пропала. Я так обиделся на сам факт, что потом так и не читал ее, читал из нее только отдельные отрывки. Да, он умеет сжато сформулировать мысль, но для прозы... Нет, тоже не читатель... Я читал его стихи, — не все, но некоторые, — тот же «Разговор с небожителем» и его библейские стихи просто обожаю. Вот и все.

11) Достаточно ли полно и хорошо Вы успели узнать женщин, точнее — познать женщину?

Если бы такое было возможно, то, возможно, человеческий род закончился бы. Это ловушка, придуманная Господом. Я даже подозреваю теперь, что мы с женщинами не разного рода, а разного вида. И поскольку мы разного вида, то и возможна эта немыслимая мутация в виде человеческого существа. У нас с ними разное устройство мозга и отличий оказывается куда больше, чем у разных наций, рас или даже исторических эпох. Их способность к

воспроизводству — это такой приоритет, нечто такое, чего мужчине не дано познать. Если бы мы могли делать это почкованием, на хрена была бы нам женщина?! Разве что мать. Женщина ли мать?

Поэтому возникает Богоматерь. И здесь уже начинается такая серьезная область...

12) Существуют ли для Вас запретные темы — такие вещи, о которых Вы считаете для себя невозможным говорить и писать? И если да, то преимущественно в какой области — общественной, приватной, сакральной?

В принципе, да. С другой стороны, я считаю, что писать можно все, обо всем и про все — если ты можешь с этим справиться художественно. Были у меня какие-то зарюки — скажем, не убивать героев. Не хотелось накликав на свою судьбу то, что отдаешь героям. Был еще один небольшой завет: нельзя навязывать читателю свою волю каким-то образом. И это, кстати, относится к области «художественности»: как сделать так, чтобы не навязать свою волю читателю, а оставить его свободным в пространстве собственного текста. Что, может, и есть основная доблесть художественного текста: чтобы читатель смог исполнить твой текст, как он сам сумеет. Твой частный текст, написанный именно тобою, ограниченный совершенно твоим опытом. И если ты в состоянии соблюсти эти параметры, то писать ты можешь обо всем.

У меня встречается иногда нарушение сакральных норм — но не моими словами, а словами героя, скажем, и потом они обязательно чем-то опровергаются, или хула оказывается, на самом деле, не хулой, а хвалой. Потому, наверно, что я не могу писать против Бога...

Не очень хочется мне писать про низость. Скажем, Горький же совсем не слабый писатель. Не будем о том, что его запятали и он сам себя запятал довольно сильно соцреализмом, — но вот умел он написать низость, ничего не могу сказать, у него это получалось. Что же я ему скажу, что этого нет?! Этого больше, чем есть.

В принципе, любое письмо напоминает пародию, если текст воспринимать буквально. Тогда получается, что человек ходит без штанов или нет у него носа (что Гоголь воплотил), и нельзя ничего такого писать — мы же соавторы с читателем, да? Но в тексте нет ничего — это пустота. Великая пустота какая-то, где слова только обозначают, направляют, дышат и что-то там делают... Возьмем эту общеизвестную поляну Толстого в начале «Хаджи-Мурата». Ну как ему не лень, старику, выкладывать слова какие-то одно за другим — и нелениво ведь пишет! Все это графомания: сколько цветочков на поляне, каких и прочее. Но все это нужно, вот в чем дело — все это нужно! Потом, когда он перейдет к сухости повествования, там у него уже будет все по-другому, сухо. Поразительная история! Такая полнота, которой я абсолютно не обладаю. В конце концов, любой автор соткан из сплошной зависти к хорошей литературе. И она не профессиональная как бы. И даже может быть плодотворной, когда зависть вытесняется в область собственных «недостойств» и как-то их развивает — как убогий калека отращивает, вырабатывает какие-то качества.

Что еще является запрещенным?.. Что-то запретил сам язык. Когда у нас в очередной раз эти уроды начинают бороться за чистоту русского языка, я говорю им: перестаньте, потому что он сам умеет это делать, а вы этого делать не умеете, и не надо! Допустим, само выделение мата в отдельную область языка говорит об определенной застенчивости русской речи — потому он отдельно и существует, и нет у нас его заместителей. Да, застенчивость, стыдливость, целомудрие. Как-то один мой герой пристыдил другого: ты-то мне все о целке плетешь, а я-то тебе говорю о мудрости...

— *Кстати, когда-то меня поразило, насколько у немцев и в германской культуре отношение к телу и телесности отличается от славянского. Например, в кулинарной телепередаче Вам могут показать, как режут свинью, сцеживают кровь, делают колбасу и готовят отбивные...*

— Ну вот. Вообще, немцы любят то, что с нашей точки зрения выглядит не очень эстетично. Что, кстати, объясняет моду у них на Сорокина. Ублажил он их двояко: и русских показал, и вкусам потрафил...

— *Говоря безоценочно, мера бесстыдства и стыдливости — величина относительная и переменная не только в жарких странах. Например, на пляже берлинского озера Ванзее голые мужчины без всякого стеснения могут валяться на песке по соседству с неизвестными женщинами всех возрастов и детворой...*

— Ну и что же, я думаю, что на самом деле все это настолько смешно и условно... Все мы рождены голыми и уйдем так же. Можно по-разному это оценивать, но нельзя говорить, что что-то правильно, а что-то нет.

— *Я и не говорю о правильности, а только о разном отношении. Скажем, не для интервью: по-моему, более грязной и грубой порнографии, чем немецкая, ну просто нет на свете...*

— Потому что она тупая. Потому что, по-видимому, они держат свои отношения в семье более чистыми, чем эта грязная порнография. Это так же, как отделение мата от языка. Может, у них тоже так... При этом у них великая философия, великая музыка, великая наука и великая литература.

13) С высоты прожитых лет — для людей помоложе: какие возрасты или периоды в жизни человека представляются вам особенно трудными, благоприятными, критическими, тупыми?

В России особое значение имеют пушкинский возраст, лермонтовский, возраст Христа, Чехова. Возраст их ухода и сроки земной жизни отмечены почему-то. В свое время я заинтересовался двенадцатилетним циклом восточных календарей и придумал одну очень простую вещь. Надо не просто считать до двенадцати, когда вы восходите в свой год, — ну да, как стрелка на циферблате, — но и учитывать нижнюю точку цикла. Возьмем ноль: вы вообще могли не родиться, родиться мертвым или быть абортированным. Двенадцать — пик, высшая точка. Шесть — тут вам в школу идти, первая каторга, да? Восемнадцать — мужикам в армию, в армию... Тридцать — уже надо кем-то стать, определиться. Сорок два. Пятьдесят четыре. Шестьдесят шесть. Семьдесят восемь. Вот мне теперь надо ждать уже семидесяти восьми, так? У меня в 54 и в 66 были смертельные диагнозы, из которых я выкарабкался. Конечно, это вещи приблизительные, грубые, субъективные (плюс-минус год-два туда-сюда). Но вопрос в другом: сумеет ли ваш маятник вернуться в высшую точку, а не сорваться в низшей? Один кореец в городе Пусане как-то нагадал мне по своим священным книгам, что жить мне до 78 лет без малярии. Я спросил: а дальше? А дальше с малярией... Так что видишь, с точки зрения Востока, я был со своими расчетами на правильном пути.

Вот эти точки — их надо пройти, вот в чем все дело. И надо к ним готовиться, с моей точки зрения. Когда я вспоминаю свои 30 лет — они были безобразны. Лермонтовский возраст я вроде хорошо прошел, а дальше наступило безобразие. Зато после тридцати сколько-то лет я шел правильно. Таким образом, у меня эти разрывы, амплитуда маятника, вполне ложатся на неизбежность беспредела и ямы какой-то. Поэтому пусть лучше люди думают и будут готовы к тому, что эти точки возрастные существуют.

Даже глядя в телевизор, нетрудно заметить, как люди стареют скачками. Держатся-держатся-держатся, а потом вдруг за месяц-другой — сразу на десять-двадцать лет. Сейчас появилась научная информация, что якобы наш мозг также стареет скачками — и именно в лермонтовском, пушкинском возрасте и др. Это может вести как к поглуплению, так к переходу на новый, закрытый до того уровень. Как написал обожаемый мной Заболоцкий: «Как мир меняется! И как я сам меняюсь! / Лишь именем одним я называюсь, — / На самом деле то, что именуют мной, — / Не я один. Нас много. Я — живой».

Конечно, надо быть благодарным Богу и ангелам. За каждый день жизни надо благодарить и просить прощения — вот все, что я могу сказать. Если говорить о существовании молитвы, я вижу ее смысл в этом: благодарить и просить прощения, а не... Ничего не просить. Потому что — что ж ты еще можешь попросить, если ты все еще есть?! Достаточно...

14) Наконец, совсем легкомысленный вопрос: какая Ваша любимая еда — блюда, продукты, — или нет такой?

— Ну, во-первых, кулинарию я бы отнес к области искусства, наверное. Моя любимая еда — свежая. Если продукт свежий, то мне уже все равно...

— *Даже если это экзотическая кухня?*

— Да, я думаю, что на самом деле можно и насекомых покусать, лишь бы это был свежак. Что касается предпочтений, выработанных за время жизни, — ну, например, сало обожаю, не будучи хохлом. Всякие подтверждения, что сало не вредно, а полезно, беру на вооружение. Поэтому один из моих неосуществленных проектов — это памятник салу на Украине от благодарных москалей.

Когда меня в первый раз приговорили в 54 года, великий доктор Коновалов, ковырявшийся в моем мозгу, сказал мне: «Пейте больше кефира», — и с тех пор я подсел на кефир. Без кефира вообще не живу.

Еще черный хлеб — это, наверное, от блокады...

— *Мой отец, сколько помню, в рот не брал черного хлеба, потому что он ассоциировался у него с голодом, а белый, напротив, с сытостью и довольством...*

— Ну вот, а у меня черный почему-то. Может, от довеска к пайку, от горбушечки... Поэтому я предпочитаю черный хлеб, а если белый, то капля моей кавказской крови требует только лаваша или еще какой-то пресной бездрожжевой лепешки.

— *А из традиционной русской кухни? Пирог с капустой, щи или украинский борщ — нет?*

— Если это хорошо приготовлено — обожаю. Для этого талант нужен, как у моей первой тещи: чтобы тесто хорошо взосло, чтобы начинка правильно легла, а если это не так — то тогда извините. Есть, по-видимому, вдохновение, которое туда вкладывается.

К сожалению, умер вот Евгений Колобов — совершенно не вовремя и для себя, и для меня. Потому что мы с ним сговорились ставить оперу о кулинарии, которая немножко, частично, описана в моем «Преподавателе симметрии». Я хотел сделать оперу для одного молчащего певца — и там все время человек готовит на сцене. Готовит, и сердится, и матерится музыкальными терминами, которые звучат вполне матерно. Ритм готовки, шинкования, побулькивания и тому подобное превращается в какую-то музыкальную закулисную тему, которая его раздражает. Она раздражает его потому, что ему не хватает какого-то компонента. Явно, здесь какое-то волшебство творится — и музыка рождается от этого. Человек бесится, меняет рецептуру, начинает все сначала, в конце концов, чем-то заменяет отсутствующий компонент, пробует и говорит: «Брависсимо!» И в этот момент из окна слышится: «Синьор Россини, вот свежий портулак!» Россини ругается: «Барбаросса! Канальи!» Он позабыл, какую именно траву положил, уходит с поварешкой, опускается занавес, на котором рецепты его кулинарных шедевров, и все музыкальные фрагменты соединяются в конце в торжественную мессу — последнее его сочинение, великое произведение. Кулинария была страстью Россини, он был поваром-артистом, а оперы писал между делом, пока, неожиданно для всех, не бросил этим заниматься. Для либретто мне нужен был разбирающийся человек, чтобы правильно подобрать музыку, чтобы мы правильно выстроили сцену. В итоге мы с Колобовым договорились, что поставим оперу «Пучок травы», в конце которой все наслаждаются пирогом, приготовленным на сцене, и уходят с рецептом его приготовления. Рецепт пирога подарил мне Юз Алешковский, мой друг и великий кулинар. У меня была даже мысль взять на эту роль его или Вайля, — царство ему небесное, — то есть людей, которые умеют и любят готовить. Но это не состоялось. Что возвращает к вопросу о драматургии и театре. Я вижу сцену тогда, когда вижу ее вместе с режиссером. А предложить абстрактный продукт, который неизвестно кто будет ставить, у меня нет желания.

То есть у меня есть представление, что можно нечто приготовить изумительно. Я был развращен готовкой Юза Алешковского, у которого есть к этому талант. И моя теща первая имела талант. Как они это делали — непонятно. Недаром Суворов ценил кашеваров, умевших накормить простой пищей простого человека.

Я думаю, что и сало, и хлеб, и каша могут быть какого-то высшего качества — или же опущенного. Так же как и литература. ■

Вопросы писателю Андрею Георгиевичу Битову задавал **Игорь КЛЕХ**.

ХРОНИКА СОВЕТА ЕВРОПЫ

Летняя сессия ПАСЕ: напряженность на Ближнем Востоке, пандемия гриппа H1N1, исламофобия, права человека на Северном Кавказе

Среди основных моментов повестки дня летней сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), которая прошла в Страсбурге 21-25 июня 2010 года, — вероятные срочные прения по вспышке напряженности на Ближнем Востоке, а также обсуждение докладов о проблеме пандемии гриппа H1N1, об исламофобии и о средствах правовой защиты от нарушений прав человека на Северном Кавказе.

Сессия ПАСЕ — июнь 2010 г.

ИЗ ПОВЕСТКИ ДНЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ

Понедельник, 21 июня 2010 года (открытие сессии в 11.30)

Выступление председателя Ассамблеи. Выборы заместителя председателя Ассамблеи от Венгрии. Выступление президента Хорватии Иво Йосиповича. Выступление министра иностранных дел «бывшей Югославской Республики Македонии», председателя Комитета министров Антонио Милошоски с сообщением Комитета министров в адрес Парламентской ассамблеи. Бюджеты и приоритеты Совета Европы на 2011 финансовый год. Отчетный доклад Бюро Ассамблеи и Постоянной комиссии.

Вторник, 22 июня Выборы членов Европейского суда по правам человека от Германии и Мальты. Средства юридической защиты от нарушений прав человека в Северо-Кавказском регионе. · Выступление премьер-министра Черногории Мило Джукановича. Положение в Косово и роль Совета Европы. Положение цыган в Европе и деятельность Совета Европы в этой области. Общее обсуждение докладов: о Соглашении о реадмиссии — механизм репатриации незаконных мигрантов; о Программе добровольного возвращения: эффективный, гуманный и экономически оправданный механизм репатриации незаконных мигрантов. · Ислам, исламитизм и исламофобия в Европе, выступление в прениях высокого представителя генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» Жоржу Сампаи.

Общее обсуждение докладов по состоянию демократии в Европе: Политические последствия экономического кризиса; Демократия в Европе: кризис и перспективы, выступление в прениях социолога Алана Турена. Состояние демократии в Европе и развитие мониторинговой процедуры Ассамблеи.

Четверг, 24 июня Меры противодействия пандемии гриппа H1N1: необходимость более прозрачных подходов, выступление в прениях гостя сессии (пока не подтверждено). · Функционирование демократических институтов в Азербайджане

Пятница, 25 июня Борьба с сексуальными стереотипами в СМИ. Достойные пенсии для женщин. Леса — будущее нашей планеты.

На сессии выступили президент «бывшей Югославской Республики Македонии» Георгий Иванов, президент Хорватии Иво Йосипович и премьер-министр Черногории Мило Джуканович.

ПАСЕ призывает Россию бороться с терроризмом на Северном Кавказе, «соблюдая права человека»

Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) призвала Россию к борьбе с терроризмом на Северном Кавказе «с соблюдением основных прав человека и принципов верховенства права», следуя при этом примеру других стран, которые столкнулись с данной проблемой, и более тесно сотрудничая с местными НПО и Советом Европы.

В резолюции, принятой сегодня единогласно по итогам обсуждения доклада Дика Марти (Швейцария, АЛДЕ), Ассамблея выразила «сочувствие и солидарность» родным и близким жертв террористических актов, подчеркнув при этом, что ситуация с правами человека на Северном Кавказе является «наиболее серьезной и чувствительной» на всем пространстве Совета Европы.

Парламентарии отметили, что:

□ в Чеченской Республике — несмотря на впечатляющие усилия по восстановлению, поддерживается «климат всеобщего страха» и происходят исчезновения противников правительства и правозащитников, репрессии в отношении семей предполагаемых боевиков и запугивание СМИ и гражданского общества, и все это в атмосфере «персонификации власти»;

□ в Ингушетии — с приходом нового президента идет развитие «конструктивного диалога» с гражданским обществом, однако с 2009 года также отмечается тревожный рост насилия, в том числе убийств и исчезновений;

□ в Дагестане — всплеск террористической активности провоцирует ответные действия правоохранительных органов, которые бывают «не всегда законны и продуктивны», что ставит под угрозу замечательные вековые традиции мирного сосуществования религиозных общин.

Выступая в прениях в Ассамблее, президент Ингушетии Юнус-Бек Евкуров отметил «огромный прогресс», достигнутый в регионе за последние три-четыре года, и заверил, что будет делаться все для защиты прав человека и наказания тех, кто их нарушает. «Как президент, я больше, чем кто-либо, заинтересован в том, чтобы на Северном Кавказе был порядок, ведь мы живем там», — подчеркнул он.

В резолюции парламентарии указали, что Европейский суд по правам человека был вынужден взять на себя роль «последнего средства защиты» для многих пострадавших в регионе, констатируя серьезные и неоднократные нарушения основных прав, которые свидетельствуют о «климате безнаказанности». Эти нарушения и пассивность властей подрывают доверие населения к правоохранительным органам и «усиливают порочную спираль насилия», — говорится в документе.

Парламентарии также подчеркнули, что имеются серьезные указания на то, что власти Чечни или, по крайней мере, круги, близкие к ним, были напрямую замешаны в убийстве Умара Исраилова в Вене.

Члены ПАСЕ рекомендовали Комитету министров Совета Европы вести прямой мониторинг выполнения Россией своих обязательств в отношении ситуации на Северном Кавказе.

Вступление в силу Протокола №14 к Европейской конвенции о правах человека

Протокол №14 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, который направлен на реформу Европейского суда по правам человека с целью повышения его эффективности, вступает в силу 1 июня, три месяца спустя после его ратификации Россией.

Протокол укрепляет возможности Суда по отсеиванию дел в отношении очевидно неприемлемых жалоб, создает новые критерии приемлемости для тех дел, в которых заявитель не понес значительного ущерба, а также вводит меры по более эффективному рассмотрению жалоб, связанных с вопросами, в отношении которых имеется прочно установившаяся прецедентная практика.

В совместном заявлении Генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд и председатель Европейского суда по правам человека Жан-Поль Коста отметили, что «вступление в силу Протокола № 14 представляет собой важнейший шаг в улучшении эффективности Суда и защите прав человека в Европе. Конвенция устанавливает основы единого правового пространства в Европе. Протокол № 14 позволит Суду уделять больше внимания делам, которые поднимают важные правозащитные вопросы, и потому он сможет лучше выполнять свои задачи».

«Протокол № 14 создает юридическую основу для присоединения к Конвенции Европейского Союза, о чем ЕС взял на себя обязательства по Лиссабонскому договору. Присоединение ЕС дополнительно усилит защиту прав человека в Европе, так как правовая система ЕС будет поставлена под независимый внешний контроль в отношении тех прав, которые защищены Конвенцией, в соответствии с толкованием Суда на основании его прецедентного права», — добавили они.

В соответствии с Протоколом № 14 процедуры Суда изменяются благодаря:

- укреплению возможностей фильтрации очевидно неприемлемых заявлений;
- установлению новых критериев приемлемости по делам, в которых заявитель не несет значительного ущерба;
- более эффективному рассмотрению дел, в отношении которых существует прочно устоявшаяся прецедентная практика (иногда они именуются повторяющимися).

Еще одна задача реформы — укрепить роль Комитета министров Совета Европы в вопросах надзора за исполнением постановлений Суда.

Протокол вступил в силу состоится 1 июня 2010 года, через три месяца после его ратификации Россией — последним государством, которое его ратифицировало.

Примечание для редакций:

В 2009 году на рассмотрение Суда поступило 57 200 заявлений. Количество нерассмотренных дел составило 119 300. В 2010 году до настоящего времени на рассмотрение было направлено 23 800 дел. Количество дел, находящихся на рассмотрении, составило 125 900.

Чрезмерная рабочая нагрузка Суда связана, в частности, с двумя факторами: необходимостью обработки большого количества заявлений, которые объявляются неприемлемыми (более 90% тех, по которым принимаются решения), и повторяющимися делами (около 60% постановлений ежегодно).

Несмотря на улучшения, связанные с Протоколом № 14, требуется дальнейшая реформа системы Конвенции. На Конференции высокого уровня о будущем Суда, состоявшейся в Интерлакене (Швейцария) в феврале 2010 года, 47 государств — членов Совета Европы приняли Декларацию и План действий, в которых предлагается и далее работать над дополнительными краткосрочными и среднесрочными мерами по реформе Суда.

15-я Конференция СЕМАТ

8-9 июля в Москве пройдет 15-я Европейская Конференция министров, ответственных за региональное/пространственное планирование (СЕМАТ) Совета Европы на тему: «Вызовы будущего: устойчивое пространственное развитие Европейского континента в изменяющемся мире».

Европейская Конференция министров, ответственных за региональное/пространственное планирование (СЕМАТ), включает представителей 47 государств — членов Совета Европы, объединенной в достижении общей цели — жизнеспособное пространственное развитие Европейского континента. СЕМАТ основана в 1970 году в Бонне.

С момента основания СЕМАТ было разработано большое количество справочных материалов для ведения пространственной политики планирования.

Принятые Ганноверской конференцией на 12-й Сессии СЕМАТ в 2000 году «Основопологающие принципы жизнеспособного пространственного развития Европейского континента» стали важнейшим европейским документом, определяющим основные направления пространственного развития европейского континента. Они составляют для государств — членов Совета Европы, включая их регионы и коммуны, гибкие рамки сотрудничества и ориентиры для устойчивого развития.

На сегодняшний день свое участие в Конференции подтвердили 15 стран: Австрия, Армения, Венгрия, Германия, Греция, Италия, Латвия, Люксембург, Македония, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Словения, Украина, Финляндия, Франция, Швеция.

ТУРБЬЁРН ЯГЛАНД приветствует решение России о введении компенсации за судебную волокиту

«Я приветствую проведенную недавно Российской Федерацией реформу, направленную на введение компенсаций. Несоблюдение разумных сроков исполнения судебных актов российских судов отрицательно влияет на жизнь многих уязвимых групп населения и является наиболее частой причиной нарушений, выявляемых Европейским судом по правам человека при рассмотрении жалоб против России», — заявил сегодня Генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд.

«Этот позитивный шаг стал результатом многолетнего тесного сотрудничества властей России и Комитета министров в вопросах, связанных с осуществлением контроля за исполнением решений Страсбургского суда.

Надеюсь, что закон, подписанный Президентом Медведевым, не только повысит эффективность средств внутренней правовой защиты, но и укрепит авторитет российской судебной системы в соответствии с требованиями Конвенции», — подчеркнул Т. Ягланд.

Пакет законов, подписанных Президентом Медведевым, направлен на введение надлежащих компенсаций для лиц, пострадавших от несоблюдения разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных решений. Данная реформа, необходимость проведения которой отмечалась в около 250 постановлениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), отвечает, в частности, требованиям пилотного постановления ЕСПЧ по делу «Бурдов против России» (№ 2).

Принятие данных законов имеет большое значение, т.к. они:

- будут способствовать сокращению числа жалоб, поступающих в Страсбург, и послужат вкладом России в Интерлакенский процесс;
- служат конкретным примером положительного воздействия Европейской конвенции о правах человека на правовую систему России;
- свидетельствуют о готовности Российской Федерации исполнять решения ЕСПЧ.

Общественность имеет право знать, какой интернет-контент будет удален

Заявление Генерального секретаря Совета Европы Турбьёрна Ягланда

Турбьёрн Ягланд приветствовал инициативу «Google» публиковать данные о том, какая информация в Интернете должна быть удалена или подвергнута цензуре:

«Общественность имеет право знать, что именно правительства стран требуют удалить из сети. Информационная прозрачность необходима для защиты свободы слова. Поэтому я настоятельно призываю правительства европейских стран отказаться от цензуры интернет-контента по причинам, не указанным в статье 10 Европейской конвенции о правах человека. Действия правительств должны соответствовать законам демократического общества.

Свобода выражения мнений является одним из основных прав человека, независимо от того, является это критикой государства или нет. Данное право несет с собой ответственность за сохранение достоинств и прав других людей и защиту уязвимых групп населения, в особенности детей. Только диалог и сотрудничество между государственными и негосударственными структурами, международными организациями и гражданским обществом помогут найти справедливое для всех решение.

«Интернет для всех» является законным стремлением, которое должно сочетаться с максимумом прав и услуг и минимумом ограничений».

«Бывшая Югославская Республика Македония» принимает от Швейцарии председательство в Комитете министров

11 мая на сессии Комитета министров в Страсбурге встретились министры иностранных дел и государственные секретари по европейским делам 47 государств — членов Совета Европы. Заседание прошло под председательством главы Федерального департамента иностранных дел Швейцарии Мишлин Кальми-Рей и министра иностранных дел «бывшей Югославской Республики Македония» Антонио Милошоски.

Уходящий председатель Комитета министров выступила с докладом о результатах, достигнутых Швейцарией за прошедшие полгода, а новый председатель представил приоритеты своей страны на период, в который она возглавит Комитет министров. Центральное место в повестке дня сессии заняли такие вопросы, как дальнейшие шаги по выполнению решений Конференции о будущем Европейского суда по правам человека (состоявшейся в швейцарском Интерлакене в феврале 2010 г.), положение в Боснии и Герцеговине, конфликт в Грузии, отношения с Европейским Союзом, процесс реформирования Совета Европы.

Комитет министров Совета Европы: приоритеты нового председательства

Глава Федерального департамента иностранных дел Швейцарии Мишлин Кальми-Рей выступила с докладом о результатах, достигнутых Швейцарским председательством за прошедшие шесть месяцев, а новый действующий председатель Комитета министров Антонио Милошоски представил приоритеты программы председательства своей страны, которые охватывают три сектора:

- укрепление системы защиты прав человека;
- содействие процессам интеграции при соблюдении культурного многообразия;
- развитие участия молодежи в общественной жизни.

Сплоченная Европа немыслима без интеграции национальных меньшинств в европейское общество. В сотрудничестве с секретариатом Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и Консультативным комитетом новый председатель организует конференцию по вопросам интеграции национальных меньшинств. Эта встреча позволит обсудить такие вопросы, как взаимодополняемость деятельности Консультативного комитета и Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств и взаимодействие с другими международными организациями в развитии поликультурного пространства в Европе.

Поскольку молодежь — это движущая сила общества, новый председатель планирует собрать в сентябре 2010 года молодежный форум в Охриде, который станет одним из мероприятий Совета Европы, посвященных «Международному году молодежи — 2010», провозглашенному Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 64/134.

28 мая 2010 г. Председатель ЕСПЧ Жан-Поль Коста посетил нидерландский Мидлбург, где ему в присутствии Её Величества Королевы Беатрикс и Его Королевского Высочества Принца Вильяма-Александра была вручена Международная премия «четырёх свобод» имени Франклина Д. Рузвельта. Премию г-ну Коста вручил премьер-министр Нидерландов Ян Петер Балкененде. Основанием для присуждения высокой награды стали «не только прошлые заслуги Суда на службе Демократии и Свободы, но и благодарность от имени грядущих поколений». Избранный от Нидерландов судья ЕСПЧ Эгберт Майер также присутствовал на церемонии вручения премии.

В прошлом премия присуждалась таким выдающимся политическим фигурам, как Джон Ф.Кеннеди, Джимми Картер, Вацлав Гавел, Далай-Лама, Михаил Горбачёв и Билл Клинтон. «Четыре свободы» были обозначены в речи Ф.Д.Рузвельта 6 января 1941 года как: свобода слова и выражения мнений, свобода вероисповедания, свобода от нужды и свобода от страха под угрозой войны.

По случаю присуждения премии «четырёх свобод» имени Франклина Д. Рузвельта г-н Ж.П. Коста выступил с речью перед собравшимися.

ЧАСТИЧНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Частичное соглашение — в высшей степени гибкая форма сотрудничества в рамках Совета Европы. Частичное соглашение позволяет группе государств-членов Совета совместно работать ради достижения общих целей, которые не обязательно разделяют все страны.

Расходы по каждому частичному соглашению несут исключительно государства-участники; они же определяют методы реализации соглашения. В то же время деятельность по частичным соглашениям является частью общей работы Совета Европы.

Некоторые частичные соглашения (их именуют «расширенными частичными соглашениями») дает странам, не состоящим в Совете Европы, и крупным международным организациям возможность работать совместно с государствами-членами над вопросами, которые представляют для них особый интерес. Такой порядок обеспечивает большую свободу действий на территории заинтересованных участников, а также расширение влияния Совета Европы и его стандартов.

Совет Европы гордится разнообразием его частичных соглашений, их целей и достижений. Каждое частичное соглашение в рамках Совета Европы призвано решать крайне важные для европейских граждан вопросы.

«ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОМИССИЯ»

Общие сведения

Европейская Комиссия за демократию через право, более известная по названию города, где она собирается, как Венецианская комиссия (далее: Комиссия), была образована вскоре после падения Берлинской стены, в 1990 году. Она сыграла ключевую роль в принятии восточноевропейскими странами конституций, соответствующих стандартам европейского конституционного наследия.

Изначально созданная как инструмент неотложного конституционного строительства в условиях демократических перемен, Комиссия постепенно стала международно признанным независимым форумом по обмену идеями в правовой сфере. Комиссия содействует распространению европейского конституционного наследия, основанного на основных нормах европейского континента, при этом продолжая оказывать «срочную конституционную помощь».

Помимо этого, Венецианская комиссия, как было недавно отмечено представителями Европейского Союза, играет уникальную и важную роль в урегулировании и предотвращении конфликтов через разработку норм и рекомендаций в конституционной сфере.

Юридическое обоснование и состав

Устав Комиссии

Созданная в 1990 году в виде «частичного соглашения» 18 государствами — членами Совета Европы, в феврале 2002 года Комиссия стала *расширенным соглашением*, что позволило войти в нее неевропейским государствам.

Венецианская Комиссия состоит из «**независимых экспертов, получивших международную известность благодаря своему опыту работы в демократических институтах или своему вкладу в развитие права и политических наук**» (статья 2 пересмотренного Устава).

Ее членами являются, в частности, профессора университетов, преподающие конституционное и международное право, судьи верховных и конституционных судов, депутаты национальных парламентов, высокопоставленные чиновники. Они назначаются государствами — членами Европейской Комиссии на четырехлетний срок.

Государства-члены

В Венецианскую комиссию входят все государства — члены Совета Европы; в 2004 году в Комиссию вступил Киргизстан, в 2005 — Чили, в 2006 — Республика Корея, в 2007 — Марокко и Алжир, в 2008 — Израиль и Тунис, в 2009 — Перу и Бразилия. Таким образом, Комиссия в начале 2009 года насчитывала 56 стран-членов. В качестве ассоциированного члена в ее работе принимает участие Беларусь. Статус наблюдателя при Венецианской комиссии имеют следующие государства: Аргентина, Казахстан, Канада, Мексика, США, Уругвай и Япония. Специальный статус партнера по сотрудничеству, подобный статусу наблюдателя, имеют Южная Африка и Палестинская национальная автономия.

Европейская комиссия и Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ (ОБСЕ/БДИПЧ) регулярно принимают участие в пленарных заседаниях Венецианской комиссии.

Деятельность Комиссии

В своей работе Европейская комиссия за демократию через право руководствуется тремя базовыми принципами европейского конституционного наследия, лежащими в основе деятельности Совета Европы, а именно: демократией, защитой прав человека и верховенством закона. Эти три принципа находят практическую реализацию в четырех областях деятельности:

- Содействие в области конституционного права
- Выборы и референдумы
- Сотрудничество с конституционными судами
- Исследования, доклады и «транснациональные» семинары.

Почему «Группа Помпиду»?

Участие Совета Европы в борьбе с незаконным употреблением и оборотом наркотических средств осуществляется в рамках многопрофильной координационной группы, известной как «Группа Помпиду». Она была учреждена в 1971 году по инициативе тогдашнего президента Франции Ж. Помпиду, а в 1980 году вошла в структуру Совета Европы. В ее рамках осуществляют взаимодействие и обмениваются опытом европейские министры, должностные лица, эксперты и специалисты. Группа Помпиду в четвертый раз объявляет конкурс на соискание Европейской премии за работу по профилактике наркомании. Этой награды будут удостоены проекты по профилактике наркомании, доказавшие на практике свою эффективность с привлечением к участию в них молодежи.

«Группа Помпиду» — это межправительственный орган, членами которого являются страны, а не частные лица или национальные ведомства. В настоящее время в нее входят 34 государства. С 1991 года оказываемое по ее линии техническое содействие было распространено на страны Центральной и Восточной Европы, не входящие в группу. На мероприятия Группы приглашались также представители неевропейских государств — США и Канады.

Гибкий подход

Работа группы построена по многопрофильному принципу. Это значит, что она действует по всем направлениям, связанным с темой наркомании, включая такие аспекты, как медицина, социальное обеспечение, образование, правосудие, деятельность правоохранительных органов, спорт и молодежь. Гибкость ее работы отражается в многообразии применяемых методов — от создания систем мониторинга ситуации в крупных городах до учебных программ. Благодаря этому группа, структурно относящаяся к Генеральному директорату по вопросам социальной сплоченности Совета Европы, стала базой для координации

действий на европейском уровне. В условиях меняющейся ситуации с наркоманией на Европейском континенте группа призвана выполнять три функции: развивать новаторские подходы, стимулировать дальнейшее взаимодействие и выполнять координирующую роль.

Задачи Группы:

- развитие обмена опытом и знаниями между руководителями ведомств, коллективами специалистов и ученых по связанным с наркоманией проблемам, мерам политики и программам;
- разработка комплексных мер по борьбе с наркоманией на национальном, региональном и местном уровнях;
- совершенствование системы сбора данных в Европе, отслеживание новых тенденций и проблем, определение новых направлений работы.

Как работает «Группа Помпиду»?

Она осуществляет свою деятельность на четырех уровнях:

- на уровне министров: один раз в три года Группа проводит заседания на уровне министров, где обсуждаются вопросы политики, согласовываются приоритеты и программы работы;
- на уровне «постоянных корреспондентов» — ответственных работников ведомств, занимающихся координацией борьбы с наркоманией, — которые собираются один раз в полгода для решения вопросов текущей деятельности осуществления контактов с правительствами государств-членов;
- на уровне экспертов — сотрудников ведомств, специалистов, ученых, которые принимают участие в рабочих группах, семинарах, заседаниях для рассмотрения технических вопросов;
- на уровне секретариата — группы сотрудников Совета Европы, которые следят за выполнением программы работы, занимаются подготовкой заседаний на всех уровнях и выполняют другие административные обязанности.

Основные направления работы

Повышение качества собираемых данных об употреблении наркотиков

Разработка эффективных, действенных мер политики, направленных на снижение наркомании, требует наличия точных данных о периодичности и характере потребления наркотиков в различных условиях, а также о его социальных и медицинских последствиях. Поэтому приоритетными для группы являются сбор информации, разработка механизмов для оценки ситуации (опросы, обследования и т.д.), формирование методических подходов.

В этой сфере Группой разработаны различные инструменты, в том числе:

- единая анкета для проведения опросов в средней школе, на основании которой можно сопоставлять данные о потреблении наркотиков, алкоголя и табака школьниками разных европейских стран;
- протокол о системе учета реабилитируемых, включающий стандартные определения и типовые формуляры, благодаря чему улучшается качество информации о потребностях в реабилитации на уровне городов, а вскоре эта работа будет выведена и на национальный уровень

Снижение риска и профилактика употребления наркотиков

Группа разрабатывает целевые профилактические мероприятия, адаптированные к новым тенденциям развития наркомании, и добивается улучшения информационного обеспечения тех, кто сталкивается с проблемой наркотиков. Ею выпущено Европейское руководство по профилактике, где изложены методики разработки и осуществления профилактических программ. Группа занимается анализом масштаба и характера рисков, связанных с чрезмерным употреблением наркотиков как для самих наркоманов, так и для общества в целом. Так, она содействует обмену информацией о связи между употреблением наркотиков и безопасностью дорожного движения, учета нужд пользователей в процессе реабилитации наркоманов. Вот еще несколько тем, разрабатываемых в Группе:

- половая специфика и наркотики;
- интеграция работы с наркоманами в общественную жизнь.

Разрешение социальных вопросов

Реабилитация наркоманов и их возвращение в общество является важным аспектом социальной сплоченности, на который в последнее время обращается недостаточное внимание. Главными приоритетами являются местные общественные программы реабилитации и трудоустройства.

Взаимодействие с системой уголовного правосудия и борьба с незаконным оборотом наркотиков

Признавая остроту проблемы наркопреступности, группа выработала меры политики по сокращению рецидива и хронической наркомании. Одним из путей здесь является внедрение альтернативных мер наказания — программ терапевтического лечения, поддержка инициатив по расширению реабилитационных программ — как в условиях пенитенциара, так и после выхода на свободу. Группа содействует сотрудничеству между полицией и таможенными органами в борьбе с контрабандой наркотиков, уделяя особое внимание аэропортам и портам на внутренних водных путях.

Группа также участвовала в выработке ряда соглашений Совета Европы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а именно:

- Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности;
- Соглашение о морской контрабанде.

Сотрудничество и обмен опытом

В Группе разрабатываются различные учебные мероприятия в поддержку программ реабилитации. Одним из них является проект создания учебных программ и пособий для двенадцати стран. Она также оказывает поддержку проведению ознакомительных поездок для специалистов и ученых.

Учитывая потребность в обмене специальными знаниями, в Группе разрабатываются различные документы — от протоколов и итоговых документов семинаров до составляемых специалистами докладов и справочников, в том числе совместно с другими организациями.

Организации-партнеры

«Группа Помпиду» тесно взаимодействует и проводит совместные проекты с рядом международных, межгосударственных и неправительственных организаций, среди которых:

- Европейский Союз и, в частности, Комиссия и смежные структуры, в том числе Европейский центр изучения проблем наркотиков и наркомании и Европол;
- специализированные учреждения и организации системы ООН — Управление по контролю над наркотиками и предупреждению преступности (УКНПП), Международный комитет по контролю над наркотиками (МККН), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация труда (МОТ), ЮНЕСКО;
- специализированные организации — Международная организация уголовной полиции (Интерпол), Всемирная таможенная организация;
- международные неправительственные организации.

Государства — члены «Группы Помпиду»

Австрия, Азербайджан, Бельгия, Болгария, Венгрия, Дания, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Сан-Марино, Словакия, Словения, Турция, Финляндия, Франция, Соединенное Королевство, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

В оказании технического содействия также участвуют другие страны, не входящие в Группу: Албания, Румыния и Украина.

К работе Группы на разовой основе подключаются и другие страны, не являющиеся членами Совета Европы, например, США, Канада, Ватикан.

Справочник по ночной жизни

Известно, что во всех европейских городах праздная публика забавы ради употребляет наркотики. Объединение европейских городов «EXASS Net» предлагает вниманию своих участников справочное издание, в котором описаны возникающие в связи с этим ситуации и меры, принимаемые в странах ЕС для их разрешения. В нем также содержатся сведения о европейских организациях, работающих в этой сфере.

О группе ГРЕКО

Группа стран по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) была создана в 1999 году для мониторинга антикоррупционных стандартов Совета Европы в странах, вступивших в эту организацию.

Задача ГРЕКО — усовершенствовать работу по борьбе с коррупцией на национальном уровне с помощью мониторинга соблюдения стандартов Совета Европы в этой области. Страны, входящие в ГРЕКО, прибегают к многосторонней оценке ситуации и могут оказывать давление на национальные органы борьбы в этой сфере. Работа группы позволяет определять недостатки антикоррупционной политики и стимулировать развитие законодательных, административных и исполнительных систем.

Членство в ГРЕКО не ограничено странами, входящими в Совет Европы, и, таким образом, группа работает в формате Расширенного Частичного Соглашения. Согласно правилам, любая страна, принявшая участие в разработке таких соглашений, может присоединиться к нему, известив о своём решении Генерального секретаря Совета Европы. Более того, любая страна, подписавшая конвенции Совета Европы по уголовному или гражданскому праву автоматически присоединяется к ГРЕКО и к существующим механизмам оценки. На сегодняшний день в ГРЕКО состоят 45 стран «Большой Европы» (все члены Совета Европы, за исключением Лихтенштейна и Сан-Марино), а также США. Россия — член группы ГРЕКО с 1 февраля 2007 года.

Работа ГРЕКО ведется согласно уставу и одобренным процедурным правилам. Каждая из стран назначает до двух представителей для работы в группе, которые участвуют в пленарных заседаниях и имеют право голоса. Каждая страна также предлагает ГРЕКО список экспертов, которые допускаются к работе по оценке ситуации. Другие структуры Совета Европы, как, например, ПАСЕ, также могут назначать своих представителей. Статус наблюдателя при ГРЕКО получили Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Организация Объединенных Наций, которую в ГРЕКО представляет Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). ГРЕКО избирает президента, вице-президента и членов Бюро, которые принимают непосредственное участие в разработке рабочей программы группы и наблюдением за исполнением процедур оценки.

В Уставной комитет ГРЕКО входят представители Советов министров каждой из стран в составе группы, а также спецпредставители от других государств. Этот комитет отвечает за принятие рабочего бюджета группы и уполномочен делать публичные заявления, если находит, что одна из стран-участниц недостаточно серьезно относится к рекомендациям ГРЕКО.

Устав ГРЕКО определяет типичную процедуру для работы, которая может быть применена в измененном виде к различным правовым инструментам, подлежащим пересмотру.

Секретариат группы ГРЕКО расположен в Страсбурге, им руководит Исполнительный секретарь, которого назначает Генсек Совета Европы.

В России в рамках группы ГРЕКО работает проект MOLI-RU2 по противодействию легализации («отмыванию») преступных доходов. Более подробную информацию о проекте можно найти на сайте www.coe.ru.

В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ

*Томас Хаммарберг,
комиссар Совета Европы по правам Человека*

СТРАСБУРГСКИЙ СУД — источник надежды для многих людей.

Необходимо гарантировать его дальнейшее эффективное функционирование

Европейский суд по правам человека захлестывает поток обращений людей со всей Европы. В 2009 году было получено более 50 тысяч жалоб, а количество дел, ожидающих рассмотрения, теперь достигло более 100 тысяч.

Такой поток жалоб свидетельствует о главном — Страсбургский суд имеет важнейшее значение для многих людей, которые чувствуют, что в **европейских государствах их права не защищены**.

В четырех из пяти постановлений, вынесенных с 1959 года, Суд установил по крайней мере одно нарушение Конвенции со стороны государства-ответчика.

Для того чтобы справиться с такой нагрузкой, Суд предпринял шаги по повышению своей эффективности. За последние десятилетия ежегодное количество итоговых постановлений более чем удвоилось. Благодаря вступлению в силу известного Протокола № 14 появятся дальнейшие возможности координировать процедуры и повышать эффективность Суда.

Чрезвычайно важно, чтобы было сохранено качество принимаемых решений, чтобы постановления выносились в разумные сроки и, самое главное, в полной мере и эффективно исполнялись заинтересованными государствами.

Актуальность деятельности Суда очевидна, если учесть конкретные последствия его решений для жизни людей, независимо от их статуса.

Однако Суд важен и помимо рассмотрения индивидуальных дел, благодаря тому, что Европейская конвенция о защите прав человека включена в национальное право во всех государствах — членах Совета Европы. Таким образом, постановления Страсбургского суда действуют как наиболее авторитетное толкование этой части национального права — причем для всех государств — членов.

Предстоящее присоединение к Конвенции Европейского Союза еще более повысит важность данного измерения этой системы.

Основной характеристикой этой системы является **право на индивидуальные жалобы**. Важнейшее значение имеет сам факт того, что **все 800 миллионов людей в регионе Совета Европы имеют право искать справедливости — в качестве последнего средства — на наднациональном уровне**. Представители государственных органов и активисты гражданского общества, ориентированные на права человека, в других частях мира изучают эту уникальную европейскую модель и вдохновляются ею.

Для того чтобы сохранить эффективность (и тем самым авторитет) этого важного института, необходимо осуществить дальнейшие реформы. Однако необходимость рассмотрения неприемлемых или необоснованных жалоб (а к этой категории относится не менее 90% обращений) очень замедляет содержательную работу. Снизить поток некачественных обращений можно только в результате серьезных усилий по распространению в государствах-членах информации о процедурах Суда.

Кроме того, существует серьезная проблема «повторяющихся дел». Примерно 50% дел, являющихся приемлемыми для рассмотрения по существу, на самом деле связаны с вопросами, которые уже рассматривались в постановлениях Суда. Это означает, что они должны быть решены государствами-ответчиками в рамках своей национальной правовой системы.

Существует серьезный пробел в отношении систематического выполнения государствами постановлений Суда. Требуется быстрое, полное и эффективное исполнение постановлений, для того чтобы аналогичные нарушения предупреждались. На деле эффективное укоренение стандартов Конвенции в национальном праве и в практике далеко не всегда обеспечено в ряде стран, несмотря на рекомендации со стороны Комитета министров. Само доверие к европейской системе защиты прав человека, в конце концов, зависит от того, насколько эффективны стандарты на практике.

Дискуссии вокруг трудностей Страсбургского суда должны в большей степени сосредоточиться на необходимости предупреждения нарушений. **Главный вопрос заключается не в том, почему Суд сталкивается с трудностями, а в том, почему столь много людей чувствует необходимость обратиться в него со своими жалобами.**

Вывод состоит в том, что необходимо гораздо больше делать для защиты прав человека в странах на национальном уровне. Европейская система ни в коем случае не может действовать как долгосрочный заменитель национальных систем. Для преодоления пробела в исполнении правительства должны разработать систематическую и комплексную стратегию, которая обеспечивала бы полную реализацию европейских договоров в сфере прав человека, начиная, разумеется, с Конвенции и прецедентной практики Суда. Разработка национального плана выполнения обязательств в области прав человека создавала бы идеальные рамки для такого систематического подхода.

Это можно начать с проведения национального базисного исследования, которое представило бы широкую и точную картину существующего в стране положения в сфере прав человека. Тщательная оценка существующей политики и практики, а также признание проблемных областей составляют основу этой работы. Необходимо будет оценить степень выполнения международных договоров, а также реагирование на решения Суда (в том числе на ведущие постановления, касающиеся других стран). Большую пользу имело бы назначение для выполнения этой задачи межведомственного комитета — как это сделано в Польше и Швеции.

Следующим важным шагом должна быть разработка национального плана действий в сфере прав человека для преодоления тех проблем в области прав человека, которые были выявлены в базисном исследовании. Такие планы должны содержать конкретные мероприятия и определять те органы власти, которые несут ответственность за их выполнение. Данная деятельность должна сочетаться с установлением сроков и показателей для дальнейших шагов и оценки. В этот процесс следует включить и обязательства по международной отчетности.

В эти процессы государства должны вовлекать всех участников, включая омбудсменов и другие национальные правозащитные структуры, гражданское общество и представителей малообеспеченных групп населения. Такой открытый, основанный на участии подход содействовал бы авторитету данного плана, наделял ответственностью каждого и обеспечивал бы эффективное выполнение.

Выполнение планов действий должно рассматриваться на регулярной основе, при этом должна проводиться независимая оценка результатов завершенной работы. Столь же важно оценивать процессы с точки зрения участия, открытости и транспарентности, а также конечные результаты всей деятельности.

Государства должны обеспечивать поддержку на высоком уровне и долгосрочный характер этих планов действий, благодаря активному вовлечению политиков и руководящих органов и учреждений,

ответственных за выполнение плана действий. Планы действий, рассчитанные на более длительный срок, в течение которого могут проходить национальные и местные выборы, должны обсуждаться и/или приниматься парламентом для обеспечения их преемственности.

Планирование в сфере прав человека должно координироваться с бюджетным процессом для обеспечения должного финансирования правозащитной работы. Необходимо анализировать предложения по бюджету в контексте защиты прав человека и информировать политиков о последствиях их решений, добиваясь их подотчетности.

Важнейшей частью такой политики должно быть включение прав человека в повседневную работу государственных органов и обеспечение эффективной координации и сотрудничества между властями на всех уровнях путем создания сетей или иных форумов для обсуждений и обмена опытом.

Следует поощрять местные органы власти в том, чтобы разрабатывать комплексные базисные исследования на местном уровне, планы действий или иные аналогичные документы для проведения регулярного обзора положения на местах и координации усилий по преодолению проблем в сфере прав человека. Следует создать адекватные системы для мониторинга положения в области здравоохранения, образования или социального обеспечения, независимо от того, предоставляются ли эти услуги государственными или частными органами, исходя при этом из интересов защиты прав человека.

Чрезвычайно важно создать адекватную систему сбора данных и анализа, включая данные о малообеспеченных группах населения. Сбор чувствительных данных должен быть добровольным и сопровождаться необходимыми гарантиями для предупреждения идентификации лиц, принадлежащих к определенной группе. Официальные данные должны дополняться соответствующей информацией от национальных правозащитных структур и НПО.

Следует уважать независимость омбудсменов и других национальных правозащитных структур. У них должны быть достаточные средства для выполнения своей роли. Требуется рассмотреть возможность создания таких органов на региональном или местном уровне для облегчения доступа к ним со стороны обычных людей. Эти органы, если у них будут иметься достаточные средства, также могут способствовать созданию национальных информационных систем по Конвенции и процедурам Суда и сделать эту информацию легкодоступной для каждого заинтересованного человека.

Еще одна важная основа этой работы — это укрепление культуры прав человека благодаря полному включению тематики прав человека в образование и в подготовку, а также путем проведения информационных кампаний. Чрезвычайно важно, чтобы в рамках обучения правам человека на всех уровнях использовался конкретный и доступный язык. Следует анализировать потребности в обучении государственных служащих и других специалистов, занимающихся правами человека, для того чтобы все они обладали углубленными и обновленными знаниями международных стандартов, относящихся к их сфере деятельности.

Наличие серьезного пакета реформ, построенных по этим направлениям, улучшит защиту прав человека в любой стране. Это будет отвечать основополагающему принципу субсидиарности, который воплощен в Конвенции. В идеале каждый человек должен иметь возможность обращаться к правосудию и добиваться справедливости в своей собственной стране.

Другие подразделения Совета Европы — включая мой собственный Офис и Генеральный директорат по правам человека и юридическим вопросам — предоставляют консультативные услуги государствам-членам для содействия таким систематическим мерам по соблюдению прав человека на национальном уровне.

Эти усилия дадут желаемые результаты только в том случае, если правительства будут рассматривать их в более приоритетном порядке, чем это делалось до сих пор. И в этом случае достижение таких результатов потребует определенного времени, что в свою очередь подчеркивает необходимость проведения немедленных реформ процедур Суда в Страсбурге.

Действительно, этот Суд никогда не станет излишним, даже если большое количество дел, с которыми обращаются в него сейчас, будет находить удовлетворительное решение на национальном уровне.

Мудрость Суда будет по-прежнему иметь решающее значение по ключевым делам, в связи с которыми у нас возникнет необходимость в авторитетном толковании Конвенции.

Необходимо соблюдать лингвистические права национальных меньшинств — отрицание этих прав подрывает права человека и приводит к напряженности между общинами

Лингвистические права стали предметом спора в ряде европейских стран, а в результате этого — и между соседними государствами. Когда некоторые правительства предпринимают шаги по укреплению позиций официального языка, национальные меньшинства обеспокоены тем, что их лингвистические права могут быть ущемлены.

Написание имен в паспортах, указание названий улиц и иных топографических знаков, использование языка в школах, лингвистические требования при обращении в государственные органы и возможность создавать СМИ для меньшинств — все эти вопросы вновь и вновь поднимаются представителями меньшинств в ряде европейских стран.

Пересмотр политической карты Европы за последние двадцать лет привел к тому, что в некоторых регионах эти проблемы стали еще более острыми. Также возникшие националистические тенденции — в сочетании с путаницей и отсутствием ясности в отношении «национальной самоидентичности» — похоже, воодушевляют экстремистов выступать с ксенофобными заявлениями в отношении интересов меньшинств.

При этом речь идет о такой области, которая особо требует зрелого политического руководства. Язык является важнейшим инструментом организации общества, в том числе для самого функционирования государства. Однако язык также представляет собой главное измерение индивидуальной самобытности на личном уровне и зачастую имеет особое значение для тех, кто состоит в меньшинстве.

В некоторых странах возникают споры в ситуациях, когда статус государственного языка рассматривается как находящийся под угрозой в тех регионах, где меньшинства значительно представлены в количественном отношении и, возможно, также в политическом. В качестве аргумента для обоснования спорных поправок, принятых в прошлом году к закону о государственном языке в Словакии, выдвигалась необходимость обеспечения того, чтобы лица, говорящие только на словацком языке, могли понимать все официальные публикации, даже тогда, когда они проживают в районах, населенных в основном венгерским меньшинством.

Меньшинства, в основном венгры, сочли предлагаемые изменения в законе дискриминационными, резко выступили против введения наказаний за несоблюдение законодательства о языке и высказались, что языки меньшинств нуждаются в более высоком уровне правовой защиты. Эта дискуссия также затронула и отношения между Словакией и Венгрией.

В урегулировании данного спора принял участие Верховный комиссар ОБСЕ по национальным меньшинствам. Кроме того, правительство в Братиславе приняло мудрое решение передать эти поправки к законодательству в Венецианскую комиссию для комментария. Таким образом, существуют хорошие перспективы принятия такого решения, которое учитывало бы права людей.

Проблемы, связанные с языком, — это, разумеется, явление отнюдь не новое. Действительно, в целом ряде международных и европейских договоров о правах человека были разработаны нормы в отношении того, как урегулировать эти вопросы.

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (РКЗНМ) является договором Совета Европы, который, помимо прочего, защищает и поддерживает лингвистические права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. На основании Конвенции создан мониторинговый орган для оказания содействия ее выполнения государствами-сторонами — а именно Консультативный комитет.

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (ЕХРЯМ) защищает и поддерживает языки как часть европейского культурного наследия, находящегося под угрозой. Комитет экспертов осуществляет мониторинг за выполнением Хартии.

Эти стандарты дополняются Европейской конвенцией о защите прав человека, которая запрещает дискриминацию, например, по признаку языка (статья 14). Весьма большое значение в этой области имеет правовая практика Европейского суда по правам человека (Страсбургского суда).

Стандарты в этой сфере разработаны и ОБСЕ, выполнению которых содействует Верховный комиссар по национальным меньшинствам. Одним из важных документов являются Рекомендации в отношении лингвистических прав национальных меньшинств, принятые в Осло (с пояснительной запиской).

Среди соответствующих документов ООН следует отметить Международный пакт о гражданских и политических правах, в котором заявляется, что лицам, принадлежащим к меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться родным языком. Менее обязательный, но также весьма актуальный характер носит Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам.

В этих договорах и рекомендациях заявляется о ключевых принципах и определяются обязательства правительств. Однако, поскольку сам характер проблем значительно различается в разных странах, во многих случаях существует необходимость определенного толкования согласованных рамочных норм, для того чтобы достигнуть поставленной задачи и добиться соответствующего баланса.

Следует предусматривать соответствующее «поле усмотрения» — если использовать терминологию Страсбургского суда — при применении этих стандартов. При этом такое поле усмотрения не должно исключать обязательство лиц, принадлежащих к меньшинствам, соблюдать права человека.

В дискуссиях на национальном уровне необходимо учитывать выводы различных международных органов мониторинга и правовую практику Страсбургского суда. Они дают важные ориентиры для тех, кто принимает решения на политическом уровне.

Личные имена

Страсбургский суд заявил, что «имя является не только важным аспектом самоидентификации; это — важнейшее средство идентификации личности в обществе в целом». По одному из дел («Гузел Эрдагöz (Guzel Erdagöz) против Турции», 2008) Суд постановил, что отказ государственных органов принять предпочтительное написание личного имени нарушает право на уважение к частной жизни, как это предусмотрено в Европейской конвенции (статья 8).

Эти принципы действуют и в таких ситуациях, когда государственный язык и язык меньшинства основываются на разных алфавитах или письменности. Недавно, во время посещения Литвы, я узнал, что спорным вопросом стало написание польских фамилий в паспортах и других официальных документах. Однако сейчас правительство в Вильнюсе направило парламенту предложение, которое, если оно будет принято, будет рассматриваться как конструктивный шаг к более полному соблюдению прав меньшинств.

Названия населенных пунктов, улиц и другие топографические обозначения

Консультативный комитет Рамочной конвенции в отношении Литвы пришел к выводу, что отсутствие двуязычных топографических знаков в некоторых районах является несовместимым с Конвенцией. Возникло противоречие между законом о государственном языке и законом о национальных меньшинствах, которое необходимо урегулировать.

В своем докладе по Австрии я обратил внимание на спор в отношении возможности размещения топографических названий на немецком и словенском языках в некоторых муниципалитетах в Каринтии и рекомендовал без дальнейших задержек исполнить постановление Конституционного суда по данному вопросу. Это постановление защищает принцип двуязычных топографических знаков в тех районах, где проживает значительное количество лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Такой подход также означает, что местные органы власти, подавляющее число которых составляют представители меньшинств, должны соглашаться с тем, что при необходимости, официальный язык

использовался параллельно с языком меньшинств. Лица, принадлежащие к большинству в стране, не должны подвергаться дискриминации в том случае, когда они проживают в регионах, где они сами составляют меньшинство.

Образование

Образование на языке меньшинства является важнейшим фактором защиты лингвистических прав и поддержания языков. Правительства должны стремиться к тому, чтобы у лиц, принадлежащих к меньшинствам, были соответствующие возможности изучать язык меньшинства и даже получать образование на этом языке. Необходимо поощрять двуязычие для всех.

Право на соответствующие возможности обучения на языке меньшинства должно осуществляться без ущерба для изучения официального языка или получения образования на этом языке. Действительно, как Консультативный комитет, так и Верховный комиссар по национальным меньшинствам подчеркивали важность права на качественное образование на официальном языке, в том числе и для меньшинств.

Это имеет важнейшее значение в тех регионах, где лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, плохо владеют или совсем не владеют государственным языком (или языками) и в результате этого выключены из важнейших аспектов жизни всего общества. Консультативный комитет обсуждал данную проблему, имеющую место в Эстонии, Грузии, Латвии и Молдове.

Серьезной проблемой в большинстве европейских стран является то, что изучение цыганского языка или обучение на этом языке практически полностью игнорируется — даже там, где имеется значительное количество жителей-цыган.

Контакты с органами власти

Возможность общения с органами власти на родном языке является еще одной из проблем прав человека, о которой заявляют лица, принадлежащие к меньшинствам. Это право не всегда может быть в полной мере гарантировано на практике в связи с ограниченностью кадровых и финансовых ресурсов. Однако Рамочная конвенция и Хартия заявляют о том, что госорганы должны стремиться способствовать, насколько это возможно, таким формам общения, когда в этом есть реальная необходимость.

Многие государства предпочитают учитывать количественные размеры меньшинства в определенном районе в качестве соответствующего фактора для предоставления определенных лингвистических прав и установили в этой связи минимальные пороги. Такие пороги, однако, не должны быть слишком высокими; Консультативный комитет полагает, что минимальный порог в 50 % является неразумным.

В рамках своей политики набора персонала государственные органы не должны требовать уровня владения государственным языком выходящего за рамки необходимого для данной должности. Не следует необоснованно ограничивать доступ к занятости для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Кроме того, рекомендуется подходить к этим вопросам конструктивно, предлагая кандидатам от национальных меньшинств возможность пройти курсы на государственном языке. Одновременно наем государственных служащих, владеющими соответствующими языками меньшинств, позволит административным органам лучше оказывать услуги всему населению.

Такие позитивные меры особенно важны тогда, когда правительства решают принять меры по защите и продвижению официального языка. Следует избегать санкций в связи с исполнением закона о государственном языке. Упор скорее должен делаться на необходимости гармонизировать такое законодательство с законом, защищающим языки меньшинств — для избежания противоречий и для обеспечения того, чтобы соблюдались лингвистические права всех граждан.

СМИ

Еще одной областью, представляющей серьезное значение для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, является возможность создать СМИ на их языке. СМИ должны в полной мере отражать плюрализм и многообразие населения. При этом государственное регулирование вещательных СМИ должно основываться на объективных и недискриминационных критериях и не использоваться для ограничения прав меньшинств.

Лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, должен быть обеспечен доступ к эфирному времени на национальных, региональных и местных каналах вещания на их родном языке, когда речь идет о СМИ, получающих государственное финансирование. Квоты на время вещания на официальном языке (или языках) не должны препятствовать публичному или частному вещанию на языках меньшинств. Консультативный комитет выявил ряд негативных примеров такого типа квот, в частности, в Азербайджане.

Позитивным примером является решение Турции открыть круглосуточный телевизионный канал на курдском языке, что было воспринято как изменение отношения к меньшинству, права которого подавлялись на протяжении многих лет. Меня информировали о том, что аналогичные планы предусмотрены и в отношении армянского языка.

Главный урок, который мы должны извлечь для себя из всех этих вопросов, заключается в том, что проблемы прав человека могут эффективно решаться только в условиях серьезной оценки истинных нужд меньшинств.

Слишком часто государственные органы при разработке своей политики не прислушиваются внимательно к меньшинствам. Крайне важно, чтобы правительства поддерживали тесные контакты с лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, и стремились к углубленным и постоянным консультациям — к конструктивному диалогу.

Усыновление должно разрешаться только в том случае, если оно отвечает наилучшим интересам ребенка

То, что случилось с Артемом Савельевым, неприемлемо. Мальчик, которому сейчас восемь лет, был усыновлен в России. Его новая мать, проживающая в штате Теннесси в США, сочла его поведение трудным и отправила его в одиночку на самолете в Москву.

С мальчиком она послала записку, в которой просила российские власти забрать его обратно. Она пожаловалась на то, что никто не проинформировал ее о серьезности его психологических проблем и что она просто не смогла справиться с реальной ситуацией.

Дело Артема вызвало широкий отклик в России, и теперь на самом высоком уровне проводится пересмотр правил, касающихся международного усыновления. В результате будет обеспечено более эффективное соблюдение принципа, что усыновление является мерой по защите ребенка и что права ребенка должны быть в полной мере защищены и учитываться на всем протяжении процесса усыновления.

Существующие альтернативы

Не все дети, оставшиеся без родителей, нуждаются в усыновлении. Ведь о большинстве из них заботятся их дальние родственники или люди из их ближайшего окружения. При этом не все дети в детских учреждениях и иных структурах по приему детей являются «брошенными», так как значительная их часть находится в этих учреждениях временно. В целом в так называемых детских домах являются по-настоящему сиротами менее 10 процентов детей.

Все больше стран принимают решение о том, что они сами могут обеспечить уход за большинством тех детей, которые утратили уход со стороны родителей, зачастую лишь за исключением тех, кого, как считается, трудно разместить: это дети с ограниченными возможностями или серьезными заболеваниями, группа из нескольких братьев и сестер и дети старшего возраста. Действительно, этих детей «со специальными потребностями» трудно разместить и в Европе, и в других индустриально развитых странах.

При этом число семейных пар и других людей в западных странах, которые хотели бы усыновить детей, постоянно растет. Большинство из них, что вполне естественно, хотели бы усыновить грудных или совсем маленьких детей, причем как можно более здоровых. Сравнительно мало тех, кто хотел бы и мог бы взять на себя потенциально более трудную задачу — ухаживать за детьми «со специальными потребностями».

В результате этих противоречивых тенденций растет неудовлетворенный «спрос» на младенцев и детей ясельного возраста. Это имеет серьезные последствия для международного усыновления. Одно из них состоит в том, что особые потребности или проблемы ребенка могут быть скрыты от взгляда потенциальных усыновителей, или в том, что эти усыновители могут согласиться, учитывая отсутствие здоровых детей для усыновления, ухаживать за детьми «со специальными потребностями», хотя эти усыновители для этого недостаточно подготовлены или не имеют материальных возможностей. В таких случаях возникает значительный риск срывов, особенно если на этапе после усыновления предоставляется мало поддержки или она вообще не предоставляется.

Риск того, что будет эксплуатироваться спрос

Помимо этого, существуют недобросовестные агентства, детские дома, служащие и другие участники, которые занимаются прибыльным бизнесом предоставления младенцев и маленьких детей для усыновления, создавая искусственный «резерв» таких детей для удовлетворения спроса.

Для борьбы с такими тенденциями чрезвычайно важно усилить международные стандарты, которые уже были разработаны. Необходимо обеспечить то, чтобы сам процесс усыновления соответствовал соблюдению наилучших интересов и прав ребенка — и тем самым прав как родителей по крови, так и усыновителей. Гагская конвенция 1993 года кодифицирует процедуры международного усыновления, а Конвенция Совета Европы 2009 года рассматривает вопросы национального усыновления.

Главным в этих стандартах является то, что при усыновлении на первое место ставятся наилучшие интересы ребенка, а международное усыновление может состояться только тогда, если все усилия по нахождению соответствующих условий по уходу за ребенком в его собственной общине или стране потерпели неудачу.

Следует укреплять согласованные стандарты

Эти гарантии жизненно важны для того, чтобы дети усыновлялись только на основании правильных решений и правильных процедур, и именно поэтому данные гарантии необходимо систематически продвигать, соблюдать и укреплять.

КОНВЕНЦИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, измененная и дополненная Протоколом № 11

Рим, 4 ноября 1950 года

В текст Конвенции были внесены изменения, в соответствии с положениями Протокола № 3 (СТЕ № 45), вступившего в силу с 21 сентября 1970 г., Протокола № 5 (СТЕ № 55), вступившего в силу с 20 декабря 1971 г., и Протокола № 8 (СТЕ № 118), вступившего в силу с 1 января 1990 г. Он включает в себя также текст Протокола № 2 (СТЕ № 44), который, в соответствии с пунктом 3 статьи 5, являлся неотъемлемой частью Конвенции с момента его вступления в силу с 21 сентября 1970 г. Все положения, в которые были внесены изменения или дополнения, согласно вышеуказанным Протоколам, заменены Протоколом № 11 (СТЕ № 155), с даты его вступления в силу с 1 ноября 1998 года. С этого момента Протокол № 9 (СТЕ № 140), вступивший в силу с 1 октября 1994 г., отменяется.

(Неофициальный перевод)

Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию, являющиеся членами Совета Европы,

принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года,

учитывая, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели является защита и развитие прав человека и основных свобод, подтверждая свою глубокую приверженность основным свободам, которые являются основой справедливости и всеобщего мира и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом и, с другой — всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которым они привержены,

преисполненные решимости, как Правительства европейских государств, движимые единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации,

согласились о нижеследующем:

Статья 1 — Обязательство соблюдать права человека

Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции.

РАЗДЕЛ I — ПРАВА И СВОБОДЫ

Статья 2 — Право на жизнь

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3 — Запрещение пыток

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Статья 4 — Запрещение рабства и принудительного труда

1. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии.
2. Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.
3. Для целей настоящей статьи термин «принудительный или обязательный труд» не включает в себя:
 - a) всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям статьи 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения;
 - b) всякую службу военного характера, а в тех странах, в которых правомерным признается отказ от военной службы на основании убеждений, службу, назначенную вместо обязательной военной службы;
 - c) всякую службу, обязательную в случае чрезвычайного положения или бедствия, угрожающего жизни или благополучию населения;
 - d) всякую работу или службу, являющуюся частью обычных гражданских обязанностей.

Статья 5 — Право на свободу и личную неприкосновенность

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

- a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;
- b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;
- c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
- d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;
- e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
- f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.

Статья 6 — Право на справедливое судебное разбирательство

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

г) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Статья 7 — Наказание исключительно на основании закона

1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами.

Статья 8 — Право на уважение частной и семейной жизни

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Статья 9 — Свобода мысли, совести и религии

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Статья 10 — Свобода выражения мнения

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 11 — Свобода собраний и объединений

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Статья 12 — Право на вступление в брак

Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права.

Статья 13 — Право на эффективное средство правовой защиты

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Статья 14 — Запрещение дискриминации

Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Статья 15 — Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях

1. В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву.

2. Это положение не может служить основанием для какого бы то ни было отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий, или от положений статьи 3, пункта 1 статьи 4 и статьи 7.

3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме.

Статья 16 — Ограничение на политическую деятельность иностранцев

Ничто в статьях 10, 11 и 14 не может рассматриваться как препятствие для Высоких Договаривающихся Сторон вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев.

Статья 17 — Запрещение злоупотреблений правами

Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции.

Статья 18 — Пределы использования ограничений в отношении прав

Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены.

РАЗДЕЛ II — ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Статья 19 — Учреждение Суда

В целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней, учреждается Европейский суд по правам человека, далее именуемый «Суд». Он работает на постоянной основе.

Статья 20 — Число судей

Число судей, входящих в состав Суда, равно числу Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 21 — Предъявляемые к судьям требования

1. Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом.

2. Судьи участвуют в работе Суда в личном качестве.

3. На протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из характера их работы в течение полного рабочего дня. Все вопросы, возникающие в связи с применением положений настоящего пункта, решаются Судом.

Статья 22 — Выборы судей

1. Судья от каждой из Высоких Договаривающихся Сторон избирается Парламентской ассамблеей

большинством поданных за него голосов из списка, включающего трех кандидатов, представляемых этой Высокой Договаривающейся Стороной.

2. Аналогичная процедура действует при довыборах состава Суда в случае присоединения новых Высоких Договаривающихся Сторон, а также при заполнении открывающихся вакансий.

Статья 23 — Срок полномочий

1. Судьи избираются сроком на шесть лет. Они могут быть переизбраны. Однако срок полномочий половины судей первого состава истекает через три года с момента избрания.

2. Судьи, чей срок полномочий истекает через первые три года, определяются Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после их избрания.

3. В целях обеспечения, насколько это возможно, обновляемости состава Суда наполовину каждые три года Парламентская ассамблея может до проведения любых последующих выборов принять решение о том, что срок или сроки полномочий одного или нескольких избираемых судей будут иными, нежели шесть лет, но в любом случае не более девяти и не менее трех лет.

4. В случаях, когда речь идет о более чем одном сроке полномочий и Парламентская ассамблея применяет положения предыдущего пункта, определение сроков полномочий производится Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после выборов.

5. Судья, избранный для замещения другого судьи, срок полномочий которого еще не истек, занимает этот пост на срок, оставшийся от срока полномочий его предшественника.

6. Срок полномочий Судей истекает по достижении ими 70 лет.

7. Судьи занимают свои посты вплоть до замены. Вместе с тем и после замены они продолжают рассматривать уже поступившие к ним дела.

Статья 24 — Освобождение от должности

Судья может быть освобожден от должности, только в случае, если прочие судьи большинством в две трети голосов принимают решение о том, что он перестает соответствовать предъявляемым требованиям.

Статья 25 — Секретариат и правовые референты

У Суда имеется Секретариат, права, обязанности и организация которого определяются Регламентом Суда. Суд пользуется услугами правовых референтов.

Статья 26 — Пленарные заседания Суда

На пленарных заседаниях Суд:

a) избирает своего Председателя и одного или двух заместителей Председателя сроком на три года; они могут быть переизбраны;

b) образует Палаты, создаваемые на определенный срок;

c) избирает Председателей Палат Суда; они могут быть переизбраны;

d) принимает Регламент Суда;

e) избирает Секретаря-канцлера Суда и одного или нескольких его заместителей.

Статья 27 — Комитеты, Палаты и Большая Палата

1. Для рассмотрения переданных ему дел Суд образует комитеты в составе трех судей, Палаты в составе семи судей и Большую Палату в составе семнадцати судей. Палаты Суда на определенный срок образуют комитеты.

2. Судья, избранный от государства, являющегося стороной в деле, является ex-officio членом Палаты и Большой Палаты; в случае отсутствия такого судьи или если он не может участвовать в заседании, данное государство назначает лицо, которое выступает в качестве судьи.

3. В состав Большой Палаты входят также Председатель Суда, заместители Председателя Суда, Председатели Палат и другие члены Суда, назначенные в соответствии с Регламентом Суда. В тех случаях, когда дело передается в Большую Палату в соответствии с положениями статьи 43, в ее заседаниях не должен участвовать ни один из судей Палаты, вынесшей постановление, за исключением Председателя этой Палаты и судьи от соответствующего государства, являющегося стороной в деле.

Статья 28 — Объявления комитетов о неприемлемости жалобы (заявления)

Комитет единогласным решением может объявить неприемлемой индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, или исключить ее из списка подлежащих рассмотрению дел, если такое решение может быть принято без дополнительного изучения жалобы. Это решение является окончательным.

Статья 29 — Решения Палат о приемлемости жалобы и по существу дела

1. Если не было принято никакого решения, предусмотренного статьей 28, Палата выносит решение о приемлемости индивидуальной жалобы, поданной в соответствии со статьей 34, и по существу дела.

2. Палата выносит решение о приемлемости жалобы государства, поданной в соответствии со статьей 33, и по существу дела.

3. Решение о приемлемости жалобы выносится отдельно, если Суд, в порядке исключения, не примет решения об обратном.

Статья 30 — Уступка юрисдикции в пользу Большой Палаты

Если дело, находящееся на рассмотрении Палаты, затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением, Палата может до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты, если ни одна из сторон не возражает против этого.

Статья 31 — Полномочия Большой Палаты

Большая Палата:

а) выносит решения по жалобам, поданным в соответствии со статьей 33 или статьей 34, когда какая-либо из Палат уступила юрисдикцию на основании положений статьи 30 или когда дело направлено ей в соответствии с положениями статьи 43;

б) рассматривает запросы о вынесении консультативных заключений, направленные в соответствии с положениями статьи 47.

Статья 32 — Компетенция Суда

1. В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47.

2. В случае спора относительно компетенции Суда по конкретному делу вопрос решает сам Суд.

Статья 33 — Межгосударственные дела

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может передать в Суд вопрос о любом предполагаемом нарушении положений Конвенции и Протоколов к ней другой Высокой Договаривающейся Стороной.

Статья 34 — Индивидуальные жалобы

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах

к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективно-му осуществлению этого права.

Статья 35 — Условия приемлемости

1. Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу.

2. Суд не принимает к рассмотрению никакую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если она:

а) является анонимной; или

б) является по существу аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом, или уже является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, и если она не содержит новых относящихся к делу фактов.

3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если сочтет ее несовместимой с положениями настоящей Конвенции или Протоколов к ней, явно необоснованной или злоупотреблением правом подачи жалоб.

4. Суд отклоняет любую переданную ему жалобу, которую сочтет неприемлемой в соответствии с настоящей статьей. Он может сделать это на любой стадии разбирательства.

Статья 36 — Участие третьей стороны

1. В отношении любого дела, находящегося на рассмотрении какой-либо из Палат или Большой Палаты, каждая Высокая Договаривающаяся сторона, гражданин которой является заявителем, вправе представлять письменные замечания и принимать участие в слушаниях.

2. В интересах надлежащего отправления правосудия Председатель Суда может пригласить любую Высокую Договаривающуюся Сторону, не являющуюся стороной в деле, или любое заинтересованное лицо, не являющееся заявителем, представить письменные замечания или принять участие в слушаниях.

Статья 37 — Прекращение производства по делу

1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

а) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы;

б) спор был урегулирован;

с) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее, Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней.

2. Суд может принять решение восстановить жалобу в списке подлежащих рассмотрению дел, если сочтет, что это оправдано обстоятельствами.

Статья 38 — Процедура рассмотрения дела с участием заинтересованных сторон и процедура мирового соглашения

1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия;

б) предоставляет себя в распоряжение заинтересованных сторон с целью заключения мирового соглашения по делу на основе соблюдения прав человека, признанных в настоящей Конвенции и Протоколах к ней.

2. Процедура, предусмотренная подпунктом «б» пункта 1, носит конфиденциальный характер.

Статья 39 — Заключение мирового соглашения

В случае достижения мирового соглашения Суд исключает дело из своего списка посредством вынесения постановления, в котором дается лишь краткое изложение фактов и достигнутого решения.

Статья 40 — Открытые судебные заседания и доступ к документам

1. Если в силу исключительных обстоятельств Суд не примет иного решения, его заседания являются открытыми.

2. Доступ к документам, переданным на хранение в Секретариат, открыт для публики, если Председатель Суда не примет иного решения.

Статья 41 — Справедливая компенсация

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

Статья 42 — Постановления Палат

Постановления Палат становятся окончательными в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44.

Статья 43 — Передача дела в Большую Палату

1. В течение трех месяцев с даты вынесения Палатой постановления в исключительных случаях возможно обращение любой из сторон в деле о передаче его на рассмотрение Большой Палаты.

2. Коллегия в составе пяти членов Большой Палаты принимает обращение, если дело поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера.

3. Если Коллегия принимает обращение, то Большая Палата выносит по делу свое постановление.

Статья 44 — Окончательные постановления

1. Постановление Большой Палаты является окончательным.

2. Постановление любой из Палат становится окончательным, если:

а) стороны не заявляют, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату; или
б) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступило обращения о передаче дела в Большую Палату; или

с) Коллегия Большой Палаты отклоняет обращение о передаче дела согласно статье 43.

3. Окончательное постановление подлежит публикации.

Статья 45 — Мотивировка постановлений и решений

1. Постановления, а также решения о приемлемости или неприемлемости жалоб должны быть мотивированными.

2. Если постановление в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.

Статья 46 — Обязательная сила и исполнение постановлений

1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

Статья 47 — Консультативные заключения

1. Суд может по просьбе Комитета министров выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и Протоколов к ней.
2. Такие заключения не должны затрагивать ни вопросы, относящиеся к содержанию или объему прав или свобод, определенных в Разделе I Конвенции и Протоколах к ней, ни другие вопросы, которые Суду или Комитету министров, возможно, потребовалось бы затронуть при рассмотрении какого-либо обращения, предусмотренного Конвенцией.
3. Решение Комитета министров запросить консультативное заключение Суда принимается большинством голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете.

Статья 48 — Компетенция Суда в отношении консультативных заключений

Вопрос о том, относится ли направленный Комитетом министров запрос о вынесении консультативного заключения к компетенции Суда, как она определена в статье 47, решает Суд.

Статья 49 — Мотивировка консультативных заключений

1. Консультативные заключения Суда должны быть мотивированными.
2. Если консультативное заключение в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.
3. Консультативное заключение Суда направляется Комитету министров.

Статья 50 — Расходы на содержание Суда

Расходы, связанные с деятельностью Суда, несет Совет Европы.

Статья 51 — Привилегии и иммунитеты Судей

Судьи при исполнении своих функций пользуются привилегиями и иммунитетами, предусмотренными статьёй 40 Устава Совета Европы и в соглашениях, заключенных на ее основе.

РАЗДЕЛ III — РАЗЛИЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ**Статья 52 — Запросы Генерального секретаря**

По получении просьбы от Генерального секретаря Совета Европы каждая Высокая Договаривающаяся Сторона представляет разъяснения относительно того, каким образом ее внутреннее право обеспечивает эффективное применение любого из положений настоящей Конвенции.

Статья 53 — Гарантии в отношении признанных прав человека

Ничто в настоящей Конвенции не может быть истолковано как ограничение или умаление любого из прав человека и основных свобод, которые могут обеспечиваться законодательством любой Высокой Договаривающейся Стороны или любым иным соглашением, в котором она участвует.

Статья 54 — Полномочия Комитета министров

Ничто в настоящей Конвенции не умаляет полномочий Комитета министров, которыми он наделен в силу Устава Совета Европы.

Статья 55 — Отказ от иных средств урегулирования споров

Высокие Договаривающиеся Стороны согласны, если иное не установлено особым соглашением, не прибегать к действующим между ними договорам, конвенциям или декларациям при передаче на рассмотрение, путем направления заявления, спора по поводу толкования или применения положений настоящей Конвенции и не использовать иные средства урегулирования спора, чем предусмотренные настоящей Конвенцией.

Статья 56 — Территориальная сфера действия

1. Любое государство при ратификации или впоследствии может заявить путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы о том, что настоящая Конвенция, с учетом пункта 4 настоящей статьи, распространяется на все территории или на любую из них, за внешние сношения которых оно несет ответственность.

2. Действие Конвенции распространяется на территорию или территории, указанные в уведомлении, с тридцатого дня после получения Генеральным секретарем Совета Европы этого уведомления.

3. Положения настоящей Конвенции применяются на упомянутых территориях с надлежащим учетом местных условий.

4. Любое государство, которое сделало заявление в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, может впоследствии в любое время заявить, применительно к одной или нескольким территориям, указанным в этом заявлении, о признании компетенции Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, как это предусмотрено статьей 34 Конвенции.

Статья 57 — Оговорки

1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче им на хранение его ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. В соответствии с настоящей статьей оговорки общего характера не допускаются.

2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с настоящей статьей, должна содержать краткое изложение соответствующего закона.

Статья 58 — Денонсация

1. Высокая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию только по истечении пяти лет с даты, когда она стала Стороной Конвенции, и по истечении шести месяцев после направления уведомления Генеральному секретарю Совета Европы, который информирует об этом другие Высокие Договаривающиеся Стороны.

2. Денонсация не освобождает соответствующую Высокую Договаривающуюся Сторону от ее обязательств по настоящей Конвенции в отношении любого действия, которое могло явиться нарушением таких обязательств и могло быть совершено ею до даты вступления денонсации в силу.

3. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, которая перестает быть членом Совета Европы, на тех же условиях перестает быть и Стороной настоящей Конвенции.

4. Конвенция может быть денонсирована в соответствии с положениями предыдущих пунктов в отношении любой территории, на которую распространялось ее действие согласно положениям статьи 56.

Статья 59 — Подписание и ратификация

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания государствами-членами Совета Европы. Она подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. Настоящая Конвенция вступает в силу после сдачи на хранение десяти ратификационных грамот.

3. Для тех государств, которые ратифицируют Конвенцию впоследствии, она вступает в силу с даты сдачи ими на хранение их ратификационных грамот.

4. Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все государства — члены Совета Европы о вступлении Конвенции в силу, о Высоких Договаривающихся Сторонах, ратифицировавших ее, и о сдаче ратификационных грамот, которые могут быть получены впоследствии.

Совершено в Риме 4 ноября 1950 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направляет заверенные копии всем подписавшим Конвенцию государствам.

ПРОТОКОЛ К КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА и свобод в ред. Протокола № 11

Париж, 20 марта 1952 года
(Неофициальный перевод)

Правительства, подписавшие настоящий Протокол, являющиеся членами Совета Европы, преисполненные решимости принять меры по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Раздел 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой «Конвенция»), согласились о нижеследующем:

Статья 1 — Защита собственности

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Статья 2 — Право на образование

Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям.

Статья 3 — Право на свободные выборы

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти.

Статья 4 — Территориальная сфера действия

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может при подписании или ратификации или в любое время впоследствии направить Генеральному секретарю Совета Европы заявление о пределах своих обязательств относительно применения положений настоящего Протокола к тем указанным в заявлении территориям, за внешние сношения которых она несет ответственность.

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, направившая заявление в соответствии с положениями предыдущего пункта, может время от времени направлять новое заявление об изменении условий любого предыдущего заявления или о прекращении применения положений настоящего Протокола в отношении какой-либо территории.

Заявление, сделанное в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 56 Конвенции.

Статья 5 — Соотношение с Конвенцией

Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают статьи 1, 2, 3 и 4 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 6 — Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания государствами — членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации одновременно с ратификацией Конвенции или после таковой. Протокол вступает в силу после сдачи на хранение десяти ратификационных грамот. В отношении каждого подписавшего государства, которое ратифицирует Протокол впоследствии, он вступает в силу с даты сдачи им на хранение его ратификационной грамоты.

Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы, который уведомляет все государства — члены Совета Европы о государствах, ратифицировавших Протокол.

Совершено в Париже 20 марта 1952 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направляет заверенную копию каждому Правительству, подписавшему настоящий Протокол.

ПРОТОКОЛ № 4 К КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА и основных свобод об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней в ред. Протокола № 11

Страсбург, 16 сентября 1963 года
(Неофициальный перевод)

Правительства, подписавшие настоящий Протокол, являющиеся членами Совета Европы,
 преисполненные решимости принять меры по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Раздел 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой «Конвенция»), и в статьи 1, 2 и 3 первого Протокола к Конвенции, подписанного в Париже 20 марта 1952 года, согласились о нижеследующем:

Статья 1 — Запрещение лишения свободы за долги

Никто не может быть лишен свободы лишь на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство.

Статья 2 — Свобода передвижения

1. Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства.

2. Каждый свободен покидать любую страну, включая свою собственную.

3. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

4. Права, признанные в пункте 1, могут также, в определенных районах, подлежать ограничениям, вводимым в соответствии с законом и обоснованным общественными интересами в демократическом обществе.

Статья 3 — Запрещение высылки граждан

1. Никто не может быть выслан путем индивидуальных или коллективных мер с территории государства, гражданином которого он является.

2. Никто не может быть лишен права на въезд на территорию государства, гражданином которого он является.

Статья 4 — Запрещение коллективной высылки иностранцев

Коллективная высылка иностранцев запрещается.

Статья 5 — Территориальная сфера действия

1. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может при подписании или ратификации настоящего Протокола или в любое время впоследствии направить Генеральному секретарю Совета Европы заявление о пределах своих обязательств относительно применения положений настоящего Протокола к тем указанным в заявлении территориям, за внешние сношения которых она несет ответственность.

2. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, направившая заявление в соответствии с положениями предыдущего пункта, может время от времени направлять новое заявление об изменении условий любого предыдущего заявления или о прекращении применения положений настоящего Протокола в отношении какой-либо территории.

3. Заявление, сделанное в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 56 Конвенции.

4. Территория любого государства, к которой настоящий Протокол применяется в силу его ратификации или принятия этим государством, и каждая из территорий, к которой настоящий Протокол применяется в силу заявления этого государства в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматриваются как отдельные территории для целей ссылки на территорию государства в статьях 2 и 3.

5. Любое государство, сделавшее заявление в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи, может впоследствии в любое время заявить, применительно к одной или нескольким территориям, указанным в этом заявлении, что оно признает компетенцию Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, как это предусмотрено статьей 34 Конвенции, относительно соблюдения всех или любой из статей 1, 2, 3 и 4 настоящего Протокола.

Статья 6 — Соотношение с Конвенцией

Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают статьи 1, 2, 3, 4 и 5 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 7 — Подписание и ратификация

1. Настоящий Протокол открыт для подписания государствами — членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации одновременно с ратификацией Конвенции или после таковой. Протокол вступает в силу после сдачи на хранение пяти ратификационных грамот. В отношении любого подписавшего государства, которое ратифицирует настоящий Протокол впоследствии, он вступает в силу с даты сдачи им на хранение его ратификационной грамоты.

2. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы, который уведомляет все государства — члены Совета Европы о государствах, ратифицировавших Протокол.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 16 сентября 1963 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направляет заверенную копию каждому государству, подписавшему настоящий Протокол.

ПРОТОКОЛ № 7 К КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА и основных свобод в ред. Протокола № 11

Страсбург, 22 ноября 1984 года

Текст Протокола № 7 изменен в соответствии с положениями Протокола № 11 (СЕД № 155) с даты вступления его в силу 1 ноября 1998 года.

(Официальный перевод Российской Федерации для подготовки к ратификации)

Государства — члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

преисполненные решимости принять дальнейшие меры по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод посредством применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой «Конвенция»),

согласились о нижеследующем:

Статья 1 — Процедурные гарантии в случае высылки иностранцев

1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность:

- a) представить аргументы против его высылки,
- b) требовать пересмотра его дела, и
- c) для этих целей быть представленным перед компетентным органом или перед одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления его прав, перечисленных в подпунктах «а», «b» и «с» пункта 1 настоящей статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности.

Статья 2 — Право на обжалование приговоров по уголовным делам во второй инстанции

1. Каждый осужденный за совершение уголовного преступления имеет право на то, чтобы вынесенный в отношении него приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом.

2. Из этого права могут делаться исключения в отношении незначительных правонарушений, признанных таковыми законом, или когда соответствующее лицо было судимо уже в первой инстанции верховным судом или признано виновным и осуждено в результате судебного пересмотра его оправдания.

Статья 3 — Компенсация в случае судебной ошибки

Если какое-либо лицо на основании окончательного приговора было осуждено за совершение уголовного преступления, а вынесенный ему приговор впоследствии был отменен, или оно было помиловано на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство убедительно доказывает, что имела место судебная ошибка, то лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает

компенсацию согласно закону или существующей практике соответствующего государства, если только не будет доказано, что ранее неизвестное обстоятельство не было своевременно обнаружено полностью или частично по его вине.

Статья 4 — Право не быть судимым или наказанным дважды

1. Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства.

2. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

3. Отступления от выполнения настоящей статьи на основании положений статьи 15 Конвенции не допускаются.

Статья 5 — Равноправие супругов

Супруги обладают равными правами и несут равную гражданско-правовую ответственность в отношениях между собой и со своими детьми в том, что касается вступления в брак, пребывания в браке и при его расторжении. Настоящая статья не препятствует государствам принимать такие меры, которые необходимы для соблюдения интересов детей.

Статья 6 — Территориальная сфера действия

1. Любое государство может при подписании или сдаче им на хранение его ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении указать территорию или территории, на которые распространяется действие настоящего Протокола, и указать, в каких пределах оно обязуется применять положения настоящего Протокола к этой территории или этим территориям.

2. Любое государство может впоследствии в любое время, путем направления заявления Генеральному секретарю Совета Европы, распространить применение настоящего Протокола на любую другую территорию, указанную в заявлении. Протокол вступает в силу в отношении этой территории в первый день месяца, следующего по истечении двух месяцев с даты получения Генеральным секретарем этого заявления.

3. Любое заявление, сделанное на основании двух предыдущих пунктов и касающееся любой указанной в нем территории, может быть отозвано или изменено путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы. Отзыв или изменение вступает в силу в первый день месяца, следующего по истечении двух месяцев с даты получения Генеральным секретарем этого уведомления.

4. Заявление, сделанное в соответствии с положениями настоящей статьи, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 56 Конвенции.

5. Территория любого государства, к которой настоящий Протокол применяется в силу его ратификации, принятия или утверждения этим государством, и каждая из территорий, к которой настоящий Протокол применяется в силу заявления этого государства в соответствии с положениями настоящей статьи, могут рассматриваться как отдельные территории для целей ссылки на территорию государства в статье 1.

6. Любое государство, сделавшее заявление в соответствии с пунктами 1 или 2 настоящей статьи, может впоследствии в любое время заявить, применительно к одной или нескольким территориям, указанным в этом заявлении, что оно признает компетенцию Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, как это предусмотрено статьей 34 Конвенции, относительно соблюдения статей 1, 2, 3, 4 и 5 настоящего Протокола.

Статья 7 — Соотношение с Конвенцией

Государства-участники рассматривают статьи 1, 2, 3, 4, 5 и 6 настоящего Протокола как дополнительные к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 8 — Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания государствами — членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или утверждению. Государство-член Совета Европы не может ратифицировать, принять или утвердить настоящий Протокол без предшествующей или одновременной ратификации Конвенции. Ратификационные грамоты или документы о принятии или утверждении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 9 — Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего по истечении двух месяцев с даты, когда семь государств-членов Совета Европы выразят свое согласие на обязательность для них Протокола в соответствии с положениями статьи 8.

2. Для любого государства-члена, которое выразит впоследствии свое согласие на обязательность для него Протокола, он вступает в силу в первый день месяца, следующего по истечении двух месяцев с даты сдачи им на хранение его ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении.

Статья 10 — Функции депозитария

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все государства-члены Совета Европы о:

а) каждом подписании; б) сдаче на хранение каждой ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении; в) каждой дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 6 и 9; г) каждом ином акте, уведомлении или заявлении, относящемся к настоящему Протоколу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 22 ноября 1984 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы направляет заверенную копию каждому государству — члену Совета Европы.

ПРОТОКОЛ № 13 К КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД ОТНОСИТЕЛЬНО ОТМЕНЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ при любых обстоятельствах

Вильнюс, 3 мая 2002 года

Государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

□ убежденные, что всеобщее право на жизнь является основной ценностью в демократическом обществе и что отмена смертной казни необходима для защиты этого права и для полного признания достоинства, присущего всем людям;

□ желая усилить защиту права на жизнь, гарантируемого в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (в дальнейшем именуемой «Конвенция»);

□ отмечая, что Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни, подписанный в Страсбурге 28 апреля 1983 года, не запрещает смертную казнь в отношении участников действий, совершенных во время войны или в условиях неизбежной угрозы войны;

□ решив сделать заключительный шаг к отмене смертной казни при всех обстоятельствах.

Согласились о нижеследующем:

Статья 1. Отмена смертной казни

Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к такому наказанию или подвергнут смертной казни.

Статья 2. Запрещение отступления

Не допускается никакое отступление от осуществления положений настоящего Протокола по статье 15 Конвенции.

Статья 3. Запрет оговорок

В отношении положений настоящего Протокола не может быть сделано никаких оговорок согласно Статье 57 Конвенции.

Статья 4. Территориальное применение

1. Каждое Государство может во время подписания или при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении указать территорию (территории), на которую распространяется действие настоящего Протокола.

2. Каждое Государство может в любое время путем направления заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы распространить действие Протокола на любую другую указанную в заявлении территорию. Для такой территории Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за истекшим трехмесячным периодом, считая с момента получения такого заявления Генеральным секретарем Совета Европы.

3. Каждое заявление, сделанное в соответствии с двумя предыдущими пунктами, в отношении любой территории, указанной в таком заявлении, может быть отозвано или изменено путем направления уведомления на имя Генерального секретаря Совета Европы. Отзыв или изменение вступает в силу в первый день месяца, следующего за истекшим трехмесячным периодом, считая с момента получения такого уведомления Генеральным секретарем Совета Европы.

Статья 5. Отношения к Конвенции

Положения Статей 1 — 4 настоящего Протокола рассматриваются Государствами — Сторонами как дополнительные статьи к Конвенции; все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 6. Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания Государствами-членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Настоящий Протокол подлежит ратификации, одобрению или утверждению. Государство-член Совета Европы, подписавшее настоящий Протокол, не может ратифицировать, одобрить или утвердить настоящий Протокол, предварительно или одновременно не ратифицировав Конвенцию. Грамоты о ратификации, документы о принятии, утверждении или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 7. Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за истекшим трехмесячным периодом, считая с момента, когда десять Государств-членов Совета Европы выразят согласие принять на себя обязательства, вытекающие из Протокола в соответствии с положениями Статьи 6.

2. Для тех Государств-участников, которые впоследствии выразят свое согласие принять на себя обязательства по настоящему Протоколу, Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за истекшим трехмесячным периодом, считая с момента сдачи на хранение Генеральному Секретарю Совета Европы грамоты о ратификации, документа об утверждении или одобрении.

Статья 8. Функции по хранению

Генеральный Секретарь Совета Европы уведомляет все Государства-члены Совета Европы:

- a) о любом подписании;
- b) о сдаче на хранение любой ратификационной грамоты или любого документа о принятии или одобрении;
- c) о любой дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 4 и 7;
- d) о любом ином акте, уведомлении или сообщении, относящемся к настоящему Протоколу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Вильнюсе 3 мая 2002 года, на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы направляет заверенную копию каждому государству — члену Совета Европы.

ВСТРЕЧИ НА ГЛУБИНЕ

«БУДУЩЕЕ НЕ СОДЕРЖИТСЯ В
НАСТОЯЩЕМ»

Нобелевский лауреат Илья ПРИГОЖИН
в беседе с Галой Наумовой и Константином фон Барлевен*

ИЛЬЯ ПРИГОЖИН, бельгийский физик и химик русского происхождения (родился в 1917 в Москве, умер в 2003), эмигрировал со своей семьей в 1921 из России. Стержнем его научной деятельности стала теорема термодинамики неравновесных процессов, методологию которых Пригожин успешно распространил, применив на свои философские, эстетические и системные исследования. Открытия ученого привели к новаторским приложениям в разных областях далеко за пределами химии и биологии — от автомобильного сообщения до сообществ насекомых, роста раковых клеток вплоть до анализа социальных систем. В 1977 Илья Романович Пригожин за теорему, названную его именем, был удостоен Нобелевской премии в области химии.

Пригожин глубоко разработал и новое «открытие времени».

Ньютон и следом Эйнштейн провозгласили, что эта категория не существует вне человеческого разума. Открытие Пригожина основывается на том, что он обозначил понятием *«стрела времени»*: «Время играет роль реальной конструкции, которая является только одной из многих возможностей. Если есть объекты организованные и объекты не организованные, то это только эффект времени».

К важнейшим трудам Пригожина относятся такие произведения, как «Парадокс времени» (1993), «Законы хаоса» (1998), «О становлении бытия» (1999) и многие другие.

— *Господин Пригожин, с Вашими исследованиями о сложных необратимых динамических процессах в физике и химии начался новый тип диалога между человеком и природой и сформировался совершенно новый научный образ мышления, который, без всякого сомнения, можно охарактеризовать как революционный. Могли бы Вы коротко объяснить, в каких основополагающих аспектах ваше научное мировоззрение отличается от классических, механически-причинных моделей, которые сложились*

под влиянием Фрэнсиса Бэкона, Галилея, Декарта, Ньютона и их последователей?

И.Пригожин: Современная наука позволяет нам открывать мир, который сегодня является бесконечно более богатым, удивительным, изменяющимся, но также и более опасным, чем тот мир, который был открыт классической наукой. Основатели классической науки исходили из положения, что законы природы столь же глобальны

* Беседы с выдающимися интеллектуалами человечества, проведенные в рамках проекта ЮНЕСКО «Интеркультурная библиотека XX века», антрополог Гала Наумова (Париж) и философ Константин фон Барлевен уже много лет публикуют в «Вестнике Европы». Их собеседниками на наших страницах были философы Юлия Кристева (т.15), Лесчек Колаковский (т. 22–23), Дж.К. Гелбрайт (т. 17), Режис Дебре (т. 20), Мишель Серр (т. 27), архитекторы Филипп Джонсон и Оскар Нимейер (т. 18), антрополог Клод Леви-Стросс (т. 25) (ред.)

и неизменны, как и все сущее, и что все, что происходит в мире, можно объяснить посредством унифицированных схем, отвечающим постулатам рациональности. Они также верили в то, что феномены природы можно постичь, по крайней мере, понять их в принципе, путем постоянного редуцирования на все более мелкие составные элементы. Ученые верили, что выведенные в процессе такого исследования аксиомы не только закроют все неотвеченные вопросы в науке, но и на тех же изначальных условиях будут применимы как к прошлому, так и к будущему. С этой позицией классическая наука имела беспрецедентный успех: между ее теоретическими гипотезами и ее экспериментальными ответами существовало удивительное согласие. Между тем мы знаем, что представления о том, будто фундаментальные естественнонаучные проблемы могут быть быстро разрешены, является лишь иллюзией. И мы знаем также, что предположение о том, что мир ведет себя как автомат, вечно следующий более или менее простым, коэрентным ему математическим законам, идеалистично.

Детерминизм и реверсильность считаются действительными лишь для пограничных случаев, если физические и химические системы находятся в равновесии, тогда как необратимость процессов и их недетерминированность, кажется, являются правилом. Это значит, что как раз необратимые процессы, которые раньше отменялись как неприятные помехи для исследования, теперь оказались в центре интереса, поскольку они вдруг проявляются в часто стихийной, самоорганизации природы и лежат в основе далеких от равновесия состояний материи. Они являются результатом многослойной диалектики случая и необходимости, причем незначительные колебания могут повлечь за собой сильные изменения и обнаружить новые формы коэрентности и взаимодействия, Вместе с тем решающая роль в этом процессе отводится времени: оно является не только параметром движения, но и мерой внутреннего развития в пространстве дисбаланса. Ему принадлежит свойство творца, и поэтому оно действует в качестве движущей силы как в макро-, так и в микрокосмической плоскости.

Астрофизика ли это или физика элементарных частиц, термодинамика, биология или химия — во всех этих дисциплинах имеются ключевые понятия, такие как эволюция, диверсификация, нестабильность, которые направляли наше внимание на всевозрастающую сложность живого, получили развитие. «Будущее не содержится в настоящем» — это стало формулой.

С учетом этих знаний мы поневоле приходим к пониманию природы, которое было чуждо классической науке.

— *Влечет ли это за собой то, что между расходящимся мнениями ученых разверзается непреодолимая пропасть?*

Нет, моя работа состоит в том, чтобы интегрировать процессы развития в основные законы физики. Ни в коем случае я не хочу оспаривать, что ньютоновские аксиомы применимы к определенным системам, но только тогда, когда их грубо упрощают и таким образом стилизуют к исключениям, обратимый характер которых противоречит нашему подлинному опыту, и к необратимым феноменам, которые мы вокруг наблюдаем. Например, вращения планет вокруг Солнца повинуются закону тяготения, все же этот закон относится лишь к притяжению между большими и меньшими массами. Мы не имеем никакого представления о том, что происходит там — на той или иной планете, какие геологические и, вероятно, даже биологические процессы там происходят. К примеру, Венера состоит из совершенно других материалов, чем Юпитер, и этот факт такой новый и захватывающий, но он обнаруживает также неисчерпаемое богатство Вселенной и в конце концов власть, которая присуща необратимым процессам.

Каждая планета проходит неповторимое развитие, так же как все развитие движется в одном и том же направлении, так же как вы и я в том же самом направлении стареем. Все структуры движутся в направлении будущего, чтобы достичь более высокой степени сложности, которая является результатом более ранних изменений и мутаций.

Именно эти идеи я бы хотел привести в традиционную науку, и я полагаю, что это мне удалось благодаря моим сотрудникам, а также более усовершенствованному математическому методу, подвергнуть ревизии наше представление о законах природы.

— *Как представленное Вами изменение парадигм в естествознании влияет на гуманитарные науки, особенно на философию и антропологию, которые всегда должны были быть в равновесии, согласно Клоду Леви-Строссу?*

Главный акцент западной метафизики лежал на бытии; теперь совершается переход от онтологии бытия — статической субстанции — к онтологии становления.

В этой фазе мы добились более глубокого понимания относительно воздействия времени и феноменов развития. Мы точно не знаем, куда они нас ведут, здесь открывается масса возможностей. К началу третьего тысячелетия мы устанавливаем, что дверь в будущее широко открыта, что мир не закрыт или закончен, а находится в

становлении, и, следовательно, наши решения имеют особенный вес. Отсюда наше экзистенциальное беспокойство, если мы вспомним наказ Гегеля, согласно которому легче быть рабом, чем господином. С увеличением наших знаний относительно комплексности и взаимозависимости природных процессов растет и наше понимание о глобальной ответственности человечества. Помимо этого, мы начинаем осознавать, что в этой беспредельной, чрезвычайно многообразной Вселенной мы занимаем ничтожно маленькое и одновременно привилегированное место. Что нас отличает, так это креативность. Творческий дух рождает новое, и в этом он подобен природе, которая со своей стороны не прекращает создавать новое. Вместо того чтобы стремиться к изначально определенной заданности, как того желала бы классическая наука, она проявляет себя в высшей степени новаторски.

Это означает, что человек больше не противопоставит изолированно пассивной, безмолвной, мертвой природе, что он подвергнут своего рода монологу одностороннего опроса и при этом все более освобождается от ее чар. Он вступает с природой в коммуникацию, чтобы посредством врожденного, деликатного диалога почувствовать ее изобретательную, творческую деятельность. Они оба — и человек и природа — являются творением времени и хотя бы поэтому неотделимо связаны друг с другом. Пытаясь обосновать необратимый характер времени, мы приближаемся к пониманию динамичного порядка, который окружает нас и определяет место каждому живому существу в сети взаимодействий. Теперь мы предпринимаем первые шаги на этом пути, и результаты наших стараний столь же непредсказуемы, как мутации в природе.

— *На какие теории Вы ссылались, чтобы стрелки часов, которые нельзя перевести, сделать несущей частью Вашего интеллектуального построения? Каких ученых Вы рассматриваете в качестве Ваших предшественников?*

Моим первоначальным желанием было продолжать работы австрийского физика Людвиг Больцманна. Он считался пионером эволюции в физике, как Дарвин в биологии. Эйнштейн, однако, показывал, что мы принадлежим к развивающейся Вселенной, и основал современную космологию. Все же он придерживался, как оказалось, ошибочной идеи, единого, в сущности, вневременного мирового пространства, которое — вследствие общепризнанной теории Большого Взрыва — спроецировало сценарий находящейся во временной зависимости, расширяющейся Вселенной, где появляются все новые звезды и потом исчезают в черных дырах.

Рухнувшая попытка Эйнштейна резюмировать все законы физики в единой унифицированной полевой теории отражается в сегодняшних в концепциях ученых, таких как Фейман и Хоккинг, которые полагают, что природа якобы может быть описана немногими законами классической и квантовой механики, чем-то вроде всемирной формулы. По моему мнению, это пережитки науки бытия, которая оказывается несостоятельной перед огромным разнообразием природы. Подумайте только и представьте хотя бы раз, сколько различных видов муравьев, бабочек или вирусов существует на нашей планете.

Также не забывайте и о том, что нет, например, никакого убедительного объяснения тому, почему и как рептилии стали птицами. Учение Дарвина утверждает, что птицы были лучше приспособлены к окружающей среде, чем рептилии, но это не соответствует истине: только у некоторых видов рептилий образовались крылья, и, что еще более странно, у некоторых выросли перья, прежде чем они научились летать.

То же самое касается и обезьян: из одного или нескольких видов развились люди, другие же, напротив, так и оставались обезьянами. Здесь должен произойти целый ряд изменений, и мы не знаем, как они проявляли себя на уровне гена. Великие переходы от материи к жизни, от жизни к развитию жизни являются такой же неразрешимой загадкой, как происхождение и развитие Вселенной.

На основе этих предпосылок во мне созрело убеждение, что наука не может удержаться от предметного осуждения механизмов возникновения жизни и что в XXI веке это станет настоящим вызовом.

Другими словами: если Эйнштейн в своей теории относительности основывается на неевклидовой геометрии, то наука о возникновении жизни, скорее, похожа на сказку, которую можно сравнить с *Тысячей и одной ночью*. Шехерезада рассказывает сказку, вдруг прерывает свой рассказ, чтобы следующей ночью рассказать еще более красивую историю. Перенесем это на нашу перспективу: имеется космологическая история, в пределах которой развертывается история материи, она со своей стороны содержит историю жизни, откуда в конце концов происходит история человека. В этом смысле можно говорить об эпическом элементе, о своего рода романе природы, который мы начинаем расшифровывать.

Если мы предпримем попытку понять зарождение жизни, понять новое, сотворенное, мы будем стремиться к тому, чтобы понимать также самих себя. Произведения Микеланджело или Бетховена, согласно человеческому мерилу, есть свидетельства *внушительного творческого портенциала*. Что они значат в космическом масштабе,

нам не дано судить — но это, впрочем, также и не наша задача.

— *Вы нарисовали картину мира, которая как в самом малом, так и в самом великом характеризуется чудом, тайной, красотой и как таковая теперь также все больше почитается и естественными науками. Очевидно, что именно здесь возникает явный отказ от антропоцентрической точки зрения. Исходя из своего собственного творческого начала, своего приобретенного знания по отношению к природе и космосу, человек больше не может отстаивать свое положение промежуточной доминанты, он должен направлять свое мышление и свои действия на законы вечно существующего миропорядка, который в любом отношении его превосходит.*

Коперник и Кеплер ознаменовали переход от геоцентрического к гелиоцентрической системе, и с этого момента позиция человека во Вселенной становится все более относительной. Кто видел фотографии Галактик, космических событий, а затем — снимки нашего маленького земного шарика, как они были переданы нам посредством спутников, вряд ли может придерживаться антропоцентрической перспективы: вид этого великолепного спектакля радикально меняет наши представления о мире.

Философом, который, возможно, ближе других подошел к истине, был Джордано Бруно. Я перед ним преклоняюсь. Он был сожжен на костре. Ему вменили в вину то, что он якобы спекулятивным путем пришел к заключению, что некая бесконечная божественная сила создает необходимо бесконечное число вселенных. Одна-единственная вселенная не могла бы выполнить условий, которые обязательны как для Бога, так и для творческого, переходящего границу человеческого духа.

Эта мысль была невыносима для церкви, ибо существование бесчисленных вселенных требовало бы бесчисленных видов Иисуса Христа, которые должны были в бесконечности совершать свою миссию спасения. И тогда была бы разрушена догма о неповторимости Иисуса, а церковь лишилась бы своего неограниченного притязания заботиться об общем спасении человеческих душ.

Упорство Бруно, его отказ опровергнуть им же самим столь страстно представленные тезисы всегда производили на меня впечатление. Его идеи уже предполагают одно из наших основных положений, а именно: стихийная энергия может быть полностью реализованной только в бесконечном количестве вселенных. В соответствии с

этим горизонт нашего мышления расширяется до космоцентрического.

— *Если человек прочувствует изнутри это видение, если перед ликом космической гармонии он испытывает почтение, не приходит ли он тогда к более глубокому пониманию самого себя и жизни на Земле?*

Не стоит ли он тогда перед необходимостью создания нового синтеза между наукой и религией, о котором уже Эйнштейн писал в своем сочинении «Как я вижу мир», что космическая религиозность есть самая сильная и самая благородная движущая сила научного исследования?

Для меня нет никакого принципиального противоречия между наукой и религией. Наоборот: наука обнаруживает нам величественную Вселенную, которая настолько перекрывает калькуляции и воображение Эйнштейна, что вполне может вызвать чувство, даже представление о святом.

До тех пор пока мир сравнивали с автоматом, а людей с машинами, для таких движений души не было места. По мере того, как мы теперь все глубже проникаем в комплексность жизни и сознания, наше удивление вдохновляет мысль о чем-то святом. Разумеется, остается открытым, каким образом это соотносится с природой или с Богом. Идея трансцендентности имеет свое происхождение либо в природе, либо вне ее, в сверхъестественном Творце. Я считаю, что сегодняшний человек интересуется главным образом имманентной трансцендентностью, самостоятельными процессами, из которых происходят все более дифференцированные формы и структуры, но это не значит, что она окончательно объясняет науку или что религия, ссылаясь на потустороннюю гармоничность, может ответить на все вопросы этого мира. Мир не только гармоничен и прекрасен, но он негостеприимен и жесток; страдание принуждает нас не упускать из виду трагичность жизни и даже Вселенной и избегать ошибочной идеализации.

Твердо уверенным можно быть только в том, что весь этот мир насквозь проникнут креативностью, и именно на этой идее сконцентрировался такой мыслитель, как Тейяр де Шарден. Все же он как христианин и как иезуит видел, как с самого начала нацеленное на человека развитие природы исходит из пункта альфа и кончается в пункте омега, соединяясь в апофеозе. То, что должно происходить потом, все же уклоняется от описания. Это напоминает «Божественную Комедию» Данте: адские муки проклятых легче изображать, нежели райское счастье избранных.

— Считаете ли Вы, что, обогащая научное исследование жизненным опытом человека, его жизнью, ограниченной временем, его вовлечением в природу, его никогда не отделимую от наблюдения точку зрения наблюдателя, в конечном счете Логос и Миф больше не являются строго разделенными друг с другом? Может быть, они развиваются как взаимодополняющие отражения и сознания, с которыми мы пытаемся напасть на след загадки жизни?

Логос и миф столь же мало исключают сами себя как наука и религия. Миф окружает и объясняет Логос, ибо по ту сторону нашего знания распространяется беспредельная ночь незнания.

Точно в этом стыке начинается трансцендентность, которая опосредует нам доступ к мифу. Тот, кто недостаточно ценит или вовсе отказывается от этого, лишь доказывает собственное невежество; такому человеку достаточно удовлетворять каждодневные потребности. Он забывает, что любая деятельность, каждый жест происходит перед декорацией Вселенной, усеянной звездами. Поэтому исследование космического пространства является новаторским предприятием, благодаря которому мы понимаем: есть что-то еще кроме нас.

— Считаете ли Вы правомерным мнение, что западные культуры все более ориентированы на другие культуры, например индийскую, китайскую или латиноамериканскую, которые на основании их духовного опыта и определенных традиций гуманных ценностей в состоянии снова восстановить разорванную связь между человеком и природой, космосом?

Ну уж нет... Поскольку в Индии, Китае и Латинской Америке наличествующие уже с начала их истории социальные неравенства в течение эпох выразились беспрецедентно, мы едва ли чему-то могли у них научиться относительно человеческого достоинства. По поводу духовной или философской стороны я также сохраняю свое скептическое мнение. Хотя Будда и воплощает религиозный символ, к которому я испытываю особенную симпатию и который я предпочитаю кресту, ибо он равнозначен страданию и, следовательно, не обещает никакого освобождения от наших проблем. Если я рассматриваю статую Будды, все-таки я вижу человека, который размышляет о своей судьбе и мог бы вследствие этого, вероятно, спастись. Все же решение, которое ищет Будда, не является моим решением: он хочет освободиться от мира, от печальной и презренной жизни, чтобы окончательно преодолеть цикл рождений, тогда как я утверждаю: жизнь все

еще печальна и неудовлетворительна как раз потому, что слишком мало людей принимают в ней участие, так как войны, этнические чистки и прочие катастрофы и дальше стоят на повестке дня.

Нужно вырвать коллективное зло с корнем, вместо того чтобы обозначать это всего лишь как иллюзию и перепоручить «ничто», как этого требует буддизм. Конфуцианство основывается, в первую очередь, на точно изложенных правилах этикета, на внимании к родителям, соблюдении законов, обязательств, никакого беспокойства и, следовательно, отклоняет любые изменения, перемены в общественной жизни. С этим видом мышления я тоже не могу согласиться.

Куда, в каком же направлении мы тогда идем? Какие идеи, мифы, утопии будут определять третье тысячелетие?

Некоторое время назад среди 250 персон общественной жизни относительно этого был проведен опрос, причем преимущественно был дан такой ответ: новое тысячелетие дает надежду, что оно будет стоять в знаке более гармоничного отношения человека к природе и к другому человеку. Это, к сожалению, и моя утопия.

Чтобы мы достигли этой цели, расстояние между нациями должно сокращаться и ослаблять склонность к произвольным политическим решениям, которые вызывают кризисы или конфликты. Усилия создания долгосрочного мира в Европе уже принесли свои плоды: сегодня европейское сообщество характеризуется большей гомогенностью, чем в прежние времена, так что, например, война между Германией и Францией теперь вообще невообразима. На всех континентах выходят на передний план наднациональные организации, которые, вопреки старой вражде, делают возможным более интенсивное сотрудничество между странами-участницами.

Поэтому я приветствую прогрессивную глобализацию, в ходе которой проявляется уважение к человеку и акцентируется разум. Мы должны понять, что острая опасность исходит как от недостатка в солидарности, так и от избытка иррациональности и невежества, — а вовсе не от науки, технологии, информатики. В то время как мы благодаря этому инструментарию теперь все больше и больше понимаем мир как комплексное произведение, в котором красота и ужас существуют рядом, мы выходим за границы односторонних материалистических или идеалистических концепций: *Conditio humana* покажется нам в будущем, вероятно, более трагическим, чем когда бы то ни было — и именно поэтому потребует новых решений. ■

Перевод с немецкого Галы Наумовой

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ — это ответственность за ближнего

Предстоятель англиканской церкви Архиепископ Кентерберийский **Роуэн УИЛЬЯМС** беседует с главным редактором журнала «Herald of Europe» Проф. **Михаилом БОРЩЕВСКИМ**

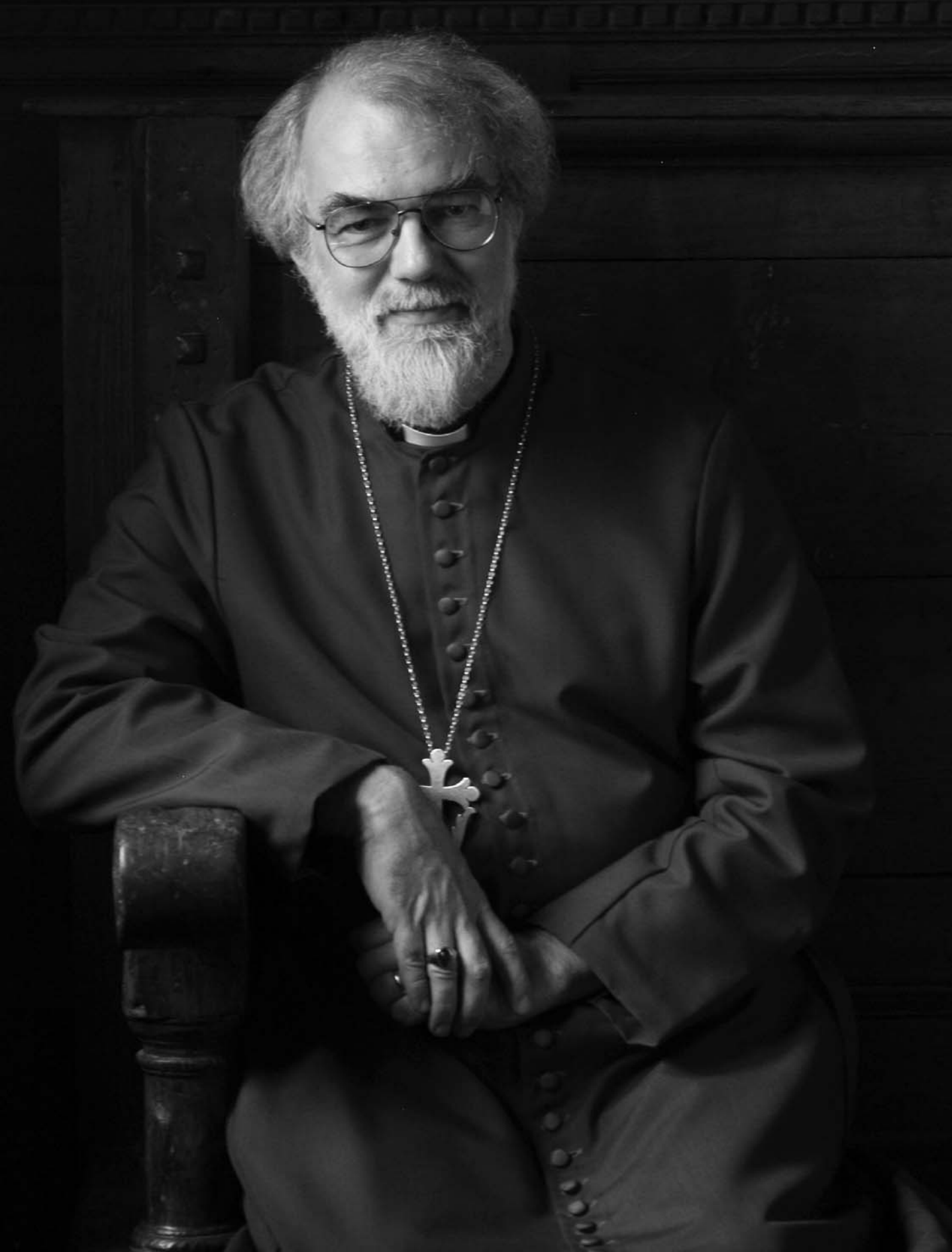
М.Б. Основная тема нашей сегодняшней беседы — проблема религиозной толерантности и межрелигиозных отношений в современном обществе. Какова роль англиканской церкви в англоязычном мире на сегодняшний день?

Р.У. На протяжении многих столетий англиканская церковь была тесно связана с государством, что иногда становилось причиной возникновения трудностей. Мы находились в слишком сильной зависимости от государства, но я думаю, что за последние 200 лет англиканской церкви удалось стать важным фактором влияния, подталкивающим государство к всеохватывающему и более справедливому социальному обеспечению. Роль, которую сыграла англиканская церковь в середине XX века в процессе создания более богатого государства, была достаточно велика. Я думаю, что большинство представителей англиканской церкви и сегодня видят назначение нашей церкви в том, чтобы поднимать некоторые из острых вопросов о помощи бедным и ущемленным членам общества. Значение нашего международного сообщества в том, что именно оно дает нам нравственные основания для того, чтобы говорить о проблемах развития, о средствах в поддержку более бедных стран, о вопросах образования и миротворчества. Из Ламбетского дворца мы осуществляем деятельность в нескольких африканских странах, которая связана не только с вопросами

церкви, но и с проблемами развития и образования, а также с попытками собрать средства. Таким образом, картина получается довольно разнообразной.

М.Б. Англиканская церковь наряду с другими церквями имеет либерально-прогрессивную репутацию. Однако любой церкви необходимо быть в достаточной мере консервативной и традиционной. С этой точки зрения, каковы реальные перспективы объединения различных ответвлений христианства для реализации своей основной задачи — служения Господу и людям?

Р.У. Любопытно, что Вы охарактеризовали англиканскую церковь как либеральную и прогрессивную. Действительно, наша церковь пользуется подобной репутацией в основном из-за наших взглядов на рукоположение женщин. Между тем, в начале своего служения каждый англиканский священник и епископ дает торжественное обещание быть преданным Библии и церковным догматам. С католической и православной церковью нас связывают заветы раннего христианства и священные обряды, которые мы унаследовали. Я считаю, что это, несомненно, дает нам основания для нахождения общего языка. Мы не отделены друг от друга как непреодолимо чуждые общины. Этот факт, безусловно, делает возможным определенный уровень

взаимодействия. Мы верим в единого Бога — Отца, Сына и Святого Духа; мы берем за основу единое ритуальное устройство церкви — крещение и святое причастие. Я полагаю, наше взаимодействие основывается на том, что мы все созданы по образу и подобию Божьему — Отца, Сына и Святого Духа, и мы стремимся в своих совместных усилиях почитать этот Образ и позволить Ему процветать в жизни людей и общества. Чтобы продемонстрировать это, позвольте мне обратиться к Африке. За долгие годы трагической гражданской войны в Судане англиканская и католическая церкви работали практически неразделимо. Они непрерывно трудились рука об руку, продолжая обеспечивать образование, осуществляя миротворческую и примирительную деятельность, продолжают быть тесно связаны и сейчас. Поэтому в действительно сложных обстоятельствах, в условиях испытаний мы видим, что общее признание образа Господа и связанные с ним обязательства остаются неизменными. Мне бы хотелось остановиться еще на одном интересном моменте, который я обнаружил в ходе диалога с православной церковью. Многим священнослужителям в Восточной Европе в последние двадцать лет пришлось вновь открыть для себя способы работать капелланами в тюрьмах, школах и армии. Я беседовал на эти темы в довольно конструктивном ключе со священниками из России, которые также хотели бы перенять наш опыт служения капелланов и основных моментов, с ним связанных. Это один из примеров того, как церковь делает свой нравственный и духовный вклад в жизнь широкого общества.

М.Б. Армия в России, так же как и в Британии, очень многонациональная. Недавно начавшаяся дискуссия на эту тему вызвала в России много довольно противоречивых оценок. С Вашей точки зрения, возможно ли сосуществование представителей различных религий в армии?

Р.У. Население британской армии и, конечно же, тюрем весьма разнообразно. Особенно удачен пример церковного пасторства в тюрьмах, где удалось создать группу капелланов, тесно сотрудничающих и уважающих религиозные убеждения друг друга, которые вольны проводить пасторскую работу среди представителей своей веры. Я думаю, что подобный опыт совместной работы напомнил людям, что служение капеллана, служение пастора в действительности может обогатиться за счет работы бок о бок с другими людьми. В Кентербери — моем родном городе — в тюрьме, которую я часто посещаю, работает команда капелланов — исповедников

иудаизма, христианства и ислама. Сама группа была образована христианским капелланом, которому в результате недавно присудили премию за межконфессиональную деятельность, поскольку взаимодействие оказалось очень плодотворным. Поэтому я верю в успех этого предприятия.

М.Б. Возможно ли историческое примирение между христианством и другими религиями, в частности с исламом? Каково будущее христианства, принимая во внимание нынешнее демографическое положение?

Р.У. Я считаю, что некоторым людям свойственно несколько преувеличивать данную демографическую проблему. На самом деле происходит следующее: многие мусульмане, приезжающие в Англию, — это выходцы из беднейших слоев населения, выходцы из деревень. У людей из подобной среды, естественно, большие семьи, поскольку в условиях бедности необходимо иметь большую семью, чтобы обеспечивать существование ее членов; безусловно, традиции и обычаи здесь тоже играют роль. С переходом в нашей стране мусульман в средний класс размер их семей сокращается. Поскольку мусульманские сообщества все больше интегрируются в жизнь нашей страны и других западноевропейских государств, мы, вероятнее всего, не станем свидетелями глобального демографического сдвига, который порою предрекают ученые. Я имею в виду, что семьи не будут столь уж большими, что более поздний брак и меньшее количество детей станут нормой как среди мусульман, так и немусульман. Но все это только догадки. В данный момент в Англии нашей основной практической задачей является построение дружбы и доверия на местном уровне, на уровне уличного взаимодействия между мусульманскими и немусульманскими группами. Часто происходит диалог между лидерами, в ходе которого мы обмениваемся мнениями и замечательными идеями, но необходимо перенести опыт на общение людей на городских улицах. Теперь в нашей стране существует христианско-мусульманский форум — государственный орган, состоящий из числа местных диалоговых групп для людей, как мы уже говорили, на уровне уличного взаимодействия, для людей, которые хотят работать вместе в школах, и над иными проблемами муниципального развития. Помимо этого, Форум организует конференции с выездом на уикенды местных священников и региональных мусульманских лидеров. Они уезжают вместе на 2-3 дня, чтобы обсудить и ближе узнать религиозные убеждения друг друга. На этом уровне мы

стремимся создать фундамент осмысления и взаимопонимания.

М.Б. Я живу на юге Лондона и часто бываю в Пекхэме. К сожалению, мне доводилось видеть столкновения между мусульманами и христианами именно на уровне повседневной жизни, иногда даже без видимой причины. Очень важно предоставлять людям больше информации о вещах, которые Вы сейчас упомянули. Может быть, для этих целей необходимо активнее привлекать СМИ?

Р.У. Мы довольно часто говорим об этом, но, к сожалению, СМИ часто предпочитают раскручивать сюжеты о конфликтах. Мой опыт подсказывает мне, что зачастую столкновения происходят не столько между мусульманами и христианами, сколько между мусульманами и обывателями, у которых вообще нет ни определенных знаний, ни убеждений. Во многих церковных школах нашей страны учится большое количество мусульман, которые проходят обучение в подобной среде, для того чтобы жить рука об руку друг с другом. Недавно я открыл новую школу в Линкольншире — на востоке страны. Школа была задумана как учреждение, подходящее и готовое открыть свои двери навстречу местным мусульманским общинам. Там я наблюдаю очень легкие и доверительные отношения между молодыми мусульманами и христианами.

М.Б. Какова Ваша реакция на недавнюю трагедию в Нигерии?

Р.У. Да, трагедия в Нигерии — это очень печально. Уязвимость местных христианских сообществ ужасающа; и конечно, там закрутился виток насилия и противодействия, и это очень печально. Однако даже в Нигерии один из моих ближайших друзей — епископ Кадуны, довольно смешанного региона, большую часть своего служения посвятил примирению и до сих пор верит в эту возможность. К сожалению, в Нигерии после длительного времени, когда некое сосуществование еще было возможным, внешние силы, которые повсеместно в мусульманском мире подталкивают людей к экстремизму, и здесь сыграли свою роль. Этот факт иногда усугубляется и обостряется племенной враждебностью. Это очень трагическая ситуация. Кстати, мы заговорили об этом, а на

моем столе лежит письмо от епископа Джоса из Нигерии с описанием последних событий. Мы регулярно связываемся с ним и стараемся сделать все, что в наших силах, для улучшения ситуации.

М.Б. Как Вы думаете, чем можно помочь людям там?

Р.У. Не существует единого способа разрешить ситуацию. Но важно, как Вы заметили ранее, делиться положительными результатами работы, которых нам иногда удается добиться в этой стране; говоря иными словами — христианам и мусульманам не обязательно все время враждовать. Я считаю, что это также зависит от столкновения с крайне негативными и разрушительными аспектами исламистов, которые приходят в Нигерию извне, и ответственность за это лежит на плечах Нигерийского правительства.

М.Б. Как Вы знаете, правительство США недавно признало на политическом уровне факт геноцида армянского народа 1915 года. В то же самое время турецкий премьер-министр Тайип Реджеп Эрдоган отметил, что причиной этого признания якобы послужила еврейская «коррупция». Считаете ли Вы возможным, чтобы остальные страны тоже признали факт геноцида?*

Р.У. Я и не мог себе представить, чтобы событиям того периода могло быть отказано в статусе геноцида. Я был в Ереванском музее и видел доказательства той трагедии своими глазами.

М.Б. Может быть, мой вопрос немного более общий — если мы обратимся к мировой истории и ее развитию в XX веке и ближе к нашему времени, мы увидим: к сожалению, возрастает число мнений о том, что роль Европы в мире снижается. Но Европа ведь является если не родиной христианства, то безусловно, колыбелью, где оно было возвращено. К чему это может привести?

Р.У. Проблема будущего Европы очень важна, поскольку это не может быть всего лишь попыткой сделать Европу мировой державой в простом понимании. Европе необходимо найти концепцию нравственности, и у

* На сегодняшний день факт геноцида армянского народа турками в 1915 году признали следующие страны: Франция, Швеция, США, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Россия, Польша, Литва, Греция, Словакия, Кипр, Ливан, Уругвай, Аргентина, Венесуэла, Чили, Канада, Ватикан, Австралия (Вестник Европы).

нее есть масса достоинств. Я не скажу, что это содружество государств, поскольку оно таковым не является, это партнерство государств, которые довольно медленно учатся взаимодействовать в вопросах экономики и некоторых вопросах безопасности. Кроме того, я полагаю, что у Европы должно быть четкое представление о том, как она, будучи обществом с глубокими христианскими корнями, в силу этих христианских корней может стать катализатором в остальном мире экономической справедливости и щедрости по отношению к обездоленным, не стремясь экспортировать свои формы демократии и внедрять их, а подавая пример другим обществам своей моделью объединенной зрелой демократии. Я думаю, что в этом отношении у Европы великое будущее, но она должна полностью отдавать себе отчет в том, откуда пришли некоторые из этих ценностей. Мне больно смотреть на то, как европейцы иногда хотят отречься или отвернуться от своего духовного наследия. Да, у Европы христианское наследие, но это отнюдь не означает, что нехристиане вовсе не играют никакой роли в Европе. Это означает лишь направление, откуда приходят ценности и убеждения.

М.Б. В чем, на Ваш взгляд, заключается принципиальное различие между верующим и неверующим человеком? Можно ли преодолеть пропасть различий между религиозным и нерелигиозным мировосприятием на уровне бытового взаимодействия между людьми?

Р.У. На практике эти различия, как правило, преодолеваются на уровне социального взаимодействия, тем не менее разногласия существуют. Верующий человек считает, что в конечном итоге он несет ответственность не только перед другими людьми, но и перед Богом; это человек, который в состоянии объяснить причину своего отношения к деспотичному или несправедливому государству. Вне зависимости от того, какие силы противостоят мне, во имя правды я должен сказать «нет» этой несправедливости. История двадцатого столетия знает множество выдающихся примеров великих людей, которые подобным образом говорили «нет»: Дитрих Банхоффер, преследуемый нацистами, мать Мария Скобцова в Париже и многие другие. Для меня сущность верующего человека заключается в этой свободе

сказать «нет» в лицо любой тирании; неверующий человек тоже может сказать «нет», но верующий знает, почему говорит «нет».

М.Б. Подобная ответственность за свои поступки и ответственность за правду может быть в каком-то смысле сродни ответственности, которую несет человек, будучи членом демократического общества. Демократия основывается на личной ответственности...

Р.У. Несомненно, демократия зиждется на той идее, что каждый несет ответственность за себя, за свои решения, а также за ближнего своего, поскольку демократия, основанная лишь на понятии отдельно стоящей личности, ведет к потребительскому обществу; демократию, где каждый осознает свою ответственность за ближнего, я бы назвал Христианской демократией.

М.Б. Более личный вопрос — почему Достоевский стал писателем, столь близким Вашему сердцу?

Р.У. Когда я читал Достоевского, у меня складывалось впечатление, что передо мной писатель, чья вера позволила ему, не пряча глаз, заглянуть в самые темные уголки человеческого сердца. Он не отрицает и не опрощает агонию человеческого существования и сомнений, и тем не менее не отступает от своих убеждений. Я думаю, это основная причина, почему Достоевский заговорил со мною, когда я был молодым человеком, и продолжает говорить со мною и по сей день.

М.Б. Как Вы знаете, мы готовим к печати Вашу книгу о Достоевском, которая увидит свет осенью. Будет интересно увидеть общественную реакцию.

Р.У. Это большая честь для меня.

М.Б. Вопрос из «анкеты» Марселя Пруста — если однажды Вы встретитесь с Богом, о чем Вы его попросите?

Р.У. Я попрошу Его о Милости. Я не хочу, чтобы Бог разрешал какие-либо интеллектуальные проблемы. Я просто скажу: Господи, помилуй! ■

ИСТОКИ

СТИХИ

Роуэн УИЛЬЯМС

Центр Книги Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино при поддержке посольства РФ в Великобритании и редакций журналов Herald of Europe (Лондон) и «Вестник Европы» (Москва) подготовил и выпустил (очень маленьким тиражом 200 экз.) двуязычную (на английском и русском языках) книгу стихов и переводов из русской поэзии Роуэна Уильямса, Архиепископа Кентерберийского. Составил этот сборник и сделал большую часть переводов Н.М. Пальцев. Предисловие написали Е.Ю. Гениева и Н.М. Пальцев.

Книга была представлена в Лондоне, когда Его Высокопреосвященству Роуэну Уильямсу вручали российский орден Дружбы.

Предлагаем читателям некоторые стихи из этого сборника.

ЗИМНИЙ РЕЛЬЕФ

Монастырь ди Бозе, Северная Италия,
январь 2003

Грунтовка небрежна, и голые скулы лощин
Свело, и, притерты попарно, лощины следят
За сизыми крыльями свода — прерывист полет,
И валится в сторону рамы измученный клин.

Лик, видимый только в ночи, из невидимых уст
Нет-нет да исторгнет другой, посвежее. Закат
От левого края за добрую дюжину миль —
Подковы нескоро еще спровоцируют хруст

Бесценного лака, и шорохи зимнего дня,
Пастельные скрипы и шорохи, и толкотня
Деталей доступны пока. Надвигается штиль.
Легка перспектива обратная, легок распад.

И вот тишина, темнота. Остается следить —
Чутьем, не глазами — немислимый профиль в ночи,
Угадывать тяжкую мимику сизых морщин,
Под взглядом безвеким агонию зимнюю длить.

Вот мы и следим. И на выдохе неповторим
Набор кристаллических рун, и глазницы лощин
Уже запорошены рунами. Тешится ум
Вопросом, зачем от печати невидимых уст
Погостом привиделась плоскость, ослабилась холм?

Перевод **Юлии Фокиной**

ТЮРЬМА «ЛУЗИРА»*, БЛОК СМЕРТНИКОВ

Чем манят шаловливые огни,
мигающие во дворе, вдоль камер?
Предвестьем празднества? Соблазном тут же
рождественский подарок развернуть,
сорвав обертку? День грядущий здесь
дано прожить не каждому. Но утро
придет — и что тогда? Вперившись в стену,
сидеть на тюфяке? Ведь ваше завтра
давно уже расписано (не вами).
И смысла нет до времени будить
тех, кто до вас за десять лет иль двадцать
сюда вселился: ведь они едва ли
помогут. Им совсем не до того.
Они мигнут, пожалуй, с понимаем
веселым электрическим бутонам,
что вечно не раскроют лепестков.
И все же, все ж — в рождественскую ночь
поют все христиане. Новичков тут
улыбкой встретят: полно, не тревожься,
с нас хватит и того, что в огоньках
мерцающих написано. Тут гости
привычны так же, как дощатый пол,
насквозь пропахший едким аммиаком.

Перевод **Николая Пальцева**

САРОВ, август 2003 — УЕДИНЕННЫЙ СКИТ

Летом русло реки
между шоссе и железной дорогой
высохло;

Мягкий песок радушно приемлет,
как вода или воздух, тут же забыв,
поступь твою.

Закроешь глаза — будто идешь
среди низких дюн, у каймы
океана.

Открой глаза, перейди мост под
березой с облупленной корой и
сосной.

* «Лузира» — главная тюрьма в Кампале; в момент моего посещения некоторые из отбывавших в ней наказание находились в блоке смертников по двадцать три года (*Прим. автора*).

Качаясь, иглы и листья
свет прядут из лучей, гребней волн,
лиц, рук,

Словно с морского дна глядишь вверх,
на молнию, огненную нить в вышине,
где упругие

Волны ловят бешеные прыжки
солнца с места
на место.

Лес щупает летнее небо, подобно
пухлой детской ручонке, что машет
в коляске,

Шаря в поисках носа, губ,
груди; наугад; узнавая;
чувствуя,

Что ее видят. Среди всплесков и вспышек огня
пролагая путь по лицу на фоне
неба.

Три долгих года Серафим* вечером преклонял
колена на том же камне,
шел по песку в море,

Ночь за ночью погружался,
когда солнце и деревья шли
на покой,

Уже не ласкали, и, как медведь, терся
и рыл носом тьму, слепой, страхом
объятый,

Голодный, пока камень не начинал
пахнуть медом. Он быстро всплывал,
переводил

Дыханье, вновь слеп от первого же
павшего с березы сухого, сморщенного листка,
первого

Сухого, сморщенного листка, выпавшего из
забытых миров песка, обид, смерти,
сверкающего засушья.

Под сводами твоих легких,
Отче, молот взнесен для первого
стремительного удара

Пасхальных заутрень, пальцы сомкнулись, как
на детской ручонке, нащупавшей плоть.
Радость моя. Радость моя.

Перевод **Майи Кореновой**

ЭММАУС

Сначала по солнцу, потом в тени,
так что я щурю глаза, чтобы видеть
лицо друга, и оно кажется мне
другим, и, в горячем воздухе, не тем голос.
Поднимающаяся белая пыль обретает форму,
и глухой звук других ступней, не в лад
печатавшийся между голосом и ушами,
танцует в паузах, и пропадает
там, где нет ни слов, ни шагов.

Когда наши глаза встречаются, я вижу смущение
(как у меня); мы не можем приноровиться к шагу,
каким нас просят идти,
и то, что мы слышим, говорится не нами.
Между мной и другом не пустота, и молчание
не безмолвно, очертаниям наших рук
и наших лиц придана форма
осязаемым странником, помехи
прерывают наши волны, как упавшие камни.

Значит, необходимо нести его с собой,
как чашу между горстями и профилем,
чтобы все собрались за столом, и, пока
ставят еду и разливают вино,
телесные пальцы преломляют громоподобный
серый хлеб. Становится холодно, даже в стенах жилья,
и падает резкий свет на наши фигуры;
тяжело дышит дождь, чернеет пыль,
и наши воспрявшие голоса блестят от воды.

Перевод **Валерия Минушина**

* Серафим Саровский (умер в 1833 г.) — один из самых почитаемых русских святых (Прим. автора).

ВОСКРЕСЕНИЕ: БОРГО САН-СЕПОЛЬКРО*

Настало время. Наконец тепло, и можно веки разлепить, бутона лопающегося восковые губы, неумолимому напору уступая, с каждым часом, приоткрывают влажное и темное нутро, взыскательный язык, глаз, щурящийся на зарю. Свет рыболовной леской вытягивает свой улов и замирает на мгновенье. Ложится плоская стопа на грань гробницы, косые плечи. Вот вновь он, мир знакомый, утро, встречаемое храпом спящих и видящих во сне привычно зиму, предпочитаемую всеми. И черные глаза застыли, полуоткрытые, вглядываются жадно, требовательно, ищут ямы, пустоты, чтобы заполнить их своим разливом, ищут пространства, готовые принять его, готовые напору уступить, зеленому упорному росту. Он медлит, выжидая, покуда силой не нальется плоская стопа, перспектива прогибается под ним, и спящие опасно клонятся в нее. Сосредоточенный, измученный, голодный, смерть стекает с него струями дождя, готовится. Мы ждем, парализованные, как во сне, его весну.

Перевод **Валерия Минушина**

ИСТОКИ

Взломана корка, трясется сдобная хлябь
Топи, крошатся края под тупым углом.
Взмах. Поворот ножа. Дрожит рукоять.
Выдерни. Снова ударь. Выпусти ром,
Хлябь пропитавший. Прислушайся к гулу и бей,

Бей наугад по схватившейся корке. Под ней
Лепет и рокот, влаги и мшистых камней
Сговор. Из нагромождения скользких морфем
Вычлени сон об ущелье, из множества тем —
Тему ущелья. Ворочай, размазывай, грей.
Как на пару, разбухает и пыжится мох.
Влага с исподу — незрячий голодный щенок —
Рвется, пульсирует, делает первый глоток
Воздуха, вязнет на сколах истерзанных вен.

Перевод **Юлии Фокиной**

Из цикла «Влюбленный Шекспир. Десять вариаций»

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Опьяненные тьмой они наугад бросают
блестящие арканы из шелка, с трудом пробираясь
меж башен.
Скользят со смехом по черепицам, презирая опасность,
кричат, сплетая один звездный шпиль с другим,
не замечают, опьяненные тьмой, петель,
стянутых вокруг их ног. Язык заплетается,
в глазах плывет, ноги налиты свинцом; сон
мокрой тканью приник к лицу. На рассвете
лес готических шпилей опутан влажной
серебряной, окровавленной паутиной, потухшей,
когда потеплело. И слова, застрявшие в ее кольцах,
падают на траву, как разбитый камень, как
обломки рухнувших башен, черепица с крыш;
на выстуженном чердаке гуляют ветры. ■

Перевод **Майи Корневой**

* Фреска Пьеро делла Франчески «Воскресение Христа» находится в городской ратуше тосканского городка Борго Сан-Сеполькро (Прим. автора).

ВЕРА И ТОЛЕРАНТНОСТЬ*

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

У греков проблемы религиозной нетерпимости и соответственно толерантности просто не было, ибо греки, резко противопоставляя себя «варварам» в плане языка и культуры, очень просто и органично включали в свой пантеон богов сопредельных им народов, разного рода восточные культы и т.д. Еще в V веке до н.э. они с легкостью отождествили египетского Амона со своим Зевсом, Тота — с Гермесом и т.д. Этим же путем шли и римляне. В Риме люди не разделялись на «своих» и «чужих», но зато римские граждане имели значительно больше прав, чем те, кто не имел римского гражданства; при этом гражданином мог быть человек любого национального происхождения. Напомним, что именно таковым был апостол Павел, еврей чистой крови, «обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев» (Флп 3:5). При этом, как и греки, римляне охотно включали в сонм своих богов божества покоренных ими народов или просто отождествляли их со своими богами. Вот почему фанатизм и религиозная нетерпимость в античную эпоху были невозможны.

Ни у греков, ни у римлян не было *Писания* и, следовательно, религиозной нормы, которая появляется у евреев, христиан и в исламе. Христиане преследовались Римом, поскольку они не принимали общественных (социальных!) ценностей государства и общества (религия была здесь ни при чем). Надо полагать, что фанатизм всегда связан с изоляционизмом — географическим, политическим и религиозным. Он зарождается в тех обществах,

которые живут изолированно и при этом считают свою религию единственно верной. Фанатизм и, следовательно, религиозная нетерпимость возможны, когда истина интерпретируется как *открытая мне или нам*, дарованная *моему народу* и проч. Если использовать терминологию Эриха Фромма — в том случае, когда исповедуется вера по принципу не «быть», а «иметь».

Истина как наша собственность, как *chiesa militante* («Церковь воинствующая»), истина вооруженная — не осуждаемая на смерть на Кресте, но осуждающая на смерть Яна Гуса или Джордано Бруно. Истина, принадлежащая толпе, которая требует крови... Вот где начинается фанатизм. Толпа, с которой мы встречаемся, читая Евангелие, требующая смерти (и даже более откровенно: крови) Иисуса, — может быть, одно из первых проявлений фанатизма в истории. В недрах этой толпы рождается чувство исключительности своей культуры, религии, идеи, которое проповедовал Альфред Розенберг в книге «Миф XX века».

В Средние века в Европе воцарился изоляционизм. «Песнь о Роланде» от начала до конца посвящена войне с неверными. Даже Марко Поло, который во второй половине XIII столетия обошел все страны Востока, включая Китай, почти не рассказывает о верованиях тех стран, где он побывал. Лишь однажды он делает замечание о религии в Китае: «Разных бесовских дел за этими идолами много; рассказывать об этом не станем в нашей книге; христианам не годится и слушать-то об этом» (Поло Марко. Книга о разнообразии мира. СПб.: Амфора, 1999. Гл. 161.

* Доклад на конференции «Толерантность: объединяем усилия», Москва, Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова, 4-5 апреля 2002 г.

С. 255). В отличие от Марко Поло, его современник Данте Алигьери не противопоставляет христиан людям иной религии. В XIX песни его «Рая» есть такие слова:

..... рождается человек
 Над берегом Инда; о Христе ни слова
 Он не слышал и не читал вовек;
 Он был всегда, как ни судить сурово,
 В делах и в мыслях к правде обращен,
 Ни в жизни, ни в речах не делал злого,
 Но умер он без веры, не крещен.
 И вот он проклят; но чего же ради?
 Чем он виновен, что не верил он?

Это уже совсем другой подход к проблеме иной веры. *Ov'è la colpa sua, se ei non crede?* («Где ж его вина, если он не верил?») — восклицает Данте и затем сразу же пугается своей смелости. Пугается, но все же оставляет эти слова в окончательном тексте своей «Комедии». В другом своем произведении, в трактате «Монархия», Данте впервые в истории вводит такое понятие, как *omne genus humanum* или *universitas humana*, то есть человечество. В отличие от его предшественников и современников, ему человечество видится как нечто единое. Огромный шаг в осмыслении того, что «другой» ничем не хуже, чем «я», уже сделан. Впервые после Иисуса кто-то заговорил об этом вполне определенно. Изоляционизм сменяется универсализмом. Данте приходит к нему именно как мистик, как францисканец третьего ордена и поэт-боговидец, весьма близкий к духовным практикам средневекового католичества, и прежде всего к мистике света.

С этого времени можно говорить о зарождении самой идеи толерантности в религии, хотя впереди нас ждет XVI век с религиозными войнами, инквизиция и ауто-да-фе, Варфоломеевская ночь, кровавые расправы над старообрядцами в России и многое другое. Только в XVIII веке этот вопрос будет вновь задан человечеству Вольтером. «Иисус, — пишет Вольтер, — не был ни суеверным, ни нетерпимым; Он общался с самаритянами; Он не произнес ни единого слова против религиозного культа римлян, отовсюду теснивших Его родину. Будем же подражать Его терпимости (*tolerance!*) и тем заслужим терпимое отношение к нам самим».

К этой же теме Вольтер возвращается в статье «Религия» в «Философском словаре». Здесь он представляет вниманию своих читателей воображаемый диалог с Иисусом. «Должен ли я встать на сторону греческой или латинской церкви?» — спрашивает Вольтер. «Я не делал никакой разницы между иудеем и самаритянином», — отвечает ему Иисус. И тогда Вольтер восклицает: «Я избираю Вас

своим единственным наставником». Не следует забывать о том, что антиклерикализм Вольтера был глубоко христианским и далеким от атеизма.

Вольтер прекрасно понимает, что толерантность в сфере религии может и будет пониматься как простое равнодушие ко всему тому, что с религией связано. Поэтому он замечает: «Не говорите, что, проповедуя терпимость, мы проповедуем равнодушие. Нет, братья мои: кто поклоняется Богу и делает добро людям, вовсе не равнодушен. Эпитет этот скорее подходит суеверному человеку, полагающему, что Бог будет милостив к нему за то, что он произносит непонятные формулы, в то время как в действительности он весьма равнодушен к судьбе своего брата, коему дает погибнуть, даже не протянув ему руку помощи». За двести с лишним лет, которые отделяют нас от Вольтера, ситуация изменилась очень мало.

Толерантность в религии начинается там, где та или иная конкретная религия перестает быть идеологией, составляющей человека вступать в те или иные организации, выходить на демонстрации и проч., выражаясь фигурально, орать во всю глотку «распни его», — и становится чем-то глубоко личным: оправданным только в глубинах моего «я» исповеданием, той встречей, о которой говорит митрополит Антоний Сурожский. И опять вспоминается «иметь» и «быть» Эриха Фромма. «Вера по принципу обладания, — пишет Фромм, — придает уверенность, она претендует на утверждение абсолютно неопровержимого знания». «Она, — говорит Фромм, — освобождает человека от тяжелой необходимости самостоятельно мыслить и принимать решения». Именно такая вера исключает всякие надежды на толерантность в сфере религии.

Но есть ведь и вера по принципу «быть»; она — «это прежде всего не верование в определенные идеи, хотя и это также может иметь место, а внутренняя ориентация, установка человека. Правильнее было бы сказать, что человек *верит*, а не что у него *есть* вера», — говорит по этому поводу Эрих Фромм. Эта мысль Фромма оказывается неожиданно близкой к Евангелию от Иоанна, где более 70 раз употребляется глагол «верить» и практически не встречается существительное «вера». Вера по принципу «быть» всегда динамична. Человек переживает ее как бы заново каждый момент своей жизни, то и дело оказываясь в положении Моисея у неопалимой купины — горящей, но не сгорающей, — как нечто глубоко личное, а поэтому уникальное. Однако, сознавая, что его вера уникальна, такой человек не отказывает вере другого в чем-то иной уникальности. Поэтому можно сказать, что истина в религии *абсолютна* (в противном случае это будет уже не вера, а какой-то рациональный компромисс с религией другого), но *не эксклюзивна*. Вот какой парадокс необходимо понять и усвоить.

Вера по принципу «иметь» — это раз и навсегда установленная доктрина, которой нужно неуклонно следовать во всех случаях жизни. Вера по принципу бытия — всегда мистична и поэтому всегда открыта личной вере другого, она всегда в поиске, всегда связана с новыми открытиями и с живым опытом веры для каждого верующего. Естественно, что в реальной жизни невозможно указать на группу верующих и сказать, что они верят по принципу бытия, а затем взять иную группу и сказать, что эти верят по принципу обладания. Разумеется, в реальности оба эти принципа перемешаны внутри каждого из нас. Поэтому речь может идти только о преобладании в нас того или иного из двух принципов веры.

Если выйти за пределы фроммовского вокабуляра, то можно сказать, что учение об этих двух принципах веры задолго до Фромма сформулировал А. Бергсон в книге «Два источника морали и религии». Бергсон говорит о двух типах религиозности — статическом и динамическом. В статической религии преобладает магизм, ритуал и доктрина. В динамической — только мистицизм и любовь, в которую этот мистицизм и выливается. Мистик чувствует, «что истина, — говорит Бергсон, — течет в него из своего источника как действующая сила. И он уже так же не может больше удержаться от ее распространения, как солнце — от излучения своего света. Только распространять ее он уже будет не просто речами. Ибо любовь, которая его поглощает, — это уже не просто любовь одного человека к Богу, это любовь Бога ко **всем** (выделено нами. — Г.Ч.) людям. Через Бога и посредством Бога он любит **все** (!) человечество божественной любовью».

Именно такой тип мистики открывается нам в «Откровенных рассказах странника», в трудах о. Софрония Сахарова и проповедях митрополита Антония, а также в книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа», но и в практической деятельности огромного числа священников в России, среди которых хочется назвать известных автору не понаслышке архимандрита Тавриона, о. Владимира Смирнова и «солнечного» архимандрита Сергия (Савельева).

Однако религия как социальный феномен, религия, доступная среднему верующему, представляет собой, по мнению Бергсона, «осуществленную процессом научного охлаждения кристаллизацию того, что мистицизм, пылая, влил в душу человечества». Иными словами, религия как социальный феномен является обычно статическим вариантом мистического динамизма.

Институциональная религия всегда немного статична. В России сегодня эта статичность заметна значительно больше, чем в Европе или в Америке. Это объясняется только тем, что (как мы подчеркивали выше) основная масса верующих в современной России пришла к вере не

более чем 7–8 лет назад. На то, с какими опасностями будет связан в России отход от атеизма к вере, еще в 1930-е годы обращала внимание мать Мария (Скобцова). В докладе «Настоящее и будущее церкви», прочитанном на монашеском собрании в Париже в марте 1936 г., она поставила вопрос о том, что будет с церковью, когда власть в России дарует ей свободу.

В эту церковь, — говорила мать Мария, — «придут новые кадры людей, советской властью воспитанные... Что это значит?... Сначала они, в качестве очень жадных и восприимчивых слушателей, будут изучать различные точки зрения... а в какую-то минуту, почувствовав наконец себя церковными людьми по-настоящему... они скажут: вот по этому вопросу существует несколько мнений — какое из них истинно? Потому что несколько одновременно истинными быть не могут. А если вот такое-то истинно, то остальные подлежат истреблению как ложные».

Далее она сказала: «Если в области тягучего и неопределенного марксистского миропонимания они пылают страстью ересемании и уничтожают противников, то в области православного вероучения они будут еще большими истребителями ересей и хранителями ортодоксии». Тут надо заметить, что на самом деле сказанное матерью Марией относится не только к православию, но ко всем конфессиям и религиям на территории бывшего СССР. *Bellum omnium contra omnes*, «война всех против всех» — вот что происходит в среде верующих в России сегодня, разумеется, не на уровне иерархии, где царит мир и развиты цивилизованные способы отношений друг с другом, но на уровне среднего активиста-верующего и на уровне многих около- или псевдоцерковных изданий. «Шаржируя, — продолжила мать Мария, — можно сказать, что за неправильно положенное крестное знамение они будут штрафовать, а за отказ от исповеди ссылать на Соловки».

Именно с этой ситуацией Россия столкнулась сегодня. В деятельности т.н. православных братств и на принадлежащих им сайтах в интернете можно обнаружить такую агрессивность и нетерпимость, что будет от чего сойти с ума. «Было бы отчего прийти в полное отчаяние, если бы не верить в то, что подлинная Христова истина всегда связана со свободой». В России сегодня мы переживаем медленное и чрезвычайно трудное, связанное с ошибками и падениями продвижение к этой свободе. И надо надеяться, что у нас есть будущее, которое будет отличаться толерантностью и добрыми доверительными отношениями между так не похожими друг на друга людьми, принадлежащими к разным конфессиям и религиям, к разным социальным слоям и народам, к разным языкам и культурам. ■

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ТЕРРОР И ВОЙНУ

Григорий ПОМЕРАНЦ

Я был самым маленьким и слабым в классе. Зная свои возможности, я избегал уличных столкновений, но это не всегда удавалось. Огольцы из пролетарских трущоб в соседнем Бутиковском переулке терроризировали меня. Только в середине тридцатых годов, когда террором занялось государство и стали хватать студентов, — я принял вызов и бросил лозунг: «лучше три года сидеть, чем всю жизнь дрожать».

Три года давали без суда, решением Особого совещания. В лагерях шутили: «За что сидишь?» «Ни за что». «Врешь, ни за что дают три года, а у тебя десять». Потом цифры сменились. Ни за что давали пять, десять — и даже двадцать пять оказалось ничем, когда началась реабилитация. Но реабилитация — через двадцать лет. А в середине 1937-го исчезли анекдоты. И вдруг всю Москву облетел диалог: «Как живете?» «Как в автобусе: одни сидят, другие трясутся». Это летало по столице как голубь мира, с оливковой веткой в клюве: «Как живете?» «Живем, живем, живем!»

Я оценил анекдот, как начало конца террора, дошедшего до безумия. Больше напугать нельзя, рождается мужество отчаяния, веселое мужество висельников. И впрямь — скоро Ежова сняли. Лаврентий Павлович Берия распустил несколько тысяч осужденных, в том числе моего приятеля Юру Лескиса, осужденного по суду, с добросовестными показаниями свидетелей, слышавших его дерзкие слова. Лаврентию Павловичу плевать было на юридические формальности. Важно было, что Юра — мальчишка, студентка, беспартийное ничто, даже не родственник делегата XVII съезда, вычеркнувшего

фамилию Сталина при тайном голосовании. Зато Ольгу Григорьевну Шатуновскую не выпустили, несмотря на хлопоты Микояна: она слышала, что Берия был двойным агентом и что Киров послал из Тифлиса в Баку телеграмму: Берия расстрелять!

Анализируя свое поведение, я нахожу, что переход от робости к дерзости был вызван внутренним скачком, далеким от политики. Началось это в 15 или 16 лет; листая учебник тригонометрии, я обратил внимание на тангенсоиду, ныряющую из бесконечности в ничто и из ничто взлетающую вверх. Прodelать это с вышки в воду я никогда не решался, я не доверял своим рукам и ногам. Но другое дело — ум. Ум мой принимал формулу $n : \infty = 0$ как смертный приговор. Но приговор действителен только для конечных величин. И вот вопрос: конечен ли человек? Вроде бы да: бытие определяет сознание. Переменим бытие — и человек переменится. $4 : 2 = 2$, $n : \infty = 0$.

А вдруг точность наук — только практическая условность? И вселенная не началась 12 миллиардов лет назад? Додумать все это в мои 16 лет я не мог. И через несколько дней решил, что проблема слишком трудна для школьника, но я ее непременно буду решать и решу когда-нибудь. Сознание великой задачи, дремлющей во мне, стало частью моей дерзости. Я думаю, что всякое мужество связано с сознанием своей силы. Физической, или нравственной, или еще какой-то, но силы.

И вот прошло четыре года. Страна двигалась от одного показательного процесса к другому, а я — от проблемы к проблеме. Одной из них было мое несовершенство. Оно

мучило меня с детства. Мои родители были выходцы из Польши, неуверенно чувствовавшие себя в Москве. Никакого твердого образца взрослого перед моими глазами не было. Я должен был сам для себя все решить. Особенно обострился кризис, когда мама уехала в Киев, играть в тамошнем театре. Папа, заваленный растущей советской отчетностью, брал часть работы на дом и стучал до ночи костяшками счетов. Ничем он не мог мне помочь. Газеты были полны достижениями, а Галя, домашняя работница, плакала после каждого письма с Украины. Потом она ушла на завод, там давали больше хлеба — на сухую сухарей для родных. А между тем в этот голодный быт врывались герои Толстого, Шекспира, Стендаля. Нам задали писать сочинение «Кем быть?», то есть какую профессию выбрать. А в моем уме этот вопрос преобразился, стал другим, приблизился к гамлетовскому: «Быть или не быть?», по какой дороге я смогу набрать впечатлений, из которых сложится моя личность. Пока ее нет. И я закончил школьное сочинение фразой, возмущившей учителя: «Я хочу быть самим собой». Это был первый шаг вон из сознания капли, льющейся вместе с массажи.

И вдруг я вернулся к вопросу, вылезшему передо мной из учебника тригонометрии: где мое место во Вселенной? Что я значу в мире? Эта проблема мучила Тютчева (природа знать не знает о былом...), мучила Толстого, готового застрелиться, но не согласного с признанием своей ограниченности; мучила Достоевского в «Подполье»: «дважды два пять — тоже премиленькая иногда вещичка...»

В двадцать лет я почувствовал рост силы своего ума и решил не отступать перед «карзамасским страхом» Толстого, решил штурмовать его «Записки сумасшедшего». Я понимал, что логическими выкладками нельзя создать внутренний противовес бесконечности пространства, времени и материи. Надо было бросить вызов собственной глубине и повторять этот вызов, пока глубина не откликнется и не раскроет своей бесконечности. Как — я не знал. Но вызов, наподобие дзэнского коана, я сформулировал и повторял его три месяца, вплоть до ослабленного подобия дзэнского сатори — озарения, на котором я остановился, наивно предполагая, что достиг цели.

Разумеется, таких слов, как коан и сатори, я не знал. Прочел впервые в статье Кестлера через двадцать лет. В это время мой путь вглубь себя уже определился, скорее в подобии бхакти, чем дзэн. Но дзэн дразнил и подталкивал меня, когда годы странствий кончились и наступил покой созерцания. А в 38–39 учебном году меня подталкивали парадоксы «Подполья». Кончив чтение Достоевского «Подпольем», я стал возвращаться от него то к Ивану Карамазову, то к Кириллову, то к Хромоножке...

В школе я остановился, признавшись самому себе, что «бунт» Ивана Карамазова понимаю, а «Легенду о великом инквизиторе» — нет, не могу понять, и отложил всего Достоевского, как тангенсоиду. И вот теперь мне показалось, что я на пороге великого понимания, а предисловие к анализу «Подполья» разрасталось, отодвигало на задний план сравнение Достоевского с Толстым, становилось исповеданием веры в величайшего русского писателя (оно так и было озаглавлено: «Величайший русский писатель»)...

Руководитель семинара, Глаголев, напоминал мне то, что писали о Достоевском Горький, Ленин. И я в ответ объяснял, что Горький и Ленин ошибались. Сегодня это банальность, но тогда — скандал. Работа была вынесена для обсуждения на кафедре и осуждена как антимарксистская. Я вышел с заседания кафедры, хлопнув дверью. Весной 1939 года это сошло мне с рук. Тогда разлилась усталость от Большого террора, и администрация ограничилась мерой кротости: установлением тайного надзора и тайным же приказом срезать при экзамене в аспирантуру.

Однако одновременно открылась другая дверь — на Олимп, до которого я мгновенно дорос, хлопнув дверью кафедры. До этого хлопка мое одиночество делили только импрессионисты, молчаливо висевшие на стенах пустых залов — почти без зрителей — в Музее новой западной живописи. Каждую неделю я приходил туда и продельвал обряд очищения, созерцая полотна Ренуара, Моне, Сислея, Марке, Писсарро, Сезанна, Ван Гога, Пикассо (розового и голубого)... И на два часа я уходил от мерзости, разлитой в умах москвичей, от комсомольских собраний, навешивавших ярлыки «потеря бдительности» и «притупление бдительности» в память родственников, исчезнувших за железными воротами ГПУ. Ярлыки незримо прилипли к спинам примерно трети студентов, и иногда по этим бубновым тузам стреляли новым ордером на арест. Эта угроза висела над каждым. И только небольшая группа преподавателей была ограждена незримым табу.

Впоследствии их называли «течением Лукача–Лифшица». Лукач, плохо владевший русским языком, в дискуссиях не участвовал, но Лифшиц и его ученики начиная с 1934 года вели свободную дискуссию с теми, кого стали называть вульгарными социологами». И, по чьему-то незримому распоряжению, на три статьи Лифшица в ответ печаталась одна статья Нусинова, сторонника старшей школы.

Секрет заключался в том, что к власти в Германии пришел Гитлер, и коммунистам пришлось искать союза со всеми противниками фашизма. Сталин понимал, что

создание идеологии народного фронта (вроде того, который на короткое время победил в Испании) — не его ремесло, и он разрешил Лукачу, бежавшему от Гитлера, создать в Москве свою школу. К 1939 году мавр уже сделал свое дело, и схоластика народности, разработанная Лифшицем, была советскому руководству ни к чему. Фадеев, оскорбленный пренебрежительным отношением к его творчеству, уже точил оружие для разгрома «течения». И разгром уже готовился, когда я вошел в число «теченцев».

Помню доклад Лифшица о народности, длившийся шесть часов. Лифшиц различал непосредственную народность Тараса Шевченко, народность Некрасова, порвавшего со своим классом, народность Пушкина и раннего Толстого, сохранивших дворянское сознание, но сочувствовавших народу... Но куда девать Тютчева? Лифшиц понимал, что философская лирика Тютчева народу непонятна, но когда-нибудь народ ее поймет, и тогда Тютчев станет народным. Уходя из большой аудитории в толпе студентов, Ефим Глухой, не понимавший Тютчева, кричал, что теперь он перестал что бы то ни было понимать. И вероятно, то же думали сотрудники идеологического отдела ЦК, но молчали — и заказывали брошюры попроще. В студенческих кругах эти наспех испеченные странички называли «кизнародованием». По своей простоте, подобной мычанию, брошюрная народность мало отличалась от бывшей идеологии классовой борьбы и будущей идеологии русской национальной идеи.

Зимой 1939/40 года была организована еще одна дискуссия. На этот раз печатали три статьи противников «течения» и одну — ее сторонников. Среди сторонников были два блестящих лектора — Леонид Ефимович Пинский и Владимир Романович Гриб. Студенты с восторгом шли за ними. Лифшиц был уверен, что его идеи рано или поздно победят. Пинский ожидал репрессий, но не отказался от защиты своих позиций. «Нас называют течением, — сказал он (я запомнил эту фразу). — Но что противостоит течению? — болото». Студенты яростно аплодировали. Положение спас Кеменов, примыкавший к «течению» и руководивший Обществом культурной связи с заграницей (ВОКС). Он имел доступ к Молотову и убедил его, что разгромное постановление будет иметь нежелательные международные последствия. Видимо, поэтому постановление не было опубликовано. Формально все остались при своих. Но магическая сила оставила Лифшица... Все это произошло через полгода после моего хлопка дверью кафедры и за несколько месяцев до войны.

На другой день после скандала на кафедре я пошел к Пинскому, преподававшему западную литературу на моем русском отделении, и попросил высказать свое мнение о моей курсовой работе. Пинский сразу прочел текст и передал его своему другу, Владимиру Романовичу Грибу (преподававшему западную литературу западникам). Остальное мне рассказала Лиля Лунгина в коридоре купейного вагона Москва — Феодосия, примерно в конце 70-х годов (мы оба ехали в Коктебель): Гриб прочел текст ночью и в пять часов утра пришел с Поварской на Усачевку, просить Пинского подарить меня в ученики. Пинский согласился и при следующей встрече со мной сказал, что работа понравилась и моим научным руководителем будет Гриб, с полузападной темой «Бальзак и Достоевский». Бальзак — это понятно, чтобы обсуждать у западников. Но почему Гриб, а не Пинский? Я не решился спросить*.

Гриб пригласил к себе на Поварскую знакомиться. Там во дворе собралось несколько человек праздновать окончание учебного года. Гриб опаздывал, и опаздывала аспирантка русской кафедры Сусанна Альтерман. Дважды кто-то спрашивал: где Сусанна? И кто-нибудь отвечал: Сусанна ждет старцев. Тогда все смеялись, а я хлопал ушами. Потом Пинский мне объяснил, что Сусанна и старцы — из Мандельштама. Наконец, все собрались, пришел Гриб, но заниматься со мною было поздно, и меня просто пригласили в ресторан вместе со всеми. Я оказался за столом между двумя богами студентов, Пинским и Грибом, единственным студентом в их кругу, и чувствовал себя Ганимедом, вознесенным на Олимп.

Потом, в следующем академическом году, начались встречи с Грибом, оборванные его болезнью и смертью. Очень ранней смертью — в 32 года. В сущности, все «течение Лукача — Лифшица» было молодым, кроме самого Лукача. Разница между мной (мне было двадцать два) и Пинским, тридцатичетырехлетним доцентом, постепенно сглаживалась. Еще меньшим был разрыв в возрасте с аспирантом Ремой Янкевичем, ярко одаренным юношей, на выступления которого я приходил. К сожалению, помню только, что его любимым поэтом был Осип Мандельштам. Рема погиб на войне, корректируя огонь батареи. Последними его словами был смертельный приказ: «огонь по НП!» Этим упоминанием я отдаю последний долг юношам, не успевшим иначе оставить по себе память.

К счастью, о трех состоявшихся беседах с Владимиром Романовичем Грибом я могу сказать гораздо больше. Гриб недаром выбрал меня в ученики. У него

* Когда Лиля Лунгина наговаривала «Подстрочник», со времени нашего разговора в вагоне прошло 10, или 15, или 20 лет. Кое-что забылось и спуталось. Сохранилось сочувственное отношение к нам всем троим, но кто где учился, кто с кем был знаком и кто что кому передал — изложено неверно.

был особый талант, не находивший себе применения. Сократ называл этот дар майевтикой, акушерством, вспоможением при рождении истины. Сегодня можно было бы назвать этот дар навигатором, прибором, подсказывающим водителю, где и как свернуть. Тему «Бальзак и Достоевский» мы ни разу не затрагивали. Гриб задавал мне вопросы, касавшиеся Достоевского, и дальше только слушал, поразительно чутко слушал, одним словом или жестом показывая, что я соскользнул на поверхность, потерял глубину. И я мгновенно понимал, что он прав, и тут же находил лучший ход мысли.

Два часа мы не выходили из глубины. Оказавшись на улице, я еще чувствовал себя озаренным, но быстро глупел. Прошло много лет, пока я не встретил Зинаиду Александровну, и мы научились быть друг для друга навигаторами. Других подобных встреч у меня не было. Пинский поразительно глубоко вчитывался в текст и потом ясно раскрывал его внутреннюю структуру, но в беседе он был захвачен собственной страстной мыслью. Сократовского дара у него не было. Смерть Гриба была огромной потерей для островка живой мысли, уцелевшей после террора.

Между тем надвигалась война. 16-го октября 1941 года, когда последний — вяземский заслон был сломлен, Пинский позвонил мне и сказал, что уходит в ополчение. Нельзя было сдавать Москву без боя. Я ответил, что иду тоже. В одном отделении, под командой сержанта Сорокина, собрались Пинский, я и еще два ученика Пинского. Через месяц Пинского демобилизовали. Назло Геббельсу надо было создать видимость работы Московского университета, объявленного разрушенным. Собрали группу девушек–студенток, и Пинский их обучал и руководил ими на разных чрезвычайных работах. Возвращаясь из эвакогоспиталя на фронт, я побывал у него и несколько часов рассказывал, как на самом деле выглядит война.

Остается теперь рассказать, как я прошел через опыт войны. Но об этом уже многое было написано и напечатано в «Записках гадкого утенка». Попробую вернуть военный опыт с новой стороны, сквозь пушкинский «Гимн в честь чумы». Я много раз вспоминал его тогда наизусть:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог...

Это всё правда, но неполная правда. В устном повторе я незаметно для самого себя заменил «упоение» другим словом — «вдохновение». Почему я это сделал? Потому что опыт войны подсказал, что упоение слишком часто ведет к хмелю. В бою нужно именно вдохновенье, когда сердечный жар сливается с напряженной работой мысли. Покажу это на ничтожном примере, к которому я уже несколько раз возвращался и каждый раз находил в нем новые оттенки.

В октябре 1943 года наша дивизия прорывала линию Вотана. Удалось это только с третьей попытки, когда исходный рубеж придвинулся к немецкой укрепленной полосе почти вплотную. На этот раз прошли все три линии обороны, в том числе третью, недостроенную. Немцы зацепились за хаты большого села Калиновка, дававшие укрытие от прицельного огня артиллерии. Настроение на нашей стороне было праздничное. И когда пехота поднялась из овражка, где скапливалась, я не удержался и побежал вместе со стрелками. Двое солдат были убиты у меня на глазах. Но «всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья», вызывает чувство полета над страхом. Немцы с околицы отошли в глубь села. «Трофейные солдаты», как мы их называли, жители Донбасса, наспех мобилизованные и полубоученные, тотчас рассыпались по хатам. Я тоже заглянул в одну или две хаты, но там ничего интересного не было — и вернулся на исходный рубеж, к артиллерийским наблюдателям, с которыми был шапочно знаком.

Вдруг раздалась выстрелы, и стрелки побежали обратно. Артиллерийские офицеры вскочили и стали удерживать их и укладывать в прикрытие. Я им помогал. Потом показалась немецкая цепь. Артиллеристы немедленно повернулись к своим телефонам, и я остался один. Для авторитетности я отпустил на перевязку мальчика, слегка поцарапанного и сильно испуганного, отобрал у него автомат и время от времени постреливал поверх голов, когда бежала целая группа.

Я хорошо знал огневые средства дивизии и не сомневался, что немцев остановят. Но наблюдателям легче работать, когда они видят перед собой прикрытие. Хотя на самом деле они, артиллеристы, прикрывали своим огнем не уверенных в себе стрелков. И я немного прибавлял им уверенности, расхаживая по цепи и явно не собираясь залечь, когда свистнет пуля. Немцы вскоре

залегли, и в наступившем затишье я переговорил со всем своим маленьким войском (человек 20–25). Оказалось, что это толпа, сложившаяся из разных смешавшихся подразделений, и патронов у них не густо. Что дальше делать, я не знал. Но тут подбежал связной и, увидев издали меня, торчавшего на правом фланге, ближнем к НП командира дивизии, произвел меня мысленно в офицеры и в командиры всей цепи, сложившийся по линии НП артиллеристов. Он назвал меня лейтенантом и передал: переходить в наступление. Надо было подумать, как сдвинуть с места всю линию.

Телефонной связи или связных у меня не было. Оставалось показать пример. Я скомандовал «вперед», с некоторыми ободряющими словами, а пробежав метров пятьдесят — «ложись!» Оглянулся — цепь двинулась. Когда она сравнялась со мной, я повторил тот же маневр. Но входит ли в село? Опять повторится то, что было утром, и немцы нас снова вышибут. И я решил остановить движение в 100–150 м от околицы. Будем ждать в полутьме кухонь. Немцы ночью не воюют. Около кухонь лейтенанты найдут своих солдат, солдаты — своих лейтенантов, а там и брички с патронами подойдут. И на рассвете, опередив немцев, бросимся вперед, с пальбой, с криками «ура!»... Там видно будет, что получится. Может быть, у немцев вообще был приказ отступить...

Мой план нарушил майор Токушев, первый зам. начальника штаба дивизии. Он прибежал, сбросив для скорости шинель, в мундире, блестя орденами. Увидев меня, с удивлением назвал меня по фамилии и спросил, почему я остановил наступление? Я объяснил. Токушев внимательно меня выслушал, вздохнул и сказал: ничего не поделаешь, сообщили в Москву, что село взято. Я почувствовал взрыв негодования: значит, надо было повторить ту бессмыслицу, которая была в полдень. Но делать нечего. «Вперед, ура!» — и через пять минут мы с Токушевым остались одни. «Ну вот, воюйте теперь, товарищ майор, а я пойду собирать материал для газеты». И до сего дня вспоминаю эту фразу с чувством недовольства собой.

В то время я еще оставался рядовым, прикомандированным к редакции из-за хромоты, сохранявшейся полгода после выхода из эвакогоспиталя. Прошло полгода, штатный литсотрудник погиб 9 или 10 января 1943-го, редактор обещал оформить меня на эту должность и обманул. Он меня невзлюбил, но не мог от меня отделаться, и я делал что хотел. Мне удалось выстроить пространство свободы на передовых позициях, в зоне действительного артиллерийского и ружейно-пулеметного огня, куда редактор никогда не совался, где я никому не подчинялся и писал то, что мне казалось нужным, а в

редакцию приходил раз в две недели помываться в бане и выслушивать «ценные указания».

Весной 1944-го, когда отношения в редакции очередной раз напряглись, я зашел в политотдел и подал рапорт с просьбой направить комсоргом стрелкового батальона. Вакансии там всегда были: более четырех месяцев комсорги не оставались в строю. Через полчаса я получил назначение, через два месяца — звание младшего лейтенанта, а еще через два месяца — ранение, не причинившее большого вреда и открывшее мне вакансию штатного сотрудника дивизионной газеты (занятие, которое мне было больше по душе...).

Однако вернемся в тот октябрьский вечер, когда я простился с Токушевым. Утром произошло все, что я предвидел: Токушев пытался остановить бегство и был убит. Мне до сих пор совестно, что я не предложил пойти от него к командиру дивизии и объяснить, что одному Токушеву не под силу сделать трофейных солдат закаленными бойцами, и что надо придумать что-то еще.

В эту ночь, однако, Токушев был еще жив, а я — доволен собой. Двинувшись по полю вдоль села, я натолкнулся на КП одного из батальонов, где всех знал, и сел ужинать с офицерами. И я спросил их:

— Почему вы сидите в поле, а не переносите КП в село?

— Там немцы!

— Ничего подобного, — возразил я. — Мы только что взяли село. Немцы отошли.

За час до этого я понимал, что немцы, возможно, отошли только до середины села, и если у них нет приказа отступать, то на рассвете они опять атакуют трофейных солдат и опять вышибут (что и случилось; Калининку брали шесть раз и взяли окончательно только тогда, когда командир дивизии нашел нестандартный ход: бросил в стрелковую цепь пушки). Но меня уже захватил хмель победы. И волна этого хмеля заразила моих собеседников. Один из офицеров взял с собой двух связистов, и мы пошли выбирать место для нового КП.

В селе царила мертвая тишина. Капитан, пошедший на авантюру без всяких размышлений, несколько протрезвел и спросил, сколько у меня патронов? «Ни одного, — ответил я, — пустой диск». «У меня только пистолет», — сказал он. — «А у вас?» — спросил он у связистов. «Вы же знаете, — ответил один из них. — Таская катушки, мы патронов не берем. Только в винтовке — четыре штуки». «Итак, у нас шестнадцать патронов на четырех, по четыре на брата, — подсчитал капитан. Подумав немного, добавил: — Если наткнемся на немцев, я крикну “вперед, за мной!” — и мы побежим назад».

Не буду подробно описывать дальнейшее. Сначала мы наткнулись на передний край соседнего полка; весь этой край, человек сорок, вместе со своим младшим лейтенантом, собрался у большого костра, не выставив никакой охраны. Потом на нас наткнулась немецкая разведка. Капитан скомандовал «вперед» и побежал — но на запад. Я привык ориентироваться по звездам и пытался остановить его, но не мог догнать, остановился, рядом со мной оказался один из связистов, легко раненный в ногу осколком гранаты. Я велел связисту идти за мной, и мы благополучно вышли. Через несколько дней увидел резвоного капитана и спросил его, где второй связист? Он не знал. Пропал без вести...

Теперь умножим этот эпизод на миллион (или несколько миллионов), и получим широкую картину перехода от вдохновения к упоению, от упоения к хмелю и от хмеля — к похмелью. Года два назад я как ветеран Сталинградской битвы получил циркулярное письмо, где разъяснялось, как немцы оказались на Волге. Маршал Шапошников, тогдашний начальник Генерального штаба, весной 1942 года предлагал перейти к стратегической обороне. Всеми рубцами на моей шкуре я могу подтвердить, что он был прав. С февраля засияло солнце, и немецкое люфтваффе царило в воздухе. Наступать мы могли только ночью, но это годилось нам, добровольцам, не расположенным сдаваться в плен. Остальные были ненадежны. А дневные бои становились мясорубкой. Единогласный приговор раненых, с которыми я говорил в госпитале: не война, а одно убийство. Шапошников предлагал прекратить это убийство, но Сталин снял его с поста и приказал: наступать, наступать, наступать. Катастрофа на северо-западе, когда Власов попал в плен, не отрезвила Сталина, он продолжал гнать свое — вплоть до окружения и разгрома большой группировки под Харьковом и выхода немцев на оперативный простор.

И тут хмель ударил в голову Гитлеру. Он отправил группу армий Клейста на Кавказ, а чудовищно растянувшийся восточный фронт укомплектовал армиями своих сателлитов. Пока немцы шли вперед, румыны и итальянцы тоже шли вперед, заполняя пустое пространство. А когда немцы уперлись в Волгу и застряли в городских боях, румыны тоже остановились и не беспокоили советское командование, дав ему подходящее время и подходящую обстановку для подготовки контрудара. И на подходящем материале советские войска стали учиться прорывать фронт. Потом эта идея была широко тиражирована в армейской прессе: «Немцы научат нас воевать, а мы их отучим». Я на себе почувствовал этот перелом. И хотя ни в какой школе не учился, сносно провел бой под Калиновкой.

Теперь попробуем еще шире обобщить этот опыт. Всякая победа несет в себе опасность перехода от вдохновения к упоению, от упоения к хмелю и к похмелью. И тотчас победа становится пирровой, разрушительной для победителя. А поражение (бывает и так) несет в себе возможность отбросить устарелые приемы, реформировать устаревшие учреждения, обновиться, возродиться... «Разбитые армии хорошо учатся». И разбитые державы также становятся сильнее. Поражение в Крымской войне 1854–56 гг. было благотворно для России. Япония и Германия окунулись в разгром — и воскресли. А Россия, к сожалению, не удержалась на мудрости 1943-го и уже в 1944-м упивалась своими победами, действительными и мнимыми: «русские прусских всегда бивали, наши войска в Берлине бывали»... В итоге хмель и спесь до сих пор бродят в русских жилах.

Весь путь Сталина, после установления его единодержавия, — ряд пирровых побед. Победа над крестьянством смертельно ранила сельское хозяйство. Победа над армией лишила генералов политической воли — но заодно и военных талантов. Все полководцы, выдвинувшиеся в 1941–45 гг., были избраны не Сталиным. И оружие, победившее на войне, было спроектировано в сталинских тюрьмах. Тоталитарные режимы ни в чем не знают меры. Они борются за всемирную власть, создают рыхлые империи и сеют семена развала. Они втягивают в факторы войны страны, народы, отрасли культуры, чуждые войне, — и вдруг решающие исход войны. Когда немцы водрузили свой флаг на Эльбрусе, Эйнштейн пошел к Рузвельту и убедил его создать атомную бомбу. Бомба в конце концов досталась Японии, и самураи вынуждены были капитулировать перед группой физиков-эмигрантов во главе с Оппенгеймером. И только готовность Сталина, не считаясь ни с какими потерями, обескровив Россию, выйти на Эльбу, позволила сокрушить Гитлера без атомного оружия. Я уже писал, что Гитлер — не Хирохито, он не сдался бы от двух бомб, и Германия, а может быть, и вся Европа покрылась бы смертоносным пеплом.

Попробуем теперь обобщить, к чему ведет хмель победы. Этот список, к сожалению, открыт. Атомная смерть — фактор, которого не знали в XIX в., и мы, наверное, не все знаем. Но перечислим классический ряд бедствий.

Первая функция хмеля — та, которую я лично пережил: неудержимая тяга к авантюрам.

Вторая функция — порывы жестокости. Атакующие русские пехотинцы, ворвавшись в окопы противника, редко брали немцев в плен. В первые минуты — убивали. Но если немец прикинулся мертвым и через полчаса поднял голову, он спасен. Это бытовой случай. Хуже

другой — обдуманно холодный. Обмороженных немцев из 6-й армии Паулюса, сдавшихся в плен под Сталинградом, гнали форсированным маршем. Отстававших — пристреливали. Убийство прекратили корреспонденты газет, дожившие об этом командованию.

Третья функция — превращение женщин в военные трофеи. Приведу только один случай. Подполковник Товмасын, начальник политотдела 61-й дивизии, завел партийное дело на командующего артиллерией (фамилию забыл), руководившего коллективным изнасилованием. Политотдел армии приказал дело прекратить, документы сжечь, а полковника, командующего артиллерией, с тем же чином перевели в другую дивизию. Товмасын оказался «белой вороной». При Хрущеве он стал секретарем ЦК Армении и послом во Вьетнаме. Поведение политотдела армии было обыденным фактом. Число насилий подсчитано немцами. Шестизначная цифра вошла в историю.

Из Берлина нас вытурили в Судеты, и я, бродя по Судетским холмам, вспоминал «Торжество победителей» Шиллера и пытался свести концы с концами. На уровне героев Гомера все было в порядке. Но куда исчезли три тысячелетия? И что осталось от идеологии, с которой я начал войну?

Через пару недель массовый хмель улегся. Заработал юридический механизм. За немку давали пять лет, за чешку десять. Но как стереть следы разгула? Глядя на разглаженную униформу с белыми подворотничками, я в иные мгновения чувствовал под ними шкуру носорога (из пьесы Ионеско). Чувство отвращения прочно смешалось с чувством победы. Это прорвалось в моих заявлениях о демобилизации и определило мою судьбу на ближайшие десять лет. Опускаю эти годы и перейду к самому значительному в последующей мирной жизни.

За свои дерзкие заявления я был исключен из партии. Это загнало меня в тупик. К любимым моим занятиям с «волчьим билетом» не допускали. Я терял себя, апеллировал, с внутренним разладом писал необходимые бумаги и ждал ареста. Когда за мной пришли, я почти обрадовался: межеемочное положение кончилось, лагерь — одна из «разрешенных орбит» электрона в модели атома, одно из обычных мест для интеллигента сталинских времен. Лагерь дал мне белые ночи, морозную тьму, в которую два меломана (одним из них был я) ходили между бараками, слушая Пятую или Шестую симфонию Чайковского (музыка хорошо проходила через рупоры в крепкие морозы)... И, наконец, я нашел дружеский круг, где царила свобода слова, невысказанная на воле. В этом кругу я впервые осознал, что стремление быть первым — болезнь, и одним резким рывком

выбрал себе второе место. Моим образом истины стал диалог.

Выйдя по амнистии 1953 года, я не получил московской прописки и поехал работать учителем в станицу Шкуринскую Краснодарского края. Я узнал ее страшную историю в начале тридцатых и научился просто излагать свои мысли, ту часть моих мыслей, которую могли вместить ученики. Наконец, после XX съезда пришла реабилитация, и я вернулся в Москву.

Здесь уже собрался весь лагерный круг, и продолжились лагерные разговоры. И здесь я надеялся встретить то, чего не хватало всю жизнь. В конце лагерного срока я встретил девушку, из которой мое воображение, искавшее идеала, создало свой идеал. Этот идеал то воплощался при коротких встречах, то уходил в письма. Но, увидев лагерный призрак в обычном кружке друзей, я почувствовал, что мне там скучно. И на обратном пути написал прощальное письмо. Остался только след в сердце, ни к кому не относившийся, тлеющий во мне белый огонь, ждавший, когда он вдруг вспыхнет во мне снова. На этом кончились мои годы странствий.

В Москве ко мне пришла большая любовь. Та самая, которую я терпеливо ждал, решительно отказавшись размениваться на мелочи. Задним числом я понял, что мне для соединения с женщиной нужен ее духовный мир, и, соединяясь со всем этим миром, я признаю женщину королевой этого мира. В августе 1956 года это произошло почти против моей воли.

Незадолго до всех событий я узнал, что семья Мелетинского, казавшаяся идеальной, внутренне разрушена, что супругов мучает «скелет в шкафу», к которому и прикоснуться нельзя, и освободиться невозможно. И Мелетинский уезжает в отпуск один, чтобы отдохнуть от своей жены. Я вспоминаю развод своих родителей — что тогда папа говорил о маме! — а потом писал ей дружеские письма...

Уезжая один, Мелетинский создавал, что оставляет одну, в пустой квартире большую женщину, у которой всякий подступ к «скелету» рождал новую каверну, и попросил меня чаще навещать ее. Ира с неожиданной горячностью поддержала его. Потом я узнал, что она боялась тени свекрови в углах. Я обещал приходить через день и первую неделю строго это выполнял, во вторую стал приходить каждый день, а в третью просыпался в пять утра и думал: когда вернется мой друг и как мне объясниться с ним?

В эти годы марксизм в нашем кругу оставался отдельными клочьями, новое, религиозное мирозерцание еще не сложилось, и пустое место занял Серебряный век. Ира, хранившая в сердце и в блокнотах тысячи строк, вышедших из запрета и забвения, была воплощением

поэзии в наше обесцвеченное время. Обычно она читала сдержанно, как на лекции, но потребность высказаться — может быть, в последние месяцы жизни — захватила ее полностью, и она читала, словно собственные признания, стихи Ахматовой:

Мне зрительницей быть не удавалось,
И я всегда нечаянно вторгалась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих безутешная вдова.

.....
Переведите это в прозу — и может оттолкнуть. Но в стихах Ахматовой я чувствую правду. И Цветаева меня чарует. За роковые три недели Ира ни разу не подкрасила посиневших губ, выглядела скверно, одета была в балахон, в котором красила морилкой мебель, но в чтении она преображалась. И я нетерпеливо ждал своего друга, чтобы снять с него груз, ставший моим счастьем.

Дождаться его мне так и не удалось. Книга — антология лирики 20-х годов — выпала из рук, и вспомнился стих Данте из 5-й песни Ада: «больше мы в тот день не читали». В музыке это пытался передать Чайковский.

Потом был ад ломавшихся жизненных связей, сплетни чертей, чистилище отношений в новой, не сложившейся семье, и только к весне все устроилось с жилплощадью в трех разных точках: Володя в общежитии, Лёдик в подростковом сумбуре комнаты, доставшейся ему по обмену, а мы с Ирой остались в моей наследственной конуре. В последний год этого счастья Ира говорила мне, что не будь она больна, я не решился бы вторгаться в чужую жизнь, и она не жалеет, что рано умрет: то, что было у нас, она искала всю жизнь.

Но все висело на волоске. Мы оба много в жизни рисковали и любили риск. Мы оба согласились на предложенную ей операцию — резекцию части легкого, не принимавшей медикаментов. Операция была сделана, но какой-то тромб попал в сердце.

В день похорон ко мне пришло видение: Ира, в языках пламени, как в ее стихах:

И бродить не спеша она будет в аду,
Как в цветущем пламенем старом саду.

Что-то она мне гневно говорила, но я не слышал. Тогда я открыл глаза и подумал, отчего она плакала. Потом снова закрыл глаза, увидел ее и сказал: я люблю Лёдика. Видение улыбнулось мне и исчезло. Можете мне не поверить, но я в одно мгновение смахнул все подростковые конфликты и полюбил мальчика.

Меня больше беспокоил старший (во «Втором» он смешан с младшим). У Володи я чувствовал суицидальные порывы. За две недели до Нового года я стал упражняться в том, что придумал: сказать «С Новым годом, с новым счастьем» и не заплакать. Накануне Нового года мне это удалось, и в Новый год я все сыграл, как хороший артист. По лицам мальчиков я понял, что мой замысел совершенно удался. Они чокнулись, как в обряде благословения жизни.

Вернувшись в свою конуру, я заснул, и мне приснилось, что галлюцинации, мучившие меня, исчезли. Я перестал чувствовать себя разрубленным вдоль позвоночника и видеть свои кишки, волочащиеся по тротуару. Во сне кишки отсохли и отпали, и я исцелился. Я стал внешне здоров, только что-то во мне ныло и ныло — наверное, навсегда. Это так и могло быть, но судьба снова повела меня неожиданными зигзагами.

В кругу, в котором мы жили, поэзия была священным писанием, а поэты — святыми. Травля Пастернака была для нас кошунством. И мы с Ирой решили попробовать: нельзя ли свергнуть эту кошунственную власть? С помощью Володи мы связались с одной из групп, искавших пути к прямому действию. Я объяснил ребятам, что надо дожидаться каких-то народных волнений и знать, что людям сказать, какие идеи могут повести за собой. А пока — обсуждать сами эти идеи. Но состав кружка был слабый, дискуссии выходили неинтересными. Время от времени выпирало самолюбие, надежды на политическую карьеру. Я хорошо помнил роман «Бесы» и приглядывался к росткам бесовщины. Впоследствии эта мысль была выражена в заглавии книги генерала П.Г. Григоренко: «В подполье можно встретить только крыс». Может быть, не только крыс, но крысы там водятся, и лучше действовать открыто.

Я уже шел к этому, когда Лёдик, окончив школу и рыская по Москве в поисках интересной жизни, натолкнулся на кружок в квартире Алика Гинзбурга (будущего правозащитника). Кружок этот, или, вернее, широкий и постоянно расширяющийся круг увлек Лёдика, и он по совету мне пойти туда. Познакомившись с Аликом, я сказал себе: яйца курицу учат. Молодое поколение свободно от страха и находит новые пути. Я буду помогать Алику искать для его «Синтаксиса» новые стихи, не пробившиеся сквозь журнальную перестраховку.

Вскоре в «гинзбургятнике» оказалась Александра Исаевна Гулыга, переводчица, сохранившая в обиходе детское прозвище «Муха». Мы были шапочно знакомы по открытому дому Лунгиных. Сидевшая там в уголке Муха оживилась среди молодежи и предложила мне поехать вместе с нею на станцию Отдых, чтобы записать

несколько стихотворений больной женщины, с которой она дружила (звали женщину Зинаида Александровна). Я сразу согласился, в воскресенье заехал в Красково к Мухе, потом вместе с ней на дачу Миркиных, что километрах в двух от станции Отдых. Там уже сидели три женщины, ожидавшие чтения стихов. Меня сразу же потрясло стихотворение «Бог кричал»:

Бог кричал. В воздухе плыли
Звуки, страшнее, чем в тяжелом сне.
Бога ударили по тонкой жиле,
По руке или даже по глазу — по мне.

.....

Он выл с искаженным от боли ликом,
В муке смертельной сник.

Где нам расслышать за нашим криком
Бога живого крик?

Он всемогущ. Он болезнь оборет,
Вызволит из огня

Душу мою. Или, взыв от боли,
Он отсечет меня.

Пусть, лишь бы сам,

Лишь бы смысл Вселенной

Бредя, не сник в жару,

Нет, никогда не умрет нетленный.

Я

за него

умру.

Никогда никакое стихотворение меня так не потрясло. Просил читать еще и еще. Никого даже не дал накормить. Чтение длилось до двенадцати часов ночи. Стихи были неровные, иногда шероховатые, но следы духовного опыта поражали меня и не давали думать об обеде или ужине. Моя воля всех покорила, и все разрыхались голодными. Но во мне жило чудо, и оно все оправдывало. Сумею ли я помочь чуду, стать критиком — другом, в чем-то повторить опыт Гриба со мной? Вот мысль, рождавшаяся во мне.

Через некоторое время Зина дала мне прочесть свою поэму «Таня». Я прочел и сказал, что там есть два прекрасных лирических монолога, а все остальное не годится. Зина подумала — и согласилась. Так шли наши занятия майевтикой. Они все больше и больше сближали нас, и я стал думать, что в конце концов, через год или два, могут и вовсе сблизить.

Но сближение наше произошло раньше, нежели я ожидал. Первого января мы шли по парку Сокольники, на день рождения Лены, дочери Мухи. Присели на скамейку отдохнуть, и после какого-то стихотворения между нами мелькнула искра. Пролетела и исчезла. Но в моем опыте

это много значило. Я посмотрел на Зину; она даже не обернулась. Я тоже решил не облекать бессловесную искру в слова. Пусть поживет с чувством тайно свершившегося обручения. Впрочем, дома я написал «Пух одувачика» — рассуждения о роли нежности в очеловечении обезьяны, своего рода свидетельство о нежности.

Через месяц Зина прочла вслух сказку «Фея Перели», где фея обсуждает с Паном, может ли она выйти замуж за смертного? Пан ее отговаривал, но на последних страницах смертный все-таки нашелся, и мы поцеловались. Через две недели сыграли скромную свадьбу, с одной бутылкой шампанского на восьмерых.

Наутро Зина прочла мне поэму Гумилева «Гондла», очень неровную, но с несколькими прекрасными стихами:

Все вы, сильны, красивы и прямы,
За горбатым пойдете, за мной,
Чтобы строить высокие храмы
Над грозящей очам крутизной...

Занятия майевтикой продолжались теперь в домашнем кругу, на слух, когда стихотворение только рождалось. Угол сердца, в котором жила тень Иры, оставался для меня священным (как и карточка на столе), но постепенно разрасталось другое пространство. Ира была язычницей, и через ее язычество и многое другое страсть выстраивала мосты. А Зинин духовный дар был скорее близок к мистическим ветвям мировых религий, находившим свое выражение в поэзии, обходя схоластические конструкции. Недаром она впоследствии перевести Тагора, Ибн ал Фарида, Ибн Араби и Рильке.

Занятия майевтикой постепенно развивали во мне самое новое чувство формы, в которой лирический всплеск приобретал логическую ясность мысли. Вчитываясь в Зинин текст, вылавливая в нем приблизительные слова, чтобы заменить их более точными, я входил в ритм, не свойственный статьям, и весной 1962 г. стали рождаться куски какой-то новой — по крайней мере новой для меня — прозы, то, что можно назвать эссе. За первым эссе последовало второе, третье — и то, что я пишу сейчас, через 48 лет, — тоже эссе.

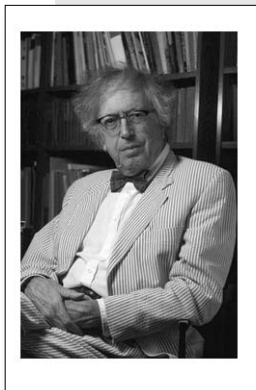
С этих пор началась новая майевтика, в которой поэт и критик, родственник поэту, водитель и навигатор, Гриб и его ученик постоянно меняются местами. Я на слух отличаю слова и строки, которые требуют доработки в стихотворении, а Зина на слух принимает, с какими-то поправками, мои эссе или отвергает их, и тогда я подхожу к теме с какого-то нового конца.

Так жизнь привела меня к творческому созерцанию, рождающему подступы к истине в нашем сумбурном мире. ■

ГАМЛЕТ: ВЕРСИЯ ЙОРИКА

Слово Сэмюэла Беккета (не найду, кого тут поставить с ним рядом, кроме разве что Кафки) — в особых отношениях с философией. Оно не просто, допустим, интересно философу или, например, взывает к философскому прояснению (тоже ведь не про каждое слово это скажешь, не так ли?), но чаще всего само по себе есть философское суждение, только в особом модусе — оно почти физически извлекается из немоты, ставится и поворачивается перед нами, изображается, сценически разыгрывается. Впрочем, может быть, любое высказывание о человеке или вещи как таковых уже делает шаг навстречу философии? А высказывание, сосредоточенное на условиях возможности (читай, невозможности) подобных высказываний, — но чем же другим занимаются беккетовские персонажи да и сам он в своих эссе, письмах, интервью? — это и есть прямая философия, по крайней мере, та, которая сегодня для нас (опять-таки, через невозможность) возможна?

Больше того. Слово Беккета — в особых отношениях с философией, верней, с теми принципиальными ходами и формами мысли, которые исторически, собственно говоря, и реализовались на Западе в виде философии (символические имена их родоначальников и протагонистов читатель пусть назовет сам). Антропологическое, даже антропометрическое беккетовское слово — вернись к началу — представляет, отыгрывает, разбирает и собирает те ключевые метафоры, которые веками задавали для западной философии образ мира и характеристики человека в его способности (читай, неспособности) этот мир познавать: протяженность, движение, причинность, телесность, пространство и время, сцена и сон, речь и письмо. «Конец» при этом — вещь нередкая — как бы совпадает с «началом» (поскольку и то, и другое — не физические реальности, а способ ставить вопросы, ставить под вопрос!), и постфинальный универсум Беккета кому-то напомнит древнегреческих атомистов, софизмы Протагора, апории Зенона, космогонию Лукреция...

Но уж в совсем особых отношениях беккетовское слово находится с философией итоговой и поворотной эры европейской мысли — чувствованием и мышлением барочного семнадцатого века: математикой и метафизикой Декарта, этикой Спинозы или любимого Беккетом голландца Арнольда Гейлинкса (1624–1669), — только теперь это, говоря знаменитой формулой той же эпохи, «история словами идиота», как бы «Король Лир», пересказанный шутком. Одной из линий этой мыслительной связи, одному сквозному беккетовскому мотиву — мотиву движения тел в пространстве с постоянной отсылкой к Декарту — посвящено представленное ниже эссе.

Несколько слов о его авторе. Замечательного ученика Маршалла Маклюэна и Клинта Брукса, историка современной словесности Хью Кеннера (1923–2003) в России не знают — и не случайно. Мировая эпоха высокого модернизма у нас в стране, по сложной переплетшимся историческим причинам, безвозвратно пропущена, а выходец из Канады, эксцентричный профессор нескольких престижных американских университетов, католик и консерватор Кеннер, при всем разнообразии его талантов и склонностей от архитектуры до анимации и от археологии до геодезии, посвятил свои главные книги именно столпам англоязычного европейского модернизма — Джойсу и Элиоту, Паунду и Беккету. Его статьи, а потом и монографии о них, не по одной о каждом, давно вошли в университетские курсы и исследовательский обиход, не раз переиздавались, переведены на другие европейские языки. Кеннер был одним из самых верных и деятельных сотрудников известного «правого» двухнедельника «National Review», который издавал в 1955–1990 гг. в Нью-Йорке его друг Уильям Фрэнк Бакли. Он много лет дружил, работал и переписывался с такими разными и по-разному блестящими людьми, как Чак Джонс и Уиндем Льюис, Луис Зукофски и Гай Давенпорт. Последний — язвительный ироник, вовсе не склонный раздавать похвалы современникам и друзьям, — уже в 1985 году написал о нем небольшую книжку с веским подзаголовком «эпоха Кеннера». Вот несколько страниц из книги этого эпохального автора «Сэмюэл Беккет. Критическое исследование» (1961); данное эссе, отмечу, включается в самые придирчивые сборники критической беккетоведения — так, оно вошло, например, в авторитетный сборник «Сэмюэл Беккет» (1965), составленный знаменитым историографом и теоретиком абсурдистского театра Мартином Эслином.

Переведено здесь с незначительными сокращениями, цитаты из Беккета даются в моих переводах.

Борис ДУБИН

КАРТЕЗИАНСКИЙ КЕНТАВР

Хью КЕННЕР

...пока владеет этим механизмом...

«Гамлет»¹

Il n'y a plus de roues de bicyclette.

«Fin de partie»²

У Моллоя был велосипед. Морана возили на дыбе велосипедного багажника. Малон вспоминает сигнальный рожок своего велосипеда. Велосипеды мелькают перед глазами Уотта при входе в Уоттов дом и на выходе из него. Клов просил велосипед, поскольку велосипеды существуют, и — как раз потому, что они существуют, — двухместная машина Нагга и Нелл потерпела крушение, а сами они остались без ног. Велосипеды — вместе с котелком на голове и буквой М — время от времени пересекают беккетовский *pausage intérieur*³, то ли убеждая нас, что в этом мире есть хоть что-то постоянное, то ли, наподобие банки, водруженной поэтом в Теннесси⁴, помогая, по крайней мере, собрать впечатления в одну точку. Как правило, перед нами не новая, блестящая, реальная машина, а всегда велосипед, который потеряли и только теперь вспоминают. Обстоятельство кардинальное: велосипед, как и тело, доступен распаду; он, как и здоровье тела, отсылает к прошлому, — *Nos est enim corpus suum*⁵, блуждающее начало координат в мире ньютоновского равновесия.

Разлучение Моллоя с велосипедом — первая фаза его распада: дальше у него костенеет нога, другая, тоже окостеневшая, укорачивается, потом пальцы на ноге (он не помнит, какой) немеют, его валит на любом повороте,

тело у него теряет чувствительность, он передвигается лишь ползком на животе, цепляясь костылями как крючьями, подумывает, не лучше ли катиться, и, наконец, неподвижно застывает в канаве. «*Моллой мог остановиться, где хотел*». Раньше, с велосипедом, у него на этих остановках и поза была другой, не такой беспардонной:

Ярдов через сто я останавливался, чтоб ноги отдохнули, и здоровая, и больная, и не только ноги, не только ноги. С велосипеда я, если точно говорить, не слезал, оставаясь в седле: свешу ноги на землю, а руки положу на руль, и жду, когда полегчает.

Человек и механизм на приведенной картинке связаны в единую статическую систему: каждый не может без другого. В конечном счете велосипед продлевает костяк Моллоя, придает ему остойчивость. То же самое при движении — велосипед уравнивает и исправляет его анатомические дефекты:

Я был тогда неплохой велосипедист. Устраивался я так. Прикреплял костыли, каждый со своей стороны, к раме, упирался негнувшейся ногой (которой, не помню,

теперь обе не гнутся) в ось переднего колеса, а другой жал на педаль. Велосипед у меня был без цепи, на свободном ходу, если такие теперь бывают. Дорогая моя машина, не буду называть тебя великом, ты была зеленая, как все велосипеды в то время, не знаю почему...

Необычайный механизм в точности соответствует герою. Он даже компенсирует его неспособность нормально сидеть («Из-за укороченной и окостеневшей ноги сидячая поза больше не для меня») и — прямо-таки по Ньютону — переносит все эти двигательные хитрости, невероятно сложные даже для здорового человеческого существа, а уж для калеки Моллоя просто непосильные, в идеальный план равномерного вращательного движения и устойчивого равновесия.

...Ведь для ньютоновского разума человеческое тело — механизм непоправимо ущербный. В вертикальном положении оно совершенно не обладает равновесием и только благодаря бесчисленным и микроскопическим компенсирующим поправкам добивается иллюзии, будто твердо стоит на ногах. При ходьбе же оно и вовсе то теряет, то восстанавливает равновесие, безнадежно отданное во власть *ad hoc* и вообще недоступное для выкладок аналитика. Каждый шаг — сплошная импровизация; исключение — разве что упрямые систематизаторы вроде Уотта. Связь именно этого механизма с чистым разумом озадачила в свое время Декарта, изобретшего тип рассуждений, в котором беккетовские персонажи станут потом истинными мастерами:

А эта природа показывает мне самым точным и ощутительным образом, что я имею тело, здоровье которого нарушено, когда я чувствую боль, и которое требует еды или питья, когда я испытываю ощущения голода или жажды, и т.п. Следовательно, я отнюдь не должен сомневаться, что в этом есть доля истины⁶.

Последняя фраза, вопреки заявленной Декартовой убежденности, звучит совершенно по-моллоевски, а вся цитата — она из шестого «Метафизического размышления» (год 1641-й) — так и напрашивается на сопоставление с похожими как две капли воды рассуждениями в «Безымянном»:

...Без жалости и колебаний приравняем меня к тому, кто хоть как-то существует, неважно — как, не будем мелочиться, — к тому, чьей истории на минуту захотелось прикинуться этой историей. Мало того, припишем мне тело. Больше того, наградим сознанием. И поговорим о моем особом мире — иногда его

называют внутренним — не давясь от смеха. Хватит сомневаться. Хватит доискиваться. Сосредоточимся на этой новоотчеканенной реальности и забудем все остальное так, как только и можно его забыть — глубоко-глубоко внутри. А приняв это и прочие решения, бодро продолжим наш прежний путь. И все-таки что-то изменилось.

На самом деле, подобные то приказы, то их отмены куда ближе к духу картезианства, чем сам Декарт. Последний, за пределами незыблемых истин математики, мог разрешить свои бесчисленные сомнения по поводу природы человека лишь одним способом: положив, что «Бог, не будучи обманщиком, не мог допустить в моих мнениях никакой лжи без того, чтобы не дать мне также какой-нибудь способности ее исправить»... Вряд ли герои Беккета придали бы этому классическому разрешению картезианских сомнений такую неопровержимость, какую ему приписал Декарт. Особенно, думаю, не согласились бы они с заключением, будто тело, «машина, собственноручно созданная Богом», устроено не в пример совершеннее и соответствует движениям куда лучше любых механизмов, придуманных человеком. Видимо, картезианское тело, в отличие от моллоевского, способно терять чувствительность пальцев или мучиться артритом в запястьях.

При подобной вере в совершенство телесной машины перед Декартом с подчеркнутой остротой встал вопрос: чем же тогда искусный механизм отличается от человека, — особенно если учесть, что отдельные вещи механизмам удаются все-таки лучше, чем людям... Ответ Декарта далек от необходимой строгости и опирается как раз на то самое взаимопроникновение тела и разума, которое ему стоило таких трудов объяснить раньше. Моллой или Малон, пожалуй, справились бы с подобной проблемой куда легче. Если без предвзятости посмотреть на вопрос глазами людей XVII века, разбирающихся в простых механизмах, то человеческое тело невозможно спутать ни с одним из них, тем более — сложным. Оно неповоротливо, неряшливо и непостижимо уму; даже самый хитроумный аналитик не сумеет сколько-нибудь точно свести его функции к рычагу, клину, колесу, блоку, винту, наклонной плоскости или каким-то их сочетаниям. Восхищаясь мы телом наравне с разумом, мы бы поступили как греки, объединившие лучшие функции разумного и животного бытия — человека и коня — и создавшие племя, к которому причислили Хирона, воспитателя Асклепия, Ясона и Ахилла. Но нам уже много лет доступен иной, более благородный образ телесного совершенства, чем конь.

Картезианский Кентавр — это человек на велосипеде, *mens sana in corpore disposito*⁷.

При виде этого существа путаница, в которой Декарт оставил взаимоотношения разума и тела, проясняется. Ум правит, чудо подвижности ему повинуются, ни о каком таинственном взаимопроникновении функций и речи нет. (Велосипед, понятное дело, диктует свои условия; ничей ум не взялся бы управлять, например, деревом. Со своей стороны, Бог не может войти в противоречие с собственной природой.) И вот по вымершей улице «Le calmant»⁸ мчит в некий вневременной час призрачный велосипедист, продолжая на всем ходу читать газету, которую держит обеими руками, развернув перед собой. Так тело и разум превосходно делают каждый свое дело, не соприкасаясь и не взаимодействуя. Время от времени призрак, ни на секунду не прерывая чтения, звонит в звонок велосипеда, пока, наконец, законы оптики с неукознительной точностью не превращают его в точку на горизонте. Другого подобного примера самодостаточного счастья я в беккетовском мире не помню...

Перед нами — остановленная мечта ребенка, перед нами — исполнение юношеских желаний взрослого. В действие приведены все человеческие способности, все человеческие мышцы, кроме, может быть, сердечной. Исполняется обещание, данное пресмыкающимся искусителем нашей прамамери Еве: *Et eritis sicut dii*⁹. Конечно же, это катит вокруг Франции, о которой и написаны пересказанные выше слова, предмет горячего внимания мистера Беккета тех давних лет, ветеран велосипедных гонок, лысый стайер, бессменный участник межгородских и национальных состязаний, христианское имя которого история не сохранила, оставив лишь прозвище — *Godeau*, которое произносится, ясное дело, ровно так же, как *Godot*^{*}.

Г-н Годо, как понятно из наших рассуждений, — воплощенный Картезианский Человек *in excelsis*¹⁰, Картезианский Кентавр, разум в полной гармонии с телом. Разум опирается на преемственность, мастерство и созерцание неизменной относительности (*tout passe, et tout dure*¹¹); тело сведено к непротиворечивым понятиям, представляющим образцовую машину из машин. Но опять-таки из корпуса беккетовских сочинений известно, что г-н Годо вряд ли прибудет сегодня. В лучшем случае, его можно ждать завтра, а пока Моллоям, Моранам и Маломам предстоит передвигаться, как они умеют, другими словами — скверно. Без велосипеда картезианский

человек — всего лишь сознание, прикрепленное к животному, обреченному умереть.

Однако обреченное животное несет на себе стигматы прежнего, более высокого бытия. Простившись с велосипедом, Моллой вовсе не собирается унижаться до человеческого шарканья и отказываться от мира, где дуга, касательная и траектория задают пространство идеального движения. Нет, он и в своем безвелосипедном состоянии все-таки наполовину механизирован: с помощью костылей он может продвигаться вперед «медленными рывками сквозь сумрачный воздух».

Есть, непременно должен быть свой экстаз в передвижении на костылях. В этой цепочке мгновенных взлетов, почти не касающихся земли. Взмываешь, приземляешься посреди толпы здоровяков, которым обязательно надо опереться одной ногой прежде, чем оторвать от земли другую. Нет, что ни говори, мое ковыляние куда окрыленней их самой жизнерадостной спешки.

(«Но это всего лишь рассуждения, построенные на анализе», — тут же уточняет он, указывая на трагическую трещину посреди картезианского рая, но не признавая ее победу.) Когда ему перестают повиноваться ноги, он начинает передвигаться по принципу шарнира: «*Лежа на животе, я использовал костыли в качестве крючков: забрасывал их вперед в подлесок, а потом подтягивался на руках*». Время от времени, передвигаясь на манер эдакого будущего лунохода, он использует частичную аналогию с велосипедом, нажимая на резиновую грушу своего рожка («*Я снял его с велосипеда*») через полотно кармана: «*С каждым разом гуд доносился все слабей*».

Возвратно-поступательное движение и впрямь остается постоянной характеристикой Моллоя, на велосипеде ли он или без. Сам его необыкновенный велосипед без цепи, передающий движение, как в паровозе, посредством кривошипного механизма, подчеркивает данный мотив. Но это не значит, будто Моллой — единственный беккетовский персонаж, чьи способы передвижения составляют некий отдельный предмет исследования и анализа, независимый от его поступков человека. О героях у Беккета, как и о телах у Ньютона, всякий раз на редкость важно знать, находятся ли они в покое или в движении. В беккетовском универсуме движение, для тех, кто способен себя в это движение привести, — предприятие, заслуживающее как минимум подробного описания, а

* К вящему спокойствию читателя-скептика сообщая, что сведениями об этом человеке я обязан непосредственно г-ну Беккету (Прим.автора).

гораздо чаще — обстоятельнейшего обсуждения. Скажем, созданный Малонем Макманн начинает катиться по земле и осознает, что «с известным постоянством и некоторой скоростью передвигается, вероятно, по дуге гигантского круга», поскольку одна из его конечностей несколько, «но не намного» тяжелее другой. «И не переставая двигаться, он погрузился в мечты о такой плоской поверхности, где бы ему никогда уже не нужно было бы вставать и удерживать равновесие, ступая, к примеру, сначала на правую, а потом на левую ногу, но где он мог бы двигаться в любую сторону и существовать в виде большого цилиндра, наделенного способностями познания и воли».

Малон, напротив, пребывает в состоянии покоя. Поскольку картезианская машина сломана, ему, по его собственной оценке, надо будет не одну неделю восстанавливать связи между мозгом и ногами, окажись вдруг в них необходимость. Велосипеда у него, как уже говорилось, нет, зато он без конца о нем говорит. И среди его имущества есть не только обломок костыля, но и сигнальный рожок велосипеда: последний рудимент, что-то вроде кости динозавра. Вместе с тем, его и здесь не оставляет мысль о Перводвигателе... После первой неудачной попытки он теряет свою подпорку, но, размышляя о провале, перебрасывает мысленную нить к другому варианту Перводвигателя: «Я должен найти в темноте точку опоры. *Sine qua non*. Архимед был прав».

Пусть нас не поражает появление Архимеда: беккетовскому велосипеду под силу инструментовать любую из великих тем человеческой мысли. А поскольку герои Беккета вершат самые важные свои дела в некотором несуществующем мире, то не удивительно, что наиболее подробное и образцовое описание велосипеда мы находим у него в неопубликованном романе. Я имею в виду сочинение примерно сорок пятого года, где разворачиваются приключения «мнимой парочки Мерсье-Камье¹²», как она будет позднее названа в «Безымянном»...

Для Безымянного не существует уже ни подпорки, ни Архимеда, ни проблем Малона или пары Мерсье-Камье. И не существует прежде всего потому, что у него вообще нет никакого достоверного тела. Как нет ни велосипеда, ни размышлений о велосипеде, ни намеков на велосипед ни на одной из страниц этого романа, что совершенно не похоже на другие романы, да и для всего корпуса беккетовских сочинений — вещь беспримерная. Но нельзя сказать, что неожиданная. «Безымянный» — завершающая часть трилогии, в которой декартовский ход мысли воспроизведен в обратном порядке: от облеченного телом «je suis» к ничем не прикрытому «cogito». Этот возврат к исходной точке начинается путешествием

(в «Моллое») и расчленением Картезианского Кентавра. Середину его («Малон умирает») образует зона неподвижности, над которой господствует не знающий покоя разум. Третья же фаза (собственно «Безымянный»), не отождествляемая ни с покоем, ни с движением, разворачивается не под знаком материи, равно как и не под знаком духа, поскольку уклоняется от того и другого, а бесконечно поглощена тем, чтобы не кончаться, сохраняя, вместе с тем, теснейшую и ставящую в тупик связь между речью и бытием.

Это вовсе не значит, будто фундаментальные проблемы, стоявшие перед мыслящим человеком семнадцатого столетия — и прежде всего проблема тел в движении — самым прямым образом не затрагивает Безымянного. Первое из движущихся здесь тел — это, как ни парадоксально, Малон, который появляется и исчезает «с пунктуальностью часового механизма, всегда на одном и том же расстоянии, с одной и той же скоростью, в том же направлении, в той же позе». Дальше мы сталкиваемся с неким Махудом, причем в двух его аспектах: Махуд в движении, Махуд в покое. Будучи в движении — на костылях, но без ноги — он описывает спираль, которая завинчивается в точку; в покое же — наполняет собой глиняный горшок. В любом из этих состояний перед нами Декарт, мучающийся в кромешной темноте. Даже в покое глиняного горшка он сохраняет в себе достаточно *cogito*, добиваясь доказательств того, что существует («До чего все становится ясно и просто, стоит только открыть глаза на внутренний мир, до того, конечно же, заблаговременно подставив их внешнему, чтобы максимально насладиться контрастом»). В «блаженстве ясности и простоты» он делает паузу, чтобы «установить различие (должно быть, я все еще мыслю)»:

Что горшок на самом деле стоит там, где они говорят, верно, я и не думал этого отрицать, в конце концов, не мое это дело, хотя его присутствие в подобном месте, о реальности которого я тоже не собираюсь тут спорить, не кажется мне слишком убедительным. Нет, в чем я сомневаюсь, так это попросту в том, что я в нем нахожусь. Легче воздвигнуть храм, чем умолить бога в нем поселиться... Вот что получается из этих различий.

Горшок здесь — это, понятно, то, к чему разум мыслителя-систематика сводит человеческое тело, представляя его в геометрических координатах. Одноногий человек с костылем, герой продолжает свою завинчивающуюся спираль (первый ее виток был когда-то

выправлен Декартом), дополняя идеально неудобное перемещение столь же идеально запутанным познанием и тем самым достраивая свой маленький космос, наделенный двумя картезианскими атрибутами — движением и мышлением. Он движется рывками, подскакивает, раскачивается, падает и до того далек теперь от ушедшего в прошлое симбиоза с велосипедом, что как будто и не знал никогда подобной удачи, однако по-прежнему использует все возможности, которые телесный изъясн еще оставил этой упрямой пародии на какую-то осатаневшую машину...

Велосипеда давно нет. Кентавр распался на составные части. От ликования, с которым велосипедист раскатывал во времена господства над всем движущимся, осталась лишь неистребимая привычка к механическому упорству. Безмятежное доверие к царственному Cogito etc на заключительной фазе мечтаний картезианского человека тоже выродилось до болтливости, — если в нем и был какой-то рудиментарный смысл, то разве что в эпоху, когда человек служил голосом других, бессловесных существ. Диковинный провозвестник этой финальной ситуации — попугай, которого малонов приятель пытается обучить словам «Nihil in intellectu quod non prius in sensu»¹³, доктрине, выворачиваемой наизнанку, стоит только птице раскрыть клюв: дело у нее не идет дальше «Nihil in intellectu», за которым следует серия бессмысленных взвизгов. Трилогия Беккета глубже всматривается в Просвещение, чем ее великий предшественник, флорберовский «Бувар и Пекюше». Она сводит к исходным понятиям те три века, на протяжении которых честолюбивая мысль, чьим символом и прародителем стал Декарт (или его устами, как и устами Безмянного, говорил исполнительный комитет самого Духа Времени?), нацело дегуманизировала человека. Теперь понятно, почему Годо не придет. Картезианский Кентавр был мечтой семнадцатого столетия, роковой

мечтой человека быть, познавать и передвигаться как бог. В двадцатом веке и он, и его механизм сошли на нет. Остался единственный, безнадежный порыв: «*Не знаю, никогда не узнаю, в такой тишине никогда ничего не знаешь, ты должен продолжать, не могу я продолжать, так вот, я продолжу*». ■

Перевод с английского и примечания **Бориса Дубина**

Примечания

¹ «Гамлет», II, 2.

² Нет больше велосипедных колес. — «Конец игры» (франц.).

³ Внутреннее пространство (франц.).

⁴ Отсылка к стихотворению американского поэта Уоллеса Стивенса (1879–1955) «Случай с банкой»: «Я банку водрузил на холм// В прекрасном штате Теннесси...» (пер. Г. Кружкова).

⁵ Сие есть тело его (лат.) — измененная формула католического причастия, отсылающая к евангельскому «Сие есть Тело Мое» (Мф 26:26 и др.).

⁶ Пер. В.М. Невежиной под ред. А.И. Введенского.

⁷ Здоровый дух в благоустроенном теле (лат.) — переделка известной фразы Ювенала.

⁸ «Успокоительное» (франц.) — название беккетовской повести (опубл. 1955).

⁹ И будете как боги (лат.) (Бытие 3:5).

¹⁰ В вышних (лат.) — здесь: в идеальном образе.

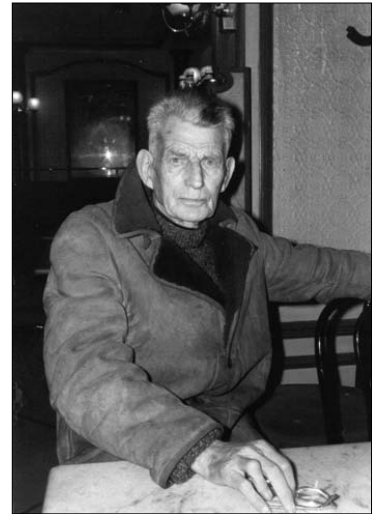
¹¹ Все проходит, и все остается (франц.).

¹² Речь идет о беккетовском романе на французском языке «Мерсье и Камье» (1946, опубл. 1970, по-русски существует теперь в переводах Михаила Бутова с английского и Елены Баевской с французского). По мемуарному свидетельству Гая Давенпорта, Хью Кеннер страницами читал ему этот роман наизусть.

¹³ Разум не содержит ничего, что прежде не содержалось бы в чувствах (лат.) — тезис средневекового аристотелизма; позже Локк использовал его в полемике с учением Декарта о врожденных идеях, затем его уточнял Лейбниц и т.д.

КАК Я ПЕРЕПРЫГНУЛ ЧЕРЕЗ ЗАБОР И СУМЕЛ ВСТРЕТИТЬСЯ С БЕККЕТОМ

Сэмюэл Беккет, Париж 1.5.1984, фото Ф. Яноух

Франтишек ЯНОУХ

Я принадлежу к театральным дилетантам, даже, можно сказать, к варварам. Для театра у меня времени не остается, особенно, в Швеции, где у меня времени еще меньше, чем где-либо, и где я, к тому же, понимаю примерно 50-80% текста в зависимости от диалекта актера и акустики в театре. Одним словом, я поистине не принадлежу к театральным завсегдатаям.

О Сэмюэле Беккете мне было известно совсем немного. Правда, несколько лет назад я видел его пьесу «В ожидании Годо» и прочел ряд его абсурдистских рассказов. И хотя я уже тогда понимал, что он принадлежит к классикам, но всю величину его таланта я начал осознавать лишь после того, как прочитал письмо Вацлава Гавела Беккету, написанное Гавелом после возвращения из тюрьмы. Беккет был для Гавела богом, обитавшим где-то на Олимпе, и я — простой смертный физик — должен был передать письмо Гавела туда, на Олимп. С самого начала встала проблема с адресом: оказалось, что у Беккета не имелось никакого адреса. После довольно длительных поисков я, наконец, нашел его агента (собственно говоря, его нашел мой друг, актер и театральный режиссер Иво Палец). Этот агент дал нам совет: написать Беккету до востребования на адрес одного театрального издательства в Париже. Я приписал к письму Гавела несколько фраз и отправил письмо. Вскоре от Беккета пришел ответ и небольшое письмо, которое я должен был передать Вацлаву. Пока я вел себя совершенно спокойно: я все еще не осознавал,

что являюсь посредником между богом и нормальным смертным, и что маленькая записка Беккета Гавелу, написанная черными чернилами, мелким, заостренным старческим почерком, приведет адресата в полный восторг. Вацлав на самом деле пришел в экстаз: он поместил письмо Беккета под стекло и гордо показывал его всем своим друзьям и знакомым. Великий бог Беккет спустился с небес на землю и написал ему несколько строчек! Я, в свою очередь, тоже написал Беккету несколько строчек, сообщив ему, что его ответ на письмо Гавела и книга, посланная им Гавелу, были переданы адресату и вызвали огромную радость. В ответ на это Беккет прислал мне открытку с кратким текстом и чек на круглую сумму для Фонда «Хартии-77», за что я поблагодарил его письмом. И на этом для меня, грешника и маловерного театрального язычника, казалось, закончилась глава «Беккет». Но я все же решил, что при первой возможности схожу посмотреть еще какие-нибудь пьесы Беккета.

Осенью 1983 года меня «прибило» к театру, я бы сказал, с другой стороны занавеса, не как зрителя, но... собственно говоря, как кого? Я не был ни агентом, ни режиссером, ни актером, ни даже театральным директором. Я только попросил Гавела, чтобы он написал какую-нибудь мини-пьесу для вечера солидарности с преследуемыми чехословацкими писателями и интеллектуалами,

который я, вместе с несколькими известными шведскими деятелями культуры, хотели устроить в октябре в Стокгольме. Гавел охотно исполнил мою просьбу. И тогда я вдруг очутился в вихре событий в среде, которую совсем не знал ранее. Режиссер, директор театра, актеры и актрисы, ассистенты режиссера, театральные агенты, а также разные другие театральные работники (даже не знаю, какие), переводчики, билетерши, дамы и господа из службы информации... все это было для меня новым, очень увлекательным и захватывающим. Этот процесс уже нельзя было остановить. Это было нечто вроде того джинна, выпущенного из бутылки: каждый читатель восточных сказок хорошо знает, как трудно снова загнать джинна в бутылку.

За 5-6 недель до премьеры я вдруг понял, что нужно подготовить какую-нибудь красивую программу нашего вечера. И мне пришло в голову — я рассказал об этом режиссеру Стефану Бему, — что в программу можно было бы включить корреспонденцию Гавел-Беккет. Стефан принял мое предложение с восторгом, в особенности после того, как прочел оба письма. Он спросил, как они у меня очутились? Шведскому режиссеру надо было объяснять, что мы живем хоть и в нормализованное¹, но, на самом деле, очень ненормальное время, когда я не мог отправить письмо Гавела, содержащее его столь важное послание, на какой-то ненадежный адрес в Париже, не сняв с него копии. А еще более рискованно было бы отправить письмо Беккета Гавелу, не сделав копии. Что касается шведской почты, то мой опыт не слишком положительный: я веду с ней переписку вот уже ряд лет, и за эти годы я получил несколько тысяч шведских крон за утерянные письма, отправленные мною как в СССР, так и в Чехословакию. Но для опубликования писем Гавела и Беккета мне необходимо было согласие обоих авторов. Согласие Гавела я получил немедленно. Беккету же я написал новое письмо, в котором высказал довольно необычную просьбу: разрешить напечатать его письмо Гавелу в программе представления. И я объяснил ему, почему копия его письма находится у меня. Автор абсурдистских текстов не нашел ничего абсурдного в моей просьбе. И поскольку дело было крайне спешным и я просил ответить как можно скорее телеграммой или по телефону, то он мне позвонил.

Как-то вечером у нас дома раздался телефонный звонок. «Говорит Сэмюэл Беккет», — услышал я глубокий старческий голос. Я онемел, но Вацлав Гавел, наверное, онемел бы еще больше.

«Могу я говорить с мистером Яноухом?»

«Это я-я-я».

«Я получил ваше письмо. Естественно, вы можете опубликовать мое письмо. Между прочим, как поживает Вацлав Гавел?» (Он произносил его имя на французский манер, это звучало примерно как «ваклававел», потому что для французов, как известно, произношение буквы «Н» (по-чешски Václav Havel. — Прим. перев.) в начале слова составляет трудности, сравнимые лишь с затруднениями китайцев при попытке различить произношение букв «R» и «L».) «Передавайте ему, пожалуйста, от меня привет».

Я начал рассказывать ему немного о Гавеле. И поскольку я не был Гавелом, то звонок Беккета с театрального Олимпа меня парализовал лишь чуть-чуть, и мне пришла в голову некая идея (идей у меня всегда достаточно. Как говорил Остап Бендер: идеи наши, деньги ваши!).

«Мистер Беккет, не могли бы мы на этом вечере в Стокгольме поставить также вашу пьесу «Катастрофа», посвященную вами Вацлаву Гавелу?» — думаю, что мне даже удалось правильно произнести «pour Václavavel».

«Конечно, вы можете это сделать — даю вам свое согласие — и посылаю вам текст этой пьесы».

Режиссер Стефан Бем был крайне доволен. В один и тот же вечер состоится мировая премьера первой пьесы, написанной Гавелом после четырех лет, проведенных в тюрьме, и шведская премьера пьесы Беккета, причем обе будут поставлены им — молодым режиссером из небольшого театра «Fria Proteater»². В конце концов, нам предоставили большой зал городского театра, и мы не сомневались, что заполним его.

Но я не буду распространяться здесь больше о нашем театральном вечере, а перейду к рассказу о Беккете. Примерно за 14 дней перед представлением мне позвонил один известный шведский театральный критик, видевший в Париже Беккета и говоривший с ним обо мне.

«Как вам удалось познакомиться с Беккетом? — спросил он меня. — Ведь Беккет в принципе избегает людей, ни с кем не встречается и живет совершенно изолированно...»

Опасаясь, что мой ответ не совсем удовлетворил этого театрального критика. «Мы познакомились через Гавела; я и не подозревал, что Беккет — такой феномен в театральном мире, и обращался с ним во всех моих письмах, как с обыкновенным смертным».

Не буду здесь останавливаться на всех подробностях, но мы с Беккетом еще несколько раз обменялись письмами о копирайтах, а потом, после представления, я

подробно описал ему в письме, как все проходило в театре. Одновременно я написал, что решил послать ему в качестве моей личной благодарности за его поддержку и помощь небольшой эстамп известного чешского художника, инспирированный пьесой «В ожидании Годо». Беккет заранее поблагодарил меня. Однако примерно через месяц посылка в виде трубки, в которую был вложен эстамп, вернулась обратно в Стокгольм. Издательство в Париже переслало ее на домашний адрес Беккета, но он не получил на почте заказную посылку. Таким путем я, собственно, узнал его домашний адрес. Беккету не надо было опасаться: я никому не открыл бы этот секрет и отнесся бы с уважением к его инкогнито.

После этого мы еще дважды обменялись письмами. Беккет прислал мне адрес другого издательства, куда я должен был отправить эстамп. Наконец, получив его, он письменно поблагодарил меня.

Я собирался провести уикэнд 1-го апреля в Париже. Перед этим у меня было какое-то заседание в Швейцарии; а в Париже всегда приятно провести уикэнд. К тому же стоимость прямого авиабилета в Швейцарию не отличается от цены рейса, если летишь через Париж.

Вдруг мне пришла в голову сумасшедшая идея: я написал Беккету, что буду в Париже и хотел бы заглянуть к нему, если это не покажется ему слишком дерзким. Мне хотелось лично поблагодарить его за все, что он для нас сделал. В случае согласия, — пусть сообщит мне на парижский адрес моих друзей, где и когда нам можно встретиться.

У меня есть в Париже некая симпатичная мансарда-квартирка в еврейском квартале, каких-нибудь 150 м от Рю Риволи. Вернее, не мансарда, а только ключ от нее, зато я могу переночевать там всякий раз, когда приезжаю в Париж. Я езжу туда, как домой, — консьержка здороваётся со мной, как будто я здесь постоянно проживаю... одним словом, это одно из самых романтических для меня мест в Париже.

Я прилетел в Париж в пятницу вечером. В мансарде меня ожидало письмо от Беккета: он будет ждать меня в воскресенье, 1-го апреля 1984 г., в 11.00 в гостинице PLM Saint Jacques. «Join me if you can» («Присоединитесь ко мне, если это возможно»).

В Париже у меня обычно нет ни одной свободной минуты. Там ведь столько знакомых, столько хороших ресторанов и интересных выставок!

Надо сказать, что у моей мансарды есть один крупный недостаток, который можно рассматривать, если к этому подойти диалектически, и как большое достоинство, а именно: там нет телефона. Поэтому в Париже

я всегда должен был носить в кармане массу франков и обзавестись терпением, стоя в очередях в телефонные будки. Вы не можете себе представить, как долго может звонить по телефону какой-нибудь араб (а парижские телефонные будки почти всегда оккупированы арабами)...

Так вот, в субботу вечером я вышел из дому, чтобы позвонить по телефону нескольким друзьям. Было около девяти часов вечера, в половине десятого некий араб наконец-то освободил будку, я позвонил и договорился о встречах, после чего у меня оставалась еще пара франков. Тогда я позвонил одному чешскому другу-физику с музыкальным именем: Франц Легар. Он обрадовался моему звонку и настаивал на том, чтобы я к нему немедленно приехал. Он, мол, уже почти достроил новый дом, к тому же у него как раз находится наш общий друг из Америки, которого я тоже не видел несколько лет. Я постарался объяснить: мол, не могу, очень занят. Мой друг не хотел ничего слышать и закончил наш разговор словами: возьми пижаму и зубную щетку, а я через час буду ждать тебя у поезда. Я забыл сказать, что Франсуа живет в 40 км от Парижа и что было уже довольно поздно. Парижское метро, однако, работает прекрасно, загородные поезда ездят быстро и часто, сообщение хорошее, поэтому я оказался на станции даже раньше, чем мой друг. Ожидая его, я успел нарвать для хозяйки дома несколько веточек расцветшей дикой черешни. Это было просто удивительно: пару дней назад я уезжал из промерзшей Швеции, а тут вдруг весна в полном расцвете.

Мы с друзьями просидели до трех часов утра, беседовали, пили хороший коньяк и наслаждались, глядя на потрескивающие в камине поленья.

Я сказал моему другу, что должен встать в 8 ч. утра, так как в 11 ч. меня будет ждать Беккет.

Ледяной душ пробудил и воскресил меня. В гараже, — а до железнодорожной станции надо было ехать 18 км, — нас ждал неприятный сюрприз. Батарея в машине моего друга была полностью разряжена.

«Нет, я не могу подвести Вацлава», — сказал я себе и начал быстро соображать, как в воскресенье утром, когда вся Франция еще спит, добраться из этого захолустья до Парижа. Дело в том, что я звонил Гавелу в субботу, во второй половине дня, и рассказал ему, что встречу с Беккетом. На что Гавел заметил, что он сам бы на это никогда не решился, а когда я сообщил ему, что встреча произойдет уже завтра в 11 часов утра, то он сказал, что будет волноваться за меня и, нервничая, будет плохо спать ночью.

Мы начали заряжать батарею. Я то и дело нетерпеливо поглядывал на часы: время шло неимоверно

быстро, а стрелка на циферблате заряжающего устройства почти не двигалась. Через 20 минут мой друг-физик решил, что мы могли бы уже попробовать завести машину с горки; и если нам посчастливится, то доберемся на станцию вовремя.

Нам посчастливилось. Мы мчались как бешеные по узким дорогам, но когда уже приближались к станции, то оказалось, что шлагбаум уже опущен. Поезд как раз ехал в Париж — в воскресенье рано утром поезда ходят всего раз в час.

«Беги по подземному переходу на другую сторону — ты еще успеешь», — посоветовал мой друг.

Я побежал как сумасшедший, прибежал на станцию, — но между мною и поездом, который уже стоял на станции и готовился к отъезду, был почти двухметровый забор, а в нем — никакой дыры. Я чувствовал себя как персонаж чешского классика Гашека: у него в руке был ключ от туалета, и все же он обо... От полного отчаяния я разбежался и перескочил этот забор. Две француженки захлопали в ладоши, я же подбежал к последнему вагону, нажал кнопку, двери открылись и впустили меня. Отдышался я только перед самым Парижем. На станции Шателлет у меня возникла новая проблема. Я забыл, что ехал без билета. А магнитные контрольные автоматы не хотели выпустить меня из метро. Тогда я притиснулся к одному негру и вышел с ним наружу на его билет — он посмотрел на меня удивленно, но ничего не сказал. (Я ведь тоже ничего не говорю, когда они так долго болтают по телефону...)

Мне удалось все успеть: принять душ, переодеться, вовремя приехать в гостиницу. И вот я сидел в холле и смотрел на дверь: узнаю ли я его? И как он узнает меня?

Вдруг ко мне обратился пожилой высокий мужчина в бежевом полушубке и в толстом грубом свитере. Его густые седые волосы были подстрижены под ежик. «Господин Яноух?»

Мы пошли в ресторан выпить кофе. Сэмюэл Беккет заказал два двойных эспрессо. Наш разговор длился немного более часу. Собственно говоря, главным образом говорил я сам. Беккет спрашивал о нашем вечере в Стокгольме, о том, как прошла постановка «Катастрофы», о ситуации у нас в Чехословакии. Он был слабо информирован, но проявлял ко всему большой интерес. Я рассказывал ему о Вацлаве, о том, как он сидел в тюрьме, как ему предложили поехать в Нью-Йорк на постановку его пьесы и как он от этого отказался. Я рассказывал о «квартирном театре»³, о книгах, издаваемых при помощи пишущей машинки, о деятельности Фонда «Хартти-77» и о его значении. Беккет слушал сосредоточенно и внимательно, его живые глаза были полны

интереса, а старческие, в глубоких морщинах руки выражали беспокойство.

«Почему вы начали заниматься этой деятельностью?» — внезапно прервал он меня.

Мне стало ясно, что Беккет принимает меня за шведа. Тогда я попытался коротко объяснить ему, что я не швед и никогда не смогу им стать в этой жизни.

Мы начали говорить о его пьесах. У меня вдруг появилось чувство, что память начинает ему изменять. Например, он не мог вспомнить, что был на премьере своего «Годо» в Праге — я должен был напомнить ему, что с ним там была и его жена. Он рассказал, что некоторые его пьесы идут сейчас в Нью-Йорке, на Бродвее; он слышал, что там также идут пьесы «Ваклава»...

Я спросил, что заставило его посвятить «Катастрофу» Вацлаву Гавелу? Он слегка задумался — длинные пальцы начали двигаться еще быстрее на мраморном столике.

«Я читал его пьесы, мне захотелось как-то выразить ему свою поддержку, свои симпатии, свою солидарность...»

Разговор начал угасать — мне не хотелось спрашивать о банальных вещах, не хотелось утомлять старого человека.

Я еще упомянул «Трехгрошовую оперу» Гавела⁴, которая будет показана в будущем году на Парижском театральном фестивале. Тут я вытащил из портфеля ее французский перевод. Беккет взял его в руки, перелистал и спросил: «Я могу его взять и прочитать?»

Именно это мне и было нужно. Точка зрения Беккета, его оценка могли бы сильно помочь этой любимой пьесе Гавела пробиться в большой театральный мир. Я дал Беккету рукопись перевода.

«Я вам напишу», — сказал Беккет.

«Можно мне вас сфотографировать?» — спросил я в конце нашей беседы.

Беккет удивленно посмотрел на меня.

«Чтобы у меня было чем проиллюстрировать нашу встречу для Вацлава Гавела», — добавил я быстро, опасаясь как-нибудь задеть старика.

«Конечно, можете...» — Беккет начал как-то смущенно улыбаться, так же как все обычные смертные в подобной ситуации.

Я быстро сделал два снимка маленьким карманным «Роллейем». Когда я спрятал фотоаппарат, то лицо Беккета снова расслабилось.

«Мне не хотелось бы вас долее задерживать. Я вам действительно крайне признателен, что мог встретиться с вами и лично вас поблагодарить».

To await arrival

Museum Jacquard
c/o L. Patec
25 Rue des Ecoiffes
75004 Paris

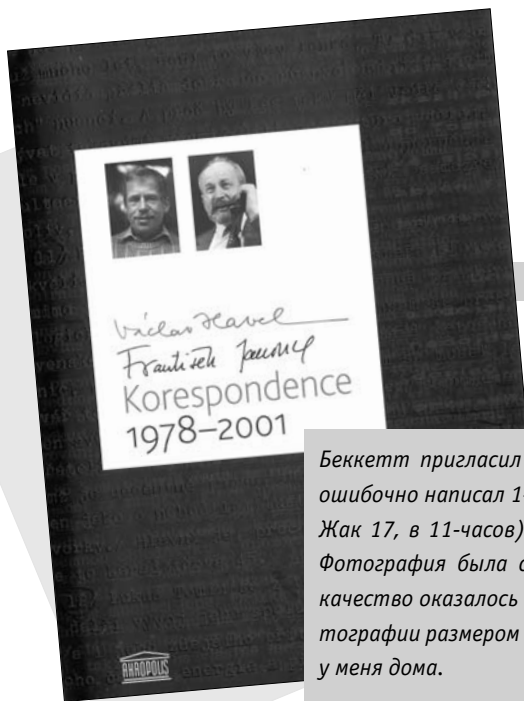
SAMUEL BECKETT

Paris
27.3.84

Dear Mr. Jacquard
Thank you for yr letter.
I propose we meet as follows:
Sunday April 1st, 11 a.m.,
Hotel PLM - St. Jacques, 14
Boulevard St. Jacques, Paris 14^e.
I'll be there. Join me if you can.

Sincerely

Samuel Beckett

Беккетт пригласил меня в записке встретиться его 1-го апреля (я ошибочно написал 1-го мая 1984 г. в гостинице ПЛМ, Сан Жак, Рю Сан Жак 17, в 11-часов). В конце этой встречи сделана фотография. Фотография была сделана на маленьком фотоаппарате Rollei-35, качество оказалось настолько превосходным, что сделаны были фотографии размером 100x80 см, одна была послана Гавелу, одна висит у меня дома.

Франтишек Яноух

*Вацлав Гавел
и Франтишек Яноух,
Прага, декабрь 1989 года*

Руки Беккета остановили мои слова почти незаметным жестом.

Я хотел заплатить за кофе, но он мне этого не позволил, сам позвал официанта и дал ему помятые сто франков. Официант унес деньги на подносе и долго не возвращался. Мы продолжали беседовать. Через несколько минут Беккет остановил другого официанта, пробежавшего мимо нашего столика, и довольно сердито сказал ему по-французски: «Верните сдачу!» Первый официант вскоре вернулся и, извиняясь, подал Беккету сдачу на подносе. Беккет пересчитал деньги и выделил ему чаевые.

Мы встали и пошли к выходу. Прощаясь, Беккет крепко сжал мою руку: «Желаю больших успехов в вашей деятельности. И передайте сердечный привет Вацлаву Гавелу!»

Вечером я рассказывал о моей встрече с Беккетом одной француженке. Когда-то она играла в театре.

«Вы встретились с Беккетом? Уж не придумываете ли вы? Я никогда не встречала человека, который бы лично говорил с Беккетом».

Мне пришлось показать ей приглашение на нашу с ним встречу. Она недоверчиво его рассматривала и перечитывала — у меня было такое чувство, что она даже хотела попробовать бумагу «на зубок», чтобы убедиться в ее подлинности.

Оставшуюся часть вечера у меня было ощущение, что она перенесла часть своего восхищения Беккетом и на меня, сумевшего с ним встретиться.

Собственно, я должен поблагодарить Вацлава Гавела за «входной билет» в театральный мир. Не будь Гавела, — я бы с Беккетом никогда не встретился.

P.S. (текст на открытке Вацлава Гавела):

1.4.1984: В 11.00 у меня был Зденек Урбанек⁵, и мы интенсивно думали о том, как ты разговариваешь с С.Б. (Зденек мне как-то сказал, что письмо от С.Б.⁶ — это первая вещь в жизни, из-за которой он мне искренне завидует. А я ему на это ответил: пусть сядет на 4 года в тюрьму, может, тоже получит такое письмо!) ■

Авторизованный перевод с чешского **Ады Кольман**
Стокгольм, 1 марта 2010 г.

Примечания

¹ После оккупации Чехословакии советское руководство требовало «нормализации» политической ситуации, т.е. восстановления в стране сталинских порядков.

² «Свободный Протеатр» (прим. перев.).

³ Запрещенным авторам пьес и запрещенным артистам приходилось устраивать представления в своих квартирах.

⁴ Пьеса Вацлава Гавела написана по мотивам «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта (прим. перев.).

⁵ Известный чешский театральный критик и переводчик.

⁶ Сэмюэл Беккет.

переписка

Вацлав Гавел и Сэмюэл Беккет

Дорогой Сэмюэл Беккет,

В мрачные 50-е годы, когда мне было примерно 16–18 лет, в стране, где не существовало фактически никаких культурных или иных контактов с внешним миром, мне посчастливилось прочитав «В ожидании Годо». Позже, конечно, я прочел все Ваши пьесы, из которых на меня, вероятно, наиболее сильно повлияла пьеса «Счастливые дни». Это может показаться глупым, но я тщетно ищу лучшую, чем эта, пьесу: с первого момента Вы представляли для меня божество в духовной сфере. Вы безмерно повлияли на меня не только как на человека, но и как на писателя. У меня навсегда останется в памяти поиск и обнаружение духовных ценностей в вакууме, меня окружавшем. Даже сегодня, несколько десятков лет спустя, когда я, наверное, старше, чем были Вы во времена «Годо», я по-прежнему осознаю глубокие последствия того факта, что я познакомился с Вашим творчеством.

Я пишу обо всем этом потому, чтобы передать Вам потрясение, испытанное мною в тюрьме, когда моя жена рассказала мне в присутствии охранника — во время нашего одночасового свидания, которое позволяют четыре раза в год, — что в Авиньоне состоялся вечер солидарности со мною, и что там впервые была показана Ваша пьеса «Катастрофа». После этого у меня в течение долгого времени было радостное чувство и приятный трепет, помогавшие мне продолжать жить в тюремной грязи и мерзости.

Моя радость была безграничной, причем не только по причине того, кем Вы для меня являетесь, — как я уже попытался объяснить выше, — но и потому, что Вы не принадлежите к тем, кто раздает себя по мелочам. Поэтому я еще более высоко ценю Ваше участие в Авиньонском вечере.

Я благодарю Вас от всего сердца. Своим прекрасным жестом Вы не только облегчили мне пребывание в тюрьме, но также продемонстрировали свое глубокое понимание тяжелых страданий, которые время от времени берут на себя те, кому не безразличен ход исторических событий, причем как в настоящем, так и в прошлом.

С глубоким уважением и пожеланиями всего самого наилучшего

Ваш ВАЦЛАВ ГАВЕЛ

Дорогой Вацлав Гавел,
спасибо за Ваше чрезвычайно трогательное письмо.

То, что я смог, хотя бы немного, Вам помочь и выразить свое уважение к Вам и ко всему, за что Вы боретесь, относится к моментам в моей писательской жизни, которые я особенно ценю. Это я являюсь Вашим должником.

Я читал Ваши пьесы в переводе на французский и восхищался ими. Шлю Вам самые сердечные приветы и пожелание лучших времен.

СЭМЮЭЛ БЕККЕТ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.М. МАЛЫШЕВОЙ-ВИНОГРАДОВОЙ

Вступление

Публикуемые воспоминания принадлежат Надежде Матвеевне Малышевой (1897–1990), вдове академика Виктора Владимировича Виноградова (1894/1895–1969). Имя В.В. Виноградова хорошо знакомо каждому филологу-руссисту; он был выдающимся филологом, неоднозначно воспринимавшимся современниками: филологи консервативного направления обвиняли его в формализме, тогда как филологи-новаторы (структуралисты) подчас видели в нем ретрограда. Н.М. Малышева была пианисткой (ей довелось быть концертмейстером Шаляпина, работать со Станиславским) и известным в Москве педагогом-вокалистом (она, в частности, воспитала И.К. Архипову); но думаю, не ошибусь, если скажу, что прежде всего она была женой В.В. Виноградова, живя его заботами и растворяясь в его жизни. Н.М. Малышева начала писать свои воспоминания 9 августа 1970 г., когда не прошло еще и года со дня смерти В.В. (он скончался 4 октября 1969 г.), и закончила их 22 ноября 1971 года.

Эти воспоминания попали в мои руки почти случайно. Как-то я был в гостях у моего покойного друга Никиты Ильича Толстого; дело было в 1970-х гг., вероятно, в первой их половине. Держа в руках общую тетрадь, густо испсанную с обеих сторон листа, Никита Ильич сказал: «Вот Надежда Матвеевна написала воспоминания и отдала их мне. Не знаю, что с ними делать; пусть они будут у вас» (за точность слов не ручаюсь, но смысл передаю точно). С этими словами он вручил тетрадь мне. Никита Ильич был близок к Виноградову (настолько, насколько вообще можно было иметь с ним близкие отношения); в свое время он познакомил меня с Виктором Владимировичем и Надеждой Матвеевной (это произошло в 1968 г. в Ленинграде на защите докторской диссертации В.И. Малышева), после чего мы несколько раз встречались в частной обстановке. Надо полагать, что Надежда Матвеевна отдала воспоминания Никите Ильичу, с тем чтобы он их напечатал; сделать это в те годы было решительно невозможно, но Надежда Матвеевна по своей наивности могла не отдавать себе в этом отчет. Почему Никита Ильич решил передать воспоминания мне, я не знаю; но я взял их и сохранил.

Автор воспоминаний очень точно определяет свою задачу: в жизни В.В. Виноградова были взлеты и падения. Взлеты известны из его официальной биографии; он сделал блестящую карьеру, в советское время, где в каждой области науки были свои лидеры, оказался во главе филологии (и это случилось в то время, когда после выступления Сталина языковедение получило необычайно высокий статус). Но этой карьере предшествовали события, о которых в свое время не принято было говорить и тем более писать: арест и ссылки. Именно этим событиям и посвящены воспоминания его жены. Лишь в 1964 г., когда В.В. Виноградов был в зените славы, с него был официально снят надзор органов безопасности (который продолжался, таким образом, 30 лет — с ареста 1934 г.!). Это соединение внешних успехов и тяжелого жизненного опыта определило, как мне кажется, самое личное В.В.: его внутренний мир, его закрытость, сочетавшуюся с кичливостью, постоянное самоутверждение, известную двойственность его поведения. Он, как мне тогда казалось и кажется теперь, не любил советскую власть и вместе с тем

был органически с ней связан; вероятно, можно сказать и иначе: он не любил советскую власть, но при этом почтил власть как таковую. Зная себе цену, он с презрением относился к своему окружению и вместе с тем фактически принадлежал той среде, которую презирал. Повадки большого барина сочетались в нем с поведением подростка, который хочет привлечь к себе внимание. Он всю жизнь ощущал себя под угрозой, и этим, думается, объясняется его участие в процессе Синявского и Даниэля в 1966 г.: он не посмел отказаться...

Яркий талант сочетался в нем с исключительной работоспособностью. Он очень много работал — надо сказать, не всегда одинаково: наряду с прекрасными работами у него есть и работы слабые, проходные, причем лучшие его работы были написаны в период гонений, а не когда он находился на пике славы. Так или иначе, работал он всегда, всю свою жизнь, невзирая на обстоятельства. По свидетельству Надежды Матвеевны, в горьковской одиночной камере, где Виноградов провел около недели, перед тем как попасть на место ссылки, в Киров (1934 г.), он написал статью «Стиль “Пиковой дамы”» (которую потом дорабатывал в Кирове) — одну из самых удачных своих литературоведческих работ. В мемуарах есть яркое описание тяжелых условий, в которых ему приходилось работать в годы лишения.

Как это ни странно, после ареста и ссылки Виноградов продолжал публиковаться (в куда более спокойные хрущевское и брежневское времена это было бы невозможно). Правда, его фамилия была снята в первом томе словаря под редакцией Ушакова (вышедшем в 1935 г.) — обстоятельство, которое Виноградов никогда не мог простить Ушакову; она вновь появилась во втором томе, который вышел в свет в 1938 г., после возвращения Виноградова из ссылки¹. Вместе с тем во время ссылки были опубликованы две книги Виноградова — «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (первое изд. — 1934 г., второе изд. — 1938 г.) и «Язык Пушкина» (1935 г.). В 1938 г., когда после ссылки он был ограничен в правах и должен был жить в Можайске, появились два тома его «Современного русского языка» (переработанное издание этого исследования вышло в 1947 г. под названием «Русский язык: грамматическое учение о слове»). Книгам этим, кажется, суждено было сыграть определенную роль в его судьбе: в 1939 г. Виноградов написал письмо Сталину с просьбой разрешить ему пропуск в Москве; к письму были приложены две книги — по-видимому, только что названные; их выход свидетельствовал как о его признании, так и о его благонадежности. На следующий день разрешение было получено. Сталин, конечно, не читал этого письма: разрешение было выдано Берией, который в 1938 г. сменил Ежова на посту наркома внутренних дел, и это был период временной либерализации, когда прекратились массовые аресты и людей стали выпускать из лагерей.

В воспоминаниях Н.М. Малышевой много трогательных бытовых подробностей (достаточно указать на описание молодого Виноградова, который пытается увеличить свой возраст; на их свидание на Лубянке после ареста, где он стесняется своей бороды; на поддержку друзей, которые пытались передать в тюрьму конфеты с наклейками: «Упаковка Евдокии Михайловны Федорук-Галкиной», «Упаковка Рубена Ивановича Аванесова»). Вместе с тем эти воспоминания представляют несомненный интерес для истории науки.

Очень интересны упоминания книги Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927), которую Надежда Матвеевна сожгла после ареста Виноградова. Эту книгу привез Н.Н. Дурново, вернувшись из Чехословакии в 1928 г.², после чего Дурново и Виноградов решили написать для Учпедгиза совместную историю русского литературного языка, причем Дурново должен был писать историю раннего периода, а Виноградов — нового (так появились «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.»; Дурново свою часть написать не успел). Можно предположить, что замечательная статья Трубецкого «Общеславянский элемент в русской культуре», вошедшая в эту книгу, стимулировала интерес Виноградова к истории русского литературного языка.

Заслуживает внимания и описание драматических событий, связанных с полемикой о языкознании и появлением работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», чудесным образом изменившей судьбу Виноградова (статья Сталина была напечатана в «Правде» 20 июня 1950 г.). Как указывает Н.М. Малышева, Виноградов не консультировал Сталина, и появление статьи вождя явилось для него полнейшей неожиданностью. По мнению Виноградова, Сталин писал свою работу сам. Именно этим объясняется чудовищный ляпсус этой работы, поставивший Виноградова как специалиста по истории русского литературного языка в очень трудное положение, — утверждение о происхождении русского национального (т.е. литературного) языка из «курско-орловского диалекта». «В.В. предполагал, что эти мысли были навеяны Сталину Горьким», — говорится в воспоминаниях. Действительно, утверждение Сталина о курско-орловском диалекте, по-видимому, восходит к речи Горького на I Всесоюзном съезде писателей, где было сказано, что «русская литература вся вышла из курско-орловских степей»; литература и язык контаминировались в сознании Сталина³.

Автор воспоминаний была человеком не только прекрасной души, но и прекраснодушным. Она умудрилась прожить непростую жизнь, сохранив детское расположение к окружающим и глядя на мир сквозь розовые очки. Чекисты у нее — прекрасные и симпатичные; воры и пьяницы — достойные люди. Но тем более рельефно выступают описываемые ею факты: через розовые очки просматривается суровая реальность прожитого и пережитого.

Текст воспоминаний публикуется без изменений. В тех случаях, когда мемуаристку подводит память и она неточно воспроизводит имена или фамилии, мы добавляем правильную форму, приводя ее в угловых скобках. Подчеркнутые места в рукописи передаются курсивом.

Б.А. Успенский

Из воспоминаний Н.М. Малышевой-Виноградской

9 августа 1970 г.

«Красная Пахра» (поселок писателей)

Прошел почти год со дня смерти мужа моего — академика Виктора Владимировича Виноградова (он скончался в ночь с 3 на 4 октября 1969 г.). Так как жизнь В.В. была полна крайне разнообразных событий, вернее протекала скачками (биографическими падениями и подъемами), то на мне лежит долг написать главным образом о «падениях», свидетелем которых была я. «Подъемы» в судьбе В.В. видели и знали все его окружающие: знакомые, друзья и ученые-коллеги, т.к. подъемы эти сопровождались обретением В.В. «высоких» ученых ступеней и все окружающие его становились в той или иной мере участниками или свидетелями этих «подъемов».

Свидетелем и участником «падений» была почти одна я. Многие, кто жил с В.В. в тех городах, куда В.В. «высылался», умерли, и воспоминаний о пребывании В.В., например, в Вятке (Кирове) нигде уже достать невозможно...

С В.В. мы прожили 44 года, редко разлучаясь. Мне сейчас 72 года. В.В. было 74, когда он умер. Это случилось за 3 месяца до его «юбилейного» 75-летия. К его 75-летию подготавливалось несколько ученых сборников в виде «подарка» юбиляру. Пока они еще не вышли в свет, но со временем выйдут.

Я решила писать нечто вроде воспоминаний по просьбе друзей В.В. и потому, что многие детали биографии В.В. приходилось наблюдать мне одной. У меня есть дефект памяти. Некоторые факты и детали жизни я помню прекрасно. Но я совершенно лишена «чувства времени», подчас почти неспособна сказать, что и *когда* именно происходило. Вернее, я хорошо помню, *что*

происходило, но не помню, в каком году и на каком этапе жизни с В.В. это случилось. Единственно, за что я ручаюсь, это за *правду* мною рассказываемую о жизни моей с В.В. Я помню две основные вехи в нашей жизни — это годы: 1934 и 1941.

В 1934 году В.В. был арестован по «делу филологов» и выслан в Вятку на 3 года (административно). Одновременно с В.В. были арестованы почти все филологи, занимавшиеся славянскими языками и литературами. Первым был арестован профессор Н.Н. Дурново, приехавший в Россию из Чехословакии (из Брно, где он, видимо, был профессором). Почему, и для чего, и когда он приехал в Россию, я не знаю.

...Н.Н. был человеком странным. Это был тип ученого, которых изображают на театре как людей «не от мира сего», рассеянных чудаков, ни о чем не думающих, кроме своей науки. Он был с длинной, вернее с большой бородой, с неуверенной походкой, плохо одет. С его ботинок всегда натекала лужа воды на пол, где он сидел. И после его ухода от нас я постоянно вытирала пол под его стулом. Он знал хорошо в Чехословакии лингвиста-евразийца князя С.Н. Трубецкого <Н.С. Трубецкого>. А когда его спрашивали об умонастроении Трубецкого, он говорил, что тот «подкоммунивает». Князь Трубецкой еще до приезда в Россию Н. Дурново прислал всем более или менее известным лингвистам свою книгу, кажется, «О европейском самосознании» <<К проблеме русского самопознания>>. В книге этой была лингвистическая часть, на которую В.В. написал рецензию, но почему-то не напечатал ее, а лежала она у В.В. в рукописи, в его бюро. Книга Трубецкого была прислана также и В.В.

В Москве начались аресты филологов-славистов, кажется, в начале зимы 1933 года был арестован Дурново, его сын и, кажется, жена сына.

На В.В. это не произвело особенного впечатления. Он считал, что Дурново арестован из-за своего приезда из Праги и что аресты не будут распространяться на других. Но в ночь на 8 февраля 1934 г. к нам пришли с обыском и арестовали В.В. Мы жили в коммунальной квартире в Большом Афанасьевском пер. на Арбате (ныне улица Маяковского, д. 41, кв. 8). У нас была одна комната в 28 метров, вся уставленная книжными стеллажами. Обыск продолжался до 7 утра (пришли с обыском 2 человека, кажется, в 12-1 ночи). Двоим обыскивающим людям трудно было управиться с большим количеством книг, и они по телефону позвали еще двоих своих людей на подмогу. Все чешские издания откладывались ими на диван. Книга Трубецкого была напечатана по-русски, и ее не взяли, т.е. не увезли после обыска. Прощаясь со мной, В.В. мне тихонько сказал: «Трубецкого-то приберите»... В.В. увезли в черной легковой машине, забрав чешские книги, разные бумаги и шкатулку с письмами ко мне В.В. из Ленинграда.

...Мы с В.В. познакомились в 1925 году в санатории «Узкое», где В.В. отдыхал. Он работал в Ленинградском университете. Я же жила в Узком, работая там летом как пианистка, аккомпанируя гостящим в санатории певцам и играя в четыре руки с Е.В. Цертелевой, дамой пожилой, прекрасной пианисткой, отдыхавшей также в «Узком». В то время санаторий «Узкое» принадлежал ЦЕКУБУ — Центральной комиссии по улучшению быта ученых. В Узком жили ученые, художники, музыканты, врачи, люди разных профессий. Я служила до 1924 года в оперной студии Станиславского концертмейстером, т.е. проходила партии с работающими в студии певцами. К.С. Станиславский считал, что «студийцы» должны быть «интеллигентными» и по возможности «держат связь с ЦЕКУБУ», т.к. ЦЕКУБУ объединяла лучшую часть русской интеллигенции.

В студии была группа певцов, страстно влюбленных в Пушкина и музыку его времени. Баритон П.И. Румянцев и жена его З.Л. Афанасьева, талантливые артисты студии, постоянно работали над «пушкинскими» концертами. Я работала с ними как пианистка. Благодаря этому нашему содружеству мы бывали часто приглашаемы для устройства тематических концертов в Дом ученых в Москве. В благодарность за бесплатные концерты, устраиваемые там зимой, нам давали возможность отдыхать летом в санатории вместе с учеными. Одновременно тем самым мы развлекали отдыхающую публику «интеллигентными» концертными программами.

Жить в санатории было чудесно. Во-первых, необыкновенно интересно было общение с первоклассными врачами, художниками, историками, даже с ге-

нералами-военными. Жили в Узком, например, генерал Брусилов с женой, историк Бартенев с женой. Вечерами мы собирались в комнате Вл. Соловьева, где висел его портрет и был камин (ныне это бильярдная комната). Там, в темноте, при лунном свете рассказывались «страшные» истории о привидениях, предчувствиях и пр. Таков, например, был рассказ Бартенева, теперь всем известный, о хозяине Узкого в XVII в. — боярине (забыла его фамилию), заточившем в подземелье свою жену вместе с возлюбленным, где они оба и умерли. О том, как Петр Великий приехал в Узкое, узнал эту историю. Пошел в подполье, а там оказались два скелета, прикованных к стене. И вот теперь в Узком в июне (почему в июне — уже не помню) по ночам появляется призрак не то женщины, не то мужчины, — кого-то из этих двоих погибших любовников (по Бартеневу). Помню, как, ожидая встретить привидение в светлые июньские ночи, я боялась выходить из комнаты на 2 этаже, где жила с несколькими милыми женщинами. (Помню, что одна из них была поэтесса по фамилии Укша, веселая, чудная девушка.) Все мы в комнате жили дружно. Помню рассказ Брусилова о кольце, которое в его семью подарила их «тетка» Блаватская. Кольцо имело свойство чернеть перед смертью одного из членов семьи Брусиловых. Помню, как в темноте Брусилов несколько раз повторял, слегка пошамкивая: «А кольцо подарила тетка Блаватская, а почему оно почернело, это неизвестно». Кольцо будто бы действительно чернело перед чьей-либо смертью.

Итак, мы познакомились с В.В. в Узком. Это было летом 1925 г. В.В. приехал из Ленинграда. Он был очень молод, худ. У него были большие, очень красивые серо-зеленые глаза под черными густыми, высоко лежащими бровями. Голова В.В. была небольшая и очень хорошей формы. Рост средний. Он был «бритым», т.е. не носил ни бороды, ни усов. Помню, что при заполнении маленькой анкеты, клавшейся в столовой у прибора вновь прибывших отдыхающих, В.В. в графе о возрасте написал, что ему «30-31 год». Видимо, В.В. хотелось быть постарше, подобно детям, прибавляющим себе возраст, хотя бы на один год. В Узком начался наш «роман», закончившийся «распиской» в браке в марте 26 года в ЗАГСе в переулке на ул. Кропоткина. В то время эта процедура была очень прозаической и канцелярской — что-то вроде получения паспорта в милиции. Из Узкого осенью В.В. уехал в Ленинград, а, кажется, зимой (на Рождество) я поехала в Ленинград с теми же моими друзьями — певцами Афанасьевой и Румянцевым — для совместного устройства концертов в «Обществе друзей камерной музыки». Я поехала уже к В.В.

Он жил на «Ждановке», напротив Тучкова моста. У него было две комнаты на 5 этаже, в половине квартиры, занимаемой немецкой семьей. Потом я снова уехала в Москву. Потом, весной, приехал ко мне В.В. У меня была комната в коммунальной квартире на Арбате, в Афанасьевском переулке, где мы с В.В. прожили потом уже 25 лет. В.В. приехал в Москву и начал читать лекции во 2 Университете, ныне Педагогическом институте на Пироговской улице. Эти поездки длились года два. Вот откуда появилась шкатулка с письмами, которую увезли у меня вместе с арестованным В.В. в феврале 1934 г.

Он ездил из Ленинграда в Москву, а я из Москвы в Ленинград....Это продолжалось, вероятно, года 2. Вот почему оказалось много писем В.В. ко мне, взятых при его аресте. Письма эти, к моему удивлению, были мне возвращены после высылки В.В. в Вятку. Меня вызвали в комендатуру ГПУ и сказали: «Возьмите ваши дневники».

...После увоза В.В. на Лубянку, в тюрьму, я взяла книжку Трубецкого и решила ее уничтожить. У нас была ванная комната; ванна нагревалась дровяной колонкой. Я решила сжечь «опасную» книжку. Боясь соседей, которые увидели бы, что после обыска я что-то сжигаю, я обратилась с просьбой к старой домработнице соседей взять книгу Трубецкого для разжигания дров в колонке, когда она будет согревать ванну для своих хозяев. Ее звали Матрена Ивановна. Она легко согласилась сжечь злополучную книжку. И через несколько дней, топя ванну, книжку она сожгла. Но вот что произошло в дальнейшем.

Через два месяца, по окончании следствия над В.В., я узнала «приговор» по его делу. Это было решение «тройки» ГПУ. Суда тогда над арестованными не было. Приговор был: «3 года административной высылки в Киров» — статья 58, параграфы 10 и 11 — «агитация и организация» (конечно, контрреволюционные). По «делу филологов» (так оно называлось) было арестовано много народу, чуть не все «слависты» Советского Союза. Во всяком случае, много ученых из Москвы, мне известных отчасти лично, отчасти по фамилиям (Н.Н. Дурново, академик Перец <Перетц>, академик Сперанский, проф. Ильинский, проф. Селищев, Вл. Н. Сидоров, проф. Туницкий, единственный человек, отпущенный из тюрьмы и через короткий срок повесившийся у себя дома, Седелников, говорили, что еще взяты были 70 чешских студентов), — не помню сейчас, кто еще был арестован, знаю только, что все арестованные получили по 5 лет лагеря, Дурново — 10 лет, т.к. к их статье 58, по-видимому, был прибавлен параграф четвертый — параграф о «шпионаже».

Через 30 лет (в 64 году, кажется) В.В. получил бумагу из МГБ, где говорилось, что дело по его аресту

закрыто и что В.В. ни в чем не виноват. Эту бумажку я также передаю в архив Академии наук. В.В. очень смеялся, когда прочел эту бумагу. Он сказал: «А я и не знал, что 30 лет находился под надзором полиции»... И, действительно, В.В. жил такой интенсивной научной жизнью, что совершенно забыл, вернее, не умещал в голове, что где-то кто-то может заниматься его политическим «досье» и что кто-нибудь может подозревать его в каких-то незаконных действиях против советской власти.

Во время ареста В.В. была прервана его работа по толковому словарю русского языка. Работа эта началась года за 2 до ареста...Помню только, что мы вместе с В.В. ходили к Д.Н. Ушакову уговаривать его взять на себя должность главного редактора будущего словаря (задуманного по идее Ленина). После довольно долгих уговоров Д.Н. согласился стать редактором предполагаемого словаря....Политическим редактором словаря должен был стать Н.Л. Мещеряков. В 34 году работа по словарю шла уже полным ходом. Арест В.В. вносил громадную брешь в работу словаря. В.В. делал в словаре самую важную работу по «грамматике» (по определению грамматических понятий в словаре). Эта была самая трудная работа: определять союзы, предлоги, глаголы и пр. Определяя союз «и», В.В. написал 35 его значений. Я помню, как восхищались все работой В.В. над этим союзом.

В результате следствия в ГПУ, В.В. должен был попасть в концлагерь. Но подействовали сильные хлопоты политической редакции словаря (Н.Л. Мещерякова), и В.В. был отправлен в Вятку (Киров), где он мог бы продолжать работу над словарем. Ему, видимо, был сброшен параграф 4-ый о шпионаже, и остались лишь параграфы 10 и 11-ый — знаменитой 58-ой статьи уголовного кодекса.

Перед арестом В.В. сдал в издательство «Academia» свою книжку «Язык Пушкина». После ареста в редакции хотели снять фамилию В.В. с заглавия книги, обозначив ее тремя звездочками, но потом решили печатать книгу под фамилией В.В. В первом томе словаря, вышедшего во время высылки В.В., фамилия его была снята и не помещена даже в предисловии, где нужно было сказать о работе В.В. над «грамматикой» в словаре. В.В. очень был обижен на Д.Н. Ушакова, что тот не упомянул фамилию В.В. в предисловии. Это испортило отношения между В.В. и Ушаковым. В следующем издании словаря фамилия В.В. была восстановлена. Но снятие фамилии при издании первого тома много горя принесло В.В.

...Во главе издательства «Academia» стоял Л.Б. Каменев. Он очень тепло отнесся к судьбе В.В. и однажды прислал в Вятку рукопись книги некоего Иванова (для редакционной работы В.В.). Эта была огромная рукопись

о поговорках и разных языковых анекдотах людей разных профессий. В письме Каменева было написано: «Посылаю Вам сего Левиафана» и пр., т.к. рукопись была необыкновенно толстая. Письмо Каменева было длинное и очень теплое. Я, к сожалению, уничтожила его, когда расстреляли Л.Б. Каменева, боясь повторного обыска у В.В.

Все время, пока «сидел» В.В. на Лубянке, я штопала его рубашки, ожидая высылки, копила продукты, чтобы посылать их В.В. До своего ареста В.В. пользовался «лимитной» книжкой в продуктовом магазине, где давали продукты прикрепленным к магазину ученым. Книжку эту у меня не взяли при аресте, так же, как и паспорт В.В. Через два месяца ожидания я узнала от А.А. Болотникова о приговоре В.В. Помню, что была Пасха, видимо, ранняя. Шел мокрый снег, была ужасная слякоть. Я ездила в «Бутырки» с какой-то съедобной поклажей и искала высылаемого В.В. в списках на букву «В». Высылались люди обычно через «Бутырки». Туда ездил со мной очень дружный в то время со мной Р.И. Аванесов. Помню, что он таскал туда жбан с молоком. Он (Аванесов) часто ходил ко мне, чтобы разузнавать новости об арестованных, т.к. вместе с В.В. был арестован друг Р.И. — В.Н. Сидоров.

Узнав, что у В.В. «легкий» приговор, я воспряла духом. И вот однажды раздался ко мне телефонный звонок: в такой-то день, в таком-то часу, явиться на «Мясницкую, 3», получите пропуск на имя Горбунова, «и вы увидите вашего мужа». Я спросила: «Почему на имя Горбунова?» Мне было отвечено довольно сурово: «Это фамилия следователя».

Я отправилась на «свидание» с В.В. Поскольку я знала приговор, я собрала для В.В. «вещи» для поездки его на три года в Вятку. Это оказались три чемодана. Они были наполнены всем, что казалось мне необходимым для жизни в Вятке. Туда были положены и 25 перештопанных мною рубашек, ботинки, белье, носки, мыло, штопка и нитки разного цвета, кошелек с наменными деньгами — 50 р. серебром. Все для бритья, а главное, *лезвия* для бритья. Несколько больших коробок, в которые одна к другой аккуратно были уложены конфеты, а с внутренней стороны крышки были сделаны наклейки: «Упаковка Евдокии Михайловны Федорук-Галкиной» (доцента Московского университета, которая писала кандидатскую диссертацию под руководством В.В. и помогала мне укладывать чемоданы). С такой же наклейкой была другая коробка конфет. Там был другой упаковщик — «Упаковка Рубена Ивановича Аванесова».

...Когда, приехав к В.В. в первый раз в Вятку, я спросила его, был ли он доволен, найдя все наши записки и «сюрпризы», он очень удивился, сказав, что ничего не

обнаружил. Все, конечно, было изъято при осмотре чемоданов В.В. Все записочки отданы следователю, который, вероятно, от души веселился, читая фамилии «упаковщиков» конфет, фамилии, которые, вероятно, неоднократно фигурировали во время следствия. Да, еще я повезла для В.В. новое кожаное черное пальто, которое подарил ему его старший брат Иван Владимирович. В чемодане не уместились пальто и шляпа.

Нагрузив весь багаж на извозчика, я доехала до Лубянки. Довез меня туда тот же Р.И. Аванесов. Он уехал, я получила пропуск и кое-как, меняя руки и чемоданы, как-то втащила все на черный ход главного здания на Лубянке. Поднимаясь на 2 или 3 этаж, я видела в окно внутренний двор тюрьмы и окна, выходящие во двор, закрытые щитами. Так как багаж был для меня непосилен, я попросила встречного военного помочь мне донести чемодан до 2 этажа. Он взял два чемодана, я третий, и мы вошли в коридор, кажется, с натертым полом, довольно веселого вида. Меня провели в комнату, где сидело три человека за столами.

...Я вошла. За письменным столом, спиной к окну сидел следователь Виктор Петрович Горбунов, ведший «дело» В.В. Это был довольно молодой человек с симпатичным лицом, одетый, кажется, в военную форму. Он сказал мне: «Сейчас вы увидите вашего мужа. Если хоть слово скажете о “деле”, я прерву свидание». Я спросила, не обременю ли я В.В. тем, что привезла для него три чемодана с вещами.

— «Почему так много?»

— «Не так уж много для человека, который едет на три года».

— «Какие три года? И куда он едет?»

— «В Вятку», — сказала я.

— «Он едет вовсе не в Вятку, и откуда вы это взяли?»

— «Я знаю приговор».

— «Так В.В. едет вовсе не Вятку».

— «А куда же?»

— «Пока вы не скажете, откуда вы знаете приговор, я не скажу, куда он едет».

— «Извольте! Приговор я знаю от Николая Леонидовича Мещерякова». — «А-а-а (очень почтительно). Так вот, В.В. едет не в Вятку, а в Горький».

Я удивлена. Но стараюсь не забыть сделать все «важное» для В.В. Я снова обращаюсь к следователю: «Да, вот еще я забыла вас спросить. Ведь В.В. в дорогу понадобится документ, — я привезла ему паспорт». — «Ну-ка, покажите его...» Я передаю. Следователь открывает ящик своего стола и бросает туда паспорт.

Меня после В.В. побранивал за эту глупость. При получении нового паспорта после высылки в нем пишется, на

основании какого документа он выдан. Если при обыске случайно не взяли паспорта, то нужно было хранить его, как зеницу ока. Из-за того, что я сама принесла паспорт следователю, В.В. получал новый паспорт, выданный уже на основании «справки НКВД» (т.е. новый паспорт уже был испорчен указанием на былую высылку).

Все мои глупейшие эскапады, по-видимому, послушили мне на пользу. В дальнейшем этот следователь мне верил уже в том, что я ему говорила. Это покажет дальнейшее его отношение к В.В. и ко мне.

И вот ввели В.В. Он оброс бородой. Воротник расстегнут (галстук отнимают у арестованных, шнурки от ботинок также), ботинки расстегнуты. Первые слова В.В.: «Милашенька, я с бородой, — ужасно?» Я делаю восхищенную улыбку и говорю: «Что вы, — чудно!!!»

Мы с В.В. всю жизнь говорили друг другу «вы», вероятно, оттого что быстро поженились, часто разлучались и не успели перейти на «ты». Это порой вызывало недоразумение. При прописке на юге, в Гаграх, нас не хотели прописывать в гостинице, считая, что мы не муж и жена, — мы *на «вы»*, и в паспортах разные фамилии (я — Малышева, он — Виноградов). Когда мы расписывались в ЗАГСе, я оставила свою фамилию, не переменяв ее на фамилию В.В.

В.В. сел рядом со мной, быстро шепнув: «Куда меня высылают?» Я также быстро шепотом: «В Нижний». Это сбил меня В.П. Горбунов за то, что я рано узнала приговор. В.В. снова быстро зашептал: «Что вы сделали с книжкой?». Я решила, что В.В. спрашивает меня о «лимитной» книжке на товары в лимитном магазине. Я зашептала, что покупала на нее разные вещи. «Да нет же, что с книжкой Трубецкого?» В ту же секунду следователь быстро обратился ко мне: «Что, что вы сказали?» — Я замолчала и потупилась на В.В. «Ну, говорите же!» (это следователь). В.В. тоже повторяет: «Ну, говорите же!» Я молчу и не знаю, что сказать. После нескольких настойчивых возгласов В.В., я выдавила, наконец: «Я ее сожгла». — В.В. к следователю: «Видимо, я оказался пророком, я это подозревал». — Следователь: «Расскажите, как было дело». Я рассказала, как В.В., уходя, сказал: «Трубецкого-то приберите», и как я уговорила сжечь книгу домработницу соседней. — «Это все вы придумали, вы книжку спрятали» (следователь). Я, начиная горячиться: «Я же говорю, что сожгла!» — «Нет, спрятали!» — Я: «Хотите, позвоните к нам в квартиру, вызовите Матрену Ивановну и спросите ее сами. Нет, лучше я с ней поговорю сама, чтобы она не испугалась, я налажу весь разговор, а вы возьмете трубку и узнаете правду». — «Ну, ладно, не нужно». Вроде как он поверил мне.

Не помню, что было дальше. Свидание окончилось. Я уехала домой в светлом настроении, что скоро поеду к В.В. не то в Горький, не то в Вятку. Довольная, что В.В. теперь всем обеспечен и будет на свободе. Да, В.П. Горбунов мне сказал, что с В.В. будет сопровождающий его человек, который поможет ему носить вещи.

...Дальше я должна была ждать известий от В.В. с места высылки. Через несколько дней — снова звонок: «Говорит Горбунов», — мне нужно прийти к нему такого-то дня и числа. Являюсь.

— «Имеете что-нибудь от мужа?» — «Пока нет». — «Ну, еще не доехал. Садитесь и пишите протокол». — «Какой?» — «Вы сказали неправду, что книга Трубецкого сожжена. Куда вы дели книгу?». — «Как куда? Ведь я сказала, что книгу сожгла Матрена Ивановна Анашкина». — «Теперь вы с ней сговорились. Куда вы спрятали книгу?» Я — свое; он — свое. Я вышла из себя и начала тираду: «Какая я была дура, что сказала вам правду. Вам нужно всегда врать, вы привыкли только ко лжи, а я-то вообразила, что можно вам говорить правду!» — «Ах, так вот как вы относитесь к советской власти!» — «При чем здесь советская власть, я говорю о вашем учреждении. Вам все врут, и правильно делают. Какая-нибудь записная книжка к вам попадет, и все уедут, кто там записан. Только дураки говорят вам правду». — «Так вы у меня уедете, и уедете не туда, куда Виктор Владимирович уехал». — «И уеду, пожалуйста, и всегда буду говорить, что была дурой, сказав вам правду» и т.д. Постепенно В.П. успокаивается, и я, вслед за ним... «Ладно, пишите, что сожгли книжку Трубецкого» и пр. Написала. Попрощались, ушла. Почему-то я запомнила номер телефона В.П. Горбунова, кажется, это было 36-81 — незабвенный номер.

Он мне много помог потом в жизни. Получаю телеграмму из Вятки. В.В. — доехал. Беру билет и еду. Езды ровно сутки — 1000 верст до Кирова — «места не столь отдаленные». Поезд пришел ночью, часов в 11 вечера. Когда я увидела огни «Кирова», я ужасно волновалась. В.В. меня встретил. Не помню, на чем мы доехали; или мы дошли до его жилища. Он снял комнату у железнодорожного токаря Егора Ивановича Широкова. Вятичи произносят звук «ш» и «и» очень узко и тонко, звучит фамилия Широков как Щириков (не Шыриков). Улица, кажется, К. Маркса. Дом деревянный, перегородка комнаты с двух сторон не доходит до потолка, но комната веселая, метров 15-18, три окна, два на улицу, одно во двор на что-то вроде терраски. Люди они были все достойные. Егор Ив. — выпивал. Ему попадало от жены. Входя в дверь дома, он иногда открывал дверь к В.В. и по полу просовывал бутылку водки, тем самым пряча ее от глаз

жены. (Это было нечто, напоминавшее руку Валтасара.) Поставив бутылку, рука исчезала, и дверь закрывалась. Жена его часто леживала на печке и стонала. Когда спрашивали ее, что с ней, она отвечала: «С пупу сдёрнула». По-видимому, у нее была пупочная грыжа. Через стену к нам ползли клопы. Мы ставили ножки кроватей в банки железные из под консервов, налив в них керосин, но клопы падали с потолка. Хозяева провели радио. С 6 утра и до ночи оно не выключалось. Когда мы просили хозяйку когда-нибудь выключать его, она говорила: «А за что деньги плочены, пусть работает!» Ребята Женя и Володя занимались иногда очисткой карманов пьяных, валявшихся в канавах близ «винзавода». То и дело мы слышали, что то Женя, то Володя «нашел кошелек». Однажды в одном из кошельков был обнаружен даже чей-то «билет в Москву».

...Много радости в Вятке получал В.В. от общения с семьей профессора П.Т. Стрелкова, который служил в Кировском пединституте. У него были прекрасные дети: Таня и Гриша. Потом родители умерли. Детей жизнь раскидала по свету. Но В.В. был принят у них в Вятке, в доме, как родной.

Я ездила в Киров через месяц, т.е. месяц жила в Москве, месяц в Кирове. Возила В.В. нужные ему книги для работы. В Москве я занималась с певцами, которые приходили ко мне готовить репертуар к концертам. Немного этим зарабатывала, но на службе работать не могла, чтобы иметь возможность ездить к В.В.

Однажды, ко мне пришел пожилой фининспектор (по фамилии Савельев). Он сказал, что на меня поступило заявление от соседней, что я лицо «свободной профессии» и зарабатываю частными уроками. Я объяснила, что хоть у меня бывает кое-кто из певцов, но очень нерегулярно, т.к. я ездю в Киров к высланному мужу. Что я никакого реального заработка показать не могу, что вот и сейчас у меня в кармане лежит билет в Киров и что я стараюсь уходить на вокзал незаметно для соседней, чтобы меньше видели, как я уезжаю, т.к. боюсь, что начнут отвоевывать мою жилую площадь. Добрый инспектор Савельев спросил: «Но можете вы хоть что-нибудь показать мне, чтобы я мог вас «обложить»? — Говорю: « Попрошу дать мне справку о работе со мной тенора Большого театра А.И. Алексеева. — «Ну, это меня вполне устроит», — сказал мой добрый инспектор.

А.И. Алексеев, с которым я когда-то служила в студии Станиславского и с которым иногда выступала, аккомпанируя ему в концертах, написал мне справку: «Дана сия в том, что я прохожу репертуар с Н.М. Малышевой и плачу ей сто рублей в месяц». На справке стояла круглая печать месткома Большого театра. Бумажка

эта была размером в 10 сантиметров в квадрате. Она улеглась в большой папке у милого фининспектора и упорядочила и легализовала мою жизнь. Как лицо «свободной профессии», теперь я выплачивала налог государству. Мне присылались длинные горизонтальные листы на 4 квартала с обозначением налога, кажется, это было 5 рублей не то в год, не то в квартал. И так я стала почти легальной личностью.

Но неожиданно я сделалась жертвой «жилищной» алчности нашего управдома. Увы, я забыла его фамилию. Вспомнила: *Бакалов!* Это был небольшой, худой и испитой человек. Он попросил меня прописать его на мою площадь. Моя комната была размером в 28 кв. метров, т.е. я имела «излишки» площади. Соседи с одной стороны моей комнаты тоже хотели бы завладеть моей площадью, их было трое — муж, жена и мальчик 3–4 лет. У них площади было почти вдвое меньше, чем у меня. Их я больше всего и боялась, когда уезжала в Вятку. Я подумала, что если я пропишу управдома, он защитит мою площадь от притязаний соседней. Я решила позвонить следователю МГБ — В.П. Горбунову и с ним посоветоваться, как поступить с управдомом. Позвонила и попросила о свидании. Он меня принял.

Я спросила его, как он думает, если я пропишу управдома, сохраню ли я комнату при поездках в Киров. В.П. очень удивился моему вопросу и сказал: «Как же вы будете жить в одной комнате с управдомом?» — Я говорю: «Он хочет поставить перегородку». — «Хорошенькое дело! Вы что же за легкомысленный человек! Вы, жена профессора, будете жить за перегородкой с чужим мужчиной!» Я говорю: «Но он будет оберегать излишки моей площади!» — «Да что вы! Он выставит вас очень быстро с вашей площади, как только пропишется».

Я ушла и стала обдумывать, как сберечь комнату. У В.В. был младший брат — инженер металлург (Сергей Влад. Виноградов). Он жил с двумя своими сестрами в Москве в одной комнате (комната метров 20-ти). Тогда я решила прописать к себе Сергея Влад. Он согласился. Я пошла в домоуправление и подала заявление с просьбой прописать ко мне брата В.В. На это заявление управдом положил резолюцию: «отказать прописать брата В.В. Виноградова (он «выслон»), а квартира гр. Малышевой *подлежит пересмотру*»).

Звоню Виктору Петровичу и говорю о резолюции управдома. — «Почему же прежде квартира ваша не “подлежала пересмотру”, а теперь “подлежит”? Судитесь с управдомом и вы выиграете суд», — говорит Виктор Петрович. «Что вы, где же *мне* судиться с управдомом?» — «А, вот вы не верите советским законам, а вы судитесь и увидите, что закон на вашей стороне».

Что делать, подала заявление в суд, что хочу прописать брата мужа, что имею лишнюю площадь, что брат живет в Москве с сестрами, где ему площади не хватает. В суде я дело выигрываю. Управдом посрамлен. Я торжествую. Через две недели я собираюсь на лето уехать в Киров к В.В. на 3 месяца. В суде меня учат юристы: когда будете уезжать в Киров, дайте управдому заявление, что уезжаете на лето, и чтобы на копии заявления он расписался, что читал заявление. Всё сделала, как учили. Управдом с кривой улыбкой подписался на копии, сказав: «Не доверяете?» Я подождала 10 дней, в течение которых управдом должен подать «кассацию» в дальнейшие судебные инстанции. Он не подал, и я спокойная уехала на лето в Киров.

Через неделю по приезде пришло письмо от брата В.В. — милиция отказалась его прописать ко мне, т.к. управдом подал жалобу прокурору, что я, выиграв суд, продала комнату и уехала из Москвы. Из Кирова пишу прокурору, что я уехала только на лето, что комнату не продавала, что в комнате лежат мои зимние вещи, что я вернусь в Москву и пр. Я приложила и бумажку, подписанную управдомом. Получаю письмо от брата В.В., что прокурор «отказал» управдому в его жалобе на меня. Тогда управдом подал на меня жалобу в милицию нашего района. Пункты все те же — «Я спекулянтка, продала комнату, выиграв суд, обманула государство...» Милиция отказывает Сергею Владимировичу в прописке, а меня собирается выселить из Москвы. Тем временем суд посылает штраф управдому за невыполнение постановления суда (кажется, 50 рублей). Управдом беден, пьяница! 50 рублей сумма для него не малая. Он сунулся было в милицию, чтобы отменить судебный штраф. Да не тут-то было! Милиция не может ему помочь, хоть, быть может, и хочет!

Время идет. Проходит лето. Каждый день в Кирове мы ждем телеграммы о том, что меня выселили из Москвы. Дышать спокойно начинаем с 4-х часов дня, т.к. телеграммы в Кирове носят лишь до 4-х часов... Собираюсь, наконец, и еду в Москву. Получаю повестку явиться в милицию. Являюсь к «тов. Герусу». Этот человек с египетской фамилией встречает меня словами: «Где вы были?» — «Говорю: «Отдыхала летом». — «Вот, вы отдыхаете, а мы вас выселять из Москвы собираемся». — «За что?» — «Вы продали комнату и пр.» Я говорю: «Тов. Герус, я не спекулянтка, меня “знают” в Москве. Вот мои афиши, я пианистка, я работаю». Развертываю перед ним афиши концертов Румянцева, Афанасьевой, В.И. Садовникова, где не особенно крупно, но всё же довольно жирным шрифтом напечатано: «Партию фортепиано

исполняет Н. Малышева». Тов. Герус посмотрел одну, другую афиши — «Оставьте это нам». — «Пожалуйста, только верните мне потом. Это мне на память нужно».

Ушла. Сергея Владимировича тем временем милиция прописала. Я поставила ребром гардероб, прикрепила к нему палку и занавеску, и брат В.В. был водворен ко мне. Я снова, уже спокойнее, начала ездить в Киров. Перед отъездом опять получаю повестку из милиции. Возвращают афиши и программы концертов. Через некоторое время снова вызов — прихожу. «В чем дело?» — «Так, посмотреть на вас хотим!» Боюсь уезжать. Звоню Виктору Петровичу: «Что делать, нужно ехать в Киров, боюсь — опять вызовет милиция». — «А посылайте их к чорту. Вы можете ездить, куда вам угодно, любить, кого вам угодно. И пока я вас не арестовал, никто ничего с вами сделать не может». Чувствую мощную защиту («Пока я вас не арестовал», — значит, и не собирается арестовывать). Говорю: «А вдруг я уеду, а милиция мне снова повестку пришлет — явиться?» — «Ну и пусть повестка валяется до вашего приезда».

Уезжаю, приезжаю. Из милиции больше вызовов нет. Но начинается «паспортизация». Звоню своему покровителю и спрашиваю совета, как быть? Не нужно ли поступить на службу? Говорит: «Поступайте».

...Проходит уже половина срока высылки В.В., и вдруг новая беда. У В.В. произведен обыск в Кирове и увезены все его рукописи и книги. Во главе Кировского НКВД стоял тов. Стряпкин. Вполне понятна подозрительность его и его патронов. Жена В.В. ездит к В.В. часто, возит чемоданы в Вятку, увозит чемоданы — с чем? Что делает В.В.? Что он пишет? Он выслан в Киров, не служит там, а работает у себя дома.

Я-то вполне понимала подозрительность вятского НКВД. Но прочтение и понимание писаний В.В. едва ли было бы доступно тов. Стряпкину, тем более что В.В. пишет трудно, масса непонятных слов (и для меня-то непонятных) вроде семантики, семасиологии, морфемы, лексемы, лексики и множества терминов специальных и простому человеку действительно неизвестных. Грозит В.В. отправка в «уезд», т.е. в такую «дыру», где бы уж он был обезопасен от привозов книг, бумаг и чемоданов с неизвестным багажом. А там — конец научной работе! В Кирове библиотека им. Герцена! В Кирове семейство Стрелкова с его лингвистической библиотекой. А пошлют в уезд, прибавят «срока» высылки, и В.В. погибнет. Он без работы жить не может. Перенапрягался в работе он очень сильно, живя в Кирове. В Москве вышли его книги «Язык Пушкина» и «Очерки по истории литературного языка», работал он много и по словарю и еще писал книги на «будущее». Получаю от В.В. отчаянное письмо,

где он пишет, что если его оторвут от работы, отправят в какую-нибудь дыру, он больше ни жить, ни работать не будет. И так никто не поверит, в каких условиях он пишет свои труды, что жена его, «отнюдь не цирковой тяжеловес», возит ему чемоданы с книгами и пр. пр. — не помню наизусть всего письма, но письмо мрачное и безнадежное.

Звоню своему «вождю и покровителю» В.П. Говорю: «Беда у меня». — «Что случилось? Ваш муж арестован?» — «Нет, — говорю, — не арестован, но у него увезены все рукописи и материалы рабочие». — «Напишите мне об этом». Подумала-подумала: что же написать в московское НКВД? Жаловаться на кировское НКВД? Кому же поверят, мне или кировскому начальству? Не знаю, что предпринять. Приходит новое письмо от В.В., как раз то самое, что я по памяти цитировала на предыдущей странице. Вспоминаю слова Виктора Петровича — «Напишите *мне*». Сажусь и пишу. Пишу от всей души. Клянусь, что В.В. ничего не сделал антисоветского, что работал нечеловечески «по-стахановски», что наработал то-то и то-то, прилагаю две вышедших книги и несу на Лубянку для В.П. Горбунова. Снесла, и стало вдруг легче на душе. Пошла к любимой моей Ольге Федоровне Жолтовской. Рассказала, как и что написала в НКВД. О.Ф. говорит: «Бог знает, Надюша, может и этих людей что-то может тронуть!».

Через два дня — звонок по телефону. Слышу — голос Виктора Петровича. Я взволнованно: «Виктор Петрович, вы?» Недовольный голос (зачем сразу узнала?) — «Я. Что пишет вам В.В.?» — Говорю: «Разрешите прочесть вам, что он пишет». — «Прочтите!» — Я читаю письмо, обливаясь слезами. «Если со мной что случится, а у нас это бывает, я прямо говорю, что ни жить, ни работать больше не буду. И так никто не поверит, в каких условиях я работал» и т.д. (Начало письма я помню наизусть. Дальше не помню точно, кроме как о «цирковом тяжеловесе».) — «Так вот: я получил ваше письмо. Я ходил к моему начальнику (по-видимому, к тов. Молчанову, начальнику секретно-политического отдела «СПО» — очень важному лицу в пределах НКВД), я говорил с ним. Напишите Виктору Владимировичу, успокойте его, скажите, что все будет ему возвращено (мы звонили по прямому проводу в Киров) и *все будет к лучшему*. Я плачу у телефона и говорю: «Может быть, послать В.В. телеграмму?» — «Пошлите телеграмму». Я благодарю, плачу и чувствую прилив настоящего счастья. Письмо «сдействовало», поверили *мне*.

Бегу на телеграф и посылаю В.В. телеграмму в 35 слов. «Сейчас звонил Виктор Петрович, просил Вас успокоить, сказал, что все вам будет возвращено и все

будет к лучшему». По-видимому, 35 слов получились вместе с адресом. А может быть, что-нибудь я написала еще от себя. Но что слов было 35 — это я помню точно. Это было 13 декабря (1935 г.?). У меня в архиве сохранился листок календаря, где написано: «Сегодня счастливый день, звонил В.П.». И правда, счастливый день в моей жизни я не помню.

Это было торжество правды и необыкновенное ощущение, что правда дошла и получила отклик там, откуда так редки такие отклики. Я нарочно пишу об этих светлых минутах, чтобы вспомнить Евангелие: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

И сейчас, через 35 лет после этого дня, я вспоминаю Виктора Петровича Горбунова тепло и с большей душевной благодарностью за минуты такой чистой радости, что он мне доставил. Жив ли он? Вероятно, нет. А если жив, то желаю ему таких же минут света и счастья, что я пережила, благодаря ему.

И дальше, действительно, «всё стало к лучшему». К концу второго года высылки В.В. знаменитый наш пушкинист Мстислав Александрович Цявловский вместе с В.В. Вересаевым отправились к прокурору Леплевскому, которому объяснили, что В.В. должен быть освобожден, что «Виноградов и фашизм — “сапоги всмятку”», — как сказал Леплевскому Мстислав Александрович. И Леплевский постановил вернуть В.В. из Кирова.

В Кирове В.В. провел два года.

Я не написала еще о том, что при переезде В.В. из Москвы в Киров он неделю или меньше провел в одиночной камере в Горьком. Туда его «сопровождали», и чемоданы мои носил провожавший В.В. конвоир. В «одиночке» чемоданы были уже с В.В. Он мог уже наслаждаться едой (сыром и халвой). С ним была бумага и карандаши, и однотомник Пушкина. В горьковской «одиночке» В.В. написал статью о «Пиковой даме» Пушкина... Когда я приехала в Киров, В.В. подарил мне зеркальце, черное, с ручкой, на которой был отштампован какой-то рисунок с оленями. Это зеркальце я даю своим ученикам-певцам во время занятий. Теперь олени уже стерлись с обратной стороны зеркала. Там уже трещины, и его заклеили резиной. Но зеркальце это одно из самых прекрасных воспоминаний о В.В. Он купил это зеркальце в Горьком, по дороге в Киров. Зеркальце на улице продавала какая-то старушка. Я называю его «волшебным», потому что с его помощью занималась у меня И.К. Архипова. И ученикам я твержу, что держа это зеркальце во время уроков пения, следя за правильной певческой артикуляцией, будешь петь, как поет Архипова...

После Кирова В.В. принужден был жить в 100-километровой зоне, т.к. в Москве после высылки поселяться было не разрешено.

В.В. поселился в Можайске, на окраине города у Дарьи Ивановны Цвелёвой. Половина Можайска носило фамилию Цвелёвых. В.В. не столько жил в Можайске, сколько был там прописан. Жил же он в Москве, или со мной, в Афанасьевском переулке всё в той же комнате, которую отбивал у меня мой управдом, или ночевал у знакомых (у доктора Лимчера на М. Никитской, у брата Николая Владимировича в Замоскворечье, у моих знакомых — Кудиновых на Арбате, у Улиничей в Подсосенском переулке). Свет продолжал светить во тьме.

...Но работал В.В. в Москве. Читал лекции в «Бубновском пединституте». Кажется, в это время В.В. ездил еще читать лекции в Калинин, где останавливался у профессора Капорского «С.А. Копорского», который сам потом переехал в Москву и читал лекции в Московском университете.

В 1937 году начались аресты профессоров во 2-м Университете (когда-то он назывался «Бубновским»). Я не помню, как он назывался в 37 году. В.В., по-моему, был уволен оттуда с работы в связи с возникшими арестами профессуры. Удивительно было то, что в страшные годы «ежовщины» В.В. не был арестован по второму разу. Каждый раз, как В.В. уезжал в Можайск, он клал в свой чемодан валенки, лыжный костюм и теплое белье, в ожидании, что будет взят в Можайске. Но ареста не следовало, и чемодан путешествовал понапрасну, лишь отяжеляя поездки В.В. в поезде в Можайск.

Дальше в моей памяти провал. Не знаю, в каком году, но, видимо, уже после 38 г. (т.к. главой НКВД стал уже Берия), дела В.В. сильно ухудшились. Началась его травля в газете. Кажется, появилась статья Вишнякова, где В.В. объявлялся идеалистом, формалистом, не помню этой статьи. Но был назначен какой-то съезд или конференция, на которой В.В. должен был быть объявлен вредным ученым и где его должны были опозорить и изгнать из науки о русском языке...

Однажды, я встретила в Афанасьевском переулке очень известного в Москве доктора Екатерину Андреевну Кост. С ней я была знакома по Узкому, еще до знакомства с В.В. Но он также потом был знаком с Е.А. Кост. Спросив меня о том, как мы живем, и получив опечаливший ее ответ, она сказала: «Пишите Сталину. Вот Володя (не помню фамилии его) написал Сталину, что его не берут на военную службу, и Сталин ответил ему положительно». Я рассказала о разговоре с Е.А. В.В., и В.В. решил тоже написать письмо Сталину. Хуже того, что

было, быть уже не могло, и мы решили снести письмо «на улицу Разина», как научила нас Е.А. Кост («Володя» писал письмо и снес его на «улицу Разина»). В.В. написал на небольшом почтовом листке письмо Сталину. Письмо было очень коротким и уместилось все на одной первой страничке почтовой бумаги. Оно начиналось так: «Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Обращаюсь к Вам с просьбой разрешить мне быть прописанным и жить в квартире жены моей Н.М. Малышевой (Арбат, Б. Аф. 41, 8). После отбывания высылки я живу в Можайске, но работаю в Москве, читаю лекции во 2 Университете (или имярек — где). Я трачу на дорогу в Можайск 3 часа в один конец». Я пишу по памяти содержание этого письма. Но помню, что написано оно было сталинским «стилем», с параграфами:

§ Я делаю то-то (читаю лекции в Москве) — но должен тратить на дорогу в Можайск 3 часа.

§ Жена живет в Москве — я езжу в Можайск.

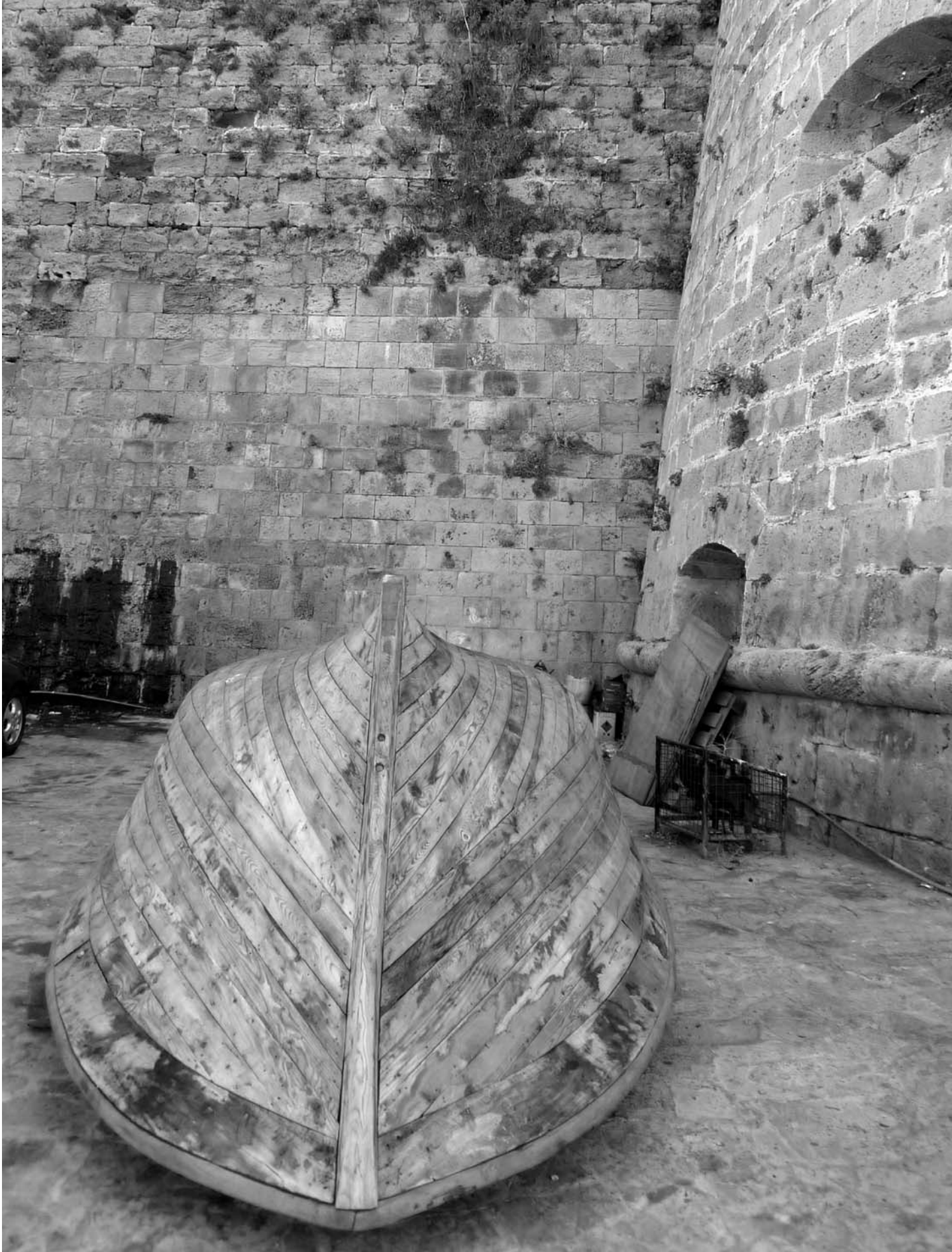
§ Я считаюсь видным ученым, но не имею прав даже профсоюзных.

Еще какие-то один, два параграфа и лирический рефрен: «Ваше доверие даст мне возможность еще больше трудиться для науки».

Подпись.

Перевязав веревочкой две книжки В.В. (не помню, какие именно) и подпихнув под веревочку письмо, мы с В.В. отправились искать улицу Разина. Милиционер на Арбатской площади сказал нам, что улица Разина — это бывшая Варварка. Мы отправились на Варварку. На площади (пл. Ногина) мы опять обратились к милиционеру, спросив его, где можно передать письмо тов. Сталину. Милиционер показал нам на гору, на Старую площадь, дом ЦК, и сказал, что оттуда передают письма Сталину. Мы вошли в здание ЦК. Налево в окошечке находился военный в синей форме, напоминавшей форму летчика. В окошечко мы отдали ему сверток с книгами и письмом. После этого мы поехали на вокзал и уехали в Можайск. Это была суббота. В Можайске мы произвели реформу жизни — переехали от Дарьи Ивановны Цвелёвой (с окраины Можайска) на новую квартиру, т.е. в комнату, снятую близ станции. Сделали мы это для того, чтобы не слишком рано вставать по утрам, уезжая в Москву, чтобы не идти через весь город, да еще по крутой глинистой горе, что отнимало много времени и сил.

Новую комнату я вымыла скипидаром. Нам пробили форточку в окне. И, проночевав в ней две ночи, в понедельник мы с утра отправились в Москву. Я — домой, В.В. — к Лимчерам на Никитскую, т.к. Л.Ф. Лимчер дежурил в Кремлевской больнице, где заведовал

терапевтическим отделением, и в доме у Лимчеров было относительно свободно. В.В. взял с собой, конечно, книги для работы. Ко мне в час дня должны были придти заниматься мои певцы из Дома ученых, где я продолжала работать.

Около часу или раньше раздался звонок в парадную дверь. Я пошла открывать, ожидая своих певцов. В двери оказался военный в шинели и в шапочке, напоминающей церковный купол без креста. Форма его была оторочена малиновым кантом. Он спросил, здесь ли живет профессор Виноградов. Я ответила, что профессор Виноградов живет в Можайске, и попросила военного зайти в мою комнату. Мне было важно, чтобы пришедший убедился в отсутствии в Москве В.В. Я решила, что пришли из НКВД с проверкой, не живет ли В.В. в Москве. Я ввела военного в комнату. Он спросил, кто я. Я сказала, что я жена В.В. — «А где же он?» — «Он в Можайске, откуда я приехала сегодня утром, а В.В. остался там». — «Чем вы можете доказать, что вы жена Виноградова?» — Говорю: «Ничем, впрочем, вот на полке книжной стоит его книга («Язык Пушкина»), подаренная мне мужем. На ней есть надпись». Вынула книгу. Там написано: «Дорогой жене от админссыльного автора», или что-то очень похожее. Поверил. Книгу поставили на полку. На рояле стоял телефон. Он спросил разрешения позвонить. Начался его разговор с кем-то: «Ты звонил в Можайск? Не нашли... Баранов... Вот то-то он и есть Баранов...» (Баранов — это начальник можайского НКВД). Я догадалась, что В.В. искали у Дарьи Ивановны Цвелёвой, по старому адресу, и не нашли. Я говорю: «В.В. переехал на новую квартиру...» — «Видите ли, я привез ему известие от моего наркома (я, не понимая ничего, подумала — не от Ворошилова ли, судя по малиновым кантам на форме военного), что профессор Виноградов имеет право проживания в Москве».

...Назавтра мы с В.В. пошли на Лубянку. Получив пропуск, В.В. снял кольцо с геммой (наши вроде как бы обручальные кольца, оба они были с сердоликовыми геммами), снял золотые часы с руки, отдал их мне. По-видимому, он предполагал, что его могут оставить на Лубянке. Я ходила по Лубянке в ожидании В.В. Не помню, сколько прошло времени, но В.В. благополучно вышел через дверь на самой Лубянке (куда он и входил). И мы отправились на Петровку в Главное управление милиции, получать московский паспорт.

Сначала В.В. ввели в большую комнату, где сидел военный. На столе перед ним лежала бумага, подписанная Берией... Вопрос сидящего военного удивил В.В.

«Почему вас до сих пор не прописывают в Москве? Вы имеете право жить в Москве с 37 года» (по-видимому,

имелось в виду окончание трехлетнего срока высылки В.В.). В.В. ответил, что сколько он ни обращался в милицию с просьбой о разрешении жить в Москве, ответ всегда был отрицательный. «Каковы ваши квартирные условия? Вы живете в одной комнате, не нужна ли вам квартира?» В.В.: «Благодарю вас, уж как жил, так и дальше буду жить...» (Весь этот диалог передаю со слов В.В.) Дальше было «Сезам, отворись»... Сотрудницы милиции водили его из комнаты в комнату. И всюду без всякой задержки выдавались бумаги, и был выдан паспорт за подписью т. Котова — это был, по-моему, главный начальник на Петровке.

В Москве моментально разнесся слух о легализации В.В. благодаря его письму к Сталину. Во время конференции, где должны были опозорить В.В. как ученого, после бранной газетной статьи Вишнякова, в умах произошел полный переворот. Конференция превратилась чуть ли не в торжество В.В. Ему аплодировали, автору статьи газетной свистели. Я не ходила на эту конференцию, но помню, что В.В. рассказывал, вернувшись домой. Он говорил, что сам даже заступался за автора статьи газетной.

Теперь начну о 41годе, страшном годе.

В день, когда была объявлена война, все бросились забирать деньги из сберкасс. Презирая эту практическую публики, мы с В.В. отправились в б. Камергерский переулок за покупкой географических карт, чтобы отмечать флажками на карте движение наших войск, как делалось это в войну 1915 г. Пожалели мы о своем презрении к сберкассам через несколько дней, когда вышло распоряжение выдавались вкладчикам лишь по 200 р. в месяц. В.В. вскоре взяли в «народное ополчение», как раз в то время, как я несколько дней (уж не помню почему) жила на даче у Жолтовских в Дарьине. В.В., видимо, тоже не было дома в Москве, по-видимому, его обучали военному делу в народном ополчении. Вскоре его отпустили оттуда. Там чем-то руководил Андрей Михайлович Земский (один из авторов учебника русского языка — Земский, Крючков, Светлаев). А.М. был, кажется, бывший кадровый офицер, и поэтому он обучал новобранцев. Зная В.В. как крупного ученого, он отпустил В.В. из ополчения.

События шли так быстро, что я всё помню плохо вплоть до рокового дня, когда В.В. получил вызов в районное отделение милиции, где ему было предложено выехать из Москвы в течение 48 часов в Сибирь, в Томьск, в качестве админссыльного. Немцы подходили к Смоленску, и милиция получила распоряжение очистить

Москву от «социально-опасного элемента». В.В. объяснял в милиции, что возвращен он в Москву после своего письма Сталину, распоряжением Берии. Но ему объяснили, что это не имеет значения, т.к. с него «не снята судимость» 34 года, Паспорт В.В. был взят у него, и приказано ему к середине августа (или к концу, не помню) явиться в Тобольск и там считаться «административно высланным».

В ту же ночь немецкие самолеты прорвались к Москве. Мы с В.В. ушли в бомбоубежище. В ту же ночь бомба упала на Арбате не то на театр Вахтангова, не то на особняк (кажется) Голицына. Это были первые бомбы, упавшие на Арбате.

Мы собирались уезжать. Помогала нам друг наш — добрейшая и чудесная Татьяна Александровна Владова — директор Дефектологического института на Пироговке, 8. В.В. читал там лекции. Она достала нам билеты на поезд, добыла мне эвакуационную справку, также и маме моей, которую мы также брали в Тобольск. Я сдала свою справку в домоуправление. Мы собрали кое-какое имущество, зашили его в мешки из простынь, чтобы и простыни нам служили для жизни в Тобольске. Взяли шубы, пальто, валенки, еду на дорогу. В.В. взял, конечно, какие-то рукописи, и мы, провожаемые Т.А. на северный вокзал (не помню, каким транспортом приехали на вокзал), в ожидании поезда сложили вещи на перроне. Комнату мы заперли. Сундучок, вернее кофр с самыми ценными книгами мы отдали подвальным жильцам нашего дома, нашим знакомым, с тем чтобы они сохранили книги на случай ограбления квартиры (они их разворовали). Едва мы достигли вокзала, как началась «воздушная тревога». Мы оставили мешки на перроне и все, вместе с Т.А. и мамой, ушли в близлежащее бомбоубежище.

Когда мы вернулись, вещи оставались целыми на перроне. Мы погрузились в товарный поезд, составом чуть не в 100 вагонов. В вагоне было что-то вроде полатей. Мы водрузились туда вместе с мешками. Денег у нас оказалось всего 400 р., т.к. мы успели взять только их с 2-х сберегательных книжек — по 200 р.... У В.В. после выхода какой-то книги скопились деньги, которые мы отдали на будущую квартиру в Союз писателей. Нужно было внести, кажется, 50 тысяч. Дом должен был строиться на Самотёке в виде буквы «П». Но строительство еще не начиналось. Кроме того, многие из знакомых взяли денег в долг у В.В. Да и зарплаты своей В.В. не успел получить, т.к. «высылка» его произошла неожиданно и стремительно. Мы сели в поезд в 10 часов вечера. Поезд отходил медленно. Глядя в окно (вернее, в дверь) вагона, мы видели свет сбрасываемых на Москву бомб. Я

ничего не испытывала, кроме оглушительной усталости и тупой тоски.

...В Тюмени нас высадили, и мы должны были добираться до Тобольска на пароходе. Помню, как, таская огромные наши «узлы», согнувшийся под тяжестью их В.В. дышал как рыба, выброшенная на берег. Помню, что с вокзала на пристань мы отправили вещи на полке, на лошади. Не помню — шли ли мы пешком сами или сидели на полке. Пароход шел неделю до Тобольска. Не помню, как и с кем ехали по реке. Всё это путешествие вспоминается как тяжелый сон человека, который едва пришел в себя, оглушенный по голове чем-то вроде дубины. Приехали на пристань в Тобольск, была ясная осень. Маму и вещи оставили в «Доме крестьянина», на пристани, а сами пошли «явиться» начальству в тобольскую милицию.

...В то время функции НКВД были объединены с милицией, а не так, как было в 1934 году, когда милиция не могла меня арестовать, пока «не арестовал меня» В.П. Горбунов. Мы вошли в светлую большую комнату. За столом сидел начальник милиции М.А. Лаптев — блондин с мучнистым лицом, человек средних габаритов. Он был одет в военное. Он предложил нам сесть в два больших кресла. Как только я погрузилась в кресло, у меня ручьем хлынули слезы (кажется, первые за это время). В.В. представился т. Лаптеву и спросил, получена ли его телеграмма о нашем опоздании. «Я получил вашу телеграмму», — очень серьезно произнес М.А. Лаптев. Он потом обратился ко мне, убеждая меня не плакать: «Война кончится, и вы вернетесь домой». Но война только что начиналась...

Мы говорили о том, что мы умеем делать. В.В. было сказано, что в Тобольск переезжает Омский пединститут и что В.В. будет там заведовать кафедрой. А для меня тоже будет работа в приехавшем в Тобольск из Днепрпетровска музыкальном училище. «Сейчас эвакуировалось в Тобольск еще немного народу, и с жилищем будет не так трудно устроиться». В.В. было предложено раз в неделю являться в милицию, чтобы «отмечаться», как полагается сосланным.

Мы ушли, поблагодарили. Отправились в город искать жилище. Мы ходили и «на гору» и искали комнаты внизу, измучившись, ничего не найдя. Все комнаты были проходными или без дверей, с арками, а нам нужно было две комнаты, чтобы в одну из них поселить мою маму. К концу дня мы решили пойти в местный жилотдел и там что-нибудь поразузнать о будущем жилище. Мы нашли жилотдел и там услышали удивительное предложение: «Не хотите ли посмотреть квартиру, где живет начальник Торгречтранса Андреев? Если вам понравится там,

можно сделать ремонт. Кроме того, т. Андреев поможет вам с дровами и керосином». Оказалось, что М.А. Лаптев после нашего ухода позвонил в жилотдел и просил нам помочь с устройством жилья. Мы отправились по названному адресу и, конечно, там остались без всякого «ремонта».

Это оказались две комнаты. Одна, первая, — маленькая прихожая, другая метров 17-ти с 5 окнами, светлая. Печка была в передней. Называлась она «контрамаркой». Это была железная круглая печь, внутри обложенная кирпичами. Маму мы поселили в проходную маленькую комнату, сами устроились в большой.

...Пришлось освещаться скипидаром, налитым во флакончики от одеколона. Были сделаны какие-то крохотные фитильки, которые отчаянно коптели. Но потом, не помню откуда, появились кусочки нарезанного круглого стекла, которые надевались на фитилек, и копоти было меньше, т.к. она оставалась на стекле. Вместо чернил В.В. кто-то дал лепешки чернильные. Они разводились водой. Бумагу В.В. тоже давали со склада — оберточную желтую. Давали огромные листы. Мы растилали ее на полу и резали, сначала пополам, потом еще пополам и т.д. Писать можно было только на одной стороне бумаги, т.к. чернила растекались. К отъезду В.В. из Тобольска у него уже были горы рукописей, писанных на этой оберточной бумаге. Сейчас, когда разбираю его рукописи по «истории слов», иной раз попадают эти листы, писанные в Тобольске....

... Первую зиму ученым не выдавалось никаких подсобных «пайков», т.к. из Омска не было дано распоряжения об этом. Во вторую зиму нам выдали однажды бараньи ребра, которые мы повесили в чулане холодном, и оттуда их у нас украли. Украли также заветный глиняный горшок со сливочным маслом. Летом мы каждое воскресенье ходили на базар и покупали стакан сметаны. Эту сметану я сбивала в бутылке. Получался круглый катышек сливочного масла. Его мы и укладывали в горшок. Оставшуюся сыворотку мы съедали с хлебом. Мне, как иждивенке В.В., также и маме давали, кажется, по 200 граммов хлеба, В.В. — 500 граммов. Мы накопили целый горшок масла к зиме, чтобы начать есть его в феврале, зимой. Его-то и украли у нас из чулана вместе с бараньими ребрами. С тех пор я решила никогда не беречь съедобных запасов, а съедать всё сразу самим.

В пединституте В.В. полагалось питание. Все сотрудники жили в самом институте. Мы жили в 2-х верстах от него. Каждый день с посудой я ходила в институт за получением хлеба и положенного питания. Полагался каждому рацион: завтрак, обед и ужин. Они состояли из 3-х тарелок супа (каждому), 1 тарелка — завтрак,

другая — обед, 3-я — ужин. Нас было трое, таким образом, я получала сразу (чтобы не ходить 3 раза) 9 тарелок супа. Это было чуть ли не ведро жидкости. Носила я его в длинной жестяной банке с ручкой, откуда-то добытой, не помню. Т.к. суп состоял или из вареной пшеницы, или из рыбёшек размером в 5 сантиметров, то вся эта рыбешка в воде целиком разваривалась. В супе плавали крошечные хребтики, хвостики, глаза и ржавчина от рыбок. От ношения этих банок, хлеба, иногда картофельного пюре (попросту мятой полусгнившей картошки) у меня на руке около кисти сделался большой желвак, который почему-то скрипел. Я догадалась со временем, унося свои супы, тайком, чтобы никто не видел, сливать из банки часть жидкости, т.е. воды. С пшеницей выходило хорошо, т.к. в банке оставалось что-то вроде жидкой каши. С рыбками было хуже. Там уж оставался один мусор.

Добрейшая Раиса Азарьевна Резник, доцент по западной литературе в пединституте, брала с утра нам хлебный паек, чтобы я получала и уносила все за один раз. Она жила в пединституте. Тем, кто жил при пединституте, жилось как будто легче, чем нам. Я выучилась замечательно топить нашу «контрамарку». Из сеней холодных, где лежали дрова, я вносила уже расколотые поленья в переднюю. Дрова сохли, стоя у стенки, пока топилась печка.

Когда дрова разгорались, я влезала на табуретку и слегка закрывала вьюшку. Потом я влезала раза три-четыре и каждый раз всё глубже закрывала трубу по мере топки. Когда печка истопливалась, я ставила туда «ужин». Это был противень, на котором лежала вымытая, не чищенная и разрезанная на две половины картошка. Та сторона, где был разрез, слегка смазывалась салом или маслом (вот для чего копили мы масло с лета). На противне картошка укладывалась вверх надрезом, и после «запечки» эта верхняя масляная корочка вздувалась и зарумянивалась. Когда я вынимала испекшуюся картошку из печки, печь была уже только теплой. Тогда я закладывала в печку дрова, подсохшие в передней. Из них я делала в печке клетку, закладывала в клетку лучинки. А утром, открыв трубу, зажигала дрова одной спичкой, и они мгновенно разгорались.

Однажды зимой нам выдали в институте мешок картошки. Мы убрали ее в подпол у живущего в нашем дворе завхоза Минина. Приходя за картошкой, я выбирала ту, что начинала уже портиться. Таким образом, мы не дошли до хорошей картошки, она постепенно вся загнивала.

Еще неудобством была уборная, холодная, в сенях, деревянная, с традиционной дыркой. В морозы содержимое уборной быстро превращалось в мерзлую гору.

Приходилось разбивать эту гору колуном. Но это мало помогало. В конце концов мы «переместились» из убогой по соседству в бывший церковный двор, куда я обычно отправлялась уже вечером при луне.

Воду нам на салазках привозили из Иртыша. Была в Тобольске баня, куда порой мы путешествовали. В.В. брился холодной водой. Но всегда ходил в институт в белых рубашках и в костюме. Когда читал лекции, снимал пальто. Институт не отапливался. Это была бывшая мужская трехэтажная гимназия. О «героизме» В.В. ходили легенды. В институте все ходили в шубах.

Весной В.В. был послан на разгрузку плотов на Иртыше. Вместе с институтскими работниками он разгружал и пилил дрова на берегу. В бригаде их было четверо: В.В., Р.А. Резник (женщина), В.А. Белашапкина и доцент (физик?) Лифшиц. Они выволакивали на берег нестрогие деревья (из плотов, которые плыли по реке). Строгие деревья были с особой отметкой. Вытащенные деревья на берегу клались на козлы и распиливались. В первое лето бригада выкатила и распилила 50 кубометров дров, из них нам выдали 8 кубометров дров, которые на салазках перевезли мы к нам во двор. Потом мы дрова кололи и расколотые переносили в сени. Из сеней в переднюю и т.д. С марта топить можно было поменьше, т.к. через два окна с юга солнце уже сильно согревало комнату.

Средняя температура зимняя в Тобольске 30° мороза, бывало и 40°. Тогда на лошадях виден был иней. Те, кто управлял лошадьми, т.е. ездил с поклажей на лошадях, тогда бывали одеты в ватные штаны и куртки, и сверху надевался «гусь» (если не ошибаюсь, он так назывался). Это было недлинное пальто из оленьей шкуры, вывернутой наружу, без застежки, с капюшоном, надевавшимся через голову. Воду нам привозили зимой на салазках из Иртыша. Умывальник был в передней....

...У В.В. весной и летом, когда он пилил дрова на пристани, начался понос с кровью. В.В. ужасно исхудал. Но потом как-то понос этот прекратился. У меня же, по приезду, осенью сделалось сильное маточное кровотечение. Оно продолжалось около месяца. Ко мне ходила фельдшерка из больницы и делала уколы кальция. Кровотечение остановилось. Пока я лежала в кровати (больная), я начала писать о русском романсе, о его исполнении. Я была уверена, что никогда не увижу больше ни певцов своих, ни Москвы. А в голове накопилось много материала, многому учил нас К.С. Станиславский в оперной студии.

Это писание послужило мне по возвращении в Москву и служит до сих пор. Я написала большую статью в I выпуске «Вопросов музыкознания» — «Об исполнении

романса в свете мыслей Станиславского» (1954 г.). Потом была напечатана моя статья «О культуре пения» в I выпуске сборника по вокальной педагогике <<Вопросы вокальной педагогике» под редакцией Л.Б. Дмитриева. Еще статья в 3 сборнике по «вокальной педагогике» <<Вопросы вокальной педагогике», выпуск 4» под редакцией Чаплина, она только недавно вышла, и В.В. держал ее корректуру («верстку»), т.к. я не умею выставлять корректорские знаки на полях. Вот почему В.В. всю статью эту прочел и похвалил меня, сказав: «Хорошая статья, и очень трогательно вы говорите там о двух великих людях» (Станиславском и Шаляпине).

Вообще В.В. очень был доволен, что я хоть немного, но пишу о музыке. В последнее лето жизни В.В. на даче («Красная Пахра») я писала еще одну работу: анализы исполнительские романсов. Это были музыкально-драматические разборы 15 русских романсов с истолкованием их музыкальной структуры с помощью «системы» Станиславского. В.В. торопил меня с этой работой и даже велел отдать в перепечатку мои «романсы» вперед его готовой книги «О теории художественной речи», которая печатается сейчас в издательстве «Высшая школа»...

...Возвращаюсь к Тобольску. Первая зима и наступившее лето оказались очень для нас тяжелыми. Зимой я сшила сама себе шубу из плюша нового, который захватила в Тобольск. Старую каракулеву шубу я оставила в Москве сестрам В.В. Шуба «удалась». Воротник был сделан из куска привезенной черно-бурой лисы. Всё пальто я шила по прямым линиям, плечи только скосила. Помню, что когда-то у меня был красивый кустарный «шущун», сшитый по модели знаменитой Ламоновой. Он был шит весь по прямой нитке. Вот и шубу я сшила так же. Рукава были прямые, линии боков прямые, воротник — прямой кусок меха. Шуба вышла красивая и теплая. Ватин я где-то достала (на подкладку, где — не помню, вероятно, купила в Тобольске). У В.В. была хорошая московская шуба с каракулевым воротником и шапкой. Всё это мы привезли с собой в тюках из простыней, которые долго после нам служили и на которых годами не отстирывалась надпись черной краской «Тюмень — Тобольск». Повидимому, это было сделано на пароходе при погрузке нашей из Тюмени.

Вообще, несмотря на ужасный вид и цвет лица (я была желтая, как лимон, после кровотечения), вид наружный у нас был вполне приличный. Так что встречавшийся нам на улице профессор и, кажется, основатель политехникума в Варшаве, Вавельберг (он был выслан в Тобольск из Польши), снимал свой польский картузик с козырьком и низко нам кланялся. На наше недоумение по поводу таких поклонов он говорил: «У вас

европейский вид, сразу видно, что вы не тоболяки». О тоболяках он сказал мне как-то при встрече: «Если бы немцы вошли в Москву, а в Тобольске в магазинах давали бы нельму (знаменитая сибирская рыба), — они бы и не пошевелились».

Мы подружились с Вавельбергом, но разговаривали с ним только при арестованных в начале войны (по разным причинам) и отправленных в Сибирь. Многих мы увидели на центральной улице Тобольска в ноябре 41 года во время первых морозов. Было минус 18°, и сильный ветер. Появились на улице бледные люди с интеллигентными лицами, одетые в белые летние туфли и летние пиджаки. Они быстро оделись потом в ватники. Но тогда их выпустили из тюрьмы (которая в Тобольске на горе, в Кремле, строенном шведами при Петре Великом). До этого поляки жили где-то на острове, где их заливали наводнения, где конвоиры говорили им, чтобы они забыли свою Польшу и что туда они никогда не попадут. Но многие из них «попали» на родину. В том числе и Вавельберг с женой. Говорят, что умер он в Варшаве.

В Тобольске он служил сначала дворником и жаловался на обилие лошадиного навоза на тобольских улицах (ему нужно было убирать этот навоз). Но к Рождеству положение поляков в Тобольске улучшилось. Была какая-то договоренность Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, после чего наш Вавельберг «процвел». Он стал «консулом» польской колонии в Тобольске. Полякам пришел вагон из Англии с продовольствием и одеждой. Детей польских наряжали в хорошие платьица, в которых я видела их танцующих на елке на каком-то вечере, не помню где. Вавельберг говорил, что пришли даже платья с пометой «Maison Leví». Он предлагал нам сухой гороховый английский суп в английских коробках. Я категорически отказалась. Вавельберг сказал: «Я пожалею на вас Лаптеву, что вы боитесь взять у меня суп». Я сказал: «Ради бога, никогда не вздумайте упомянуть Лаптеву, что я с вами на улице разговариваю». Спустя какой-то срок Вавельберга — «консула» — арестовали и отправили в Омск. Через неделю его вернули, и, встретясь со мной, он сказал: «Да, теперь я вижу, что вы умная, а я дурак».

Еще мы познакомились в тобольской больнице, леча зубы, с польским дантистом Липовичем. Это был молодой дантист, еврей из Полоцка, тоже отправленный в Сибирь. Он было «потерялся» для своей жены Наташи, она была белоруска. Но какими-то судьбами, узнав, что товарищ ее мужа попал в Тобольск, она отправилась в Тобольск отыскивать своего мужа. Переползая с поезда на поезд и на паром, она добралась до Тобольска (она не была арестована). Приехав в город, она отправилась в больницу (их было две в Тобольске: одна городская, другая

«водников», обе рядом). Зайдя в первую больницу, она спросила, не работает ли в зубном кабинете Липович. Ей сказали, что «работает». «Так, пожалуйста, вызовите его на минутку». Вышел он, и семья соединилась. Оба они были чудесные добрейшие люди, много моложе нас. Мы их полюбили, они нас. У них в Тобольске родилась дочка. Долго думали, как ее назвать, и назвали «Тересса»... Они после Тобольска по дороге в Польшу заезжали к нам в Москву, но не застали нас в городе. В архив я отдам фотокарточку, где мы сняты с Липовичами и каким-то их товарищем...

В.В. уходил читать лекции, вести кафедру, повышать квалификацию тобольских педагогов. Он учил двух сотрудниц Омского пединститута: Е.И. Литовченко (она работает в Омске) и В.А. Белошапкову, которая последнее время была заместителем В.В. по кафедре в Московском университете. Приехали в Тобольск из голодного Ленинграда Н.И. Мордовченко и Бухштаб Н.И. — наш друг любимый. Известный историк литературы. Один из удивительных русских людей. Ум сочетался у него в равной и громадной доле с благородством душевным. Н.И. вывезли из Ленинграда в дистрофическом состоянии. Он приехал с женой и сынишкой Митей (лет 10-ти). Н.И. говорил, что чувствует как бы «постоянную дыру» в желудке, что всегда ему хочется есть. Он поправился в Тобольске. Но несколько лет спустя умер от рака поджелудочной железы в Ленинграде.

Что касается меня, то я отправилась к приехавшему в Тобольск директору Днепропетровского музыкального училища М.Л. Оберману проситься на работу в их училище — концертмейстером. Я получила отказ...

...Меня не брал Оберман потому, что педагогов-концертмейстеров было в школе много своих, а вот преподавателя «культуры речи» не было, т.к. где-то «застряла» их педагог Л.В. Грибановская. Мне было предложено преподавать «культуру речи». Я сначала отказалась, но т.к. мне грозила «разгрузка бревен» на Иртыше как «иждивенке» В.В., пришлось согласиться. Обдумав, как построить работу, я принялась заниматься с певцами. В конце года они держали экзамен, и мне в трудовую книжку была занесена благодарность за «повышение культуры» певцов.

Тем временем приехала в Тобольск преподавательница пения Шурочка Польшалова. Это была здоровая, цветущая женщина, только что окончившая Свердловскую консерваторию. Тут мне стало легче жить. Я учила петь и саму Шурочку, и учеников ее по вокалу. Мы устраивали с Шурочкой концерт ее в местном театре, я проходила с ней репертуар и аккомпанировала ей. Должна сказать, что никогда я не видела такого к себе теплого

и дружеского отношения, как в этом коллективе милых и несчастных людей, заброшенных войной в Тобольск. До сих пор я переписываюсь с М.Л. Оберманом, А.С. Соловьевым, со Светланой Грибановской. А прошло с того времени 28 лет.

...Сам Оберман — большой и профессиональный пианист, много концертировал в Тобольске соло и с трио. Сейчас он директор Днепропетровского музыкального училища (или техникума). У него больная правая рука, и он перестал концертировать (в крупном масштабе). Его героическая деятельность при эвакуации училища, его необыкновенная работа в Тобольске прошли как-то неприметно для начальства, что очень грустно наблюдать, зная, сколько труда положено им в дело музыкальной культуры...

В Тобольске удивительное небо — светло-зеленое вечерами, прозрачное и тоскливое, особенно во время «белых ночей». Тобольск стоит на одной широте с Ленинградом. Иртыш — река скучная, течет в глинистых берегах в осоке и в Тобольске лишена всякой поэтичности. Сам город — типа Будапешта. Одна часть на горе, другая — внизу. Только нет реки между этими частями. Зимой на закате «Кремль» на горе освещается заходящим солнцем и становится розовым. Внизу сыро. В канавах по сторонам улиц вода, затянута зеленой ряской, тротуары деревянные. Необыкновенная тоска сопровождала наше пребывание в Тобольске. И лишь вторая зима переживалась полегче. Во-первых — в войне наступил перелом. У всех появилась надежда на возвращение. Во-вторых, приспособились уже лучше к жизни. Нам начали выдавать что-то из еды. Были дрова, наконец, были друзья — Мордовченко, Резник, Липовичи. В.В. читал там как-то лекцию о «великом русском языке» для тобольской милиции. Уходя с лекции В.В., я слышала, как говорили уходящие с лекции милиционеры: «А мы-то его карёмим», т.е. карёмим «великий язык».

Помню, как однажды, идя осенью в музыкальную школу и глядя на затянутые ряской канавы, я очень горячо стала молиться об освобождении В.В. И до этого, бывало, я молилась, но молитва меня не успокаивала. И вдруг в этот светлый вечер я почувствовала, что должен наступить непременно перелом в нашей судьбе (молитва «дошла», куда нужно). Я как-то успокоилась и осталась в глубокой уверенности, что всё теперь изменится в нашей жизни. Я пишу об этом потому, что это ощущение как бы неожиданно осело во мне, вызвав чувство радости и успокоения. Забыть это ощущение я не могу. Это случалось лишь 2 раза в моей жизни.

И действительно, вскоре начали к В.В. приходиться письма и телеграммы разные. Сначала пришло известие

из Саратова от А.А. Вознесенского (ректора Ленинградского университета). В.В. вызвался в Саратов для чтения там лекций. В Саратов был эвакуирован Ленинградский университет. Но одновременно начали приходить известия из Москвы, с советами воздержаться ехать в Саратов, т.к. ходит слух о возможном возвращении В.В. в Москву. Мы начали волноваться, не зная, что предпринять. Решили в Саратов не ехать. Осенью, не помню, когда (в августе, сентябре или октябре), пришло известие, что В.В. может вернуться в Москву.

...Помню «проводы» В.В., устроенные у Мордовченко. Елена Дмитриевна (жена Мордовченко) приготовила «пир». Был сделан винегрет, добыли в тобольском винзаводе четверть подкрашенного вина. Цвет его был густо-розовый, но прозрачный и очень красиво окрашенный. Это было вино, конечно, ненатуральное, но содержало оно всё же какой-то элемент алкоголя. В.В. провожали очень тепло. Не помню, кто присутствовал на этом «пире» (помню всё как в тумане). Помню только, что у наших с В.В. приборов было положено что-то сделанное Митей Мордовченко, не то грибы (сделанные из яичного белка и свеклы), во всяком случае, что-то требовавшее изобретательности и умения хозяйственного. На наших приборах рукой Мити была написана записочка: «Дорогим Милашам».

Знаю через Обермана, что М.А. Лаптев просил В.В. подарить ему книжку В.В. с его автографом. В.В., тоже через Обермана, послал Лаптеву свой «Стиль Пушкина» с какой-то теплой подписью. И действительно, в течение этих 2-х лет жизни в Тобольске, несмотря на кое-какие «доносы» о политической «неблагонадежности» В.В. (а такие «сообщения» были — это точно нам было известно), М.А. Лаптев не только ни разу не «потревожил» В.В. вызовами, но, напротив, всячески помог В.В. и с жилищем, и с ускорением отъезда в Москву. Спустя лет 10-15 (тут уж не помню вовсе — когда) мы жили уже на Композиторской ул. в нижнем этаже двухэтажного особняка. И вот однажды раздался к нам звонок по телефону. Я: «Кто спрашивает В.В.?». — «Майор Лаптев». Я: «Михаил Александрович?» — «Неужели вы помните, как меня зовут?» — «Еще бы не помнить. Ждем вас обедать, ужасно будем рады с вами увидеться». Мих. Алек. пришел. Он сильно постарел. Был уже на пенсии, жил в Краснодаре. Будучи в Москве, отыскал адрес и телефон В.В. и пришел к нам. Мы чудно посидели, вспоминали Тобольск. Я вспоминала и Вавельберга. Рассказывала, как он предлагал мне английский «суп» и всё с этим связанное. От Мих. Ал. я, кажется, и узнала о возвращении Вавельберга на родину. Когда уходил от нас М.А., мы на дорогу дали ему бутылку вина. Когда мы прощались, у

него были слезы на глазах. У меня тоже. Видно, и ему Тобольск «достался» нелегко. Да и кому легко достались эти страшные годы!..

...Как-то один раз в два года нам было выдано пол-литра водки. Мы берегли ее как зеницу ока, чтобы «оперировать» с ней при возвращении в Москву. Сестра в поезд в Тюмени было чрезвычайной трудностью. Мы предлагали проводнику вагона эту бутылку, с тем чтобы он нас взял в поезд. Он не взял водку. Какими-то силами мы «врубились» в вагон, и бутылка эта «заветная» приехала с нами в Москву.

Не помню, почему мы первую ночь оказались не дома, а у С.Е. Крючкова, где-то в районе Пресни. Вероятно, дома было спать невозможно из-за сырости. Без нас комната была опечатана. Радиаторы лопнули от холода, и весь пол был промочен. На полу лежали снятые с полок книги, перевязанные тюками и сильно подмокшие за 2 года. Некоторые книжки превратились в «кирпичи». В октябре 1941 года, когда немцы приближались к Москве, книги были оставлены связанными на полу в комнате, потому что после нашего отъезда Т.А. Власова совместно со своими сотрудниками решила «спасти» библиотеку В.В., перевезя ее в Дефектологический институт, директором которого Т.А. состояла. Книги были частично сняты с полок (частично оставались на полках) и перевязаны в тюки, в ожидании перевоза их на Пироговку. Но когда в Москве началось что-то вроде паники при приближении немцев, всё пришлось оставить, и самим сотрудникам института выехать из Москвы. Вот почему пришлось нам распить бутылку водки вместе с Крючковым в его квартире.

...Не могу не вспомнить добром нашего управдома Марию Матвеевну Новикову, которая спасла комнату от конфискации. В дом же приехал представитель НКВД (в 41 году) и требовал ключ от комнаты. Он сказал Маар. Матв., чтобы она заполнила анкету для сдачи комнаты в НКВД, начав ее так: «комната профессора Виноградова... и т.д.» (по-видимому, дальше должно было следовать: «подлежит распечатанию и освобождению»). На это М.М. сказала: «Я не буду писать под вашу диктовку. Эта комната принадлежит гр. Малышевой, она наша старая жилища, эвакуирована в Тобольск, есть справка, и присылает все время квартплату...» Пришлось отступить пришедшим НКВДистам. И комната снова сохранилась для нашей жизни в Москве.

И вот мы водворились дома. Это был, видимо, 43-ий год. Война заканчивалась. Жили мы, видимо, трудно, в смысле «быта». П. Не помню, где В.В. читал лекции. Я поступила работать концертмейстером в музучилище

при Московской консерватории, в класс г.Г. Адена. И дальше осталось мне прожить с В.В. еще до 69 года — 25 лет.

.... Неточно помню, когда В.В. выбрали академиком — в 45-ом или в 46-ом году. Выбрали его сразу в академики. Он не был перед этим членом-корреспондентом. Наша жизнь начала улучшаться, вместе с общим улучшением положения в стране, также и в связи с полученным академическим званием В.В.

И.В. Жолтовский, который был профессором Архитектурного института и был там как бы художественным «вождем», однажды предложил мне начать работу в Архитектурном институте, организовав там вокальный кружок. Он говорил: «У нас в институте 800 студентов, выберите людей с голосами и делайте с ними, что хотите». Я согласилась. Иван Владимирович сам водил меня к директору института т. Николаеву, я «нанялась», и организовался кружок...

...Итак, В.В. работает, пишет книги, читает лекции, читает диссертации, приносимые и привозимые ему со всего Союза. Работал В.В. всегда нечеловечески много. Вернее, он работал всегда, без отдыха. Летом мы выбирались куда-нибудь на месяц, но и там В.В. сидел за столом и писал. Его работоспособность была легендарной. Мне не нужно писать о тех областях науки, где В.В. пробивал новые пути. Действовал в его жизни закон физики: «Угол падения равен углу отражения». Чем больше он работал и двигал науку о языкознании, тем свирепей организовывался отпор его стараниям силами, «отразившими» этот сильный «угол падения». Не буду писать о борьбе В.В. с учением академика Марра. Эта борьба всем известна. В.В. подвергался всяческим нападениям. Его обвиняли в идеализме, формализме, низкопоклонстве перед Западом, и даже хотели объявить его «космополитом». Последнее обвинение было снято самим ЦК, где нашли, что В.В. русский ученый и для обвинения в космополитизме не подходит.

Наши жилищные условия улучшались. Мы получили сначала две комнаты в нашем же доме, потом переехали уже в отдельную квартиру на ул. Композиторскую (на бывшей Собачьей площадке, ныне уничтоженной для проведения там Нового Арбата). У нас был садик с двух сторон дома. Цвело море белых флоксов, кусты сирени, забор был увит диким виноградом. Там мы прожили 10 лет, потом мы переехали на Калашный пер. в д. 2/10, где и окончилась жизнь В.В. На этом доме должна быть прибита мемориальная доска с именем В.В.

Здесь В.В. прожил 6 лет... Кабинет В.В. подвергся большой реконструкции. Были соединены 2 комнаты в одну большой аркой в 170 см. Одна комната была квадратная, в два окна на юго-запад. Другая — узкая с балконом. Стены этих комнат были заставлены стеллажами с книгами. Обставлены они были мебелью старинной из красного дерева. В.В. очень любил свой кабинет. Стояло там кресло вольтеровское, обтянутое кожей, сидя в котором, В.В. постоянно работал. Кресло было с поднимающимися локотниками, и рядом стояли с двух сторон столы с книгами. Теперь этот кабинет подарен Академии наук со всей библиотекой (20 000 книг) и мебелью. Библиотеку В.В. подбирали в течение 50 лет. Это подбор словарей, начиная с XVIII века (их около 2000), целая стена старинных антикварных книжек (альманахи пушкинской поры, авторы 18 — начала 19 в.) и прекрасный подбор лингвистической и филологической литературы...

Не помню, в каком году начались новые нападки на В.В. Знаю только, что это было, когда мы жили на 3 этаже в Афанасьевском: появилась статья в газете (Агапов и Зелинский), где бранили В.В. (не помню уж, за что), было назначено в Министерстве высшей школы <Министерстве высшего образования СССР> заседание, где читались 4 доклада, обвинявшие В.В.: в идеализме, формализме, низкопоклонстве перед Западом и даже в космополитизме. Доклады читали: Ломтев, Сердюченко, Чемоданов и Филин (ныне директор Института русского языка), председательствовал Кафтанов.

Я сидела дома за роялем, непрерывно играя «Колыбельную» Глинки. Музыка эта, по-моему, гениальна. Это «молитва», выраженная в необыкновенно теплой и светлой музыке. Особенно трогательна та часть песни, где слова повторяются (в мажоре) на светлой теме: «Спаси и сохрани его от бури, Всемогущий! Рассей земных волнений тучи и тихим счастьем осени», и снова в варьируемой мелодии: «Рассей земных волнений тучи и тихим счастьем осени...»

Я и сейчас плачу, повторяя мысленно эту музыку. Молилась и плакала я тогда оттого, что обвинение в «космополитизме» влекло за собой страшные последствия. Обвиненный лишался права не только печататься, но и вообще права «служить» в советском обществе. Он становился «изгоем» в науке и жизни.

Во время заседания (по рассказу В.В.) Кафтанов вышел из комнаты. По-видимому, он уподобился Пилату, утершему руки и сказавшему: «Кровь этого праведника не на моих руках» <«Невиновен я в крови Праведника Сего»>. Не знаю, кто из этих четырех человек о чем докладывал и как «избивали» В.В. Знаю только, что во время заседания вошел Аркадий Лаврович Сидоров

(может быть, путаю фамилию). Он был, кажется, проректором Университета (тоже, возможно, ошибаюсь) и сказал от имени ЦК, что «космополитом» называть В.В. не разрешено.

В.В., хотя и избитый, остался на работе. А Филин, приехавший из Ленинграда для избивания В.В., заболел в Москве и проболел целую неделю. Я говорила тогда, что заболел он от досады, что не удалось окончательно добить В.В. В Институте языкознания одновременно с этими докладами проходил ученый совет, на который с опозданием пришел Сердюченко. Он объявил, что Виноградова не разрешено объявлять космополитом. После этого заседания фонды политические и научные В.В. снова как бы упрочились...

....Все время В.В. преследовался, как антимаррист, т.е. последователь классической русской лингвистической науки. Тем не менее, он работал, служа в Институте языкознания, где директором был Ив. Ив. Мещанинов. Знаю, что В.В. сидел в небольшой комнате (№ 15, если не вру) вместе с С.И. Ожеговым. К нему постоянно сидел народ в ожидании приема, а к Ив. Ив. Мещанинову никого на прием не приходило. (Я не писала в эту тетрадь больше года. Теперь снова пишу.)

Необходимо записать о выступлении И.В. Сталина по языкознанию и рассеять «легенду», будто В.В. помогал ему писать статью о языкознании. Дело обстояло так. Грузинский академик А.С. Чикобава, так же, как и В.В., гонимый за «антимарризм», составлял в Грузии словарь грузинского литературного языка (может быть, и не «литературного», а вообще какой-то грузинский словарь). Он, Чикобава, приехал в Москву с двумя тбилисскими министрами и жил в гостинице «Москва», ожидая визита к Сталину со своим словарем. Рассказываю все со слов частично самого Чикобавы, частично со слов его жены Тамары Ивановны Чикобава.

В какой-то из дней недели за Чикобава и «министрами» (кажется, один из них был министром просвещения) заехал Берия и повез их к Сталину на дачу «обедать». Дача Сталина обставлена очень просто. Обед тоже был простой. Раздавал блюда сам И.В. Сталин. Помню, что вино они пили «Тибани». Во время обеда Сталин смотрел словарь. Что-то говорил, какие-то замечания, на которые Чикобава «возражал». Кто-то из сидевших за столом был удивлен, что Чикобава «спорит» со Сталиным. Зашел разговор о науке и о языкознании. Чикобава стал рассказывать, как трудно жить языковедам, тесным марристами. Рассказал, что только на днях были за антимарризм уволены с каких-то мест два ученых из

Армении (если помню правильно, один из них был Огарян <Р.А.Ачарян>, другой Компсян <Г.А. Капанцян>). Сталин подошел к телефону («вертушке») и позвонил не то президенту Академии армянской, не то секретарю обкома и спросил: «Как поживают эти два академика?». Дальше сидящие за столом услышали, как Сталин спросил: «Почему уволены?» После ответа из Армении он сказал что-то вроде: «Мы должны узнать, что такое Марр» и что-то еще. К вечеру оба академика были восстановлены на своих местах.

За столом начался разговор о том, как выяснить, что за учение Марра и насколько оно полезно или вредно. Сталин предложил открыть «свободную дискуссию» на тему о языкознании. Он предлагал открыть ее в журнале «Октябрь» (или тогда он назывался «Коммунист?»). Берия предложил открыть дискуссию в газете «Правда». На последнем и порешили, предложив Чикобава написать первую дискуссионную статью. Чикобава и написал статью — всё в строжайшем секрете ото всех.

В.В. не был знаком с Чикобавой и о его будущей статье, конечно, ничего не знал. И вот однажды, в один из «вторников» (кажется, мая), появилась статья — разгром академика Марра академиком Чикобавой. В «Правду» был вложен целый лист со статьей Чикобавы, и было напечатано, что «котныне» открывается «свободная дискуссия» по языкознанию и статьи желающих высказаться будут печататься в «Правде» каждый вторник. Произошло большое смятение в кругу языковедов. Было понятно, что «Марр» пошатнулся. Говорили, что будет образован «комитет» по вопросам языкознания и, возможно, туда будет включен В.В.

И вот раздался к нам звонок по телефону. В.В. не было дома. Я спросила, кто просит В.В. Тихий голос ответил: «Чикобава». Я обомлела, т.к. никогда не видела этой для нас «легендарной» личности. Не помню точно, но Чикобава пришел к нам в гости впервые, вместе с милейшей женой своей Тамарой Ивановной. Чикобава оказался очень красивым человеком, седым, но с белозатылым лицом и с синими глазами. Он был небольшого роста. Он все от нас скрыл, что был у Сталина и пр. Только как-то таинственно говорил В.В., что теперь судьба В.В. изменится. Не помню, когда мы еще с ними встречались (до статьи Сталина в «Правде»). Помню только всеобщее волнение и ожидание новых статей в «Правде» в следующий вторник. И вот появилась в следующий вторник статья И.И. Мещанинова в защиту Марра. В.В. говорил, что статья И.И. была неудачна, что он повторил какую-то свою прежнюю статью о марризме.

И вот В.В. вызвали в ЦК. Незадолго перед этим В.В. был уволен из деканов Московского университета. В ЦК,

помню, был Маленков и кто-то еще, но Сталина не было. В.В. предложили написать статью в «Правду» и хотели восстановить его деканом «филологического факультета» Университета, но В.В. не согласился. Вернувшись, В.В. принялся писать свою статью. Писал он ее, стоя у рояля. Писал ночами. Свез ее в «Правду». Статья была удачна, т.к. В.В. сумел очень остро показать в ней противоречия в самом марризме. Не помню, чья была статья в следующий вторник. Помнится, стали появляться по три статьи враз. Одна за Марра, другая — против, 3-я — нейтральная. В один из вторников появилась статья киевского академика Булаховского (против Марра). Помню в этой статье поразившее всех пояснение марровского «тотэма» — обозначавшего одновременно: «свинью» и «Владимира Красное Солнышко». Это было очень смешно и, думаю, что окончательно сразило марризм. В следующий вторник должны были печататься снова 3 статьи: профессора Черных (против Марра), Ломтева — за Марра и Гринковой из Ленинграда — статья нейтральная.

Чикобава давно уехал в Тбилиси. Накануне выхода статей, в понедельник, был назначен ученый совет в Университете. В.В. вернулся домой и рассказал, что на этот совет за Ломтевым приехал полковник МГБ и увез его в редакцию «Правды» для работы (ночью) над корректурой завтрашней статьи Ломтева. В.В. сказал: «Как-то не очень приятно было видеть Ломтева, увозимого полковником МГБ». Мы посмеялись и легли спать....

...Мы заснули, как всегда, поздно. Просыпались обычно мы поздно, около 10 утра. И вдруг в 9 часов утра Вита тихонько стучит к нам в дверь. Мы проснулись. Она говорит: «Виктор Владимирович, вам звонил из Университета Ухалов, что-то хотел сказать вам важное». И дальше: «Виктор Владимирович, я вынула из почтового ящика газету — там статья Сталина». В.В. рассердился, что нас разбудили, и заворчал: «Какого Сталина — сегодня Ломтева статья!» Вита испугалась, что зря разбудила В.В., думая, что от бессонной ночи и зубрёжки она ошиблась и вместо «Ломтева» прочла «Сталина». Но газету отдала В.В., войдя еще в темную нашу комнату, т.к. шторы были задернуты.

В.В. открыл свет у своей постели, взял нехотя газету. Раскрыл и сказал: «Действительно, Сталин». Я вскочила. В.В. быстро смотрел газету — вначале смотрел конец, потом начало, потом середину статьи Сталина. Наконец сказал: «Разгром Марра». В газете не было вовсе статьи ожидавшейся Ломтева, а было напечатано некрупно: «Сегодня в номере печатаются статьи И.В. Сталина,

профессора Черных и Гринковой». Черных потом очень гордился, что был напечатан рядом со Сталиным.

Потом пошли бесконечные звонки по телефону. В.В. вызывали всюду, для чтения лекций и объяснений, что такое учение Марра. Был расформирован Институт языка и мышления, руководимый Мещаниновым. В.В. был совершенно растерзан. Он без конца ездил в разные учреждения и города, где разъяснял, в чем состоит учение Марра и в чем разница его учения с классической старой лингвистикой, в защиту которой выступил Сталин. Чикобава и его жена проснулись в Грузии с немалым изумлением, чем мы в Москве.

«Легенда» о том, что В.В. (а кто говорил, Чикобава) писал статью для Сталина, должна быть полностью уничтожена. В.В. никогда не видел Сталина и никогда ничего для него не писал. Он говорил, что было бы ему очень интересно побеседовать со Сталиным о языкознании, но что этого никогда в его жизни не произошло. Также и Чикобава, который задолго до окончания дискуссии уехал в Грузию, и ему статья Сталина, как и В.В., была «как снег на голову». В.В. считал, что статью писал Сталин сам. В.В., как стилист, находил в статье собственный, свойственный Сталину «стиль», его лапидарность, параграфичность и еще не знаю, что. В.В. всю жизнь был уверен, что статью о языкознании писал Сталин сам.

Даже какие-то «ошибочные», с точки зрения В.В., суждения Сталина, например об «орловско-курском диалекте», будто бы являвшимся основанием склада русского языка, В.В. предполагал, что эти мысли были навеяны Сталину Горьким. Говорят, что за время дискуссии в ЦК приходили сотни статей и писем о языкознании. И там все изучали этот вопрос в течение дискуссии. Но что статья Сталина, быть может, после многих разговоров и суждений в ЦК, тем не менее написана самим Сталиным. Я пишу об этом, как человек, далекий от лингвистики, и, вероятно, языковеду будет смешно читать, как я об этом пишу.

Но основное я пишу верно. То, что ни В.В., ни Чикобава не «помогали» писать статью Сталину, я знаю и пишу точно и правдиво перед «лицом истории».

Лично я тогда очень восхищалась Сталиным — и тем, что он выступил в защиту «классического» языкознания, и тем, что он, несмотря на то, что В.В., не будучи членом партии, дважды ездил в ссылку, все-таки поставил его во главе языкознания. И что Сталину дорога была научная истина, а не заслуги В.В. как партийного работника, в то время как «марристы» все были членами партии и сам Марр был, кажется, членом ЦИКа. За эту «правду» перед

научной истиной я забыла горести, перенесенные В.В. в тяжелый «сталинский» период — гонения и высылки....

...У меня в голове и в памяти жизнь вспоминается какими-то большими «кусками»... Много ездили за границу. Я не любила эти поездки. Они были очень утомительны для нас обоих... В.В. бывал непрерывно куда-то уводим и приводим на лекции, на доклады, на выступления по радио.... Он стоял во главе советской «славистики». Были славистические съезды в Москве, в Софии, в Белграде, в Варшаве, в Берлине, в Праге, были «съезды» и «предсъезды». Мы были уже довольно хорошо знакомы друг с другом, встречаясь в течение лет 10-и (наши и иностранные ученые). Последний съезд в Чехословакии в 1968 г. был последним для В.В. Там он получил «золотую» медаль (на самом деле не золотую) за «заслуги перед человечеством», чем В.В. очень гордился.

...Еще за сутки до инсульта он отдал мне для передачи машинистке свою последнюю работу «О теории художественной речи». В больнице он все время работал.

Похороны его были очень торжественные... Я решила подарить библиотеку В.В. и мебель из его кабинета Академии наук. Подарок был принят. Но кабинет должен был быть организован при Институте русского языка. В Институте не оказалось подходящего помещения. Думали организовать кабинет на квартире. В.В. — вернее, оставить его на прежнем месте, но как филиал Института русского языка.

Добрейший Иван Георгиевич Петровский, ректор Московского университета, хотел организовать кабинет в старом здании Университета, в зале, где В.В. 25 лет читал лекции. Все эти возможности были обсуждены комиссией по наследию В.В. и отвергнуты как опасные и не вполне «верные» для организации «мемориального» кабинета-библиотеки. Тогда возникла мысль просить ленинградский Пушкинский Дом взять в свои стены кабинет В.В. Я написала в Президиум Академии наук просьбу о переадресовании кабинета в Пушкинский Дом.... В апреле 1971 г. Президиум Академии наук разрешил организовать «кабинет» в Ленинграде.

И вот произошло «чудо»: переехали в Пушкинский Дом — 20 000 книг и мебель старинная из кабинета В.В.: диван, на котором когда-то спал В.В. — спал скорчившись, т.к. диван был на треть завален книгами; 9 кресел и стульев, два шкафика, письменный стол В.В., кресло к нему, кресло вольтеровское, бюро наборное красного дерева, круглый большой стол к дивану, круглый

небольшой столик с мраморной мозаичной доской — все вещи начала XIX века, т.е. пушкинской поры. 7 картин Брюллова, Воробьева («Ночь и луна, освещающая Ростральную колонну»), Вуаля — Павел I, Де Вильи — граф Орлов-Чесменский; гравюры старого Петербурга, 3 картины художника Щербакова («Пушкинские места»), портреты академиков и ученых, 3 старинные фарфоровые вазы с видами старого Петербурга, часы с курантами английские 18 века (Нортон). Старинные подсвечники, классеры, лампа, зеркало петровские... Пишу этот перечень, чтобы показать, каков оказался «мемориальный кабинет-библиотека» В.В. в Пушкинском Доме. И как старинная мебель и картины слились с Пушкинским Домом, с пушкинской эпохой.

Старинные антикварные книги, которые В.В. собирал более 50 лет, устроены теперь в «кабинете» в застекленных стеллажах. Библиотека В.В., где собрано около 2000 словарей, несколько тысяч различных «альманахов» пушкинской поры, сочинений 18 века и начала 19-го, прекрасная филологическая литература — библиотека, как сказано, уникальная, — все перевезено с необыкновенной заботой и без потерь в Ленинград.

Там отведен под кабинет зал в 74 кв. метра. Стены зала окрашены в тот же цвет, что и стены московского кабинета В.В., — в бледно-желтый цвет. Всё развешено и расставлено с громадным вкусом музейными работниками Пушкинского Дома. — Ел.Ал. Ковалевской, Ан.П. Холиной и другими. В кабинете работает над книгами чудесный работник высокой интеллигентности — В.Б. Сандомирская. И всю эту роскошь и красоту организовал и возглавил незабвенный для меня директор Дома В.Г. Базанов.

Я пишу еще только по возвращении своем из Ленинграда, с открытия этого «кабинета». Это было 15 ноября 1971 г. До этого я три недели пролежала в академической больнице с гипертонией и спазмом сосудов. Я вышла из больницы дней за 8–10 до поездки в Ленинград. Признаться, я не думала, что доживу до открытия кабинета. Как-то, будучи в Москве у меня, В.Г. Базанов мне сказал: «Мы хотим открыть кабинет В.В. при вашей жизни». И вот, за месяц до открытия, я заболела. И все же я ездил на открытие. Для меня это было подлинным чудом. То, что я увидела, и то, что я слышала на открытии, было для меня необыкновенным событием жизненным.

Выступали с речами: В.Г. Базанов, академик М.П. Алексеев, академик Д.С. Лихачев, Ираклий Андроников, приехавший на открытие кабинета из Москвы (ему же принадлежала идея обратиться в Пушкинский

Дом, чтобы там открыть кабинет В.В.). Выступали еще разные ученые. Просили под конец выступить меня. Я сказала, что мое выступление будет «лирическим». Что В.В. по духу своему был ленинградцем. Там он кончал высшую школу, там был оставлен при Университете, там работал под руководством академика Шахматова, там узнал радости и горести «раннего формализма». Что расцвет его научный был не «безмятежен», и кончал свою жизнь В.В., руководя в Пушкинском Доме вновь открытым им сектором «стилистики». И дальнейшая судьба В.В. в Москве также была не безмятежна. Что В.В. мечтал о том, чтобы его библиотекой воспользовались для работы советские филологи. Я благодарила необыкновенный коллектив Пушкинского Дома за их труды и заботы об организации кабинета В.В.

...Во всяком случае, открытие кабинета В.В. — это самое большое и светлое событие в моей жизни. И никогда я не забуду дорогих своих друзей из Ленинграда. И Ленинград стал мне родным городом.

22 ноября, 1971 г. ■

Примечания

¹ О драматических перипетиях, связанных со снятием имени Виноградова, см.: О.В. Никитин. Ad memorandum... — "Studia russica", XVI, Будапешт, 1997 (с. 3-35). Следует отметить, что Д.Н. Ушаков сделал все, что было возможно, для того чтобы имя Виноградова оставалось на титульном листе словаря. На снятии имени Виноградова настаивал Б.М. Волин, бывший в 1931–1935 гг. начальником Главлита (центрального цензурного органа СССР) и директором Института Красной профессуры. Парадоксальным образом, начиная со второго тома словаря фамилия Волина появляется на титульном листе словаря вместе с фамилией Виноградова: если Виноградов фигурирует в качестве одного из составителей словаря, то Волин, вместе с Ушаковым, — в качестве его главного редактора. К составлению словаря Волин отношения не имел; впрочем, и Виноградов не принимал участия в работе над теми томами словаря (тт. II–IV), где значится его фамилия. Что же касается первого тома, где его фамилия отсутствует, то он обработал около трети вошедшего туда лексического материала.

² Привоз и распространение этой книги фигурируют в обвинительном заключении Дурново (1934 г.). См.: Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994, с. 74.

³ В то же время предшественником Сталина был Бунин, который в своих воспоминаниях о Толстом говорит именно о национальном языке, сложившемся в Курской, Орловской и прилегающих к ним областях. См. письмо Ю.М. Лотмана от 24 мая 1978 г. в изд.: Ю. Лотман, Б. Успенский. Переписка. М., 2008, с. 333-334.

ПРИНЦИПЫ ШЕКСПИРОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ У ПУШКИНА

Екатерина ГЕНИЕВА

Известно, что Александр Пушкин, обычно не склонный хвалить свои сочинения, чрезвычайно высоко оценивал трагедию «Борис Годунов». Закончив ее, он удовлетворенно воскликнул: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Пьеса была написана в главных чертах в 1825 году, а осенью следующего несколько раз читана друзьям. Как водится, не обошлось без «черного отзыва», написанного, как сравнительно недавно выяснилось, Фаддеем Булгариным, так что запрет на печать удалось снять лишь шесть лет спустя, в 1831 году. Тираж разошелся моментально, а затем... наступила пауза и появились весьма холодные отзывы.

По салонам ходил стишок:

*И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел,
И стих его не звучен,
И гений охладел.
Бориса Годунова
Он выпустил в народ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый год!*

Пушкина упрекали и читатели, и критики. «*Это галиматья в шекспировском роде*», — писал актер А.Каратыгин. «*Драматическое строение "Бориса Годунова" исполнено таких несообразностей, что из рук вон!* <...> *Вот уж где действительно жалко Пушкина! Так он сбился, что не узнаешь!..*» — замечал

Н.И. Надеждин. Н. Полевой подчеркивал, что «Борис Годунов» *«не выдерживает суда критики»*. Даже друг Кюхельбекер считал, что трагедия *«лишена того самозабвения, без которого нет истинной поэзии»*.

С чем связан столь разительный контраст в восприятии пьесы ее автором и читателями?

Во-первых, давние почитатели пушкинской лирики, едва оправившиеся от появления романа в стихах — «Евгения Онегина», никак не ожидали от Пушкина еще и драмы. Инерция читательского восприятия требовала привычных форм, относительно которых мнение устоялось и которые оправдывали ожидания.

Во-вторых, новое сочинение слишком отличалось не только от написанного ранее самим Пушкиным, но и от всей современной ему отечественной драматургической продукции. Русская драма первой четверти XIX века до «Бориса Годунова» была представлена классицистской и просветительской трагедией и комедией В.А. Озерова, И.А. Крылова, А.А. Шаховского, М.Н. Загоскина. Проблематику исторической драмы развивали С.Н. Глинка и Ф.Ф. Иванов. Наиболее ощутимый успех сопутствовал в этом жанре трагедии В. Кюхельбекера «Армяне». Вершиной просветительской драматургии стала комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Все эти авторы, даже когда приближали содержание своих произведений к современности, не выходили за рамки старой поэтики классицизма, на которую опиралась просветительская драма. Ее же отражала и критика, оперировавшая понятиями, известными еще со времен Аристотеля.

PETRO PRIMO
CATHARINA SECUNDA
MDCCCLXXXII

На таком фоне и появляется «Борис Годунов», заложивший основы совершенно другой эстетики.

Искали аналогов и нашли их почти что сразу в Шекспире. Да Пушкин и сам этого не скрывал. К тому времени, находясь под впечатлением прочтения «Истории Государства Российского» Н. Карамзина, он задумал написать истинно народную драму и нашел в трагедиях Шекспира необычайно интересные мысли, созвучные своим собственным поискам.

Следует иметь в виду, что обращение к Шекспиру у романтиков было общим местом. Шекспира стали воспринимать в Европе особым образом еще в конце эпохи Просвещения, со времен «Гамбургской драматургии» Э.Г. Лессинга. Под влиянием Шекспира написаны драмы Гёте «Гец фон Берлихинген» и трилогия «Валленштейн» Шиллера. Писали о Шекспире Гердер, Гегель и Шлегель. А после выхода во Франции сочинений Шекспира в переводе Летуэрнера с большим теоретическим предисловием Гизо, все романтики сделали его своим знаменем в борьбе за создание драмы нового типа. В том же ключе Стендаль пишет свой знаменитый трактат «Расин и Шекспир», а вслед затем появляется нашумевший романтический манифест — предисловие к драме «Кромвель» Виктора Гюго, главные мысли которого основаны на критическом переосмыслении опыта Шекспира.

Пушкин хорошо знал главные из этих работ и легко заимствовал из них. Поэтому почти все его замечания о Шекспире, разбросанные по письмам, заметкам, статьям и наброскам, опираются прежде всего на французских романтиков.

Говоря о «глубине шекспировских характеров», а также определяя шекспировскую драму как «истинно народное зрелище», он шел по стопам Гизо. Когда рассуждал о необходимости смешения жанров, то принимал в расчет рассуждения Гюго о том, что «Шекспир вносит в трагедию то страх, то ужас». Когда обосновывал отказ от правила трех единств, то был солидарен со Стендалем, который считал, что романтическая трагедия, так же как и трагедия Шекспира — «это трагедия в прозе, которая длится несколько месяцев и происходит в разных местах».

* * *

Каковы же драматургические принципы построения трагедии «Борис Годунов»? В какой мере они сопоставимы с принципами Шекспира и в чем не совпадают с ними? Что роднит и что разделяет творчество этих писателей?

Шекспировскую трагедию принято определять как трагедию «экстенсивную». Это понятие объединяет приемы, которые позволяют автору разомкнуть условное пространство пьесы, расширяя границы места, времени и действия.

Шекспир строил драму подобным образом, руководствуясь своим творческим видением. «Шекспировская драма», — утверждает Н. Чирков, — *развивается под знаком утверждения героя-титана. Последний, ставя своей конечной целью универсальное, стремится к завоеванию мира, к максимальному расширению сферы своей активности. Драматическая борьба в пьесах Шекспира постулирует максимально широкое пространство для ее развертывания, <...> показа грандиозной социально-исторической ломки на рубеже Средневековья и Нового времени <...>, показа рождения нового человека в контексте эпохи Ренессанса**. Такие герои знакомы нам по многим трагедиям и хроникам Шекспира, нет нужды перечислять их имена.

Эпоха изменилась, но XIX век, в некотором отношении типологически сопоставимый с эпохой Ренессанса, столкнулся со сходной ситуацией — ломкой мира, революциями в социальной и ментальной сферах, необходимостью осмысления истории. Именно эти изменения в реальной действительности питают романтическую литературу. Желая соответствовать новым условиям жизни, она принимается активно разрушать рамки предшествующих канонов. И прежде всего — принцип трех единств Аристотеля, плодотворно возрожденный классицизмом, однако окончательно обветшавший и непригодный для современности. Тут урок «экстенсивной» драмы Шекспира подходил как нельзя более кстати.

Задумывая новую народную драму, Пушкин постарался извлечь максимальные выгоды из шекспировских находок, воплотив их с наибольшей полнотой и творчески развив в применении к собственному материалу.

Что же представляет собой Борис Годунов как «экстенсивная» драма?

В первую очередь максимально расширены временные и пространственные рамки пьесы.

Хотя сценическое время действия составляет не более двух-трех часов, драматургическое время трагедии охватывает все царствование Бориса Годунова — с момента восшествия на престол в 1598-м до смерти царя и его семьи в 1605-м. А если иметь в виду, что в речах персонажей восстановлены и более ранние деяния Годунова в период Регентства, и кровавые события в

* Чирков Н. Некоторые принципы драматургии Шекспира // Шекспировские чтения. — М.: Наука, 1977.

Угличе, то верхний рубеж пьесы отстоит еще по крайней мере на шесть лет и датируется годом убийства царевича Димитрия.

Весьма обширно и физическое пространство трагедии. Непосредственно на сцене действие разворачивается в Москве и ее окрестностях (в царских покоях Кремля, в Боярской Думе, на Соборной площади, на Красной площади, у Лобного места, в Новодевичьем и Чудовом монастырях, в доме Шуйского), на литовской границе, а также в Польше (в краковском доме Вишневецкого, в замке Мнишка в Самборе), на равнине близ Новгорода Северского, в лесу под Севском. Если прибавить к этому множественные упоминания событий, происходящих за сценой, то география трагедии охватывает как минимум две страны, множество населенных пунктов, а также сельскую местность, где происходят многочисленные сражения войск Бориса и Самозванца.

Уже эти, чисто количественные характеристики дают представления о широте замысла — показать объемную панораму российской жизни в один из самых трагических моментов ее истории.

Однако место и время — лишь фон, на котором разворачивается действие трагедии «Борис Годунов». И как мы увидим ниже, само действие — последовательность развития событий и поступков персонажей — также отличается рядом черт, которые подходят под определение «экстенсивности».

Классицизм был особенно внимателен к соблюдению единства действия, что было обусловлено вполне здравым соображением — необходимостью удержать интерес зрителя, не дать смыслу пьесы ускользнуть от его внимания. Однако слишком строгое следование предписанию доктрины — ограничивать действие 24 часами — приводило к обеднению конфликта, не позволяя строить объемные проблемные панорамы. Поэтому многие драматурги обходят это правило, вводя в свои произведения двойные или даже тройные сюжетные линии, сводя их, однако, в конце пьесы к единому разрешению.

Этот прием часто использует и Шекспир, ведя параллельно несколько интриг. Примером может служить его комедия «Как вам это понравится». В ней тесно и зеркально переплетены истории двух братьев-герцогов, один из которых выгнал другого в лес, захватив его владения. На другом уровне этот сюжет повторяет пара братьев — Оливер и Орlando, а на третьем — пара дочерей братьев-герцогов — Розалинда и Селия.

Пушкин использовал прием умножения интриги очень умело, создал с его помощью удивительно органичную конструкцию, возникающую из переплетения и

взаимоосвещения двух генеральных линий трагедии — судьбы Годунова и судьбы Самозванца.

Линия Годунова — это судьба правителя, ради блага государства узурпировавшего власть, не принесшую ему, однако, удовлетворения и спокойствия, но лишь муки большой совести и ненависть окружающих. Пушкин не воссоздает, как это принято в повествовательных жанрах, полную и последовательную историю героя, он лишь обозначает кардинальные вехи, ситуации, в которых проявляются различные черты его характера.

В начале трагедии перед нами зрелый государственный муж, умело разыгрывающий политический спектакль — собственное избрание на царство. Со стороны непосвященных страхи и колебания Бориса воспринимаются как свидетельство чрезмерной набожности или неуверенности в себе, однако дальнейший ход событий выявляет причины такого поведения: Борис является монархом незаконным и по человеческим законам (он незнатного рода, да к тому же и не прямой наследник — шурин усопшего монарха), и, что важнее — по законам божеским (виновен в убийстве сына Ивана Грозного, царевича Димитрия, которого заранее устранил как возможного соперника). Эта деталь биографии Годунова всплывает по ходу пьесы иногда в виде догадок и слухов, а затем и прямых свидетельств очевидцев. Отдавая себе в этом отчет, Годунов стремится максимально подтвердить и закрепить свою легитимность, принуждая «упросить» себя на царство не только бояр, думских и духовенство, но и бить челом весь народ, дабы, в конце концов, обеспечить себе место среди *«царей законных, назначенных, избранных всенародно, увенчанных великим патриархом»*.

Добившись своего, Годунов успокаивается, и мы встречаем его лишь при новом повороте событий. Государственные дела не принесли ожидаемых плодов: *«ни власть, ни жизнь меня не веселят»*, — констатирует царь, виня в этом неблагодарный народ, завистников, несчастный случай. Однако Борис готов признаться себе и в истинной причине неудач — давнем преступлении, тяготеющем над ним как проклятие и не дающем успокоения даже в благих делах. *«Да, жалок тот, в ком совесть нечиста»*, — заканчивает он свой монолог.

Следующий эпизод из судьбы Бориса — известие о Самозванце, который, объявившись в Польше, вознамерился захватить московский трон, назвавшись именем убиенного царевича. Первое побуждение Годунова при этом известии — узнать, уж не явился ли законный наследник, чудом избежавший смерти. Однако Шуйский, видевший труп, решительно опровергает это предположение. Убедившись, что страхи напрасны, что реальной

угрозы нет, а есть лишь «пустое имя», «тень», «звук», «призрак», Борис начинает решительные действия: перекрывает границы, «спасая град и граждан», посылает войска навстречу Лжедмитрию, осадившему Чернигов, а также принимает меры против распространения в народе «мерзких слухов» о происхождении Самозванца. Сведения эти волнуют царя едва ли не более реальной угрозы государству. Он весь напряжен, однако умело контролирует ситуацию.

И вот финальная сцена: принимаемые военные меры принесли временный успех, однако колоссально разрослась угроза народного бунта, и Борис уже готов перейти от уговоров к карательным мерам. *«Лишь строгостью мы можем неусыпной сдержать народ»*, — заявляет он Басманову. Однако этому уже не суждено сбыться, Борис внезапно заболевает и на смертном одре дает последние наставления сыну. Прощальный монолог Бориса — слова истинного государя, заботящегося и о державе, и о неопытном сыне, которому он передает теперь уже законный престол. Характерно, что завещание сыну он ставит выше собственного покаяния, с ужасом видя, что близость смерти не отпускает ему времени совершить и то и другое: *«...о Боже, Боже! / Сейчас явлюсь перед тобой — и душу / Мне некогда очистить покаянием. / Но чувствую — мой сын, ты мне дороже / Душевного спасенья... Так и быть!»* Тщетны бы были все труды, все старания, все преступления, останься его дело незавершенным в потомстве — с такой мыслью умирает Борис.

Параллельно истории Годунова развивается линия Самозванца, также разделенная на ряд узловых эпизодов, в которых проявляется характер героя. Но, в отличие от Бориса, внешне статичного, вся драма которого совершается в его душе, история Григория Отрепьева гораздо более динамична и развернута во внешних обстоятельствах, не только подчиняясь им, но и их формируя.

Начальный эпизод представляет Григория девятнадцатилетним послушником, которому опостылела жизнь в монастыре и отеческие наставления монаха Пимена. Его тревожат странные сны о вознесении и падении, обуревают желание покинуть келью и вкусить прелести мирской жизни: *«Зачем и мне не тешиться в боях, / Не пировать за царскою трапезой?»* — возражает он летописцу, призывающему к покою и молитве. Однако желания остаются мечтой вплоть до того момента, когда Григорий узнает от Пимена о том, что Борис — цареубийца, а он — Григорий — почти одних лет с убиенным Дмитрием: *«Он был бы твой ровесник /*

И царствовал». Появляется внутренний мотив к действию, его лишь требуется осознать, что и делает Григорий в конце разговора с летописцем, произнося свое пророчество: *«Борис, Борис! <...>/ И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от Божьего суда»*.

Второй эпизод с Григорием Отрепьевым — сцена в корчме у литовской границы. Перед нами уже не юный отрок, а сложившийся мужчина, четко осознающий свою цель. Он объявил себя царевичем Дмитрием и, намереваясь вернуть себе «законную» власть, направляется за помощью в Литву. Он умеет скрывать свои намерения и готов ради них жертвовать другими: наткнувшись на дозор, высланный на его поимку, пытается замести следы и подставить монаха Варлаама. Разоблачение не застает его врасплох, он вооружен и опасен для преследователь, что и дает ему шанс спастись.

В следующий раз мы видим его уже в Кракове, в доме Вишневецкого, где все принимают его за Дмитрия. Ища поддержки, он призывает под свои знамена всех врагов Москвы — беглых опальных бояр, родившегося в ссылке сына Курбского, вольную шляхту, донских казаков. Не гнушается он и помощью папского легата Черниковского, обещая ему обратить Русь в католичество. Раздавая щедрые посулы, хитря и лицемеря, он собирает значительные силы против царя Бориса.

Центральный эпизод в истории Самозванца — пребывание в замке Мнишка и объяснение с его дочерью Мариной. Плененный красотой полячки, он приглашает ее на свидание и объясняется в любви. Однако надменная и тщеславная Марина хитростью заставляет Григория открыть ей тайну своего происхождения, после чего обливает его презрением. Влюбленный Самозванец уязвлен до глубины души: он только что понял, что истинной ценностью является любовь, ради нее он готов забыть *«и трон Борисов, и царственную власть»*, однако для холодной и расчетливой Марины важны не его чувства, но лишь один его титул, Григорий для нее — только средство для достижения собственной цели — стать государыней московской. Горькое отрезвление пробуждает гордыню Самозванца: отбросив мечты о любви, он с утроенной яростью бросается в поход на Москву. На границе Литвы и Руси он вдруг ясно осознает, что совершает предательство, ведя против отчизны полки ее врагов, однако возлагает вину не на себя, а на Годунова: *«Но пусть мой грех падет не на меня — / А на тебя, Борис-цареубийца!»*

В очередных эпизодах мы видим его на поле сражения. Это воин, уверенный и целеустремленный, равно бесстрашный и в победах, и в поражениях, вдохновляющий солдат своим примером. К нему стекаются

предавшие Бориса войска. Ему без боя сдаются города. В конце пьесы мы не встречаем Самозванца на сцене, ему уже нет надобности быть реальным действующим лицом — он становится символом, знаменем. Его главная сила — «мнение народное», видящее в нем защитника правого дела, того, чего так недоставало Борису. Вот исчезает последнее препятствие — неожиданная смерть Годунова облегчает Самозванцу победу над молодым царевичем Федором. И вот уж он в Москве, его именем бояре уничтожают «борисовых щенков», и в финале, как до того Годунова, готовы кричать Лжедмитрия на царство...

Обе сюжетные линии, взятые по отдельности, являются, как кажется, вполне законченными пьесами. С одной стороны, перед нами драма большой совести, с другой — классический романтический гибрис — пагубное высокомерие, бросающее вызов миру. Первая имеет трагический финал. Вторая внешне заканчивается победой. Однако не все так просто в трагедии Пушкина. В ходе пьесы линии тесно переплетены друг с другом, чередование эпизодов с Борисом сменяется сценами с Самозванцем. Главные действующие лица ни разу не встречаются лицом к лицу, однако то одного из них, то другого зритель видит постоянно.

«Раздельное соприсутствие» героев на одной сценической площадке создает мощный эффект двоемирия, борьбы двух несопрягаемых начал — дождя и песчаной бури, мрака и солнца, являющихся лишь в отсутствие друг друга, глубоко чуждых и враждебных, равно разрушительных своими последствиями.

Эти два огромных вихря вовлекают в свою орбиту второстепенных персонажей. Количество их в столь короткой пьесе необычайно велико, — это царские дети и родственники, возлюбленная Самозванца, русские бояре и польские дворяне, монахи, патриарх, папский посланник, нищие, юродивый, стражники, содержательница корчмы, сражающиеся войска, иностранные наемники, громадные толпы народа на площадях. Присутствие большого количества персонажей объясняется специфической задачей Пушкина: создать некое коллективное историческое начало — одновременно и фон и действующее лицо трагедии.

Легко выделить группы персонажей, сосредоточенные вокруг двух главных сюжетных линий. Со стороны Годунова это Шуйский и Воротынский, его слуги, патриарх, а также родственники царя — сын и дочь. Ближайший круг Самозванца — это поляки, Марина, опальные русские бояре, собранные под его руку, солдаты и авантюристы. Как правило, все эти лица примыкают к

протагонистам, поскольку в той или иной мере причастны к защищаемым ими ценностям. Однако некоторые персонажи несут функцию «посредников» между лагерями, таков, к примеру, Басманов, начавший службу при Годунове, но перешедший на сторону Самозванца. В той или иной мере колебание между двумя главными персонажами испытывает общее коллективное ядро — народ, поначалу просящий Годунова на царство, а затем перешедший на сторону Лжедмитрия.

Однако есть ряд действующих лиц, которые стоят как бы особняком. Прежде всего это летописец Пимен и юродивый Николка. За обоими — своя правда, отличная от правды протагонистов. Пимен, бесстрастный летописец, олицетворяет собой «правду» объективного взгляда на происходящие события (*«Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни знева»*). Николка, напротив, служит выразителем чистой детской веры, «божией правды»: *«Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит»*. Характерно, что оба они появляются в пьесе лишь однажды, поскольку их позиция однозначна и, будучи раз высказана, не нуждается в дальнейшем развитии — ни в подтверждении, ни в опровержении.

Интересно, однако, что, по замыслу Пушкина, между всеми тремя категориями действующих лиц устанавливаются дополнительные связи и соответствия. Это проявляется, в частности, в наличии большого числа параллелизмов, располагающихся на разных уровнях — сюжетных, ситуационных, ассоциативных.

Приведем лишь наиболее яркие.

Очевидна параллель, существующая между Пименом и Мнишкой — двумя стариками, прожившими бурную жизнь и наставляющими молодого Григория. Однако если Пимен побуждает юного монаха отрешиться от жизни, поскольку она вся «тлен и суета», то Мнишек охотно поощряет инициативы Григория, и любовные и государственные. Первым движет мудрость, вторым — неизжитое честолюбие, желание породниться с царским домом. Первый призывает к беспристрастности и покою, второй — поощряет авантюризм. Первый — предостережение, второй — провокация.

Несомненна параллель между патриархом и юродивым: оба крайне смущают Бориса наивной обнаженностью своих речей, заставляя его «бледнеть» и «вытирать платком выступивший пот».

Есть параллель между двумя полководцами — Басмановым и Курбским, которая выявляет и подчеркивает их антагонизм: Курбский, потомок князя, изгнанного Иваном Грозным, идет в поход за его «сына» и мужественно гибнет в бою. Басманов, всем обязанный

Годунову, вознесенный из «грязи в князи», спасая свою жизнь, предаёт Бориса, являясь косвенным виновником гибели наследника своего благодетеля.

Однако одна из самых ярких параллелей, увязывающая воедино две магистральных линии и выявляющая главную идею трагедии, связывает между собою заклятых врагов — Годунова и Лжедмитрия.

Обоих протагонистов отличает притворство: они постоянно носят маски, скрывая от окружающих свои истинные намерения и лица.

Для Годунова, прожженного политика, интриги и хитрость — реалии каждодневной действительности. Он столь мастерски разыгрывает невинность перед Шуйским, расспрашивая о его миссии в Угличе, что даже тот, бывалый и хитрый царедворец, смущен и готов усомниться в очевидном. Столь же удачно притворяясь, он обманывает народ, воцаряясь на троне. Носит маски и Самозванец, главная из которых — чужое, присвоенное имя.

Однако наступает для каждого из них свой «момент истины», когда маска спадает. Перед лицом смерти Годунов обнажает свою душу перед сыном и, пренебрегая даже страхом посмертного воздаяния, излагает то заветное, что заботило его всю жизнь, — желание мудро править, удержать в руках и оберечь от смут огромную державу, нести «тяжелую шапку Мономаха», которая суждена истинному правителю. В этом была та правда, которой он руководствовался.

В кульминационный момент своей жизни срывает маску и Самозванец: полюбив, он захотел ответного чувства к себе истинному — беглому монаху Григорию Отрепьеву, а не к той личине, которую носил. Однако это признание оборачивается полной катастрофой. «*Не говори, что сан, а не меня избрала ты!*» — зовет он к Марине, но та отрезвляет его холодной отповедью: «*Тебе твой сан дороже должен быть / Всех радостей, всех обольщений жизни, / Его ни с чем не можешь ты равнять*». Подобно королю Лиру, Григорий с горечью осознает, что для его избранницы не человек красит место, а место человека.

Снятие маски — разоблачение, оно делает или беззащитным, или смешным. Общая для Годунова и Самозванца ситуация — вор у вора украл — предмет низкой комедии. Не случайно Григорию представлялось во сне, что народ, указывая не него пальцем, смеется. Смеется над ним, снявшим маску, и Марина Мнишек, однако здесь ситуация зеркально противоположна: народ готов насмеяться, стыдя и унижая обманщика, Марина — наоборот, стыдит и унижает «простеца», не умеющего обманывать.

Одна из самых значимых параллелей в судьбе Годунова и Отрепьева — странные и мучительные предчувствия, смысла которых они до поры не могут разгадать.

Вот пророческий сон Самозванца:

Мне снилось, что лестница крутая меня вела на башню <...>

И стыдно мне, и страшно становилось —

И, падая стремглав, я пробуждался...

Видения Бориса иного рода:

Как молотком стучит в ушах упрек,

И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах...

Обоих объединяет страх: страх за реально содеянное в прошлом (у Годунова) и страх за то, что будет содеяно в грядущем (у Отрепьева). Годунов встретится со своими «кровавыми мальчиками», когда против него, как мститель за настоящего царевича, выступит принявший его имя Самозванец, напоминая Борису его главный грех — несправедный путь к власти. «*Ах, вот к чему все эти были сны!*» — воскликнет тогда пораженный царь. Однако и Григорий, начав с неправды, неизбежно повторит путь Годунова. Гибель царя и всего его потомства мы видим в самой пьесе, гибель Отрепьева — лишь отложена, но непременно произойдет в будущем, как знает о том зритель трагедии Пушкина, читавший Карамзина и других историков.

Так, повторяя одну и ту же ситуацию, один и тот же тип отношений на разных уровнях, главные лица трагедии сближаются, превращаются в наших глазах в одно лицо, общее имя которому — Самозванец. Это объясняет, в частности, тот факт, не понятый в свое время критикой, что трагедия продолжается уже после смерти главного действующего лица. Точка ставится не тогда, когда гибнет Годунов, а тогда, когда гибнет его мечта о новой династии. И с того же момента начинается судьба нового Самозванца, которая неизбежно повторит первую. Это дает нам возможность увидеть главную мысль трагедии. Неправедно добытая власть, какими бы причинами ни объясняли свой выбор герои, — изначально порочна. Ни высшие интересы государства, которыми пытается оправдаться Годунов, ни «справедный гнев» Лжедмитрия, выставляемый им как аргумент для узурпации власти, не превратят их деяний в правду. В другом своем произведении — «Моцарт и Сальери» — Пушкин скажет: «Гений и злодейство несовместны». В «Борисе Годунове» он мог бы сказать: «Власть и злодейство несовместны».

Подобным образом выявляются глубинные проблемы и в шекспировских трагедиях. Наиболее яркий пример — трагедия «Король Лир». В ней также переплетены две линии — Лира с дочерьми и Глостера с сыновьями. Лир делит царство между дурными дочерьми и изгоняет преданную ему Корделию. Глостер по навету приемного сына Эдмунда преследует своего родного сына Эдгара. В обоих случаях это оборачивается трагедией не только для родителей: духовная слепота приводит к реальной гибели, увечию и страданиям многих людей.

Однако, используя приемы экстенсивной драмы, Пушкин и Шекспир создают существенно разные произведения.

Любое драматургическое действие строится автором с целью подвести зрителя к интерпретации текста. И для этого есть только три варианта: автор либо заставляет зрителя симпатизировать «правде» какого-то отдельного героя, либо, отвергая единичные «правды», общается зрителя к резюмирующей «сверхправде», либо оставляет зрителя в «слепой» точке отсчета — создает «открытое» произведение, которое сознательно допускает множество прочтений.

Почти что все конфликты в трагедиях Шекспира заканчиваются гибелью протагонистов, символизируя их поражение в борьбе с жизненными обстоятельствами, однако это не приводит к общей победе хаоса, распаденности «цепи времен»: в финале всегда является какая-то внешняя сила, сродни *deus ex machina*, восстанавливающая равновесие: после гибели Лира его соратников заботит проблема восстановления урона, нанесенного кровавыми событиями; смерть Гамлета тут же героизируется Фортинбрасом, явившимся с войском на подмогу.

Таким образом, конфликт у Шекспира, будучи трагическим (т.е. неразрешимым) для отдельных персонажей, на обобщающем уровне оборачивается драмой — восстановлением наличного состояния вещей, искупленного и «очищенного» гибелью протагонистов.

Наличивается ли момент такой резиньяции у Пушкина? Можем ли мы сказать, прочитав пьесу, что вполне поняли, к чему автор ведет дело? Написал ли он трагедию? Или, быть может, это драма?

Сведя основную проблему пьесы к неприятию власти как зла, автор лишь вывел всеобщий этический императив. И полностью устранился от того, чтобы дать этому какую-либо интерпретацию.

Можно ли жить в таком мире, где историю творят лжецы? Могут ли ее твориться праведники? А что, если они предпочтут, умыв руки, как царь Феодор, затвориться

в келье? И так ли уж не прав Борис, перехватив власть у такого беспомощного монарха? Все эти вопросы Пушкин оставляет без ответа.

Единственное общее чувство, которое объединяет всех персонажей драмы, — ощущение вины. В наибольшей степени ею отягощен сам Годунов, несущий ее наравне с государственной ношей. Испытывает муки совести Самозванец, ведя на отечество толпы врагов. Вина бояр в том, что допустили свершиться неправомерному делу: именно на это сетует Воротынский в разговоре с Шуйским, узнав, что тот побоялся обнаружить правду убийства царевича, страшась опалы и гибели. Об этом же говорит и Пимен: «*Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе цареубийцу мы нарекли*». Вина его, таким образом, в его «объективизме», том самом «равнодушии к добру и злу», которое помогает процветать беззаконию. Пассивность, страх, бездействие, безответственность, предательство — все это характеризует и остальных. Такое поведение само по себе тоже является преступлением, ибо способствует смещению добра и зла, а злу — как умалению добра. Патриарх скрывает от царя бегство Григория из монастыря — тоже из страха, тем самым становясь невольным виновником нового преступления. Виноват, по сути, и народ, бездумно приемлющий Бориса и готовый столь же бездумно приветствовать Самозванца. Известно, что первый вариант трагедии заканчивался именно таким образом, и лишь через шесть лет, когда «Борис Годунов» готовился к печати, Пушкин изменил финал.

Роль народа как «хора» — ничего не решающего свидетеля — сменяется наконец вот такой реакцией: «народ безмолвствует». Однако превращается ли тем самым народ в действующее лицо, дающее «окончательную» оценку происходящему?

Народ молчит. Он не высказывается ни за, ни против. Однако молчание — это одновременно и отсутствие смысла, и множественный смысл. По сути, народ превращается в коллективного Пимена, он, как и летописец, полностью устраняется из действия, оставляя потомству, зрителям и читателям делать собственные выводы.

*Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...*

Характерно, что именно этими словами Пимена начинается трагедия, ими же, по сути, она и завершается. Перед читателем развернуты «правдивые

сказания» — переписать их, то есть дать собственное истолкование, «засветить свою лампаду», призывает читателя автор.

Таким образом, в «Борисе Годунове» Пушкин выходит далеко за рамки и ренессансной эстетики Шекспира, и эстетики романтизма, по сути дела, прокладывает путь совершенно новому театру, еще не видимому его современникам — театру открытых интерпретаций, классические образцы которого сложатся лишь через век.

Именно это, как мы полагаем, и предопределило неуспех «Бориса Годунова», явившегося слишком рано и расплатившегося за это полной мерой.

Однако «ирония истории» состоит в ином.

И Пушкин, и романтики Европы были увлечены Шекспиром, но пошли разными путями. Создав прекрасную теоретическую утопию новой драмы, европейский романтизм не сумел построить столь же блистательную драматургическую практику. Стендаль так и не написал

трагедии по собственным рецептам. Гюго создал драму «Эрнани», которая вошла в историю не столько своим содержанием, сколько скандальной атмосферой, ее сопровождавшей, и знаменитым «красным жилетом», в котором красовался на премьере, эпатажу публику, друг автора — Теофиль Готье. Те же немногочисленные образчики романтического театра, которые появились впоследствии, изобиловавшие «эффектами от Шекспира», очень скоро превратились в набор романтических штампов, почти что столь же быстро набивших оскомину публике.

Пушкин же, не оставивший после себя самобытной теории драмы и не понятый современниками, напротив, создал глубоко оригинальное произведение, которое, как и трагедии Шекспира, до сих пор привлекает внимание читателей и критиков, подтверждая тонкое правило, выведенное Борхесом: «Классической является та книга <...>, которую поколения людей, побуждаемых различными причинами, читают все с тем же рвением и непостижимой преданностью <...>».*

* Борхес Х.Л. Соч. : В 3 т. - Рига: Полярис, 1994. - Т. 2. - С. 157, 158.

ЧИСЛОВОЙ КОД ПУШКИНА

Владимир ПИМОНОВ, Евгений СЛАВУТИН

Скрытые числовые построения представляют собой часть глубинной сюжетно-композиционной структуры ряда пушкинских текстов. Кроме своей изначальной функции — обозначения количества или количественного признака, — числительные и числа в поэтике Пушкина приобретают свойства художественного образа, становясь частью смыслового пространства произведения, выступая в роли скрытой метафоры, шифрующей сюжетное действие произведения.

Яркий пример подобного построения мы находим в «Моцарте и Сальери»:

«Вот яд, последний дар моей Изоры./Оснадцать лет ношу его с собою», — говорит Сальери. Эти «оснадцать» (18) вскоре в завуалированной форме отзвучат в рассказе Моцарта о Черном человеке: «Недели три тому, пришел я поздно/Домой. Сказали мне, что заходил/За мною кто-то. <...>Назавтра тот же/Зашел и не застал опять меня./На третий день играл я на полу/С моим мальчишкой. Кликнули меня;/Я вышел.Человек, одетый в черном,/Учтиво поклонившись,заказал/Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас/И стал писать...»

«Недели три тому» — это 21 день. «На третий день», то есть спустя три дня, а значит — 18 дней назад — «черный человек» заказал Реквием. Получается, что к моменту встречи с Сальери, в которой Моцарт будет отравлен, он 18 дней пишет, «носит с собою» Реквием, траурное музыкальное произведение. Реквием — метафора смерти.

Формальная симметрия числового построения — Сальери носит с собою настоящий яд (смерть) 18 лет, Моцарт пишет Реквием (музыкальное произведение о

смерти) 18 дней — реализует центральную сюжетно-смысловую инверсию этой маленькой трагедии. Моцарт пишет Реквием по заказу — на смерть другого, но оказывается, что это Реквием по нему самому — он исполняет его сразу после того, как выпивает стакан вина, в который Сальери бросает яд. Но если Сальери убивает Моцарта настоящим ядом, то Моцарт своим Реквиемом (метафорическим ядом) «убивает» Сальери (как композитора). Отравляя Моцарта, Сальери убивает самого себя, в то время как Реквием делает Моцарта бессмертным (живым). Образно говоря, мертвый Моцарт оживает, а живой Сальери умирает.

СМЕРТНЫЕ СТУПЕНИ

Скрытые числовые построения играют важнейшую сюжетно-композиционную роль не только в этом драматическом творении Пушкина, но и в его романе в стихах «Евгений Онегин». Числовое построение в сцене дуэли Онегина с Ленским по своей сюжетно-композиционной структуре представляется нам вариантом числового построения в «Моцарте и Сальери». Вспомним строки из главы шестой: «Зарецкий тридцать два шага/Отмерил с точностью отменной...» (строфа XXIX). И далее — строфа XXX: «Теперь сходитесь.Хладнокровно./Еще не целя,два врага/Походкой твердой, тихо, ровно/Четыре перешли шага,/Четыре смертные ступени./Свой пистолет тогда Евгений,/Не преставав наступать,/Стал первый тихо подымать./Вот пять шагов еще ступили./И Ленский, жмуря левый глаз,/Стал также целить но как раз/Онегин выстрелил... Пробыли/Часы урочные: поэт/Роняет молча пистолет».

Шаги дуэлянтов названы «смертными ступенями» — это шаги к смерти. На 4-й строке соперники «четыре перешли шага». На 9-й строке — «пять шагов еще ступили», то есть оба сделали по 9 шагов — в сумме — 18 шагов к смерти (ср. числовое построение с числительным 18 в «Моцарте и Сальери»). Таким образом, «смертные ступени» выступают не только метафорой стихотворных строк романа, но и номера строк оказываются скрытой метафорой, особым роковым шифром совершающегося события дуэли.

Формальное числовое построение в сцене дуэли с числом 18 (смертных шагов, сделанных Онегиным и Ленским) реализует глубинную сюжетно-композиционную инверсию, связанную в романе с числительным восемнадцать, которое соотнесено с темой смерти. В начале романа Онегину 18 лет: «Все украшало кабинет/философа в восемнадцать лет» (глава первая, строфа XXXIII). Но «рано чувства в нем остыли», хотя «он застрелиться, слава Богу,/Попробовать не захотел». Онегин в образном смысле «умер» в 18 лет, а Ленский *реально погиб на дуэли* в 18 лет. Но если Онегин к восемнадцати годам устал от светской жизни, то Ленский («от холодного разврата света еще увянуть не успев»), «... пел поблеклый жизни цвет, без малого в восемнадцать лет». Итак, числовое построение, связанное с числительным восемнадцать, реализует циклическую сюжетную инверсию: «мертвый» Онегин «оживает», а живой Ленский умирает. (Ср. с сюжетной инверсией в «Моцарте и Сальери».) Эта инверсия перекликается с другой инверсией, когда в момент их встречи Онегин метафорически уподобляется «льду», а Ленский — «пламени»: «Они сошлись, вода и камень, стихи и проза, лед и пламень». В момент дуэли происходит инверсия: Онегин становится «пламенем» («выстрелил» из пистолета) а убитый Ленский уподобляется «глыбе снеговой» и превращается «в труп оледенелый».

В момент выстрела Онегина — на 12-й строке — расстояние между дуэлянтами составляло 14 шагов (32–18=14) или 14 «смертных ступеней», что равно 14 строкам, то есть «онегинской строфе» в 14 строк. Между Онегиным и Ленским — онегинская строфа — одна из тем романа в романе (ср. замечание Ю. Тынянова о романе как предмете самого романа: «с этой точки зрения «Евгений Онегин» — не роман, а роман романа»). Заметим, что дуэль происходила 14-го января.

ТРИНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА

Числовое построение, связанное с числом 14, перекликается с числовой игрой во внутренней хронологии «Евгения Онегина». В тексте романа между письмом

Татьяны Онегину в третьей главе и его ответом на него в четвертой главе есть «лирическое отступление» («Чем меньше женщину мы любим...» — строфа VII) и далее: «Все те же слышать возраженья,/Уничтожать предрассужденья,/Которых не было и нет/У девочки в тринадцать лет!» (гл. четвертая, строфа VIII), которые вызвали дискуссию по поводу возраста Татьяны Лариной, хотя известны слова Пушкина из письма Вяземскому: «письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной». Кто же та тринадцатилетняя девочка, о которой говорит автор?

Кроме основной любовной линии Онегин — Татьяна и дублирующей, пародийной линии Ленский — Ольга, есть третья, скрытая автобиографическая линия, зашифрованная в системе лирических отступлений. Это линия Автора и его «утаенной» возлюбленной, которая появляется в романе под маской местоимения «та»: «Но та, которую не смею/Тревожить лирою моею,/Как величая луна/Средь жен и дев блесит одна» (гл. седьмая, строфа LII), «А та, с которой образован/Татьяны милой идеал...» (гл. восьмая, строфа LI). В композиционном отношении аллитерационная игра (Татьяна — та), на которой строится сопоставление Татьяны с прототипом ее образа («та»), перекликается с сопоставлением образа ее любовного идеала, обозначенного местоимением «он» и возникшего в ее воображении после встречи с «прототипом» — Онегиным (Онегин — он): «Душа ждала...кого-нибудь/И дождалась...Открылись очи;/Она сказала: Это он!» (гл. третья, строфы VII, VIII).

По мнению Набокова (см. его комментариев к гл. первой, строфе XXXIII), наиболее «правдоподобной кандидаткой» в прототипы Татьяны является Мария Раевская, которой (по утверждению Набокова) было тринадцать с половиной лет, когда ее встретил Пушкин во время путешествия с семьей генерала Н. Раевского. Заметим, что в пушкинистике встречаются разночтения о возрасте Марии Раевской в момент ее знакомства с Пушкиным (ср.: *М. Филин*. Марии шел тогда пятнадцатый год), однако для нас важно, что сам поэт говорит в тексте романа о «девочке в тринадцать лет» и создает на этой основе скрытое метафорическое построение. По наблюдению М. Филина, письмо Татьяны Онегину было написано после получения Пушкиным написанного по-французски письма Марии Раевской, которой «в драматическую одесскую пору было как раз *семнадцать лет*», как и Татьяне, что следует из упомянутого выше письма Пушкина Вяземскому.

Мария Раевская обвенчалась с будущим декабристом, генерал-майором и князем Сергеем Волконским 11 января 1925 года. К моменту сцены на балу Татьяна

Ларина замужем «около двух лет» («Так ты женат? Не знал я ране!/Давно ли? — Около двух лет», гл. восьмая, строфа XVIII). Если сопоставить это упоминание о сроке замужества Татьяны с реальным браком Марии Раевской с князем и генерал-майором Сергеем Волконским (ср. Татьяна выходит замуж за генерала — переключка с генерал-майором Волконским), то «около двух лет» ее браку было примерно в декабре 1826-го или начале января 1827 года. В это время Автору — Пушкину — было 27 лет. Таким образом, между Автором и «той» — «девочкой в тринадцать лет» — разница в 14 лет, снова число, равное «онегинской строфе» (ср. 14 шагов, разделявших Онегина и Ленского к моменту рокового выстрела).

Ко времени «околодвухлетнего» срока замужества Татьяны Автор ходит на пиры в сопровождении Музы: «Я Музу резвую привел/На шум пиров и буйных споров» (гл. восьмая, строфа III). Здесь мы наблюдаем сюжетно-композиционную инверсию, связанную с двумя любовными треугольниками: Татьяна любит Онегина, но приходит на бал с мужем, а Автор, влюбленный в «ту», «девочку в тринадцать лет», ходит на пиры с Музой. В то время как деревенская барышня Татьяна превращается в светскую княгиню, Муза «явилась барышней уездной/С печальной думою в очах,/С французской книжкою в руках» (гл. восьмая, строфа V).

ЭФФЕКТ DEJA VU

Появление образа тринадцатилетней девочки в лирическом отступлении Автора в четвертой главе создает эффект *deja vu* и переключается с образом другой тринадцатилетней девочки — няни Татьяны из третьей главы: «... Мой Ваня/Моложе был меня, мой свет,/А было мне тринадцать лет (гл. третья, строфа XVIII). Таким образом, первое упоминание о тринадцатилетней девочке оказывается скрытым предвестием образа другой тринадцатилетней девочки — «той», о которой говорит Автор. В обоих случаях образ тринадцатилетней девочки возникает в связи с любовной темой, представленной в инверсивной форме: суженый няни — Ваня младше ее, а Автор явно старше упоминаемой им в лирическом отступлении девочки.

В сюжетной линии няни мы вновь обнаруживаем числовое построение, связанное с числом четырнадцать, что подчеркивает системный характер этого метафорического приема в поэтике Пушкина. Няня рассказывает Татьяне историю своей свадьбы: «Недели две ходила сваха/К моей родне, и наконец/Благословил меня отец» (гл. третья, строфа XVIII). Недели две — 14 дней. Рассказ няни несет на себе сюжетно-провиденциальную

функцию скрытого предвестия, создавая эффект *deja vu* в сюжетной линии Ленского. Две недели, то есть 14 дней, — это тот же самый срок, который назначен до свадьбы с Ольгой Ленскому: «Он весел был. Чрез две недели/Назначен был счастливый срок» (гл. четвертая, строфа L). Свадебная тема на фоне одинакового числового построения представлена инверсивно: Ленский перед назначенной свадьбой «весел был», однако его свадьба не состоялась, в то время как няня Татьяны «горько плакала от страха», но вышла замуж.

Если «временное расстояние» до свадьбы няни с Ваней и Ленского с Ольгой составляет 14 дней, то «возрастное расстояние» между 27-летним Автором и его потаенной возлюбленной — «той» — составляет 14 лет.

МЫ ПОЧИТАЕМ ВСЕХ НУЛЯМИ

Особое место в «Евгении Онегине» занимают числовые построения, связанные с нулем. Выдающийся советский литературовед В.Н. Турбин в своей книге о поэтике пушкинского романа замечает: «Регулярно всплывающие в тексте романа числа фигурируют на фоне и в свою очередь являются фоном нуля, совершенно особенного числа, строго говоря, не числа, а символа, обозначающего какую-то полную пустоту, отсутствие всякого содержания».

Обратим внимание, что Татьяна дважды — первый раз в вербальной форме, во второй раз — в графической, обозначает предмет своей влюбленности заглавной буквой О, совпадающей с изображением цифры ноль: в просьбе к няне отправить внука с запиской: «— Итак пошли тихонько внука/С запиской этой к О... к тому...» (гл. третья, строфа XXXIV) и далее: «Задумавшись, моя душа,/Прелестным пальчиком писала/На отуманенном стекле/Заветный вензель О да Е» (гл. третья, строфа XXXVII).

В рамках сюжетной линии, связывающей Татьяну с Онегиным, в обоих вышеприведенных примерах под буквой О подразумевается Онегин, однако автор не случайно обозначает героя начальной буквой его фамилии, графически совпадающей с изображением нуля.

Автор — лирический герой романа — обозначает свою возлюбленную местоимением «та». А влюбленная Татьяна «Воображаясь героиней/Своих излюбленных творцов» думает о «том»: «С неизъяснимою отрадой/Невольню думала о том» (гл. третья, строфа VII) и далее «...пошли тихонько внука.../... к тому» (гл. третья, строфа XXXIV). В воображении Татьяны возникает образ возлюбленного: «Давно ее воображенье,/Сгорая негой и тоской,/Алкало пищи роковой;/Давно сердечное томленье/Теснило ей младую грудь;/Душа ждала... кого-нибудь» (гл. третья, строфа VII).

И Татьяна дождалась: «И дождалась... Открылись очи;/Она сказала: это он! (гл. третья, строфа VIII).

Кто же этот «он» и этот «тот», которого дождалась Татьяна? Онегин или воображаемый ею «милый герой» «опасной книги»? Ответ дает Автор: «Одна с опасной книгой бродит,/Она в ней ищет и находит/Свой тайный жар, свои мечты,/Плоды сердечной полноты,/Вздыхает, и себе присвоя/Чужой восторг, чужую грусть,/В забвеньи шепчет наизусть/Письмо для милого героя.../Но наш герой, кто б ни был он,/Уж верно был не Грандисон» (гл. третья, строфа X).

Итак, тот «милый герой» из «опасной книги», в которого влюбилась Татьяна — совсем не «наш герой», то есть не Онегин.

С этой точки зрения, обозначение адресата письма Татьяны (предвестие которого — «письмо для милого героя» — мы видим в вышеприведенном отрывке) буквой или цифрой 0, так же как и начертание буквы или цифры 0 в «заветном вензеле», играет скрытую сюжетно-композиционную роль, шифруя с помощью метафорической числовой игры персонажа, скрытого под маской нуля.

Да и в знаменитом письме Татьяны к Онегину героиня обращается к двум различным адресатам: с одной стороны — к Онегину, к которому она в первой половине письма и в самом его конце обращается на «вы», а с другой — к воображаемому, несуществующему избраннику, к которому она обращается на «ты». Вот что говорится о том, к кому героиня обращается на «ты» во второй части письма: «Ты в сновиденьях мне являлся/Незримый, ты мне был уж мил,/Твой чудный взгляд меня томил,/В душе твой голос раздавался...». Речь идет о воображаемом возлюбленном, о видении, являвшемся Татьяне в снах: «Не ты ли, милое виденье,/В прозрачной темноте мелькнул...». Первая же часть письма Татьяны обращена к «реальному» Онегину, которого она встретила «в глуши забытого селенья»: «Поверьте, моего стыда/Вы не узнали б никогда,/Когда б надежду я имела/Хоть редко, хоть в неделю раз/В деревне нашей видеть вас,/Чтоб только слышать ваши речи,/Вам слово молвить, и потом/Все думать, думать об одном/И день и ночь до новой встречи».

Из приведенных отрывков видно, что письмо героини обращено к двум разным персонажам — к Онегину и к воображаемому видению, к нулю, по существу, к призраку, которым Онегин и становится в восприятии Татьяны, посетившей его кабинет: «Что ж он? Ужели подражанье,/Ничтожный призрак, иль еще/Москвич в Гарольдовом плаще,/Чужих причуд истолкованье,/Слов модных полный лексикон?.../Уж не пародия ли он?» (гл. шестая, строфа XXIV).

НЕПОЛНЫЙ, СЛАБЫЙ ПЕРЕВОД

Тема нуля, заданная в строках «Мы почитаем всех нулями,/А единицами себя» и связанная с образом Онегина, сопряжена в романе с темой пародии, призрачности, подражания, подмены, маски, копии вместо оригинала, метафорически говоря — нуля вместо единицы. Обратим внимание, что в романе отсутствует подлинное письмо Татьяны к Онегину. Текст письма Татьяны, представленный читателю в романе, — это «Неполный, слабый перевод,/С живой картины список бледный,/Или разыгранный Фрейшиц/Перстами робких учениц...» (гл. третья, строфа XXXI). Иначе говоря, перед нами пародия на подлинное письмо Татьяны, написанное по-французски. Автор предупреждает читателя: «Еще предвижу затрудненья:/Родной земли спасая честь,/Я должен буду, без сомненья,/Письмо Татьяны перевести./Она по-русски плохо знала./Журналов наших не читала./И выражалась с трудом/На языке своем родном,/Итак, писала по-французски...» (гл. третья, строфа XXVI). При этом подлинник письма Татьяны хранится у Автора: «Письмо Татьяны предо мною;/Его я свято берегу,/Читаю с тайною тоскою/И начитаться не могу» (гл. третья, строфа XXXI).

Автор как будто бы дразнит читателя, предлагая ему «неполный, слабый перевод/С живой картины список бледный», то есть копию вместо оригинала, пародию на подлинник, в переносном смысле нуля вместо единицы. И подмена подлинного письма Татьяны переводом, копией вместо оригинала — не локальный прием Пушкина в романе. Главный эпиграф к «Евгению Онегину» представляет собою текст на французском языке:

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

А вот перевод эпиграфа, данный в «Переводах иноязычных текстов, встречающихся в романе»: Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может мнимого. *Из частного письма.*

Есть разные предположения об источнике «главного эпиграфа» к роману. Набоков усматривает в нем «реминисценции из пассажа Никола де Мальбранша в «Разысканиях истины», а также «аллюзии на Жан-Жака Руссо». Упоминает Набоков и хранившееся в библиотеке Пушкина «разрезанное издание «Размышлений о революции» английского мыслителя Эдмунда Бёрка, отрывок

из которого, по мнению ряда исследователей (в частности, Ю.Семенова), мог быть источником для пушкинского эпиграфа. Не вдаваясь в разбор различных точек зрения на возможный источник, отметим, что эпиграф к роману — это парафраз или перевод литературного текста, но никак не выдержка из частного письма, как сказано в эпиграфе.

Таким образом, с одной стороны, мы имеем дело с копией, переводом или парафразом вместо оригинала, а с другой — с «обманом» читателя, поскольку оригинальный текст — литературный, а не из частного письма.

Эпиграф выступает скрытой метафорой одной из магистральных тем романа — темы пародии, подмены, копии вместо оригинала, а также оказывается предвестием важнейшего сюжетного события — письма Татьяны к Онегину и подмены его переводом.

ПИКОВАЯ ДАМА

Наиболее яркие примеры использования метафорических числовых построений как движущей пружины сюжета мы встречаем и в повести «Пиковая дама». Ни в одном другом произведении Пушкина нет такого количества числительных, цифр и скрытых числовых построений, которые образуют особый, самостоятельный уровень реализации сюжета, превращаясь — в ображении главного героя Германна — в одушевленных действующих лиц: «Увидев молодую девушку, он говорил: Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная» или «Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза».

Карточная игра, математический расчет и каббалистика игры как художественные темы повести Пушкина в контексте русской литературы XIX века подробно проанализированы В.Виноградовым в работе «Стиль Пиковой дамы». Для нас наибольший интерес представляет провиденциальная сюжетно-композиционная функция числовых построений в повести.

ОДУШЕВЛЕНИЕ НЕОДУШЕВЛЕННОГО

Само заглавие «Пиковая дама» — в обычной речи термин для обозначения игральной карты — выступает скрытой метафорой, в которой зашифровано несколько планов сюжетного движения. Кроме самого очевидного и поверхностного плана, связывающего название повести и мотив пиковой дамы со старой графиней, название повести несет в себе провиденциальную функцию скрытого предвестия сюжетных событий. Один из магистральных античных сюжетов Пушкина — одушевление неодушевленного и окаменение живого, например

в «Каменном госте», «Медном всаднике». В «Пиковой даме» в заглавии задано предвестие этого сюжета. В расстроенном воображении Германна пиковая дама «оживает» в финале: «В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась». Сам же Германн «окаменел» в спальне графини.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

В названии повести также заложен мотив числовой игры: дама — третья по старшинству карта в масти. Дама перекрывает все карты, кроме туза и короля. Кроме того, дама во многих карточных играх имеет числовое достоинство — 3. Мотив тройки — один из центральных в числовых построениях «Пиковой дамы» (наряду с семеркой и тузом) реализуется в «каббалистической» формуле трех карт — тройка, семерка, туз: «Как! — сказал Нарумов, — у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее каббалистики?»

— Да, черта с два! — отвечал Томский...». Сразу заметим, что уже здесь мотив тройки связывается с утроенной способностью графини угадывать, а тем самым, пророчески предвидеть три карты сряду. Мотив «черта», контекстуально связанный с «бабушкой» (старой графиней) и каббалистикой, оказывается скрытым предвестием проигрыша Германна в финальной игре. Герой «обдернулся» и вместо туза «поставил» на стол пиковую даму, изменив заветную выигрышную комбинацию карт «тройка-семерка-туз» на «тройка-семерка-дама». Сумма числовых номинальных значений комбинации указанных трех карт — тройка, семерка, дама — составляет 13, поскольку номинальное числовое достоинство дамы во многих играх равно 3. Иначе говоря, эта сумма равна «чертовой дюжине», которая в европейской культуре связана со знаком несчастья. В то же время зашифрованная в карточной комбинации с пиковой дамой чертова дюжина перекликается с пушкинским эпиграфом к «Пиковой даме»: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность. *Новейшая гадательная книга*». Обратим внимание, что выигрышная комбинация «тройка-семерка-туз» в сумме имеет стоимость в 10 очков или 21 очко, поскольку номинальное числовое достоинство туза во многих карточных играх равно либо 1, либо 11 (например, в игре 21 или «black jack»). Мотив туза (единицы) в заветной выигрышной формуле, как и мотив пиковой дамы, также несет в себе провиденциальную функцию и реализуется в повести в многочисленных построениях с использованием слов «однажды, один, одна, раз, ни разу». «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова», «А каков

Герман! — сказал один из гостей», «— И ты ни разу не соблазнил? ни разу не поставил на *руте*?» Заметим, что мотив «единицы» в названии повести также задан в масти — пиковая дама, так как пика — это первая и самая младшая масть в колоде.

КАББАЛИСТИКА

После проигрыша Германн «сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..» Каббалистический ключ к расшифровке скрытого смысла числа 17 автор дает нам уже в самом начале повествования: «у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее каббалистики?».

Если под каббалистическим принципом мы будем понимать связь того или иного числа с суммой входящих в него цифр, то сумма цифр третьей, проигранной Германном ставки в 188 тысяч, как раз и будет равна 17, так как $1+8+8=17$, что и оказывается предвестием номера палаты, в которую попадет Германн. Предвестием «чертовой дюжины», то есть числа 13 в заключительной игре, оказывается второй выигрыш Германна в 94 тысячи, так как сумма цифр числа 94 составляет 13 ($9+4$). В то же время ставка в 47 тысяч, выигранная Германном в первой игре, сумма цифр которой составляет 11 ($4+7$), равна сумме числовых значений трех карт в выигрышной комбинации — тройки, семерки и туза, если считать номинальным достоинством туза единицу.

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Сохранились числовые подсчеты самого Пушкина, связанные с его работой над «Пиковой дамой», на полях письма к нему А.П. Плещеева (по поводу долга брата поэта Льва) и в одной из рукописей при подготовке в конце 1836 года несостоявшегося издания собрания сочинений: 1-й день 2-й день 3-й день:

« $47+47=94+94=188+188=376$ ». Интересно, что в сумме, которую, по подсчетам Пушкина, мог выиграть Германн в третий вечер, содержит все те же «каббалистические» числа — тройку и семерку.

Скрытым предвестием выигрышной комбинации трех карт, которую сообщает Германну покойная гра-

финя, оказываются мысли самого героя: «Что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты! <...> Нет! Расчёт, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!..»

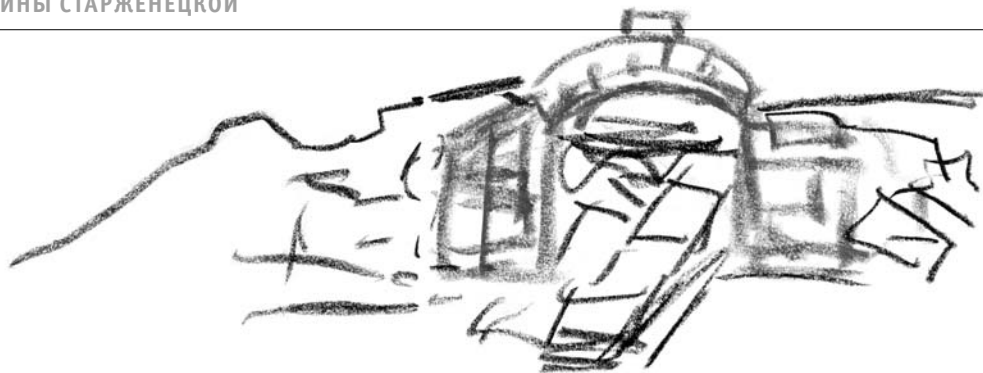
Заветная комбинация трех верных карт появляется здесь не только в образной форме («расчет, умеренность и трудолюбие»), но и в словах об «утроении» и «усемерении» капитала, за которыми читается тройка и семерка. На первый взгляд, не хватает еще туза. Но и туз метафорически присутствует в словах Германна, когда он говорит о «покое и независимости».

Слова Германна о трех верных картах и в буквальном смысле оказываются предвестием темы «утроения» и «усемерения» капитала в финале повести. Действительно, после второй ставки Германн учетверяет свой капитал, превращая 94 тысяч в 188, но в то же время и утраивает свой капитал, если говорить только о чистой сумме выигрыша, которая равна $188-47=131=3 \times 47$. После третьей ставки Германн должен был бы увосьмерить свой капитал, превратив 188 тысяч в 376, но вместе с тем и усмерить его, если говорить только о чистой сумме выигрыша, которая должна была стать, но не стала равной $376 - 47=329=7 \times 47$.

Таким образом, предвестие об «утроении» и возможном «усемерении» капитала Германна нашло отражение в игре: после второй ставки его чистый выигрыш стал равен утроенной сумме капитала, с которой он начал игру, а после третьей ставки сумма чистого выигрыша должна была стать усемеренной по отношению к сумме исходного капитала.

Заметим также, что после первой ставки Германн удваивает свой капитал, превращая 47 тысяч в 94, но его чистая прибыль увеличивается ровно в один раз, что соответствует номинальному числовому значению туза в выигрышной комбинации.

Числовой код Пушкина — всего лишь только одна грань того «магического кристалла», о котором поэт говорит в «Евгении Онегине» и тайну которого нам еще предстоит разгадать. ■

«БИБЛЕЙСКИЕ ХОЛМЫ» Ирины Старженецкой

Художник Ирина Старженецкая, Действительный член Академии художеств, лауреат Государственной премии и проч. («Вестник Европы» писал о ней в своем первом томе), издала много книг и альбомов. В последний год она выпустила два альбома и устроила две выставки работ, вошедших в них: по ветхозаветным книгам Руфь, Песнь Песней и книге Бытие. Те, кто знал художницу по многочисленным выставкам, по росписям храмов в Москве и Тарусе, увидели новый этап смелого и проникновенного творчества. Ее искусство можно было бы назвать религиозным, если бы это слово не было у нас так безнадежно испорчено фарисейскими бестрепетными упражнениями. Работы Старженецкой с годами становятся все концентрированнее и проще, притом не оставляет ощущение, что они — о самом главном: о поиске человеком глубины в себе и гармонии повсюду — в сиянии неба, черноте ночи, силуэте холмов, закатном блеске реки, цветах в саду и тишине вечерних сумерек. Ее живопись трепещет самой жизнью и потому так волнующе, до неловкости откровенна.

С художником Ириной Старженецкой мы беседуем в ее мастерской на Чистопрудном бульваре в очень жаркий день июня 2010 года.

И.Ст. Я бы начала издавала. С 1989 года. С тех пор, когда мне случилось, работать в церкви.

В.Яр. В работе на церковь, должно быть, немало ограничений?

И.Ст. Я работаю свободно. То, что я делала в Тарусе, что я делала в Москве, — в этом никто меня не контролировал, была полная свобода действий. Я, конечно, придерживалась...

В.Яр. канонов?

И.Ст. Даже не столько канонов, а каких-то своих привязанностей в искусстве. Мне очень дорог Феофан Грек, Волоотово поле... Для меня это такие авторитеты. Я не могу сказать, что делала что-то против своей воли...

В.Яр. Ну а как же каноны, традиции, весьма жесткие, прориси?..

И.Ст. Нет-нет, нет никаких канонов! На самом деле, никто ничего про каноны не знает. Особенно если брать ранний XIV век. Каноны тогда только складывались... Вот, допустим, в куполе почти всегда располагается Христос Пантократор. Дальше идут там праотцы, пророки... Канон в расположении, в технологии, в иерархии — от небесной до земной. Но у каждого века были свои каноны. Ни по каким прорисам я никогда не работала.

Другое дело, что канон заключается в определенной иконографии, каком-то даже портретном сходстве. Ты не сможешь подать Спасителя в образе русского разухабистого купчика с курносый носом, даже если тебе захочется.

Мне это особенно интересно, потому что я портретист. Когда я делаю фреску, то выражаю свои интересы в области портрета. Вернее, просто не могу не перенести на стену свои впечатления. Мне люди интересны. И потому на фресках в храме Малого Вознесения «Крещение

Руси» так много портретов моих близких, друзей, там я даже Комелина включила где-то среди других... И прежде так делала...

Но я не могу сказать, что эта двадцатилетняя работа перетекла теперь в «Библейские холмы». Шла жизнь, я много ездила... Дважды, нет, трижды была в Сирии, в Иордании, в Ливане, в Египте на гору Синай поднималась в ночи... В Турции была незабываемая поездка в Каппадокию.

В.Яр. А как со Святой Землей?

И.Ст. А вот на Святую Землю, в Иерусалим как-то не случилось, не была до сих пор. Пока.

Если ты был в Иерусалиме, тебя потом с Сирию могут не пустить. А наоборот, кажется, можно. Ближний Восток, прародина всех культур, с общим древнейшим прошлым, — Палестина, Сирия, Ливан, Месопотамия — это все одна земля и одна история....

Здесь корень всей вражды, и все тут родственники. Тут Иаков переходил Иордан, а тут он боролся с Ангелом... Серия картин, навеянных Ветхим Заветом, появилась в воображении еще несколько лет назад... Тема пророков, провидцев будущего, прямого разговора с непостижимым, неназываемым, присутствует в моем воображении. Нет, не в воображении: в сознании, в душе... присутствует где-то в подсознании... Трудно даже объяснить, где.

В.Яр. А у тебя какие-то внутренние вибрации возникают, когда находишь этот единственный образ?

И.Ст. Ну как тебе это сказать... Я ведь это делаю не потому, что я решила это сделать: «Дай-ка я борьбу Иакова с Ангелом отображу в художественной форме». Нет. Я это делаю, потому что не могу не сделать. Если я это вдруг увижу, то уже запечатлеваю, это является... И вот, сначала «Песнь Песней» явилась мне сразу, целиком. Мне оставалось только перенести на бумагу.

Весь изобразительный ряд, свет, цвет, тон, ритм, сразу пришли. Мы совсем случайно на какой-то выставке встретились и познакомились с отцом Леонидом Гринхелесом. Нас как-то вынесло друг на друга, и он мне начал рассказывать, что только что был на Святой Земле и после этого, полный впечатлений, сделал свой перевод Соломоновых песен. Я не могу сказать, что была захвачена рассказом; так, случайный разговор на выставке. Но буквально на следующий день меня это зацепило таким образом, что уже через неделю я ему позвонила и сказала: я к вашему переводу уже почти все сделала. Потом я, конечно, что-то исправляла, меняла, но главный ход я нашла сразу...

Но на твой вопрос: как я пришла к «Библейским холмам?» — ответу: сначала я прошла, «проездилась»,

по земле Древнего Востока. Это ведь, в сущности, очень маленькая часть Земли, но совершенно особенная. Там такая простая, суровая *первозданная* красота. Понимаешь, чувствуешь — да, это место для встречи человека с Богом. Я об этом немного писала в книге «Двое в лодке», есть там несколько абзацев.

Из книги Ирины Старженецкой «Двое в лодке»:

...Природа минимальная, древнее и незавершенное — пейзаж Ближнего Востока. Эти камни и песок так много видели в веках: смену цивилизаций, множество войн, а земля и небо все такие же. Я люблю думать про Восток, который от нас на западе. То повсюду черный базальт, то розовый песчаник, как в Пальмире, в сирийской пустыне, ближе к Евфрату, то серая каменная пустыня, где храм Симеона Столпника или античный город Аппамея. Но в России другие масштабы, *много подробностей природы*, и кажется, что до неба далеко. На Востоке оно почти рядом, отшельники складывали столпы и жили в небе. Русская печаль так далеко до небес. Во второй главе Деяний Апостолов упоминается много городов и провинций, в том числе и Каппадокия. Какой она была тогда? И почему она, вскоре к IV веку, стала центром становления христианства? Василий Великий, Григорий Богослов, а затем вся эта отнюдь не малая область превратилась в великое множество монастырей. Может быть, потому, что удалена от центров — от Рима и Константинополя? Во всяком случае, и сейчас можно судить о значении и масштабе Каппадокии в христианском мире, видя ту веру, рукотворное и нерукотворное усилие монахов — величайших художников, воплотивших на земле, даже внутри земли, то есть выкопав, прорыв в горах множество храмов потаенных, иногда трудно доступных, расписанных подчас многосложно, иногда совсем архаично, где-то без росписи вовсе, а где-то столь совершенно артистично, что можно восхищаться движением кисти художника, тональным напряжением, в то же время скупостью цвета. Белый, черный, охра, сиена и, возможно, земля зеленая.

Сейчас это центральная Турция. Ни одного действующего христианского храма, в отличие от Сирии и Ливана, где с древности христианство уцелело.

«Люди воображают, что мозг находится в голове. Но он приходит со стороны Каспийского моря». Гоголя могу читать с любой строки, с конца, с середины. Как же мы счастливы, что Гоголь писал по-русски, думаю, перевести это совершенно невозможно! Гоголь и Достоевский меня сформировали, в них есть все: и Россия, и человек, и высокое, и низкое, и Любовь.

Из дневника И. Старженецкой:

Сегодня воскресенье. 4 февраля. Неделя о Блудном сыне. Отец Василий с амвона говорил, что в этой притче все о взаимоотношениях человека с Богом. Блудный сын может стать истинным сыном, а тот, который всегда рядом, может оказаться рабом... Почему Христос говорил притчами? Чтобы не давать рецептов, не назидать, оставляя поле творчеству. Так за двадцать веков накопилось столько разных толкований — совсем запутаться можно. А понять сердцем?.. В середине 1970-х я совершила для себя открытие, что пространство холста — это не плоский прямоугольник, что его можно и нужно проломить, просунуть внутрь руку, голову, уйти в небо, в горизонт, в реку. И это пространственное разрушение плоскости холста меня захватило. В конце 1980-х я вдруг открыла силу цвета: он самодостаточен, содержателен, эмоционален, мне хочется довести цвет до упора. Цвет, освященный светом. Свет творит форму. Свет, окрашенный смыслом цвета, тональный разрыв, глубины темного.

Жизнь богаче воображения. Я ничего не способна придумать, втиснуть в мир свою идею, пока не увижу ЭТО наяву, холст не отягощаю своим Я. Человек — восторг природы; от избытка сил тщится познать себя, дыхание мира, этим заглядывая в вечность.

В.Яр. *Возвращаюсь к беседе 25 июня 2010 года. Мастерская. Душно, открытые окна, внизу рыжие крыши меж зеленых крон, чуть подальше сияет куполами Кремль. Ирина поит меня чаем, заботливо делит единственный помидор — сейчас, летом, она в мастерской не работает, нагревается крыша, душно. Работает она в своей любимой Тарусе.*

И.Ст. И вообще я тебе скажу: иногда встречаешься с человеком, разговариваешь с ним и вдруг через него что-то увидишь, поймешь невероятное. Такие встречи у меня нечасто — но были. Я помню, мыплыли на катере из Тарусы на дачу Рихтера, был там с нами философ Борис Коваль и его дочка была. И она мне все рассказывала про облака, про циклоны, про то, как сложно устроена атмосфера... И неожиданно для себя я потом написала четырехметровую картину с облаками, так меня как-то эта тема вдруг прокосила. Без этой встречи, этого случайного разговора, я бы не заметила дивное, непрерывно меняющееся от идиллического до грозного, небо. А вообще-то я очень восприимчивый человек; я люблю ездить в электричках, смотреть на людей: на чьи-то руки, тонкие запястья, хрупкие щиколотки, на то, как кто-то двигается, на сумки эти, — и рождается вдруг образ. Как возникает — непонятно. Но выскакивает откуда-то. А солидно, по графику

сесть и заставить себя работать («сяду-ка я поработать») я совершенно не могу. Работа сама меня к себе тащит. Это должно прийти сразу, абсолютно — притом и тон, и цвет, и форма, и сюжет — все вместе в целостности, трудно даже тебе сказать.

Вот делала я Песнь Песней царя Соломона, и там у меня есть изображение Соломона. Как я его нашла? Я уж потом увидела-вспомнила, что есть такой Ваничка Великанов, внук отца Ильи Шмаина, который был другом владыки Антония Сурожского... Этот отец Ильи — тоже замечательный человек, в молодости был такой же, как царь Соломон; понимаешь, он даже в старости был невероятно красив. Эти глаза огромные, библейские, синие глаза с вот такими ресницами! Ваничка похож на своего деда... Конечно, он несколько мельче, чем, видимо, дед... Я сначала это сделала и потом поняла, что я это видела в том человеке... Это на каком-то подсознательном уровне в меня туда «въехало». Вот почему я говорю, что я до библейской темы дожила и доросла. Потому что какая-то память уже срабатывает, все, что накопилось в голове. И накопленное работает.

В.Яр. *Это и не на уровне памяти; ты и не вспомнишь, а рука помнит...*

И.Ст. Понимаешь, я думаю: как же так, царь Соломон-то вышел, наверное, потому, что я знала отца Илью. Так мне кажется... Но я знаю, что из *воздухов* сделать невозможно. С моей точки зрения. Конечно, есть художники-абстракционисты, которые отвлеченным образом могут все это сделать; но у меня это связано с какой-то субъективностью, опытом. Предо мною, видимо, должен стоять какой-то конкретный все-таки образ, какое-то прежнее переживание.

Потом была книга Руфи, моя любимая.

На фоне кровавых междоусобиц, геноцида, невероятной древней жестокости, спокойно описанной, скажем, в «Книгах Царств», вдруг — коротенькая книга Руфи. Очень мирная, умиротворенная, нежная. Книга о верности и любви. Вот начало Руфи в переводе отца Леонида:

«Это было в те дни, когда правили судьи. И случился голод в стране. И пошел человек из Вифлеема Иудейского, чтобы переселиться на поля Моавитские. Вместе с ним пошла его жена и двое сыновей. Звали того человека Елимелех, а его жену-Ноемины, имена же двух его сыновей — Махлон и Хилеон. Они были Еффрафяне из Вифлеема Иудейского.

И пришли они на поля Моавитские и обитали там. И умер Елимелех, муж Ноемини, и осталась она с двумя сыновьями. И взяли они жен Моавитянок, одну звали Орфа, другую Руфь. Прожив там примерно десять лет, умерли

6. И сказал тот родственник: - "Не могу я взять ее себе, не повредив при этом своему умению. Выкунай себе то, что надлежало мне выкупить, потому что я не могу выкупить."

7. А прежде так было у израильтян при выкупе или обмене, чтобы убого сделать какое-либо дело, снимал человек свою обувь и отдавал другому, это было у израильтян подтверждением.

8. И сказал тот родственник воозу: - "Возьми себе" - и снял свою обувь.

9. И сказал вооз старейшинам и всему народу: - "Сегодня вы свидетели, что я приобретаю у Ноемины все, что принадлежит Еммелеху и Махлону с Хилеонот. 10. А также Рувь поводителю, жене Махлона беру себе женою, чтобы восстановить имя покойному в его умении, пусть не исчезает имя покойного среди братьев его и у врат дома его. Вы свидетели сегодня."

11. И сказал весь народ, что был у врат, и старейшины, призываемые в свидетели: - "Пусть Господь сделает жемину, вошедшую в твой дом подобно Рахили и Ми, что вдвоем отстроит дом Израилю. Буть славным в Ефреме и славным в Вифреме. 12. И да будет твой дом, что произойдет от потомства, которое даст тебе Господь от этой юной жены, как дом Фареса, рожденного Фамарью Иуде."

13. И взял вооз Рувь, и она стала ему женою, и вошел он к ней, и Господь сподобил ее понести, и родила она сына. 14. Тогда сказали жемини Ноемини: - "Благословен Господь, который не обидел тебя нище наследником. Пусть его имя прославится в Израиле. 15. Опорою и заботою будет он тебе в старости, ведь"

также оба — Махлон и Хилеон. И осталась та женщина без своих мальчиков и без мужа».

Ну, ну, а дальше решила Ноеминь вернуться домой, и снохи упростили взять их с собою на чужбину. И зажили вместе. Потом Орфа вернулась на свою землю, а Руфь осталась. Чтобы не умереть с голоду, пошла она собирать колоски по чужим полям. И хозяин полей, родственник покойного Елимелеха Вооз, человек состоятельный, не прогнал ее, позволил ей собирать эти колоски, а потом, соблюдая все обычаи, взял ее в жены, чтобы «не исчезло имя умершего»... И Господь сподобил ее понести, и она родила сына, и нарекли мальчика Овидом. И был этот Овид отцом Иессея, а тот — отцом Давида. Вот и весь сюжет этой бесхитростной, но такой благородной человеческой истории... Я как-то увидела все сразу, в терракотовых тонах этой земли. Но у отца Леонида тоже сложился какой-то свой визуальный образ переводимого текста. И он за него со мной боролся... Но в конце концов согласился, книга ему понравилась. Потом принес новый перевод... Это вообще моя любимая книга... Я помню эту красную Иорданию, мне кажется, все это происходило именно там... Может быть, если бы я там не была, и книги этой бы не было. Зачем-то же я на верблюде поднималась на гору Синай... Это гора. где Моисей получил от Бога скрижали...

В.Яр. *Я недавно побывал в Израиле, там у людей особые отношения с Богом, они о нем анекдоты рассказывают. Моисей пришел на гору Синай и попросил Бога дать его племени закон. И Бог дал. И спросил Моисей: сколько стоит скрижаль Завета? И Бог ответил: ни сколько. Тогда Моисей попросил: дай две.*

И.Ст. Да, две... Синай — это отдельная сказка. Когда ее видишь, понимаешь сразу, что это именно *та* гора. Когда я попала на Синай, я поняла, что евреи невероятно мудры уже тем, что они не создали никакого искусства. Потому что перед Синайским полуостровом искусство меркнет. Он сам по себе невероятен. Синайский полуостров — *неописуемое* место. Ты там действительно идешь на какую-то Встречу. Может, там, в этом регионе, какая-то геомагнитная аномалия, не знаю. Сначала я прочла рассказ Улицкой, как она туда поднималась и чуть не умерла. Ну, думаю, это не ко мне, я-то по горам давно хожу... Она там пишет про толпу туристов, все с фонарями... У меня все было не так. Во-первых, мы ездили очень маленькой группой. Ночь. Те, кто помоложе удрали вперед. И остались мы вдвоем с некоей Лидочкой. И вот, мы идем и идем в ночи. Нас двое. Мы быстро сбились с пути. Хорошо, что нас догнал переводчик. Потом меня начало крутить: ну просто умираю. Он не знает, что делать: надо со мной возвращаться, а как бросать Лидочку? Но назад далеко,

а вперед еще дальше. Я твержу: вперед, пойду вперед. И вдруг из темноты появился верблюд. Посадили меня на этого верблюда и пошли выше и выше, а верблюд идет по самому краю пропасти... Но я совершенно не боюсь высоты. И было так красиво. Полная противоположность рассказу Улицкой. Никого: только верблюд, погонщик и я. Сначала было жарко, потом все холоднее; у меня был рюкзачок, я вынула куртку — пуховик, с каждым шагом верблюда вверх — все холоднее. Надела куртку — и во-от такая луна, во-от такие звезды! Дивная красота, а мне так плохо, но вот отпустило, видимо, какие-то грехи, что ли, из меня вылезали... Я поняла, что просто я проходила через огонь — внутренний, через невероятную красоту и одиночество. А на самом вершине начался бледный рассвет, этого впечатления не передать... Как после этого не погрузиться в библейскую тему!? Синай меня совершенно поразил. Книга Руфи у меня Синаем как-то навеяна, Иорданием... В Сирии я была, она такая песчаная, то серая, то розовая, страна невероятной и дикой красоты. Представляешь: все из базальта. Ограды для скота, дувалы, скотные дворы... То все из серого песчаника, а чуть дальше — все из розового.. Идешь, какой-то забор из базальта отгородил овец, и куски античных колонн с капителями торчат. А Иордания вся такая густо-терракотовая, там такой камень, знаменитая Петра, дворцы, целиком вырубленные в скалах... Вот что я накопила, и в этих книгах, видимо, отразилось. В Дамаске потрясающий музей. В Каире музей такой, что там на всю жизнь задержаться можно. Несмотря на то что Франция вывозила, англичане вывозили, но там всего еще так много... А в Сирии сколько дивных чудес!

Страны, целиком построенные из остатков древних культур. Но древние оказались сильнее, и потому там стоят мертвые города. Начнут копать — тут Медуза Горгона, тут капитель, скульптура, сквозь землю тысячелетия истории просвечивают... Там была периферия античного мира, и античность здесь такая... деревенская, простоватая, искренняя.

В.Яр. *Что такое Новый Завет для тебя в сравнении с Ветхим Заветом, — в изобразительном плане, в цветах?*

И.Ст. Видишь ли, я начала с Нового Завета, с Христа, с церковью. И потом спустилась — или поднялась? повернула? — к Ветхому Завету. Новый Завет — это небо, это синий цвет. Ветхий Завет — терракота, глина, это земля, это скалы, это выделение человека из природы. В изобразительном смысле легче работать с Ветхим Заветом, мало с этим работали художники все тысячелетия. Поле деятельности почти свободно, тогда как в Новом Завете множество ограничений. Какая богатая традиция, какая

иконография! Византия, греческие, русские, тринадцатый, четырнадцатый век, от этого совершенно невозможно оторваться.

Я когда писала фрески или что-то делаю на бумаге, стараюсь осмыслить сакральность цвета. Форма уже дана, я могу, конечно, ей более свободную интерпретацию дать. Но вот цвет я могу заложить свой. Особенно сейчас. Меня очень удручает современная икона, потому что в ней всё стремятся раскрашивать. Получается очень сухо, без души и смысла. Переносятся подлинники. Но ведь там заложен смысловой глубинный ряд цвета, его нужно попробовать воссоздать, как молитву.

Когда я писала в Тарусе церковь Воскресения Христова (сейчас там уже потолок протекает, сырость), сначала отец Леонид смотрел довольно мрачно... Но теперь, по прошествии двадцати лет, он считает, что лучше не бывает. Как-то она уже прижилась на стенах... А сейчас он зовет меня работать в соборе Петра и Павла (он тоже восстановил!) и дает полную свободу действий. Даже если ему не очень нравилось, он не вмешивался. Это замечательно. В Москве, в храме Малого Вознесения, покойный отец Геннадий Огрызков тоже давал творческую свободу, доверял художнику.

В.Яр. Он был человек очень глубокий. Я его очень любил. По-настоящему добрый, радостный.

И.Ст. Когда я первый раз пришла к нему, он сказал: я вас знаю, вы Ирина-художница. Мне так понравилось. Ирина-художница...

И.Ст. В Каппадокии сейчас поняли, что из этого можно извлекать деньги. Туристы поехали. Но на фресках глаза-то все повыцарапаны...

В.Яр. Я много раз бывал на северном, турецком непризнанном Кипре, вот и сейчас опять был в Фамагусте, Киринее (Гирне по-турецки). Все вроде благопристойно, дороги приличные, таверны, рестораны, туристские объекты, доброжелательный прием. Но вот, скажем, в Киринее прекрасно сохранившаяся венецианская крепость, теперь музей. Прекрасный музей, там даже уникальный экспонат есть: поднятая со дна моря древнегреческая галера с амфорами; не знаю, где еще есть такие экспонаты. А внутри венецианская церковь, двенадцатого века, прекрасно сохранившаяся, но в печальном запустении...

И.Ст. Справедливости ради надо сказать: христиане первые разрушили такое количество античных памятников, и тоже выкалывали глаза, обрубали носы, руки скульптурам, закапывали их во рвах, выбрасывали в

море, храмы растаскивали на блоки и сооружали новые, уже христианские церкви.

В.Яр. Да, это очень видно и в Риме, и в Пизе...

И.Ст. В Александрии очень многое уничтожили... В Египте богине Хатхор глаза выкололи... Видимо, в человечестве заложена какая-то нетерпимость к старым ослабевшим богам. Уничтожаем предыдущее, строим новое. Эта серия книг у меня началась с Омара Хайяма. Я сначала сама текст написала, но получилось очень плохо. Потом Толя написал, у него шрифты замечательно получаются, он их в камне делает, так они его слушаются.

В.Яр. А не хотелось бы рисунки монтировать с арамейским текстом, как это делал Мэл Гибсон в кино?

И.Ст. Отец Леонид не захотел по-арамейски, и здесь на обложке — это не по-арамейски, а по-финикийски. Самый древний алфавит, может быть... Он не захотел. Сама графика этих языков соответствует этому аскетичному пейзажу, этим камням. Графика этих знаков подразумевает, что их процарапывают в камне, а не легкими движениями воздушного пера...

Искусство зарождалось с самого простого. Прежде чем на Востоке начали писать невероятной вязью, они тысячелетия употребляли клинопись. Древние тексты (не арабские) на камне были очень простые, без округлостей, прямые начертания знаков. Со временем, по мере того, как люди богатели, они требовали все большей изощренности, все большей красоты. Дошли до мейсенского фарфора.

В.Яр. Не любите?

И.Ст. Просто это не моё. Музыка соотносится с изобразительным искусством, и когда дошли до восемнадцатого века в музыке, до мейсенского фарфора.

В.Яр. Поговорим про книжки. Про Песнь Песней, про Суламифь и Соломона.

И.Ст. (листая альбом). Это Суламифь. Там все время идет, как мне кажется, нежный и печальный диалог. И они никогда не встречаются! Она снизу смотрит на него, он на нее откуда-то сверху... А слова, слова-то какие: золото, камни драгоценные. Текст сияет, вибрация сияния от этих слов. Всего лишь слова, к тому же не первозданные, а перевод, и камни-самоцветы не реальные, а знаки камней. Сияющие слова. «Глаза его — как голуби при потоках вод...» Они — Соломон и Суламифь — никогда не встречаются. Они — воплощение нежности, захлебываясь, сравнивают друг друга всё с большим совершенством, с невиданными, сияющими драгоценностями... Там, в их мире, какая-то вечная весна, цветущие гранатовые сады, а ведь это пустыня! Пастухи. Какой-то столп света идет от этого текста, стоит только раскрыть страницу. Вот этот желтый — это золото. В шестой главе 3-й книги Царств

есть описание Храма Соломона, которое поражает: «...в четвертый год царствования Соломона над Израилем, в месяц Зиф... начал он строить храм Господу...»

Описание, с одной стороны, очень конкретное: храм «длиною был в шестьдесят локтей, шириною в двадцать и вышиною в тридцать локтей»; с другой — при всех подробностях: про кедровые стены, пол, обложенный кипарисовыми досками, лестницы, решетчатые окна, «весь храм он обложил золотом»... Образ не складывается... Вырезанные из масличного дерева херувимы, распускающиеся цветы, обложенные золотом, золотые цепи... никакой конкретики, но есть ощущение Храма...

Говорится о каком-то синем, о пурпуре, виссоне, о слоновой кости. Вот я и пытаюсь — у меня здесь до некоторой степени образ внутри храма Соломона, тайна, Он, «обитающий во мгле». Ложь Соломона или трон его?

«Паланкин себе сделал царь Соломон из ливанского дерева, /столбики сделал из серебра,/ подстилка его шита золотом, /покров его пурпур, а изнутри/ устлан он с любовью дочерьми иерусалимскими».

Там же, в Песни Песней, Суламифь говорит, что у него глаза как синие камни. А губы его багряны, «граната разлом твои щеки...»

Я этого не сделала — рубиновых губ, — но перенесла на соседнюю страницу — это сочетание синего и рубиново-красного. Мне мой друг говорит: сижу, разучиваю твою книгу наизусть, и когда долго читаешь, всматриваешься, все выстраивается. Начинает сиять. Меня поразило, то, что они никак не встречаются...

*Поднимусь, обойду-ка город,
по улицам, по площадям.*

*Буду искать того,
Кого я люблю всей душою.*

Искала и не нашла.

Стражи меня повстречали,

*Дозор городской: «не видали вы,
кого я люблю всей душою?»*

Я вообще-то воспитывалась в абсолютно русской, даже антисемитской семье. Но очень люблю своего отца, который был голубоглазый, живой, наивный... Еврей. Профессор живописи в Ленинграде.

Я преподаю в ГИТИСе, у меня есть две студентки-еврейки, обе очень красивые. Вот с такими глазами, синими белками — словом, фаумский портрет... Все, что я в картину вожу, все это вокруг меня живет, бродит. Вот так возникла Суламифь. Это не в прямом смысле Валя, но некоторое сочетание Вали (постарше) и Сашеньки.

В.Яр. *Фотоаппаратом не пользуешься? Один мой приятель очень активно фотографии применял в своей живописной работе.*

И.Ст. Нет, фотоаппарат не люблю. А когда делаю ланконичные зарисовки, я уже делаю отбор. Отбор образа, целого состояния. А фотоаппарат такого отбора не делает, и он меня не заводит... Я вижу все не так. С фотоаппаратом я не смогу сделать отбор. Когда я смотрю в мир, я уже выбираю. Один увидит одно, другой совсем иное. А камера отбора не делает. Я один раз брала с собой фотоаппарат. Прокляла все на свете...

В.Яр. *В каких-то особенных местах и правда мало фотографировать. Хочется зарисовать. И я так делаю, хоть и не художник. А какие-то вещи вообще в принципе не втиснешь в фотокадр. Вот недавно был я в Израиле, в крепости Масада. Стоит крепость Ирода Великого на отвесной скале, над дорогой вдоль Мертвого моря. Ее римляне измором брали, защитники все друг друга перерезали, но врагу не дались. Легенда и гордость Израиля. Я фотографировал — эти скалы, это небо, эти развалины, осадную насыпь, но образ не дается. А над горой Фавор, где свершилось Преображение Христа, там и правда такой свет! Фаворский свет. Ни пленкой, ни мегапикселями нехватишь...*

И.Ст. Это место на земле — Святая Земля, Ближний Восток, Аравия, Израиль, Сирия, Ливан, Междуречье — какое-то совсем особенное. Самое раннее христианство... В Дамаске сохранился дом Анании, он совсем в землю ушел... И еще там есть монастырь святой Феклы, настоящий, первый; там такой разлом в скалах, недалеко от Дамаска. Как он стоит — это надо видеть.

Из книги «Двое в лодке»:

Христианство Большой церкви утратило свой творческий, первоначальный смысл, оно стало имперским; все найдено, Истина непреложна. А в чем она? Дерзновение битвы Иакова с Ангелом порицается — недопустимо! Только так и никак иначе — это власть. На Ближнем Востоке сохранились раннехристианские церкви, я не могу разделять или не разделять их верования, но эти церкви мне дороги, я им верю. Уж слишком широкими вратами мы входим, а надо бы — узкими... И то, что Людмила Улицкая в своем романе «Даниэль Штайн, переводчик» поставила такой вопрос, для меня очень ценно. Я генетически и кровно принадлежу Русской Православной церкви, у меня нет никаких сомнений, но порицать сомнение, дерзновение — никак не могу. Если бы не Таруса, я бы хотела куда-нибудь туда.

В Сирии засуха совершенная; но как-то в марте месяце вдруг пошел такой ливень — я думала, нас смочет.

Земля там такая, что не принимает эту воду. И мы ехали по пустыне, под невероятным дождем, по разливанному морю в потоках воды... Вода никуда не уходит, автобус плывет... Потоп, Всемирный потоп. Или я помню песчаную бурю, где земля с небом мешаются. Иордания — там тоже земля не принимает воды...

Листаем книгу.

Суламифь. Это очень печальная история, на все времена. Она мечется, ищет своего любимого, драма в душе ее происходит.

*Искала его — не нашла,
Звала его — нет ответа.
Стражи меня повстречали,
Дозор городской — избили,
Побили, стащили с меня
Стражники стен покров мой.*
(Перевод протоиерея Леонида Грихилеса)

Видишь, это птица. Птица — это очень сложный образ, сакральный, это душа.

В.Яр. *И сколько рисунков ты сделала к этой книге?*

И.Ст. Семнадцать или восемнадцать... все и вошли.

А этот треугольник... видишь ли, там есть, если вчитаться, на обочине сюжета какая-то неописанная драма. Есть у Суламифи младшая сестра — это полная загадка... Трактований на каждую фразу Ветхого Завета многие тома; тысячелетия вдумывались в текст сонм мудрецов; можно запутаться совсем, если читать трактования. Но если просто свежим глазом читать текст — воспринимаешь его как любовную лирику, самую пронзительную из всех, какие когда-либо были написаны. У Набокова есть роман «Ада, или радости страсти». Там две сестры, которые любят одного человека... Толстый роман, очень красивый, очень закрытый. И там есть эта сложная история, которая невыразима; сестра, которая смотрела на любовь двоих, трагически погибает, потому что такая любовь — она это понимает — недостижима. Эта тема мне и здесь как-то видится... Я не такой человек, чтобы делать много вариантов. У меня вариант всегда один. Я читаю и делаю рисунок, читаю и делаю рисунок. Я могла прожить этот отрезок жизни вот так. Если мне сказать: сделайте еще пять работ — я не смогу. Пришло и ушло.

А «Библейскими холмами» я назвала свою серию рисунков, потому что есть знаменитая книга Эриха Церена «Библейские холмы», я могу читать ее с любой страницы... Тут объединены три темы, поэтому я так и назвала альбом: «Библейские холмы».

Это Руфь...

Я часто пишу в саду Паустовских. Там у них была такая Нина Самуиловна, старенькая, она всё в саду возилась. Еврейка совершенно библейская. Я ее зарисовала. И она попала в эту книгу. Так что это тоже — не из голы, а из жизни.

Это Руфь: такие красные горы, как будто они из сердоликов все сложены.

«Ты иди, чтобы никто тебя не увидел»...

А вот уже христианский сюжет. Они все связаны... И альбом «Библейские холмы» я заканчиваю Новой вестью. Благовестием, что будет Рождество Богородицы, и вознаграждены будут Иоаким и Анна... Мне хотелось усилить цвет, довести его до максимума интенсивности, в соответствии со значением Вести. Подчеркнуть главенство цвета, через который приходит смысл. И все кончается у меня сошествием Спасителя во ад, в том смысле, что мир теперь пересудится по закону Христову. Над этим я давно думаю...

А вторую книгу — «Начало Бытия» — я делала по первым одиннадцати главам книги Бытия (в переводах Леонида Грихилеса). От отделения света от тьмы до вавилонского рассеяния. Это бесконечно интересно для современного художника — попытаться изобразить начало бытия. Ближе к задачам науки.

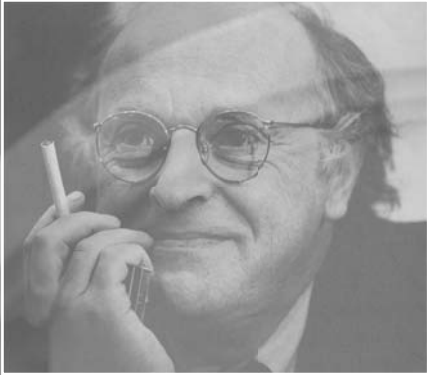
В.Яр. *Ирина, у меня такое чувство, что эти две книги, своего рода эскизы, подступы к грандиозной росписи в каком-нибудь новом христианском храме. Я как-то побывал на Сицилии, в знаменитом соборе в Монреале, где великолепной мозаикой выложены полторы тысячи квадратных метров стен и потолков, вся история от Сотворения мира до Сошествия в ад. Это было незабываемо. Вы бы хотели воплотить это на стенах?*

И.Ст. Может быть, не знаю. Хватит ли сил провести еще несколько лет на лесах...

В.Яр. *При всех разговорах о плюрализме и демократичности художественной среды, она очень тоталитарна. Как вам живется в ней?*

И.Ст. Кураторы и искусствоведы, как правило, поддерживают только модные тренды, то, что продается, пишут об этом. Они выставляют, они пишут, они оценивают, они и продают. Они с таким презрением относятся к тому, что вне парада мод... Я член Российской Академии художеств, лауреат Госпремии, много работаю, выставляюсь, мне жаловаться грешно, я и не жалуясь. Но внимание публики можно привлечь только скандалом, кунштуком, каким-то вывертом. Глубина и простота мало кому нужны. Надо обязательно быть или хотя бы выглядеть циником. Любить очень трудно, а презирать всё — легко легкого.

Беседовал **Виктор Ярошенко**

ЮБИЛЕЙ БРОДСКОГО

Самуил ЛУРЬЕ

Поздравляю себя! — написал Иосиф Бродский. — Сколько лет проживу, ничего мне не надо. Сколько лет проживу, столько дам за стакан лимонада. Получилось — 56. И счетчик сразу раскрутился обратно: вот уже натикал 14 лет сдачи. Так дешев лимонад. Все литераторы в подлунной завидуют Иосифу Бродскому. Особенно — поэты. Некоторые — до потери лица. Не из-за Нобелевской, конечно, куда она денется — и не нужна на фиг. А — как свалил. По-быстрому. По-американски. Успев сказать, что нельзя его больше любить, — и не дав ответить. А также никому не доставив долгожданного праздника носоглотки — с улыбкой искреннего прискорбия вздохнуть: увы! у нас непобедимых нет! Ушел, как пришел, — последним гением. Что бы ни значило это слово, больше не нужно. Самое главное — прежде чем позабыл код доступа к тому участку мозга, где мысль иногда вдруг идет, как игроку — карта, и требует от внутреннего голоса неиспользованных частот. И теперь ему даже юбилей не страшен. Пускай изучают на здоровье — с кем спал и какие применял средства стиля. Кстати о средствах: он был наш, он писал фантастику. (Между прочим — самую настоящую: «Post aetatem nostram», «Мрамор», «Демократия!») Вот только догмат о множественности миров не был для него литприемом: Бродский чувствовал единственность мира, как его роковой изъян. И как залог неизбежно горестной участи человека. Вечно мы ставим на комплексное число вида $x + iy$ — и вечно проигрываем, потому что в реальности — не как в математике — u , u вы, всегда = 0, и т. н. мнимая единица (i) не пляшет. Некоторым умам это причиняет боль. Бродский описывал мир как боль и представление. Не как то, что есть. А как то, что нам остается. Если из всего вычешь всё, чего нет, останется только то, что есть, — и это всё. За каждой вещью тянется подобный тени темный след одного из модусов ее небытия. Я думаю, с Бродским случилось вот что. Всю жизнь он наугад набирал номер Создателя Вселенной. После сотысячного гудка раздался щелчок, и автоответчик сказал: *меня нет*. А жизнь превратилась в фантастический роман и скоро кончилась. Как странно — только сейчас вспомнил — первое прочитанное мною (в 1960-м) стихотворение Бродского... полудетективный сюжет, именуемый — жизнь. Пришлите мне эту книгу со счастливым концом! Ему прислали.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

6 апреля 2010 г. в Санкт-Петербурге, доме-музее А.А. Ахматовой (Фонтанном доме) при большом собрании публики состоялся вечер журнала «Вестник Европы», посвященный памяти Е.Т. Гайдара. Вечер вели Главный редактор журнала «Звезда» Я.А. Гордин, писатель и критик С.А. Лурье и главный редактор журнала «Вестник Европы» В.А. Ярошенко. Замечательному писателю и историку Я.А. Гордину была вручена Карамзинская медаль «Вестнику Европы», которая присуждается «за выдающиеся достижения в европеизации России». Это была последняя сессия присуждения карамзинских медалей, в которой участвовал Е.Т. Гайдар.

Рональда Вениаминовна Зеленова

Вечер был организован представителем нашего журнала в Санкт-Петербурге **Рональдой Вениаминовной Зеленовой**, юбилей которой отмечался в этом же музее 11 мая. «Вестник Европы» присоединяется к поздравлениям!

В Германии проходят торжества по случаю 450-летия государственных музеев Дрездена. Замечательная программа выставок, конференций и культурных акций растянута на весь год; мы расскажем об этих событиях в следующих томах «Вестника Европы».

Один из старейших и самых значительных музейных комплексов Европы — ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОБРАНИЯ ДРЕЗДЕНА — приглашает на юбилейную экспозицию «Будущее началось в 1560», которая торжественно открыта в апреле 2010 года в Дрездене.

Москва не избалована художественными выставками высшего уровня; такие у нас бывают даже не каждое десятилетие.

Тем значительнее событие, происшедшее этим знойным летом: в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина открылась поистине выдающаяся экспозиция картин из Будапештского музея Искусств. Несколько лет назад, будучи в прекрасном городе на Дунае, мы были восхищены богатством

Дюрер

и качеством его художественного собрания. Великолепный музей, построенный, как и его московский собрат в начале XX века стараниями венгерской культурной элиты, собрал в себе самые лучшие коллекции венгерской знати; прежде всего семьи Эстерхази.

В Москву венгры привезли выставку «От Рафаэля до Гойи»; несколько десятков шедевров и каких шедевров: Рафаэль, Брейгель, Дюрер, Джорджоне, Тициан, Тинторетто, Мурильо, Сурбаран, Веласкес, Хальс, Ван Дейк, Рембрант, наконец знаменитая «водоноска» Гойи — и это совсем не полный список!

Джорджоне

Чего стоят три портрета юношей-сверстников, трех современников — Рафаэля, Джорджоне и Дюрера, написанные в ранние 500-е годы. Почему-то эти три портрета, три жемчужины выставки не акцентированы в экспозиции, но зритель все равно соберет их в своей виртуальной коллекции.

У нашей страны, к сожалению, сложная послевоенная история отношений с венгерскими сокровищами; в наших запасниках до сих пор находятся кар-

Рафаэль

тины из частных венгерских коллекций, реквизированных нацистами, а потом у них — советскими победителями. Наш журнал писал о драматической и сложной судьбе венгерских собраний, о шарошпатокской книжной коллекции, возвращенной несколько лет назад Венгрии. Доброе дело не бывает забыто — вот мы и получили эту выставку, поистине щедрый подарок венгерских друзей.

Теперь бы сокровища Дрезденской Галереи зазвать к нам в Москву — вот это был бы достойный и символический акт, скажем к 70-летию разгрома фашизма. Несколько лет назад мы обсуждали эту идею с директором государственных музеев Дрездена проф. Манфредом Роттом, и он тогда ее горячо поддержал. Поставить бы ее на практический путь дипломатов и культуртреггеров, — значительное могло бы быть событие.

В.Я.